НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

ДВА ОЧКА ПОБЕДЫ

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

ДВА ОЧКА ПОБЕДЫ

ПОВЕСТЬ

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1984

Р2
К 89

Рецензент *А. БРАГИН*, член СП СССР.

Кузьмин Николай.
К 89 Два очка победы: Повесть.— Алма-Ата: Жазушы, 1984.— 336 с.

Книга посвящена увлекательному миру спорта. В центре повествования — футболисты команды мастеров, представляющие рабочий коллектив крупного завода. Кульминационной точки сюжет достигает в напряженные матчевые минуты с зарубежными профессиональными спортсменами. Автор — казахстанец, ярко и увлекательно показывает процесс становления личности спортсмена, его бойцовских качеств, помогающих ему высоко нести знамя советского спорта.

Р 2

К $\frac{4702010200-27}{402(05)-84}$ 136—84

ТАЙНЫ СПОРТИВНОГО ХАРАКТЕРА

(Вместо предисловия)

Когда читаешь повесть о футболе, тебя охватывает хорошее волнение: надеешься не только почувствовать страсть спортивной борьбы, еще раз пережить все то, что видел на зеленом поле, но и разгадать «тайну» спортивного характера, «тайну» Бобровых, Яшиных, Стрельцовых, Нетто...— увидеть то, что скрыто от глаз болельщиков в повседневном труде, в обыденной жизни спортсмена.

Каков он дома, с друзьями, в семье? Каковы его человеческие качества, нравственные принципы? Автор повести, писатель Николай Кузьмин, по-видимому, хорошо знаком с футбольной жизнью. Не буду говорить о достоинствах, а может быть, и недостатках чисто художественной стороны произведения, поскольку я не профессиональный критик,— все ж должен сказать, что повесть в целом производит отрадное впечатление. Психология героев, специфика взаимоотношений между товарищами по команде, между игроками и тренерами показаны на страницах повести жизненно достоверно и интересно.

Пафос произведения, его внутренняя идея, как мне представляется, в том, что автор совершенно справедливо показывает: футбол — не просто развлечение для молодежи. Он несет в себе и важную социально-эстетическую функцию: воспитывает у молодежи, беззаветно преданной спорту, такие моральные качества, как честь и честность, душевная выдержка, способность отдавать всего себя делу. И это еще не все. Быть настоящим футболистом — значит развить в себе высокое чувство коллектива, товарищества, взаимопонимания и взаимопомощи. Более того, воля к победе, мастерство и другие необходимые спортсмену (да и любому человеку) достоинства развиваются вместе с чувством долга,

необходимости. В ответственных матчах от молодых людей требуется не только выдержка и мастерство, но и способность мыслить, а в международных матчах — и высокий патриотизм. Именно эти качества и развивает спорт. Без них победа не приходит. Умение побеждать воспитывается в неразрывной с высокими морально-нравственными достоинствами личности молодого человека.

Не боясь ошибиться, скажу: не только люди, увлеченные спортом, но самый широкий круг читателей прочтет повесть Николая Кузьмина с интересом.

Андрей СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта СССР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Передача была резкой, длинной, из глубины поля,— защитник, посылая мяч вперед, сыграл на обострение.

Выбежав на перехват из-за спины своего подопечного, Скачков мгновенно понял, что к мячу не успеет, не хватит трех шагов, чтобы остановить его в момент прикосновения к земле.

Атака сорвалась. Отбитый защитником мяч перелетел через Скачкова и опустился у него за спиной, где бежал Полетаев, футболист с девяткою на черно-белой, вертикально полосатой майке.

Скачков мог дотянуться до мяча головой, но не рассчитал своего прыжка... Знаменитый торпедовский центрфорвард, первый нападающий в сборной страны, с ходу обработал мяч и, разгоняясь, устремился на ворота. Два долгих трудных тайма он вел упорное единоборство со Скачковым, изматывал его рывками, финтил, оттягивался в линию полузащиты и вот, уже под самый занавес, все-таки дождался. Теперь он был неудержим.

Стремительно рванулись вперед и партнеры Полетаева. Один понесся направо, к угловому флагу, вытягивая на себя защитника, другой смещался левее.

Алексей Маркин, вратарь, заслоняясь рукой в перчатке, стоял, нагнувшись, и кричал что-то своим, показывал, кто из торпедовцев остался неприкрытым.

Скачков боялся, что торпедовцы сейчас мгновенно, по-хоккейному, разыграют лишнего.

Полетаев накатывался на ворота без помех,— никто из защитников, ни Стороженко, ни Батищев, не рисковали бросить свою зону.

Семен Батищев все же бросился навстречу Полетаеву, не выдержал. Однако толку-то! Не с его умением бросать-

ся обезвреживать такого форварда, как Полетаев. Скачков, догадываясь, что сейчас произойдет, готов был закричать, чтобы Семен смотрел на мяч, а не на игрока. Ну, так и есть!

Полетаев показал, что хочет уклониться влево, и, тут же бросив корпус вправо, разминулся с обманутым защитником. «Ах, Сема, Сема... Вот уж действительно: сила есть, ума не надо!»

Проскочив тяжеловесного защитника, Полетаев пересек черту штрафной площадки. Ворота оказались прямо перед ним.

Трибуны ревели. Каждый болельщик знал, что Полетаев бьет без подготовки и одинаково уверенно с обеих ног.

Оставалась надежда, что Полетаев отпасует мяч партнеру, освободившемуся от Батищева, а тому придется бить под слишком острым, выгодным для вратаря углом. Но — нет, напрасно. Уж кто-кто, а Полетаев такого случая не упустит.

Мяч был уже на взъеме хлесткой полетаевской ноги, когда к прорвавшемуся форварду успел широкогрудый Комов, страж центральной зоны «Локомотива», подстраховщик на последнем рубеже перед воротами. Он с разгону врезался в Полетаева — всей мощью своего тяжелого литого тела. Полетаева перед воротами как не бывало...

Пронзительный свисток судьи заглох в истошных воплях зрителей.

В грудь Комова толкали набежавшие торпедовцы, он отступал, махал руками и отругивался. Батищев помогал ему, загораживая его собой. Кто-то из торпедовцев уже попинывал его украдкой от судьи, Семен зверел, замахивался. Однако подоспел судья и решительно взмахнул руками.

Комов, небрежно уперев руки в бока, отошел к воротам и, пережидая, без нужды постукивал по штанге носком бутсы. На Полетаева, катавшегося по траве с поджатой ногой, он не глядел,— сам понимал, что снес его безжалостно, срубил как дровосек.

Кое-как судья утихомирил разгоряченных футболистов. И тут все увидели, что Полетаев не встает. На поле выбежали врач и массажист. А через минуту ребята подняли своего форварда и понесли за бровку. «Похоже, перелом»,— определил Скачков, покуда футболисты в полосатых майках укладывали Полетаева на беговой дорожке, сбоку поля.

Судья, распоряжаясь и поглядывая на секундомер, указал на белую отметку в одиннадцати метрах от ворот. Комов, точно его стегнули, бросился протестовать. Но низенький судья коротким властным жестом приказал ему убраться и замолчать. Что-то ворча и всем своим видом выражая несогласие, Комов никак не унимался и за спиной судьи доказывал Батищеву несправедливость наказания.

Не желая наблюдать, как будут расстреливать ворота, Скачков устало потащился к центру поля.

Ошибка с Полетаевым точно лишила его последних сил, и острым, выработанным за многие сезоны чутьем капитана он сразу уловил, что в слаженном механизме команды произошел предательский сбой, и виной тому был он сам. Износился, обессилел. И эту свою изношенность, утяжеленную еще и похоронным молчанием трибун, он тащил сейчас на своих плечах в центральный круг. Тяжело, невыносимо тяжело. Унизительно. И, главное, не первый раз. Неделю назад, на матче в Тбилиси, после примерно такой же ошибки, он сам попросил себе замену. Точно так он поступил бы и сейчас, оставайся до конца игры достаточно времени. Но судья поглядывал на секундомер, с заменой не стоило и заводиться. Он плелся к центру поля, не оглядываясь на ворота. Пенальти — верный гол. Разве промахнется исполняющий удар или измученному Алексею Маркину вдруг чудом посчастливится подставиться под мяч. И время, время на исходе. Уже не отыграться...

Затихшие трибуны следили за приготовлениями к наказанию. Скачков представлял, как посередине между штангами ворот пригнулся и окостенел несчастный Маркин. Потом раздался резкий щелк по мячу — и трибуны взорвались от крика. Все, чуда не произошло!

Несколько пар голубей, отчаянно махая крыльями, вразброд проплыли над зеленым полем, с усилием набрали высоту и потянули к городу. Скачков шел, опустив голову, и бесцельно глядел на твердые, обхлестанные о траву носки обношенных удобных бутс.

Впереди, над южной трибуной, еще продолжали гореть в окошечках нули, и Скачков взглядывал на них с какой-то затаенною надеждой. Собственно, на что было надеяться? В одном из окошечек что-то повернулось и вместо нуля ярко загорелась единица. Вот теперь действительно — все!

Торпедовцы, не торопясь, шли от ворот наказанной

команды на свою половину поля, брели не обнимаясь, не ликуя,— не оставалось сил. Им матч сегодня тоже достался нелегко.

Продолжать игру в оставшееся время не имело смысла, хотя в центре поля нервно переминался распаленный Владик Серебряков и подгонял, поторапливал товарищей занимать свои места. «Чего уж...— подумал Скачков.— Не успеть». Все же мяч поставили и разыграли, однако после первой же торопливой передачи судья, не отрывавший от секундомера глаз, вознес над головою руки и с облегчением дал продолжительный свисток.

Скачков чувствовал, как горит все его лицо. С ним заговаривали, он не отвечал. Скорее бы нырнуть в туннель. Досадный гол был в общем-то на его совести. Как он просчитался? Успей он вовремя на перехват, все получилось бы совсем иначе. Пускай даже ничья,— все-таки очко. А так... Третий матч сыграл «Локомотив» в нынешнем сезоне и пока не записал в таблицу ни очка,— одни «баранки».

Неудачное начало сезона угнетало его еще и потому, что в надеждах нового партнера «Локомотива» слишком многое было связано именно с ним, со Скачковым, с его возвращением в команду. В прошлом году он совсем было повесил бутсы на гвоздь, но снова вернулся к ребятам. Хотел помочь команде.

Но пока он не помогал, а больше подводил: и в Тбилиси, неделю назад, и сегодня.

Если бы можно было не появляться в раздевалке! Предстояло самое неприятное. Что там сейчас начнется, что начнется!

Впереди, мелькая новенькими бутсами, семенил судья. Черные трусы на нем были широки и спускались ниже колен. Судья отдирал на спине рубашку и шевелил лопатками,— сегодня пришлось побегать и ему.

Спуск в туннель усиленно охранялся милицией. Торпедовцы, радуясь победе, сбежали вниз одною дружной оживленной группой. Железнодорожники брели с поля разрозненно.

Сегодня, в день открытия сезона, все в городе жило футболом. Билетов не достать. На стадионе даже проходы были забиты. Так болельщики соскучились за зиму по футболу!

«Локомотив» все время давил и переигрывал. Игра

пошла как-то сразу, и торпедовцам, надеявшимся на легкую победу, приходилось туго. Верные возможности упустили Мухин и Серебряков. Были и еще моменты. По тому, как складывалась встреча, «Торпедо» оставалось надеяться лишь на ничью, не больше. И — вот! Надо же, на самой последней минуте!

Щелкая шипами по бетонным ступенькам, Скачков скрылся в туннеле. Сегодня каждый взгляд, каждое сочувствующее лицо вызывали раздражение. Уж лучше бы свистели и орали в упор!

В пустынном гулком переходе раздавался перестук множества обутых в бутсы ног, далеко впереди, не переставая, хлопала дверь.

Обидно, очень обидно проиграли,— не по игре! И проиграли, если прямо говорить, по его вине. Прозевал, как и в Тбилиси. Снова не хватило сил до финального свистка.

Кто-то из игроков, кажется, Павлик Нестеров, виляя телом, на ходу снимал надоевшую, липнущую футболку,— сердито тащил ее через голову. Медленно, как посторонние, брели в раздевалку запасные. В тренировочных костюмах, натянутых поверх футбольной формы, с бутсами в целлофановых мешочках, они тащились вдоль самой стенки, давая обгонять себя запаленным, только что с поля игрокам.

В раздевалке Скачков появился после всех. Команда утонула в креслах, отключилась начисто. У Виктора Кудрина, лежавшего с обморочным лицом, часто-часто, как у загнанного, пульсировал голый живот. На чистом, застланном ковровыми дорожками полу валялись раскрытые сумки, скинутые бутсы, измызганные футболки. В углу возился, укладывая в чемоданчик инструменты, тишайший старичок Кондратьич, сапожник. Ему здесь больше делать нечего, сейчас он соберется и потихонечку исчезнет. Если бы выигрыш, так он еще остался бы, послушал разговоры, вместе со всеми выпил чаю. А сейчас — не до разговоров, не до чаю.

Голый мускулистый Комов, озабоченно наклоняясь, вытирал смятой футболкой натруженные ноги и шевелил пальцами. Иногда он вполголоса говорил что-то Сухову, тот, в конец обессиленный, не отзывался на его реплики. Маркин, как был на поле в свитере, в перчатках, сидел с понурой головой и, подбрасывая кепку вверх, ловил ее на палец. Подкинет — поймает, подкинет — поймает... На его ноге во всю длину от бутсы до бедра чернела подсыхающая грязь. Сегодня он пластался, как никогда, и взял

несколько немыслимых, безнадежных мячей. Все, выходит, зря!

Проковыляв в свой угол, Скачков свалился в кресло, раскинул ноги, бросил руки. Сил не было даже стащить футболку. Вымотал же его сегодня Полетаев, будто подряд два матча отыграли. Что там, кстати, у него? Скверно, если перелом. И вообще все скверно. Открыли, называется, сезон!

С закрытыми глазами он лениво закатал футболку. Чаю бы сейчас, сладкого, горячего! Кому сказать, чтобы налили и принесли? Если бы выиграли, так в раздевалке было бы не протолкнуться. Сейчас бы уже чашки по две выдули...

Угнетенное молчание в раздевалке было в общем-то обычным, так всегда бывало после проигрышей, однако сегодня в нем угадывалось нечто необычное. Казалось, это было молчание людей, щадящих виноватого. Ему и в Тбилиси никто не сказал ни слова, все вели себя так, будто ничего не произошло, но такая деликатность команды ранила больнее любых упреков. Орать можно на молодого,— поиграет, научится,— а что толку пушить игрока, у которого все позади? Разве только зло сорвать...

Распахнулась дверь и долго не закрывалась, пропуская сразу несколько человек. Не меняя позы, Скачков скосил глаза. Шурша плащом, в раздевалку стремительно вошел Иван Степанович, старший тренер, за ним Арефьич, второй тренер, никого из посторонних. В комнате сразу стало тесно, хотя все, кроме Ивана Степановича, отошли за большой стол с макетом футбольного поля, на котором перед самым началом матча тренер, быстро двигая намагниченные фигурки, давал последние установки. Сейчас металлическая крышка стола с макетом поля опущена, на ней лежала чья-то пустая сумка и стоял оставшийся с перерыва недопитый стакан чаю с ложечкой.

Зашевелились в креслах, ребята выжидающе замерли. Все знали, что руководство команды было в раздевалке у торпедовцев.

— Увезли Полетаева. На «скорой»,— отрывисто сообщил Иван Степанович.— Перелом. Почти открытый.

Он остановился посреди раздевалки и, напустив на лоб седую прядь, удрученно замолк. Он машинально покачивал коленкой правой ноги да изо всех сил, словно норовя прорвать подкладку, засовывал в карманы кулаки.

Не выдержав паузы, сдержанно вздохнул Алексей Маркин и принялся вращать на пальце кепку. Анатолий Сто-

роженко, защитник, приподнялся в кресле и с неприятною гримасой, морща подсыхающее лицо, стал стаскивать с уставших ног тесные теплые гамаши. Где-то в углу стукнули о стенку сброшенные бутсы.

— М-да...— произнес наконец Иван Степанович, горестно качая головой.— А игра была наша. Отдали! На ерунде отдали. Да еще парня поломали. Какого парня!

Все, кто находился в раздевалке, не отозвались ни словом ни движением. Что тут станешь говорить? У Скачкова защемило сердце, он ниже опустил голову, щекам стало горячо. «На ерунде отдали»... Конечно, на ерунде. А на чем же еще? И вот из-за ошибки одного страдают все.

Скачков не поднимал горевшего лица, сжимал и разжимал пальцы.

Первым не вынес тишины Федор Сухов.

— Игра,— сказал он, ни на кого не глядя, и завозился в кресле.

На него с досадой посмотрел Арефьич: дескать, молчал бы лучше, не вылезал! Врач команды, вежливый и ровный в обращении со всеми, Дворкин немедленно направился в прихожую, где на столике в углу в окружении тесно составленных чашек бесцельно остывали два больших горячих чайника. Он словно предчувствовал назревавший скандал.

— Игра, говоришь?— Иван Степанович остро глянул издали.— Это хулиганство, а не игра. Если бы кто-нибудь позволил себе такое на улице, его отвели бы в милицию и отдали под суд. И судили бы! И дали срок. Да, Сухов, срок!— Он возбужденно прошелся по тесному пространству между кресел, отбрасывая ногами валявшиеся где попало сумки, бутсы и футболки.— А на поле, видите ли, все прощается. Игра! Футбол не балет! Плохой это футбол, Комов!— Иван Степанович остановился над самой головой сидевшего защитника.— Плохой! Слышите? И — грязный. Учитесь играть, Комов!

От висков и вниз к щекам лицо его стало бледнеть. В раздевалке прекратилось всяческое шевеление. Все знали, что тренер зол на Комова еще по югу, где команда проводила сбор, готовясь к новому сезону.

Врач Дворкин, неслышно разливавший чай, выглянул из прихожей и затих, поставил чайник на место. Какой теперь чай! Он позавидовал администратору команды, который на цыпочках исчез из раздевалки и бережно притворил за собою дверь.

Скандал в команде назревал давно, по-существу с самого первого дня, едва новый тренер приступил к своим обязанностям. А обязанности, как он увидел сразу же, были нелегкие.

Прошлогодний сезон для «Локомотива» закончился позорно. Началось со статьи «За надежным щитом», опубликованной в областной газете. Автор ее, Брагин, регулярно выступающий по вопросам спорта, вывернул, что называется, изнанку команды, показал подлинную атмосферу, в которой много лет жил «Локомотив». Дело в том, что в «Локомотиве» издавна существовала практика «чистилищ» — так назывались узкие собрания именитых опекунов-болельщиков. На этих собраниях давались установки на игру, определялся состав, решалось, кого отчислить из команды, а кого пригласить. Из игроков туда допускались ветераны, к ним, кроме капитана Скачкова, относились Маркин, Сухов и приглашенный четыре года назад из Киева Комов. Участие в «чистилищах», близкие отношения с начальством как бы приподнимали их над командой, давали им право жить наособицу, по вольному режиму, власть тренера на них не распространялась. Больше того, в «Локомотиве» тренеры сами попадали в полную зависимость от них, поскольку на стороне ветеранов, любимчиков публики и начальства было не только руководство спортивного клуба, но и сам начальник дороги Рытвин, многолетний покровитель футболистов основного состава. В «Локомотиве» негласно существовало два закона: один для избранных, другой — для всех остальных.

Появление статьи произвело в городе и области впечатление разорвавшейся бомбы. «Против своих играет!» — бушевали разгневанные покровители команды и многие болельщики. И только единицы понимали, какие соображения руководили журналистом. Речь шла о застарелой болезни, лечить которую следовало давным-давно. Брагин приводил убийственные факты. Некоторые игроки числились на работе в нескольких местах. Председатель спортобщества «Локомотив» Ронькин считался «дядькой при команде», доставал для игроков дефицитные вещи, на казенный счет ездил с командой на сборы и на матчи, несколько раз выезжал за рубеж,— якобы, за опытом.

На первых порах выступление газеты осталось без последствий...

Как-то Комов, увидев Брагина в туннеле под трибуной, схватил его за галстук и замахнулся растопыренной пя-

терней: «У-у, допишешься ты у меня!» Его оттащили, команда ушла на поле, журналиста успокоили. Рытвин, когда ему сказали об этом происшествии, чуть усмехнулся и изрек: «Сам виноват». Но вот, заканчивая сезон, «Локомотив» встретился на Урале с командой, которой грозил переход в низшую лигу. Уральцам нужны были не только два очка, но и крупный счет, как минимум 9:0 (для соотношения мячей). И «Локомотив», для которого последняя встреча не имела большого значения, проиграл именно с таким счетом. Это была не игра, а цирк, трибуны негодовали. В федерацию футбола поступил протест, в редакции газет посыпались возмущенные письма.

Спасать своих от неприятностей бросился сам Рытвин. Отделались тем, что принесли в жертву тренера и капитана команды. (Требовалось принять какие-то меры, и их приняли).

Инициатива сговора о результате матча на Урале исходила от тренера соперников. Он с глазу на глаз встретился с наставником «Локомотива» и предложил «сделать игру, как надо». Тот согласился и посвятил в свой план ветеранов команды. Сухов с Комовым не возражали, но Скачков заявил:

— Без меня. Я в этом не участвую.

— И без меня!— поддержал его Маркин.

Вмешался Комов.

— Братцы, да какая вам разница? Ну, выиграем мы эту игрушку. Ну, займем не двенадцатое, а одиннадцатое место. Толку-то? Все равно медалей не дадут. А эти нам на карман прилично кинут.

Стали спорить, завелись. Разговор прекратил тренер.

— Хорошо, обойдемся без вас. Но дома поговорим!

Тогда Скачкову и в голову не приходило, что дома, на «чистилище», они с Маркиным окажутся чуть ли не основными виновниками прогремевшего на всю страну скандала.

Ощущение у обоих было такое, будто их наотмашь хлестнули по лицу. Надо же — с больной головы на здоровую!

В конце концов козлами отпущения были сделаны тренер и капитан команды. (Маркина пока не тронули — в воротах образовалась бы пустота; но его строптивость запомнили).

Новый тренер «Локомотива» Иван Степанович Каретников в свое время был величиной в футбольном мире, его имя знал каждый заворотный пацан, бегающий на

тренировках мастеров за улетавшими с поля мячами. В любой дворовой команде у мальчишек обязательно имелся свой игрок, носивший кличку знаменитого форварда. Так было и в детские годы Скачкова,— он помнил это хорошо.

Наивысшим взлетом Каретникова была историческая поездка московского «Динамо» в Англию в первый послевоенный год. Команда страны, только что выигравшей величайшую из войн, разгромила лучших профессионалов родины футбола. Потом была первая для советских спортсменов Олимпиада в Хельсинки. Они добились сенсационной ничьей с югославами (5:5). Но там Каретников уже закатывался и скоро, после тяжелой травмы, оставил поле и перешел на тренерскую работу.

Он принял «Локомотив» на исходе зимы, когда в других командах после заграничных выступлений, после каникул и отпусков завершалась подготовка к наступающему сезону.

«Локомотив» всегда считался командой традиционно средней. В лучшую свою пору, несколько лет назад, она заняла восьмое место в первенстве страны. В прошлом году, после проигрыша на Урале, коллектив оказался на тринадцатом месте, но, как бы в компенсацию за неудачу в первенстве, завоевал право играть в финале Кубка международного Союза железнодорожников. Кубок этот разыгрывался регулярно каждые два года, однако пробиться в финал не удавалось еще ни одной советской команде.

Перед новым тренером стояла задача не только улучшить турнирное положение (дальше скатываться просто некуда), но и с особенным вниманием подойти к ответному матчу на Кубок. Соперниками наших футболистов стали австрийцы, и первую игру, у себя дома, «Локомотив» едва свел вничью (1:1). Теперь предстояла ответная встреча в Вене.

Старый заслуженный мастер Каретников прожил в спорте большую жизнь. Он понимал, что выправлять турнирное положение «Локомотива» придется постепенно,— классная команда не делается за полсезона. Для этого требуются годы. Но — Кубок! Ответную игру не отодвинешь. Что ждет «Локомотив» в Вене? Для австрийцев ничья на чужом поле почти равна победе. А для матча дома они готовились всю зиму. По сообщениям газет, австрийский клуб нынче значительно усилился за счет слияния с другим клубом и получил могущественного покровителя в лице какого-то промышленного магната. В команду сразу

же был приглашен западногерманский тренер, в линии атаки появился известный Фохт, бывший профессионал, еще в прошлом году входивший в десятку лучших европейских футболистов. Ясно, что у себя дома австрийцы готовятся учинить гостям разгром. Фохт, говорят, не уходит с поля, не забив своего обязательного гола.

Играть в Вене (как и вообще выбегать на поле) Скачкову уже не «светило». Всю зиму он занимался с группой подготовки. Однако к нему домой неожиданно нагрянул сам Каретников, только что назначенный тренером. Они долго говорили, и Скачков поддался уговорам. На юг, куда «Локомотив» недавно отправился готовиться к сезону, он улетел вместе с новым тренером.

Чтобы наверстать упущенное для подготовки время, Иван Степанович закрутил гайки: тренировки стали проводиться по три раза в день. Само собой, резкая перемена режима пришлась кое-кому не по душе и в первую очередь Комову и Сухову, «боярам», как исподтишка называли их в команде.

Каретников ставил на место всякого, кто слишком мнил о себе. В ответ те с первого дня повели с наставником команды тихую войну.

Положение «бояр» в команде было прочным, многолетним. Комов завоевал его жесткой игрой на подступах к воротам и пушечным ударом с правой (штрафные в «Локомотиве» бил только Комов), Сухов же был знаменит своим рывком, превосходным дриблингом и умением забивать самые необходимые, самые ценные голы, как, например, ответный гол в домашнем матче с австрийцами.

Сегодня, после досадного проигрыша «Торпедо», выдержка изменила Каретникову, и он, обычно ровный и невозмутимый, неожиданно сорвался. Скачков не видел в этом ничего удивительного; Иван Степанович уже достаточно присмотрелся к «боярам». На южных сборах и потом, пока играли на чужих полях, Комов с Суховым вели себя так, словно никакого тренера в команде не было и в помине. Очень часто тот и другой могли посреди тренировки улечься на траву, задрать ноги: дескать, пускай вкалывают те, кому нужно учиться. Они демонстративно опаздывали на тренировки, возвращались в гостиницу позже назначенного часа. Во всем их поведении чувствовалось сознание безнаказанности, заступничества сверху. Они и не скрывали, что терпят своеволие нового тренера лишь до возвращения домой, где «обломают ему рога».

Иван Степанович принял команду в Батуми, на южном

сборе, и на «чистилище» оказался впервые лишь вчера, когда обсуждался состав и давалась установка на сегодняшний матч с «Торпедо». Против ожидания, заседали без шума, первые проигранные матчи на чужих полях рассматривались как следствие раскачки. Об атмосфере в коллективе не поминалось вообще, хотя о том, что у Каретникова с командой сразу не заладилось, знали все, в том числе и Рытвин. Скачков догадывался, что начальник дороги успел поговорить с надменными бунтовщиками и распорядился склоки пока не затевать. Для склок попросту не оставалось времени. Но не переставали поглядывать на тренера, как на будущую жертву.

Комов, раздетый, в одних плавках, сидел у самых ног стоявшего над ним Ивана Степановича. Похлопывая ладошками по висячим мясистым ляжкам, он обратился к Сухову и насмешливо показал наверх:

— Слыхал, Федюнь? Учиться предлагают. Значит, он на ворота прет, по голу лупит, а я к нему с букетиком: дескать, пожалуйте, ах, как приятно!

— Не паясничайте Комов,— бесцветным голосом проговорил Иван Степанович, раскаиваясь, что все же не сдержал себя и сорвался на крик. Что толку кричать? Криком тут делу не поможешь.

Интонация в голосе тренера подбавила Комову напора.

— Конечно,— выразительно подхватил он, сковыривая прыщик на ноге,— некоторым... которые в команде без году неделю,— им плевать на «Локомотив». Сгорит «Локомотив»— приклеятся еще куда-нибудь. Без хлеба не останутся, команд полно.

Это был открытый вызов, откровенный бой. Иван Степанович сидел с опущенной головой. Немолодой человек, он унизительно сознавал, что судьба его зависит от прихоти обыкновенного хулигана, каким Комов был и в жизни, и на футбольном поле (сегодня в игре он несколько раз грубо сбивал Полетаева с ног, приговаривая: «Это тебе не в сборной!»).

— Кома!— по-капитански прикрикнул Скачков.— Развыступался!

— А что Кома?— вступился Федор Сухов.— Кома дело говорит. Как будто он для одного себя... Игра же! И гол бы схлопотали. Что ты, Полетая не знаешь? Ляпнул бы и — тащи рыбу из сетей!

Двое всегда сильнее одного, и Комов с Суховым постоянно держались неразлучной парой. Особенно на «чистили-

щах» — там они говорили от лица команды, как в прошлом году...

Но на кого они рассчитывают в этот раз? На Маркина? Или на него, капитана Скачкова? Ну уж, дудки! У «Локомотива» и без того репутация —«катафалка для тренеров».

В дверь раздевалки робко постучали, затем она приоткрылась, и в щели показалась багровая физиономия толстоплечего мужчины в тренировочном костюме — массажист Матвей Матвеич.

Раздосадованный помехой Иван Степанович сердито дернул головой:

— Что там еще?

Массажист делал беспомощные движения руками, показывая в коридор, себе за спину:

— Там Рытвин... Я не пускаю...

Он понимал, что влез не вовремя.

— Рытвин?— Иван Степанович на мгновение смешался.— А что ему понадобилось в раздевалке? Извинитесь и скажите, что у нас совещание... разбор игры. Да, разбор. И никого не пускайте.

У Скачкова опустились руки, он откинулся: ну, будет гром! Ведь Рытвин же, никто другой...

От него не укрылось, как взглянули друг на друга Комов с Суховым и потаенно усмехнулись: в запальчивости тренер сам копал себе могилу. Прежде Рытвин мог входить в раздевалку, когда вздумается, и футболисты, с которыми начальник дороги был запанибрата, пользовались этим вовсю: квартиру ли сменить, машину получить без очереди,— все решалось здесь, в раздевалке, между двумя одобрительными шлепками начальственной руки по влажной спине еще не остывшего игрока. Каждый выигрыш действовал на Рытвина возбуждающе, и для футболистов «своей команды» у него ни в чем не было отказа.

«Плохо дело»,— помрачнел Скачков. Он знал, что тренерская судьба Каретникова не сложилась,— до «Локомотива» он переменил немало мест и нигде не сумел прижиться. По рассказам, Иван Степанович плохо жаловал как раз покровителей: подсказчиков, советчиков из всякого начальства. А их же пруд пруди вокруг любой команды! Казалось бы, в «Локомотиве» он должен был бы всеми силами держаться за свое место, а выходило... Выходило, что Каретников предпочитал менять места, но не характер!

У служебного подъезда западной трибуны еще урчал сверкающий автомобиль оскорбленного начальника дороги, а к массажисту приблизился еще один посетитель — Бра-

гин, из газеты. Всей душой болея за команду, журналист специально приезжал весной на юг, был на нескольких контрольных матчах перед началом первенства. С Каретниковым он объяснился сразу же, и тренер сказал ему так: «Мы ведь вас, газетчиков, как различаем? Если только похваливает — значит, до нас ему дела нет. А ежели ругает, да еще сердито, в сердцах, то вот этот за нас!» Брагин обрадовался: «Правильно! Я очень рад. Очень!» В те дни он организовал в газете выступление Каретникова. Дав понять о нездоровой обстановке в коллективе, новый наставник неожиданно похвалил резерв команды (хотя дублеры в прошлом году заняли предпоследнее место) и пообещал любителям футбола, что в новом сезоне «Локомотив» будет сражаться за место в десятке лучших команд страны. Кроме того, не сбрасывался со счетов и Кубок международного Союза железнодорожников.

Потому-то в день открытия сезона стадион не мог вместить всех желающих увидеть собственными глазами, как стала выглядеть команда...

Журналист, уже немолодой, но легкий на ногу, со спортивной выправкой, летел по коридору, привычно направляясь к знакомым дверям. Он на ходу листал блокнот и не глядел под ноги. Наткнувшись на массажиста, глыбой стоявшего у входа, Брагин удивился:

— Что?— и показал на охраняемую дверь.— Нельзя, что ли?

Матвей Матвеич нехотя разнял на выпуклой груди тоскующие руки и отворотил расстроенное лицо. Кроме Рытвина он завернул от дверей раздевалки директора домостроительного комбината Феклюнина, городского военкома Цыбина, директора завода точных приборов Маслова, еще несколько человек.

За спиной массажиста, в раздевалке, сшибались беспорядочные бешеные голоса.

Журналист прислушался и понимающе поджал губы. Здоровье любой команды в том, что она не скандалит после проигрыша, не травит виновного, а просто устанавливает причину поражения с тем, чтобы больше ее не повторять.

— Хм...— проговорил Брагин.— Такие, значит, дела? Жаль, но делать нечего. Ладно. Потом.

И ушел, засовывая блокнот в карман пиджака.

Матвей Матвеич, снова скрестив руки, привалился к косяку. За дверью, все нарастая, бушевал скандал.

— Ты!— орал Сухов на Владика Серебрякова, центрального нападающего.— Других судишь, а сам? Все водишься, все сам хочешь забить. Пасовать надо!

Оттопырив губу, Владик дунул вверх, убирая с глаз свалившиеся волосы. Он недолюбливал хамоватого Комова, а вместе с ним и безвольного выпивоху Сухова.

— Пасовать?— спросил он.— А кому? Тебе? На портвейн поменьше налегай, тогда и пас получишь. Ноги переставлять скоро разучишься.

Кто-то, не удержавшись, фыркнул,— кажется смешливый, легкий в общении Виктор Кудрин.

— Ты, подонок!— завопил, вскакивая на ноги, Сухов.

Скачков со своего места прикрикнул на него:

— Федор, а ну-ка сядь. Сядь, говорю!

Уступая, Сухов неохотно воротился и принялся распускать шнурки на бутсах. Руки у него дрожали.

— Всякий еще мне будет...— бурчал он, бросая на Владика непримиримые взгляды.

— Да отстань ты!— отмахнулся тот, удобнее вытягивая ноги. Забыв о расшнурованных бутсах, Сухов медленно разогнулся. На бледном рыжеватом лице стали заметны все веснушки, глаза остеклянели. Скачков знал, что если его сейчас не остановить, он разразится громкой бранью.

— Федор,— смешался он,— нечего там. Слышишь? Да слышишь ты, я говорю!

Авторитет Сухова в команде складывался годами, и тренеры соперников, давая своим установку на игру с «Локомотивом», обязательно выделяли для него специального опекуна. Если бы Федор сам не губил себя, давным-давно играть бы ему в сборной. В прошлом году именно он спас игру с австрийцами, с блеском забив ответный гол на глазах всего ликующего стадиона. Мог ли он вынести оскорбительное отношение к себе какого-то мальчишки, который лишь пробуется в основном составе?

Подчиняясь властному окрику капитана, Сухов с неохотой, но покорился. Со Скачковым они были одногодками и футболистами одинаковой судьбы: одновременно пришли в «Локомотив» из заводской команды, в одном сезоне перевели их из дублеров в основной состав.

Цепляясь ногой об ногу, Сухов скинул расшнурованные бутсы, стал стаскивать футболку. Серебряков со своего места следил за ним из-под насмешливо прикрытых век. Авторитет Сухова не оказывал на него ни малейшего воздействия: парнишка был зубастый. Ершились и другие

ребята. По сегодняшнему настроению в раздевалке Скачков чувствовал, что ребята, хоть и молчат, уставившись себе под ноги, но настроены решительно. Еще немного — и взорвутся. Бесконечные загулы закадычной развеселой пары надоели всем. На поле выйдут — ног не волокут. Заменят их — тренеру от Рытвина накачка. А отдуваться-то за них в игре кому приходится?

Давнищний, бессменный капитан команды Скачков хорошо знал каждого из цепочки игроков, выбегающих за его спиной на поле. Сегодня, кажется, настал момент для разговора,— накопилось. В самом деле, сколько можно испытывать терпение тренера и команды? Вот в Тбилиси. Летели трудно, около суток ждали погоды в аэропорту. В гостинице, едва раздали ключи от комнат, ребята сразу пошли отдыхать, а Сухов с Комовым удрали в город,— (Арефьич заметил — вернулись после полуночи). Назавтра, в матче, все вылезло наружу. «Советский спорт» в отчете писал, что голы соперники забили, прорываясь по прямой, где между двумя центральными защитниками как бы была постелена ковровая дорожка для нападающих. Не защита, а проходной двор! Ну, с Семы Батищева спрос невелик. Но Комов-то!.. О Сухове же нечего и говорить: один тайм еще отбегал, а во втором — с ног валился.

Скачков поднял руку, показывая, что хочет говорить. Перебранка прекратилась, игроки уставились на своего капитана.

— Тут... это самое...— неуверенно начал Скачков, усиленно разглядывая собственные ладони.

Сказать ему хотелось о многом. Тут была прошлогодняя обида на то, что его сплавили в «тираж», сжевали у него конец сезона, заставили расслабиться (всю зиму не готовился), а теперь, еще тяжелый, не вошедший в форму, он не может избавиться от ощущения, будто на поле за ним постоянно следят чьи-то злые глаза. Пора призвать к порядку Комова и Сухова. Ведь от них во многом зависят климат в команде, настрой в игре. Вот сейчас только, во встрече с «Торпедо», они тонко мстили Серебрякову тем, что постоянно оставляли его без мяча или давали плохой пас. Может быть, кое для кого это незаметно, но он-то, Скачков, видит, понимает! И еще хотелось сказать о том, что к хорошей игре ведет долгий, глубокий и скрытый процесс... Все это мелькало в голове, просилось на язык. Но его, как на грех, донимала постоянная едкая мысль о собственной вине за проигрыши — здесь, вот только что, и неделю назад, в Тбилиси. И Скачков неожиданно загово-

рил совсем не о том, о чем думал и что хотел сказать.

— Тут... про гол про этот... с Полетаевым,— пожал плечом.— Ломает, по-моему, всегда тот, у кого техники не хватает. Подкатом можно было, просто в мяч сыграть.

Напряженное внимание ребят давило, и Скачков изводился, подбирая слова, и все же говорил совсем не то, чего от него ждали.

— А вообще, знаете, давайте или играть, или бросать. Надоело. Все надоело!— закруглил свой неначатый разговор Скачков, злясь на себя.— Высказался, называется!

Краем глаза глянул на Ивана Степановича: хотел ведь и его поддержать — это же он вернул его в команду! На лице тренера такое выражение, точно у него болели зубы, и Скачкову стало совсем невмоготу. Нет, легче отыграть еще два тайма, чем говорить!

— Геша,— ласково, с глумливой вкрадчивостью позвал Комов,— Геша, милый, дорогой. Все правильно говоришь, все верно. Только зачем же пену-то пускаешь? Держать его надо было, хоть за трусы хватать. Подбирать-то за тобой приходится!

Ударил Комов по больному месту. Его, Скачкова, была вина в том, что он не успел к мячу на перехвате. Мячом завладел Полетаев и свободно вышел на ворота.

— Да знаю я,— пробормотал Скачков.— Получилось...

— Ага!— злорадствовал, осклабясь, Комов.— Давай тогда местами поменяемся. Становись, подбирай за мной,— покажи технику. А я тебе нотацию буду читать. Это как будто полегче.

С расстроенным лицом Скачков склонился еще ниже. Он всегда завидовал тому, с какой уверенностью и апломбом держался в команде Комов. Манеру эту Комов усвоил сразу же, как только попал в число избранных. Но сегодня-то! Скачкову казалось, что подстрахуй его Комов, как положено, не сделай Полетаеву зверской «накладки» и не было бы в общем-то ничьей вины. По крайней мере скачковский промах не бросился бы так в глаза,— матч-то был на исходе. Так нет, налетел, как бульдозер!

— Брось, Кома,— неожиданно вмешался Мухин, «Муха», правый крайний нападения.— Сломал парня на целый сезон и еще чего-то... Брось!

Сначала, как только он сказал и замолк, во всех креслах ребята оцепенели и переглянулись. Удивило не заступничество Мухина, совсем нет. Все поразились, что он вообще заговорил, решился подать свой голос. Работящий, неприхотливый на поле, Мухин отличался полнейшей

бессловесностью в команде. Что бы ни происходило в раздевалке, какой бы ни кипел скандал, маленький Мухин неизменно сидел молчком в сторонке и неслышно собирал свою сумку.

Изумленный Сухов повернулся к Мухину всем телом.

— Здравствуйте, я ваша тетя! И этот туда же... А сам-то? С десяти метров мазанул. Безногий бы забил. Может, тебе ворота шире сделать?

— Сухов,— одернул его Иван Степанович.— вы же никому слова не даете сказать.

Замечание тренера возмутило Сухова.

— Кому я не даю сказать? Это мне не дают!

Из кресла, упираясь обеими руками, демонстративно поднялся Комов, расправил саженные плечи.

— Переста-ань!— процедил он приятелю.— Нашел тоже, где выступать. Не видишь, что ли?

Ясно было, что на очередном «чистилище» он уже молчать не станет. А скорей всего, еще до «чистилища» успеет излить кое-кому душу.

— Так теперь что,— не выдержал Батищев, стирая со щеки подсохшие бороздки пота,— теперь на вас молиться, да?

Парень простоватый — сын и внук шахтеров, Сема ни когда и ни на кого из товарищей камня за пазухой не держал. Что на уме, то и на языке! Одна беда — в команде он держался на птичьих правах, в «основе» появлялся редко, больше в дубле, и оттого, сознавая свое место, всегда молчал. Но, значит, допекло ребят, если даже Батищев не утерпел! Сначала Мухин, теперь вот Сема... А уж кому-кому, но Батищеву право на голос не полагалось никогда.

— Гляди,— издевательски присвистнул Комов,— и резервные кашляют!

Страдая от унижения, от своего вечного неполноправия в команде, Батищев умолк, зажал в коленях сомкнутые кулаки.

Заткнув всем рты, Комов закинул руки за голову, сладко, с хрустом потянулся.

— Ох-хо-хо-о... Пойдем-ка, Федюнь, лучше поплещемся. Тут не переслушаешь. Все идейные, все умные. Да и поздно.

Поглаживая себя по массивным плечам, по груди и животу, он, никого не замечая, направился в бассейн. Он пронес свой великолепный торс атлета мимо одетого в плащ тренера,— прошел, словно мимо пустого места. Старый футболист проводил его взглядом до самой двери — Комов так и не обернулся.

На пороге он нагнулся и, спиной ко всем, стал стаскивать с себя тугие шерстяные плавки. Напоследок звучно хлопнул себя по ляжке и снял с бедра какую-то пушинку.

— Федюнь, ты что, уснул? Не отставай.

— Задержитесь-ка на минутку, Комов,— негромко позвал Каретников.

Тон тренера заставил всех насторожиться.

— Должен сказать вам, Комов, что такие нам в команде не нужны. Да, да,— именно нам, именно команде. И удивляться здесь нечему. Хватит безобразия. Пора кончать.— Иван Степанович утвердительно покивал Комову головой.— Так что давайте договоримся. Команд, как вы только что сказали, полно. Попробуйте подыскать себе место. Против перехода никаких возражений не будет. По крайней мере, с нашей стороны.

В раздевалке установилось гнетущее молчание. Такого поворота событий не ожидал никто, и в первую очередь сам Комов. Застыв в дверях, он смотрел на тренера, на ребят и не находил слов. Слышно стало, что в коридоре, давно обезлюдевшем, кто-то, крадучись, подошел к раздевалке и замер. Что там, неужели и Матвей Матвеич ушел?

Комов наконец взял себя в руки, заносчиво вскинул голову.

— Что же, слепой сказал: посмотрим!

Он с силой захлопнул за собой дверь и с разбегу бултыхнулся в бассейн.

Молчание еще давило на ребят. Однако мало-помалу затрещали замки сумок, послышался стук бутс одна о другую,— сбивалась налипшая между шипов земля. Один Сухов сидел потрясенный, забытый всеми. Он отказывался верить собственным ушам. Кого — Комова? Самого Кому? Да это же... Сам Рытвин... И — вообще! Нет, нет, это тренер сгоряча,— так сказать, для воспитания, для собственного авторитета. Погорячился. Оба они сегодня малость погорячились. На «чистилище» объяснятся — и все.

Тем временем Иван Степанович, призывая к вниманию, громко хлопнул в ладоши и объявил:

— На сегодня все. Завтра в десять к автобусу.

Кашлянув, Скачков поднял руку и попросил:

— Рановато в десять. В одиннадцать бы...

— Хорошо, в одиннадцать,— согласился Иван Степанович.— Все слышали? Попрошу без опозданий. Ждать никого не будем.

Как всякий футболист, Скачков был редким гостем в своей семье. Команда отпускалась по домам только после матчей, остальные дни ребята находились на тренировочной базе, вдали от города, от всех соблазнов,— режим.

Сыграв в Тбилиси, команда прилетела наконец домой, открывать сезон в родном городе, но тренер, угнетенный плохим началом и много думавший о первом матче на своем поле, объявил строгий режим и прямо из аэропорта увез всех на загородную базу. Исключения не было сделано даже ветеранам. С домашними ребята поговорили с базы по телефону, увидеться им удалось лишь вчера, на стадионе, на встрече дублирующих составов. После игры дублеров отпустили по домам, а игроки основного состава сели в автобус. Дождавшись отправления, Клавдия показала Скачкову два скрещенных пальца — давнишний условный знак о встрече. Скачков, прильнув лицом к стеклу, помахал ей рукой.

...Пустынным проходным двором, минуя арку, гулкую, высокую, Скачков шагал домой и торопился. Роса блестела на крышах темных запертых коробок гаражей. На детской площадке, не разглядев под ногами песка, Скачков увяз, запнулся и подобрал поломанный игрушечный грузовичок.

— Ах вы, люди-человеки,— проговорил он и, вытаскивая осторожно ноги, выбрался к покосившемуся «грибку», положил игрушку на скамейку.

Поверх деревьев отыскал он окна своей квартиры. Свет горел почему-то на кухне: конечно, Софья Казимировна, тетка Клавдии, коротает вечер за пасьянсом. «А Клавдия?— подумал он.— Может быть, еще со стадиона не вернулась?»

Скачков быстро вошел в подъезд, из руки в руку перекинул тяжелую сумку и тронул кнопку лифта.

Поднимаясь, Скачков обнаружил, что ключа от квартиры нет. После игры он так и не помылся, наспех переоделся в тренировочный костюм, набросил сверху плащ. «Помоюсь дома», решил он, торопясь уйти из раздевалки. В бассейне остался плескаться один Комов и, видимо, не вылезал до тех пор, пока не разошлась вся команда, кроме Сухова. Федор его, конечно, обязательно дождется.

Дверь Скачкову открыла Клавдия, и он удивился:

— О, ты дома?

Клавдия встретила его в домашнем выцветшем халатике, с чалмой из полотенца на голове.

— Ты что так долго, Геш? Я уж решила, что вас опять не отпустили.

— Да так...— Поставив сумку и отодвинув ее ногой к стене, Скачков стал снимать плащ.

— Разувайся,— приказала Клавдия, с недоумением оглядывая мужа.— Чего-то в кедах, не помылся, не оделся... Ты что, в таком виде и по городу шел?

— Да там у нас...— Скачков поморщился.— Ерунда всякая.

Клавдия понимающе покачала головой:

— Поцапались?

— Вроде.

В одних носках он прошел в комнату и с удовольствием огляделся: чисто, тихо.

— А Маришка где?

— Анна Степановна была, взяла к себе. Я обещала, что мы за ней зайдем.

Мать Скачкова жила в старом железнодорожном поселке и время от времени забирала к себе внучку.

Клавдия не уходила, старалась поймать его взгляд, и Скачков догадался, что она видела его сегодняшний промах с Полетаевым, понимала, что с ним происходит. Она еще не знала, что в Тбилиси его пришлось заменить!..

— Ну, как тебе игрушка сегодня?— спросил он, стараясь говорить небрежно.

Вместо ответа Клавдия уклончиво пожала плечами.

Перед диваном с множеством разноцветных, искусно разложенных подушечек Геннадий стоял в сомнении. Всякий раз, попадая домой, он вынужден был осваиваться, как в гостях. Жалко было нарушать уютную мозаику подушечек, однако усталость пересилила — он сгреб их кучей в изголовье и лег, разбросив ноющие ноги.

Вытягиваясь, он пробормотал жене:

— Ты там валяй, занимайся... Я полежу... Что-то я сегодня... совсем...

Присев на краешек дивана, Клавдия опустила руку на шершавый лоб мужа, слегка поворошила его жесткие, невымытые волосы.

— Ванна сейчас занята, подожди немного.— Потом спросила,— Переживаешь, да?

Все же она знала его, как никто другой.

Вздохнув, Скачков повернулся на бок, взял руку Клавдии и положил себе под щеку.

— Как там, на трибvне?— спросил он.— Наверное, хоронят?

Болельщики, он знал, народ свирепый и не прощают ни одной ошибки.

— Да в общем-то...— замялась Клавдия,— немного есть.

Он лежал с закрытыми глазами. Клавдия не отнимала руки.

— А играли прилично,— похвалила она.— Мне понравилось. Не то что раньше. И, знаешь, в дубле у вас приличные ребята! Белецкий, Соломин... Валерка Турбин. Вчера как играли... Прямо кино!

Слушая, он расслаблял ноги, спину, давал отдых мышцам живота и плеч. После такой игры он испытывал одну огромную усталость, хотелось позабыть, что есть футбол, необходимость бегать, напрягаться из последних сил, спешить на перехват к мячу и постоянно, все долгих полтора часа игры, опасаться за собственные ворота.

— Но этот Комов ваш!— возмутилась Клавдия.— Все-таки за такие штуки надо бы судить.

— Да там... почти так и получилось.

— Ты устал? А может быть, помоешься, и мы немножечко пройдемся? Все равно же за Маришкой надо зайти. И к Звонаревым бы заглянули. А, Геш?

Бывая дома редко, наездами, Скачков привык к тому, что Клавдия живет своей, обособленной жизнью, которой он не знал, да и не интересовался. Какие-то у нее компании, знакомства, увлечения. Иногда она затаскивала к своим знакомым и его, но он уклонялся от таких встреч. Не до компаний, когда тащишься домой с таким усилием, словно на каждой ноге по гире! Они там веселятся, чокаются, треп идет о парижских кутежах знаменитого поэта, которого кто-то из присутствующих уподобился видеть «вот так вот, как тебя» в московском «Арагви», о неком завещании известного композитора в пользу опального писателя, о разводе режиссера и актрисы,— и все это с многозначительными недомолвками, с подмигиванием, с пальчиком к губам: дескать, не очень-то об этом следует распространяться, секрет-с... Тут же договаривались, что следует собраться завтра и пойти к одному художнику послушать запись модного перед революцией «Пупсика». И — тоже: где достал? Секрет!

— Геш, ты, конечно, с нами, старичок?

Какое там! Отказываясь, он опускал лицо и начинал сжимать и разжимать пальцы. Не поймут же, что ему через два дня снова выводить ребят на поле и — бегать, выносить тычки, толчки, подножки, удары локтем в шею, в плечи,— сплошные синяки потом! Но пусть бы синяки, и только.

А если вдруг сфинтил и убегает подопечный, и ты торопишься за ним, вот-вот догонишь, а он, чувствуя твое дыхание, вдруг врежет с ходу по мячу!.. Хорошо, если выручит Алеха Маркин. А если нет? Кто виноват? Вернее — что? А виноват будет как раз тот час, что ты недоспал, сидя в компании за трепом, виновата рюмка, выпитая, чтобы не оскорбить сердечного расположения к тебе компании.

Для футболиста свободное от игр время — отдых. Совсем другое те, что около футбола, около команды. Для них вот этот треп, вот это околачивание в кругу спортсменов наполняет жизнь каким-то странным смыслом. А как они все принимаются судить о спорте! Можно подумать, что они жизнь провели на поле. А ведь всех знаний только и было, что потолкались возле автобуса с командой, да вот — за столом. Для Клавдии эти поклонники — хлебом не корми. Где-то в компании она и со Звонаревыми познакомилась.

— Ну их, слушай,— отказался Скачков, удобнее устраивая голову.— Потом как-нибудь.

— Не хочешь? Ну, смотри сам. Я в общем-то на всякий случай Валерии сказала, что у меня стирка. У тебя есть что стирать? Давай, выкладывай.

— Там... в сумке...— разбитым голосом сказал Скачков.— Возьми, пожалуйста, сама.

— Господи, Геш!— рассмеялась Клавдия, оглядывая засыпающего мужа.— Ты что это так развинтился сегодня?

Вместо ответа Скачков невыразительно помаячил вялой рукой и отвернулся к стенке.

Клавдия рассмеялась:

— Старик ты, Геш. Совсем дремучий дед! Ну ладно, отдыхай. И вышла.

В окаменевшей мышце под коленом обозначилась и запульсировала какая-то незначительная, но чрезвычайно болезненная жилка — след старой травмы (шипом порвали ему ногу). Сейчас бы в горячую воду, размять, разгладить... Досадуя, что пропадает сон, Скачков согнул колено, наспех помассировал его, и боль расплылась, отпустила. Из ванной приглушенно долетал убаюкивающий плеск и шум сливаемой воды.

Старик... Да, для футбола он почти старик. Четырнадцать сезонов, не считая нынешнего, выбегал на поле, сыграл сотни матчей, у себя и за границей, и если прикинуть, что за каждую игру терял по три, а то и по четыре килограмма, то получалась убедительная арифметика; центнеры оставил он на футбольном поле. А износ сердца?

А нервов?.. Поэтому, когда в прошлом году его так оскорбительно отстранили от команды, то Клавдия, отлично видевшая, какой ценой достается ему жестокий спортивный режим, чтобы держаться в команде наравне с молодыми, расстроилась больше, чем он сам. «Вот и хорошо,— в запальчивости крикнула она.— Хватит изнурять себя, хватит тянуть жилы! Сколько можно?»

Она жалела его, как могла, заживляла болезненную рану, нанесенную ему так грубо, так внезапно, главное же — незаслуженно. А он сидел, понурив голову, и не отзывался. Ей хорошо было говорить! Как будто это так просто — взять и оторвать... Но почему так грубо, неожиданно? Проводили бы по-доброму, как положено (а уж чего-чего, но проводы он заслужил!).

Он тогда не сразу раскусил, что за тихая, скрытая возня шуршит вокруг его места в команде. А затеялась возня сразу, едва грянул гром по поводу опротестованного матча. Но вот прилетели из Москвы Рытвин с Ронькиным, все как будто утряслось. Стало известно, что «Локомотив» отправляется на товарищеские игры в Индонезию.

Последние дни перед отъездом Скачков, ни о чем не подозревая, увлеченно занимался с Маришкой. Дочка, по-существу, росла без него, и эта свободная от футбола неделя была для них обоих настоящим праздником. Утром, проснувшись раньше всех, они быстро завтракали и уходили в зоопарк, в кино, а дома, вечером, возились до тех пор, пока не приходила строгая Софья Казимировна и не уводила ребенка спать. Ради дочери Скачков отказывался от поездки в баню, на массаж и всякий раз сердился, если Клавдия заставляла его принаряжаться и тащила куда-нибудь в гости.

О том, что происходит за его спиной, Скачков впервые заподозрил буквально накануне отъезда. После вечерней тренировки молоденький вратарь из дубля Турбин попросил его остаться и «постучать» по воротам. В раздевалку они вернулись позже всех. В душевой Турбин спросил, о чем, если не секрет, шел разговор вчера на «чистилище» у Рытвина. Скачков оторопел: почему же его не предупредили, не позвали?

Тренер команды был снят и уехал, Скачков обратился к Арефьичу. Тот на «чистилище» тоже не был и толком ничего не мог сказать. «Что-то они там химичат, Геш»... Он посоветовал заглянуть к Ронькину.

Разозленный Скачков спросил Ронькина в упор:

— Что это значит? Я что — не еду?

— Да, так решили. Есть, знаешь, такое решение. Состоялось.

— Почему?

— Как это — почему? Все когда-нибудь приходят... Не маленький, сам должен понимать. Молодые подросли. А мы обязаны смотреть вперед. Ведь так?

А глаза бегали, а руки не находили места себе!

Набрав полную грудь воздуха, Скачков вдруг круто повернулся и, вылетев из кабинета, со всей силы хватил дверью. «Молодые подросли...» Зачем же тогда финтить?

Немного успокоившись, Скачков решил, что теперь он может посвятить себя семье по-настоящему. Забрал Маришку с Клавдией и уехал в Батуми.

Осень на юге выдалась нежаркая, погожая, с побережья схлынула крикливая толпа курортников, стало малолюдно, тихо. Теплое спокойное море.

Недели полного безделья тянулись в какой-то вялой дремоте. Впервые можно было отдыхать и не думать о футболе. Однако команда никак не выходила из головы. Межсезонье в футболе пролетает быстро. За зимние месяцы футбол едва успевает перекочевать с газетных страниц на журнальные, и вот уже незаметно подсыхают поля, красятся трибуны, начинается суматоха из-за постоянных абонентов на стадион, а тем временем с юга, с традиционных тренировочных сборов, подтягиваются к родным местам команды. Скоро, скоро!

Скоро — но только не для него. И он, кряхтя, перекладывал тело, подставлял солнцу другой бок и снова закрывал глаза...

Но вот однажды вечером позвонили, Клавдия побежала открывать, затем позвала мужа. Скачков увидел немолодого, грузноватого мужчину с поседевшей головой. Это был новый тренер «Локомотива».

О чем только они тогда не переговорили!

Иван Степанович понимал обиду Скачкова, но просил его «переломить себя». Команде нужен был лидер, игрок, который на поле все умеет, на которого равняется команда. Лидера не выбирают на собрании, его выдвигает коллектив как бы сам собой. Конечно, и годы подпирают, и растренированность дает о себе знать,— за зиму Скачков окончательно вышел из формы,— но все это перекроется опытом, умением, проникновенным пониманием игры. Кстати, на этот самый пресловутый возраст в спорте, о котором Ронькин заявил Скачкову, Каретников смотрел по-своему. Как иной раз просто, если не сказать безответственно, выжи-

вают из команды многоопытного игрока! Примерно, к тридцати годам к такому игроку лепится слово «возраст». Не догнал мяч — возраст. Пробил выше ворот — возраст. Отнял мяч защитник — возраст. Как клеймо! И создается атмосфера, будто он в команде лишний. А такой человек, наоборот, необходим команде, нужен ей больше, чем какой-нибудь подающий надежды новичок. Такой игрок — это хранитель традиций и стиля команды, это и огромный опыт игры с любым противником, умение приспосабливаться к любым условиям, не терять голову в любой ситуации. Не случайно сборные Бразилии, Англии, ФРГ никогда не приезжают на чемпионаты мира без таких игроков — «старослужащих».

Когда все было обговорено, Иван Степанович предупредил:

— Но спрашивать с тебя буду больше всех. Не обижайся. Ладно? Так надо.

Это Скачков понимал. С капитана спрос с первого. Спрос за все.

Услышав, как хозяйничает на кухне Клавдия, гость спросил:

— Жена? Не расстроилась, что я снова совратил тебя?

Скачков замялся. Наверное, расстроится. Да и Маришка...

— Подожди, я сам с ней поговорю.

И Каретников отправился на кухню.

Разговор, к удивлению Скачкова, затянулся. Видимо, Клавдия не соглашалась и разбила все доводы. Это и понятно — опять кутерьма с отъездами, с приездами, неделю дома, месяц — нет.

Скрипнула кухонная дверь, Скачков вскочил. Каретников в коридоре натягивал пальто.

— Все в порядке,— шепнул он по секрету.

Но Клавдия проводить его не вышла.

Со смущенной улыбкой Скачков вошел на кухню.

— Клаш, ты что... очень сердишься? Да? Ну, смотри, а то я могу и...

— Геш! Или я не вижу? Ты же места себе не находишь!

Она была расстроена, он это видел, но... как все же ему повезло с женой!

Иван Степанович при встречах с Клавдией бывал предельно сердечен, как с человеком, которого он принудил к нелегкой жертве. Однажды Клавдия, здороваясь с ним, рассмеялась:

— Женщина в футболе — великая сила!

— Очень — с самым серьезным видом подтвердил Каретников.

Потом она призналась, что Иван Степанович в том разговоре на кухне просил ее понять бедственное положение команды — Скачков нужен был «Локомотиву» хотя бы на сезон, на полтора...

Еще дома, до того, как улететь на юг, к команде, Скачков принялся приводить себя в порядок: бегал кроссы, подолгу работал с мячом. «Раскис»,— сокрушался он, щупая бешеный пульс. А надо было сбросить несколько лишних килограммов, отладить дыхание. У себя в комнате он подвесил к электрическому шнуру теннисный мячик и всякий раз, проходя мимо (а проходил он мимо раз сто в день), подпрыгивал, стараясь ударить по нему головой. Он был доволен, что через несколько дней понадобилось перевесить мячик повыше.

И все же начало сезона застало его не в форме.

В Тбилиси, в последнем матче перед возвращением домой, его измотал Реваз Бакарадзе, тоже, как и Полетаев, игрок сборной страны. Сначала игра шла ровно, счет больше половины матча держался нулевой, но где-то в середине второго тайма Бакарадзе убежал от Скачкова. Мучительно было смотреть, как Алексей Маркин носком ноги выкатывает из сетки присмиревший мяч, невыносимо слышать ликующую бурю стадиона. Реваз, счастливый, одухотворенный, пробежал мимо, сиял зубами, махал рукой трибунам. Скачков поймал себя на том, что идет, прихрамывая на больную ногу, словно выпрашивая снисхождения.

Перед игрой Матвей Матвеич долго мудрил над ним со своими растирками, а ноющую ногу замотал резиновым эластичным бинтом. Вспомнив, что точно так же принимался хромать Федор Сухов, если мазал по воротам, Скачков неожиданно вскинул руку и побежал к воротам. Впрочем, замена ему уже готовилась,— возле ворот, выслушивая наставления тренера, торопливо разминался молоденький Игорь Белецкий, из запаса: сгибался смаху в поясе, приседал, подскакивал, крутил руками.

Покидая поле, Скачков не забыл протянуть парнишке руку, и тот, всем вниманием уже в игре, не глядя, хлопнул его по подставленной ладони и побежал, нервно поправляя коротенькие трусики.

Потеснив ребят на скамейке, Скачков устало плюхнулся и уткнулся лицом в подол футболки. Лучше было сразу уйти с поля в раздевалку, но ему хотелось показать, что ничего особенного не произошло. Ну, не справился малость,

ну, заменили. Игра... Но в то же время по настроению вокруг, по тому, с каким видом сидели рядом с ним ребята из запаса, с какой настойчивостью Арефьич, шевеля бровями, силился не отвлекаться от событий на поле, Скачков понимал, что напрасно он бодрится. Вон и Матвей Матвеич, грузный, сумрачный, поглядывает украдкой, сочувствует. Значит, пока он был в игре, они отсюда видели все его огрехи и, конечно, переговаривались, бросали реплики.

Морщась, Скачков засовывал палец под тугую бинтовку на больной ноге и смотрел, что делается на поле. Игорек Белецкий оттянулся в линию полузащиты, на скачковское, вернее, на свое будущее место и стал старательно пасти настырно лезущего на ворота Бакарадзе. «Ну, Бак,— подумалось Скачкову,— от меня убежал. От молодого убеги!» Странно, непривычно было наблюдать за игрой со стороны,— как будто тебя обессиленного вынесло на тихую спокойную отмель, а там, на середине, где оставил все свои силы, по-прежнему несется и кипит неубывающая вороная рябь стремнины...

Следовало бы, пока сидишь, смотать с ноги резиновый бинт, но сделать это Скачков решил в раздевалке, наедине. Он поднялся и, не скрывая больше хромоты, направился к спуску в туннель. Он знал, что вслед ему посмотрят все свои, и не оглянулся. Заметил лишь, когда тащился мимо, что Иван Степанович, ходивший, как обычно, возле кромки поля, поторопился отвернуть лицо, чтобы не встретиться с ним взглядом. Старый мастер, понимая состояние Скачкова, не хотел травить его и без того болезненной душевной раны своим сочувствием, ненужной жалостью.

Минуты, когда Скачков в полном одиночестве возился в раздевалке, а наверху продолжался поединок, запали ему в душу на всю жизнь. Возраст, возраст... извечный враг спортсмена. И как ни старайся, как ни режимь, молодости не вернешь.

Разбудило Скачкова назойливое верещание звонка над дверью в коридоре. С тяжелой головой он перевернулся на спину, стал приходить в себя.

В ванной прекратился плеск и шум сливаемой воды, по коридору прошелестели легкие шаги — Клавдия побежала открывать.

«Маришка с мамой»,— решил Скачков и, энергично потянувшись, спустил с дивана ноги. Он ожидал услышать звонкий голосишко дочки и приготовился схватить ее на

руки, едва она покажется в дверях и станет щуриться со света, нетерпеливая, в расстегнутом пальтишке, в сбившемся беретике.

В коридоре щелкнул замок входной двери и вместо Маришки, вместо нетерпеливого топотания ее ножонок Скачков услышал чей-то громкий бодрый голос:

— В гости принимаете?

Ну вот, кого-то принесло.— Скачков разочарованно зевнул.

— Геш,— позвала Клавдия,— ты не спишь? Тут к тебе.

Посапывая и потирая измятое лицо, Скачков появился в коридоре. На площадке перед дверью, галантно улыбаясь, стояли Комов с Суховым, оба слегка навеселе, франтовые, во всем заграничном,— картинка, а не парни. Комов держал в руке букетик подснежников.

— Ого!— удивился заспанный Скачков и встряхнул головой.— Валяйте, братцы, заходите.

Склонив влажную, тщательно причесанную на пробор голову, Комов подал Клавдии букетик и ловко чмокнул ее в руку.

— С ума сошел!— Клавдия отдернула руку.— У меня же стирка.

Не переставая улыбаться, Комов вытер губы.

— Тем более. Стерильно!

Остроты Комова, сколько его знал Скачков, всегда были на уровне компаний, где не было необходимости в особом остроумии, там достаточно было одного его присутствия.

Но что их привело?

В комнате Федор придвинул к низенькому журнальному столику удобное глубокое кресло, сел и мрачно подперся кулаком. Глаза его слипались. Развязный Комов, напротив, был свеж и полон энергии. Он быстро очистил столик, перебросив кипу тоненьких журнальчиков на подоконник, и, сковыривая с коньячной бутылки пробку, по-свойски обратился к хозяйке дома:

— Клаш, ты бы нам рюмочки, что ли, сообразила. А лимончика случайно не найдется? Тогда ты его — знаешь?— сахарочком, сахарком...

Он был подвижен, возбужден, его распирало настроение, сознание своей широкой силы, на бычьих ляжках едва не лопались дорогие заграничные брюки. Ко всему, что не имело отношения к футболу, Комов испытывал непоколебимое презрение.

Подав рюмки и тарелочки, Клавдия извинилась:

— Ребята, я вас теперь оставляю,— ладно? Если что — покричите.

— Ничего, мы тут как-нибудь сами,— заверил ее Комов.

Поддергивая рукава и аппетитно потирая руки, он принялся хозяйничать.

— Геш, это ничего, что мы вот так, без спросу? Понимаешь, разговорчик есть один. Возник вдруг... Федюнь, а ты чего это? Спишь? Стареешь, брат, стареешь. А раньше-то был, а? Лев! Ну, одна еще не повредит. Давай-ка, за компанию.

Налито было и Скачкову, однако и в команде знали, что он не пьет ни капли, и Комов его не приневоливал, а лишь тронул его рюмку своей.

— Геш,— неожиданно позвал он, задерживая рюмку возле губ,— а может, пригубишь малость, нарушишь заповедь? Нет? Вот выдержка собачья! Завидую. Характер. А я... вернее, мы...— он посмотрел на Сухова,— грешны, Грешны брат. Никаких устоев.

Притворно вздохнув, он лихо махнул рюмку в рот и, отдуваясь, стал придирчиво нацеливаться вилкой на самый лакомый ломтик лимона.

— А главное,— проговорил он севшим голосом,— не заслуживаем никакого снисхождения. Верно я говорю, Федюнь?

Свою рюмку Сухов держал криво, проливая на стол и на брюки,— совсем раскис. Скачков вынул у него рюмку из руки.

— Хватит с него,— сказал он Комову, и тот молча согласился.

Подставив ладонь, чтобы не просыпать на колени сахарную пудру, Комов отправил в рот ломтик лимона и некоторое время старательно выедал из корочки сочную подслащенную мякоть. По его глазам, совершенно трезвым, чуть прикрытым веками, Скачков видел, что он сосредоточенно подыскивает начало разговора.

— Понимаешь, Геш... В последнее время у меня, если честно признаться, мозги раком стали. Не смейся,— точно говорю!

Выжидая, Скачков молчал. Он подозревал, что парни заявились потолковать по поводу сегодняшнего скандала в раздевалке. Ну, насчет отчисления Скачков и сам не принимал всерьез. Можно извиниться, и все устроится. Да и смешно затевать какие-либо перемены перед матчем в Вене. В команде и без того положение — хуже некуда.

Вилкой Комов аккуратно отодвинул обсосанную и бро-

шенную на столик лимонную корочку, затем подцепил ее и переложил на тарелку,— все это неторопливо, оттягивая момент откровения.

— Скажи, Геш, только честно: как ты думаешь, выиграем мы в Вене?

«Мы!..» Скачков не мог утаить усмешки. Так и есть: слова тренера об отчислении Комов пропустил мимо ушей. Без команды он себя не мыслил, вернее — не представлял команды без себя.

— Ну, знаешь...— Скачков развел руками.— Поле ровное, мяч круглый.

— А все-таки?— настаивал тот.

В кресле напротив завозился пьяненький Сухов, быстро и ловко, по-обезьяньи, почесал под мышкой.

— Ногами к шее выиграем!— буркнул он и снова щекою на руку, пристроился дремать.— Наколотят нам вагон и маленькую тележку.

— По-моему,— Комов показал, что он согласен с замечанием Федора,— мы еще ни в одном сезоне не начинали так. Согласен? Сыграли три игры, а очков?

Через столик Комов настойчиво следил за лицом Скачкова. И ждал, что тот скажет.

— У австрийцев в прошлом году,— напомнил он,— сам знаешь, еле-еле вырвали очко. А играли у себя. И у них не было Фохта.

Теряясь в догадках, Скачков спросил:

— Так что ты предлагаешь?

— Как — что?— тянул и медлил Комов.

— Хватит финтить-то,— посоветовал Скачков.

Комов обиделся.

— Да кто финтит? Я говорю, надо трезво смотреть на свои силы. Зачем нам ехать в Вену? За каким дьяволом? Позориться? Силы гробить зря? А силы здесь, здесь нужны! Знаешь, за двумя зайцами погонишься...

— Так что — не ехать, значит?— добивался напрямик Скачков.

Выгадывая какие-то мгновения, Комов стал поочередно вытягивать ноги и шевелить ими, расправляя на брюках складки.

— Может быть, и не ехать. Может быть.

Чего-то он опять не договаривал, в чем-то осторожничал.

— Болтаешь ты что-то!— расстроился Скачков.— Готовились-готовились, ждали-ждали и — на тебе: не ехать!

— Ну, хорошо,— уступил Комов,— допустим, поедем. А кто играть будет? Кто? Ты только не обижайся, Геш, но

вспомни Тбилиси... Дыхалки-то уж не хватает. Да и у Федюни вот — тоже... А в Вене играть надо, и еще как! А кто будет? Пацаны? Какие из них игроки? Набрал тоже команду! (Это он уже о тренере). Хотел я ему сказать, подмывало, да удержался. А зря! Надо бы... Ну да дождется!

— Не пойму я, чего ты хочешь,— признался Скачков, устав от догадок.

Вместо ответа Комов пихнул дремавшего приятеля в плечо:

— Федюнь, да хватит тебе дрыхнуть!

Вынырнув из дремоты, Сухов принялся лихорадочно тереть лицо.

— Кома дело говорит,— заметил он, отряхиваясь со сна.— Заявим коллективку — и все. Какой он к черту тренер? Команду развалил, в таблице одни «баранки». Ему в шашки играть, а не в футбол!

Ах, вот они что задумали! То, к чему хитроватый Комов подбирался осторожно, намеками, Федор по простоте выболтал сразу.

— Не по уму это у вас, братцы!— запротестовал Скачков.— Да и кто вам сейчас станет тренера менять?

Тоном человека, близкого к высоким секретам, Комов обронил:

— Сменят, будь спокоен.

Взгляд его, твердый, трезвый, красноречиво дал понять Скачкову, что — да, где-то что-то уже закрутилось.

— Идите вы к черту!— Скачков вскочил.— Да я первый заору... Зачем это вам? Зачем?

— Первый!— Комов отодвинул кресло и, руки в брюки, заходил туда, назад.— А ты первым заори, чтобы его убрали.— Разминулся, дошел до стенки, снова повернулся.— На кой тогда тебя капитаном выбрали? Команда требует!

— Команда!

Сходясь и расходясь, они несколько раз пересекли комнату от двери к окну. Сухов голову отвертел, наблюдая за обоими.

— А кто?— спросил Скачков.

— Кто, кто!.. С этого и начинать надо было,— обиженным тоном проворчал Комов. Прошелся еще раз и вдруг резко остановился.— Тебя мы хотим предложить, вот кого! Подходит?

От изумления Скачков медленно развел руками.

— Братцы... да вы с ума сошли! Какой же из меня...

— Ты, знаешь, брось. Брось!— потребовал Комов, давая понять, что скромность скромностью, а дело делом.— Назна-

чат тебя, и потянешь. А в помощники тебе вот — Федюню. Вторым тренером. Все могут, а вы не сможете? Да мы, Геш, такую команду слепим, что пыль полетит! Кое-кого шуганем, чтоб не мешали, кой-кого со стороны возьмем... Вот — показал кулак.— И дисциплина будет. Все будет!

Так, так... Скачков приходил в себя. Значит, у них уже все продумано, расписано. Однако хороши же будут тренеры! Иван Степанович прожил жизнь в таком футболе, на таком высоком этаже, где никому из них троих, решающих сейчас его судьбу, не приходилось и бывать (и не придется!), и то он настолько изнемог, что часто можно видеть, как врач Дворкин тащит к нему в комнату грелку с кипятком,— опять разгулялась каретниковская печень! Что же говорить про них с Федюней? Скачков хоть учился в физкультурном, имеет диплом, но Сухов-то. Даже техникума не окончил, отчислили за неуспеваемость. Удивительно, что этого не понимает Комов. Или понимает, но своих тайных мыслей и намерений не выдает?

— Давай, Геш, шевели мозгой,— бодро уговаривал Комов.— Кому и принимать команду, если не тебе? Мы тут как решили? В Вену ехать незачем. Стоит ли зря силы тратить? Нам тут очки нужны. В этом году нам бы только в высшей лиге удержаться. Зато уж потом!.. А с этим,— имелся в виду Каретников, точно вылетим. Федюня правильно толкует: ему в пешки играть.

Нервничая, Скачков тер лоб и собирался с мыслями. Значит, свалят они опытного Степаныча и посадят на команду... да по существу посадят самих себя! Но надолго ли их хватит, покуда не снимут с треском? На полгода? Не больше. Как растолковать им, чтобы бросили свою затею? Не послушают ведь!.. Комов в это время возбужденно расхаживал по комнате и с ненавистью говорил о тренере, как о пропащем человеке, судьба которого бесповоротно решена.

— Ты не думай, это ему так с рук не сойдет! Нашел тоже, кого не пускать в раздевалку! А кого же тогда пускать? Дурак какой-то, псих...

С этим Скачков был согласен: зря. Ну зашел бы Рытвин, ну поговорил бы, даже поругал... Подумаешь!

— Видали его,— все больше распалялся Комов,— открытие придумал: Чайковский!... Может, еще на скрипке пиликать заставит? На бандуре ему играть, а не в футбол!

А вот это он напрасно. На юге, после одной особенно изнурительной тренировки, Иван Степанович стал рассуждать о предельных нагрузках в современном спорте. Но

только ли за счет все возрастающих нагрузок достигается победа? А если соперники натренированы одинаково, находятся на пределе своих физических возможностей? Значит, что же — ничья? А нужна победа! Так где же взять, добыть ту каплю, которая все же сдвинет чашу весов? Иван Степанович подождал ответа, не дождался и сказал, примерно, так: при одинаковых физических силах соперников необходимая капля добудется из психологических запасов, тут может сказаться такая мелочь, как — читал ли парень Достоевского, слушал ли Чайковского? Уровень современного спорта настолько высок, что духовная нищета спортсмена непременно скажется на его мастерстве. Не случайно в командах с каждым годом появляется все больше «мозговитых» игроков.

— Программочка!— иронически присвистнул тогда Комов.— Что, Федюнь, скоро очки надевать придется?

— Пенсне!— фыркнул Сухов.

Они обнялись и демонстративно, вдвоем, направились в душевую.

Комову с его лошадиным стенобитным ударом все эти рассуждения об интеллектуальном спорте, как он выразился, до лампочки. Он признавал одно мерило для спортсмена — мощь. Однако и здесь неторопливый, вдумчивый Степаныч готовил ему (а заодно и Сухову) чувствительный удар. Произошло это во время сдачи так называемых нормативов мастерства. Обычно эти испытания проходят накануне сезона, как правило, еще на южных полях, где команды заканчивают подготовку. «Локомотив» нынче, известно, готовился форсированно, и о сдаче нормативов тренеры словно бы забыли. И только дома, с первого же дня посадив команду на режим концентрации, Иван Степанович неожиданно объявил, что нормативы будут приниматься на центральном стадионе и в присутствии зрителей, причем договорился с Брагиным оповестить об этом через газету. Дело было необычное, впервые за все время команда допускала непосвященных на свою «кухню», и народ, и без того соскучившийся по футболу, с радостью повалил на стадион. Очень много было заводских, с вагоноремонтного. Прежде болельщики хоть и гордились своей командой, но видели ее только в дни матчей, на поле,— остальное время она жила изолированно. Теперь же тренер словно открывал болельщикам узкий, строго охраняемый служебный вход.

Сдача нормативов заключалась в целой серии испытаний, на скорость бега, высоту прыжка, количество отжиманий, подтягиваний на турнике, на дальность и точность уда-

ра. По результатам каждому футболисту выставлялся общий балл. Изобретательный Арефьич и врач Дворкин сумели внести в зачеты элемент соперничества, и ребята старались изо всех сил. Лучший итог по всей программе испытаний оказался у Мухина. Вторым был Анатолий Стороженко, исполнительный и основательный во всем, за что бы ни брался. Анатолий учился на механическом факультете сельскохозяйственного института и через трудности продирался с отцовским крестьянским упорством. Скачков, как и центр нападения Владик Серебряков, оказался где-то в середине списка. Хуже всех выявилась подготовка у Сухова и Комова (хотя Федор, как всегда, показал блестящий результат в рывке с места, а Комов отличился своим великолепно поставленным ударом с правой) И Скачков, сначала тоже недоумевавший, зачем понадобилось тренеру публичное представление с зачетами, понял, что Иван Степанович не так прост и беззащитен, как кажется на первый взгляд. Пригласив болельщиков на стадион, он словно нарочно показал им каждого футболиста в отдельности. Дескать, посмотрите, кто и с каким багажом собирается играть! То-то и свистели сегодня на трибунах, когда Сухов сдох к началу второго тайма, а Комов снес, срубил прорвавшегося Полетаева. То-то и закипают они оба, едва заходит речь о тренере!

Скачков не сомневался, что вся затея с переменой тренера принадлежит Комову. Но неужели они всерьез рассчитывали, что и Скачков ухватится за предложение встать во главе команды? А, видимо, рассчитывали и даже не сомневались, потому что, не найдя вдруг в нем единомышленника, Комов почувствовал себя уязвленным.

— Ну хорошо,— сказал он, кривя губы и поцыкивая зубом,— это тебе не подходит. Хотя любой другой на твоем месте... А куда ты думаешь податься-то? Эх, ты, тебе дело предлагают!

Дело!.. Предлагают!.. Сразу вспомнилась вся прошлогодняя история. Куда же они смотрели, когда решали вопрос с его отставкой? На «чистилище»-то были? Были. Что же, помалкивали, да еще и головами согласно махали? А теперь, видишь, решили заботу проявить.

— Геш,— удивился Комов,— ты что, не понимаешь, почему тебя ушли? Если хочешь знать, так Федюня был за тебя. Честно! Да и я... Тренер не захотел. Он на тебя вот зуб имел! Ну и за место держался, хотел за твой счет уцелеть. Он и Рытвина уговорил.

Вспоминать, ворошить прошлое Скачкову было неприятно, он поводил плечами, точно от озноба.

Комов встал и сделал Сухову знак подниматься.

— Смотри, Геш, наше дело предложить.

Скачков провожал их молча, хмуро. Представлялся ему почему-то Каретников, думающий сейчас о том, как залатать прореху в обороне и не догадывающийся, какие тучи собираются над его головой.

— Вместе надо держаться, Геш,— предложил Сухов, когда они вышли в коридор. (Этот-то уж видел себя тренером).

— Ладно, ладно тебе!— остановил его Комов.

В коридоре, нашаривая в темноте защелку замка, он попросил:

— Геш, считай пока, что никакого разговора не было. Договорились? Просто зашли, поговорили. А дальше видно будет.

«Завелись!— подумал Скачков.— К кому они сейчас? К Алехе Маркину?»

В ванной прекратился плеск воды, и Клавдия, вытирая руки, вышла проводить. Комов, не вызывая снизу лифта, сбегал по лестничному маршу.

Торопясь бежать вдогонку, Федор доверительно придвинулся к Скачкову:

— Эх ты, он с Рытвиным обо всем дотолковался. С самим!— Покрутил пальцем возле виска:— Соображать надо, Геш.

Подошла Клавдия, прислушалась к замирающим внизу шагам.

— Что у вас тут? Переругались?

— Не обращай внимания,— сказал Скачков, запирая дверь.— Просто поговорили.

Но на душе у него было скверно.

В комнате Клавдия с неудовольствием оглядела расплесканные рюмки, просыпанную сахарную пудру.

— Удрали, не попрощались... А за Маришкой мы идем?

Положив в изголовье подушечек, Скачков опустился на диван.

— Не поздновато? Может, пускай у мамы переночует?

— А завтра?— спросила Клавдия.— Или ты решил не ехать на базу?

— Ты что!— махнул Скачков.— Обязательно поедем.

Не появись он завтра на базе, Иван Степанович определенно подумает, что он заодно с бунтовщиками, расчи-

щает место для себя. Вот глупые головы, надо же, до чего додумались!

— Мы сейчас — спать,— сказала Клавдия.— Пока ты моешься, я тут уберу и приготовлю постель.

Через несколько минут она вошла в комнату и с удивлением остановилась,— скорчившись, руки между колен, Скачков спал нераздетым. Клавдия убрала со стола, затем, негромко отворив шкаф, достала одеяло и укрыла мужа с головой,— он так и не проснулся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Господи, Геш, ну сколько можно спать?

Проснувшись от того, что с него сдернули одеяло, Скачков сел и бессмысленно заозирался,— нераздетый, в окружении разбросанных по дивану подушечек. В ногах, так и не тронутые ночью, лежали белой стопкой приготовленные простыни, подушки.

Клавдия, свежая со сна, в косынке и халатике, хозяйничала в квартире.

— Вставай, скоро чай будет готов.

Сообразив, что он дома, что уже утро, Скачков откинулся снова и потянулся с такой силой, что встал на мостик,— онемевшее за ночь тело требовало усилий и движения.

— Геш, диван сломаешь!— рассмеялась Клавдия, быстро сворачивая одеяло.

Обеими руками он неожиданно схватил ее и сильно привлек к себе. Уронив одеяло, Клавдия неловко упала к нему на диван.

— Совсем с ума сошел!.. Геш, не дури. Да слышишь ты? Соня же в кухне,— соображаешь?

— А, Соня твоя!— проговорил Скачков и, зазевав, разжал руки.

— А я ночью вставала. Спи-ишь,— без задних ног! Согнулся, скорчился,— замерз, наверное?

Поматывая головой, Скачков сел, уперся руками.

Из коридора постучали, и голос Софьи Казимировны произнес за дверью:

— Чай готов.

— Идем!— откликнулась Клавдия и, покраснев, заторопила мужа:— Вот видишь... Давай в темпе. Нам же еще надо за Маришкой зайти.

День после матча отводился команде для отдыха. В этот день тренировочная база за городом из места заточения футболистов превращалась в общий семейный дом,— ребя-

та приезжали сюда с женами и детьми. Для футболистов топилась парная баня, детвора и жены купались в озере, катались на лодках. Затем в большой комнате, где проходили теоретические занятия, сдвигались стулья, задергивались плотные шторы и начинал стрекотать киноаппарат. Ближе к вечеру, перед тем, как возвращаться в город, все семьи собирались в столовой,— обед готовился позднее установленного часа и проходил весело и долго,— нередко до темноты.

Так завершался день, единственный, когда ребята забывали о футболе.

Наутро большой, известный всему городу красный автобус снова поджидал их на площади. После короткой отдушины начиналась привычная жизнь по раз и навсегда заведенному расписанию.

За завтраком Клавдия обратилась к мужу:

— Геш, ты не рассердишься? Я пригласила сегодня Валерию с ребенком. Пускай поедут, а? Просилась очень... Места же хватит.

Валерия, жена Звонарева, прямо-таки обволакивала своей дружбой Клавдию. У них установились какие-то свои отношения.

— О чем разговор!— согласился он, незаметно высматривая, чего бы еще съесть. Его сильному, привыкшему к ежедневным нагрузкам телу было недостаточно постного городского чаепития.

Вылезая из-за пустоватого стола, Скачков утешился: «Ладно, на базе уж...»

Стали собираться. Клавдия носилась, мотая по спине распущенными волосами. На минутку закрылась в ванной и выскочила в туго натянутых брючках, в узком свитере. Скачков, пережидая сборы, украдкой загляделся на нее: несмотря на время, она оставалась все той же длинноногой девчонкой, какой он впервые увидел ее на стадионе.

— Валерия придет прямо к автобусу, она знает,— оживленно говорила Клавдия, расчесывая перед зеркалом волосы щеткой.

Сам Звонарев работал в управлении дороги, жена его имела какое-то отношение к телевидению. Попав к Звонаревым впервые, Скачков нашел там безалаберную обстановку веселой, легко катившейся жизни. Это был дом, куда не ждали приглашения, а просто приезжали, и все. Народ толокся самый разнообразный, и часто, очень часто кое-кто из гостей совершенно не знал хозяев, как не знали его и сами хозяева. У Скачкова до сих пор сохранилось впечат-

ление невообразимой пестроты: бороды, джинсы, мужская стрижка женщин и женские локоны мужчин; можно подумать, что мужчины стремились избавиться от последних признаков мужественности, а женщины откровенно стеснялись своей женственности. И — дым, табачный дым коромыслом.

Запихивая в сумку купальный костюм и полотенце, Клавдия без умолку трещала,— изливала накопившиеся новости. Мир, куда тащили ее Звонаревы, увлек Клавдию и очаровал.

— Ты представляешь, Геш, тот самый Саушкин... я тебя с ним как-то знакомила!— написал сценарий специально для Валерии. Там одна сцена есть — блеск!..

Скачков покрутил головой.— Едем, что ли?

— Соня, мы ушли!— крикнула Клавдия и хлопнула дверью.

Час был ранний, о вчерашнем бесславном матче напоминали отсыревшие, кое-где оборванные с угла афиши. По мокрому асфальту, шелестя шинами, проносились редкие автомашины. Шаркали метлами дворники.

Скачков тащил сумку с купальными принадлежностями. Сверху Клавдия положила потрепанную куклу, любимую игрушку дочери. На озере Маришка, изображая взрослую маму, непременно потащит за собой в воду и послушную куклу.

Гудок, настойчивый, протяжный, совсем рядом, заставил Скачкова оглянуться. На тихой скорости ползло битком набитое узлами, пассажирами такси, и шофер, высунувшись, приветственно кричал, махал рукой, показывая в улыбке зубы. Скачков, едва взглянув, небрежно отсалютовал. Они все отчаянные болельщики, эти шофера такси!

Пока переходили улицу, Скачкова окликнули несколько раз. Никого не узнавая, он кивал, выдавливал любезную улыбку. Ничего не поделаешь: известность!

На противоположной стороне, за длинными столами, где вечерами бойко торгуют цветочницы, Клавдия заметила старушку с двумя корзинами, замотанными тряпками.

— О, цветы!

— Перестань!— запротестовал Скачков, но Клавдия уже бежала через улицу, с усилием засовывая руку в узкий карманчик брюк.

— Стыдись,— сказала она, с наслаждением окуная ли-

цо в душистый свежий букет.— Идешь к матери — и без цветов.

Он промолчал. Цветы или другой какой-нибудь подарок, когда они являлись в гости к матери, были откровенным знаком вежливости, свидетельством непроходящего отчуждения в отношениях свекрови и снохи. Клавдия не могла простить Анне Степановне какой-то пустяковой, но чувствительной обиды...

Женившись, Скачков моментально получил квартиру в центре города, на проспекте, в большом, на целых два квартала доме, увенчанном с угла скульптурою работницы. Тогда это был лучший дом. Анна Степановна с дочерью, сестрой Скачкова, остались жить на старом месте, в железнодорожном поселке, недалеко от станции. Поселок вырос в середине тридцатых годов, когда завершилось строительство железнодорожной магистрали. В то время в новеньких двухэтажных деревянных домах получили квартиры передовики производства.

Отец Скачкова, паровозный машинист, воспитывал детей без баловства, добиваясь серьезного отношения к жизни. Само собой, когда отца не стало, Скачков, как единственный мужчина, должен был возглавить семью. Однако футбол, а затем женитьба на Клавдии отдалили Скачкова от матери, и обязанности его перешли к Лизе, сестре.

Бывая в городе наездами, Скачков удивлялся, как быстро изменяется его облик. Сначала город был привязан к станции, к вагоноремонтному заводу, к локомотивному депо, но мало-помалу стал расти в сторону от железной дороги, приобретать важное значение в стране. Один за другим появлялись предприятия: завод горного оборудования, завод точных приборов, ТЭЦ, домостроительный комбинат. Помимо серого вместительного овала стадиона поднялся куб зимнего дворца спорта, на центральных улицах вознеслись прямые грани многоэтажных жилых домов. Прежняя станция с черной металлической грязью на путях, с гремучей сутолокой вагонов, с пронзительными свистками маневровых постепенно превратилась в рабочую окраину, преддверие большого индустриального центра. Старый железнодорожный поселок совсем утонул в тополях, которые Скачков помнил тоненькими прутиками, посаженными на воскресниках. В обветшалых скрипучих домах с верандами, затянутыми хмелем, доживали на покое некогда самые знаменитые люди города. Теперь они появлялись лишь на праздничных трибунах и в президиумах.

Наравне с рабочей, индустриальной известностью города

рос и набирал силы футбол. Команда «Локомотив» вот уже несколько лет выступала в высшей лиге.

Получив прописку в «избранном обществе» нашего футбола, «Локомотив» стал предметом болезненной гордости горожан. Директора предприятий боролись за право влиять на судьбу любимой команды. Рытвин, в силу того, что железная дорога оставалась самым старым предприятием города, традиционно главенствовал на «чистилищах».

После городского шума и движения старый железнодорожный поселок казался спокойной обителью пенсионеров. Дачи не дачи,— что-то полугородское, полудеревенское: частокол телевизионных антенн на крышах, у крыльца две-три яблони и грядка крыжовника, млеют в горячей пыли куры, обморочно стонет на карнизе голубь. Анна Степановна жаловалась Скачкову, что город ее утомляет и если бы не Маришка, век бы она туда не показалась. «Ты хоть воздух сравни! Тут ребенок день всего побегает — и сразу видно...»

Открывая калитку, Клавдия не то спросила, не то напомнила:

— Мы не надолго, да? Автобус в десять?

— В одиннадцать.

Под просторной, с плоскими балясинами верандой стоял по колена в зелени Максим Иванович Рукавишников, жилец на первом этаже. В закатанных брюках, в майке и галошах старик из шланга, протянутого в окошко кухни, поливал цветочную грядку и несколько помидорных лунок. Завидев Скачкова с Клавдией, он замахал свободной рукой и радугой пустил вверх по листве упругую шелестящую струю.

Каждый раз, когда Скачков видел старика-соседа, ему вспоминался отец. До войны Максим Иванович ездил у отца помощником машиниста, они дружили, жили рядом, и Скачкову запомнились вечерние возвращения отца с помощником из поездок: оба в машинном масле и мелкой саже, будто части горячей маслянисто-черной машины. В те времена, мальчишкой, Скачкову почему-то всегда казалось, что поезда, которые водил отец с помощником, обязательно идут против плотного равнинного ветра. Зимними днями, ожидая отца из поездок, сидел у окошка и завороженно смотрел на редкий малокровный снежок — в такой тихий сумеречный день каждая снежинка, казалось, несет с собой великую тишину бездонного белесого неба. Ему виделся тяжелый разогнавшийся поезд, торопящийся домой, ветер хлещет паровозу в лоб, но тот упрямо ломится

сквозь этот вал и ревет, победно оглашая пустые огромные пространства.

Горячая, блистающая лаком машина во главе состава представлялась Скачкову одушевленным существом, назначенным для того, чтобы распарывать встречный ветер. В памяти остались впечатления от мощных усилий всех движущихся частей паровоза, толстых, обильно залитых машинным маслом, страшноватых своей слаженностью друг с другом. В одном случае паровоз, силясь сорвать состав с места, несколько раз пробуксовывал всеми колесами, сердился, трясся от напряжения и блестел рабочим потом; но вот в очередном усилии состав поддался, тронулся, и паровоз, все прибавляя ходу и ярясь, поволочил этот послушный бессловесный хвост и вскоре удовлетворенно заревел вдали... Вся жизнь паровоза проходила в непрерывном мускульном усилии, и, может быть, поэтому, когда Скачков встречал отца с помощником на станции, ему казалось, что машина вся лоснится от довольства сделанной работы, нисколько не стесняется одышки и потихонечку смиреет, как человек, закончивший свой труд.

После поездок у отца с соседом считалось обязательным посещение жаркой поселковой бани. Наступали сумерки, продолжал роняться неприметный реденький снежок. Скачков тащил общий сверток с чистым бельем и, заглядывая в лица, слушал, о чем там негромко переговариваются до смерти уставшие отец с помощником...

На громадном дворе вагоноремонтного завода стояла «Чаша скорби», памятник погибшим рабочим дороги, и на гранитной плоскости пьедестала среди других фамилий была выбита и фамилия Ильи Скачкова... Она стояла самой последней, внизу, потому что война продолжала уносить и после 45-го, добираясь до уцелевших солдат последствиями фронтовых ранений и контузий. Скачкову казалось, Максим Иванович испытывает перед осиротевшей семьей какую-то неловкость, словно он сам был виноват, что война пощадила его и оставила жить. Старый друг, он принимал в семье погибшего посильное участие. Это он привел Скачкова на вагоноремонтный, в механический цех, учеником слесаря. Он же провожал его и в армию, проявляя сострадание к плачущей Анне Степановне. Новобранца старик напутствовал как опытный, бывалый солдат, деликатно сдерживая чрезмерность своих чувств, потому что признавал их лишь за настоящим, пусть и отсутствующим в этот день отцом...

Максим Иванович бросил шланг в грядку и, вытерев руку о штаны, протянул Скачкову.

— Что там у Полетаева? Перелом, говорят?

Заядлый болельщик, старик считался завсегдатаем стадиона. Их там целая колония на западной трибуне, почетных железнодорожников, помнивших времена, когда команда мастеров только создавалась и затем трудно пробивалась в высшую лигу.

К крыльцу, избегая капель с мокрых листьев, опрятно пробиралась Клавдия. Она поздоровалась, старик в ответ кивнул.

— Комов этот ваш...— проворчал он.— Костолом. Из-за него гол-то схлопотали.

Наверх пошли все вместе. По узкой лестнице с мелкими ступенями Клавдия поднималась бочком, часто перебирая стройными, затянутыми в брючки ногами. Максим Иванович скинул внизу сырые галоши и остался босиком.

В соседнем огородике, за редким штакетником оградки, возился суровый старик Поляков, худой, в майке и форменной фуражке. Старика бил кашель, он мотал головой и страдальчески прижимал к груди руку. В другой руке у него дымилась неизменная цыгарка. В своем огородике Поляков выращивал какой-то особый сорт табака, которого не выносили даже самые отчаянные курильщики.

С крылечка, поднимаясь с сумкой, Скачков поздоровался с соседом. Поляков, мотая сизыми щеками и заходясь от кашля, помахал рукой.

— Вчера вместе сидели,— сказал Максим Иванович.— Жалко Полетаева. В сборную-то теперь кого вместо него поставишь?— Он подумал и сам себе ответил: — Некого.

Первой услышала голоса на лестнице Маришка. Скачков присел ей навстречу, подхватил и сделал несколько кругов по комнате.

— Пап,— кричала она,— а почему вы вчера не пришли? Вы же вчера обещали!

— Дела там всякие... Некогда,— мурчал Скачков, щекоча животик ребенка.

Маришка смеялась и визжала:

— А я ждала! Знаешь, как ждала?

— Мариш,— пристыдила ее Анна Степановна,— ну как тебе не стыдно? Разве тебе здесь плохо было?

Обхватив отца ручонками за шею, Маришка притихла и больше не сходила с рук.

В лице матери, истонченном постоянными недомоганиями, Скачкова, как всегда, тронули сдержанная радость и покорное ожидание его скорого ухода.

Осматриваясь в старой отцовской квартире, Скачков не

находил никаких перемен. Вещи, необходимые в хозяйстве, экономно занимали места вдоль стен, оставляя хозяевам середину комнаты. За окошечком громоздкого деревянного буфета выставлены рюмки и стопочки с золотой каемкой,— последний раз их ставили на стол в день поминок по отцу. Телевизор с вышитой накидкой, детская кроватка,— это специально для Маришки, если останется ночевать, пианино (Лиза вела в клубе железнодорожников занятия по музыке). Раньше на буфете, под потолком, скапливались и пылились залистанные учебники, газеты и номера журналов «Костер». Сейчас там чисто, хотя Скачков знал, что самые дорогие номера газет матерью отобраны и спрятаны,— в них траурное сообщение о смерти, соболезнования, а в одном, совсем уж ветхом, довоенном, Скачков нашел заметку: «Передовые машинисты депо широко применяют метод знатного машиниста страны тов. Лунина. Машинист, член партии тов. Скачков со своим напарником тов. Рукавишниковым с I-го января работают на пассажирском паровозе № 216-93 без межпоездного ремонта. На промывке они сами ремонтировали локомотив». Окраску времени, эпохи, жизни целого поколения перед большой войной сохранили эти скудные, сухие строчки.

Из кухни вернулась Клавдия, неся перед собой вазу с цветами. Несколько капель уронилось на пол, она оглянулась, проговорила:

— Извините, сейчас подотру.

Поставив цветы на подоконник, Клавдия критически отступила, затем переставила вазу на комод,— так ей понравилось больше.

Пришла из магазина Лиза, тяжело поднялась по неудобной лестнице с поклажею в обеих руках: сетка с пакетами, бидон с молоком.

— О, у нас гости!

Сложив продукты на кухне, она ласково ущипнула Маришку за спинку.

— Обрадовалась? Уже уходишь?

Маришка спрятала лицо на плече отца и прижалась еще крепче.

— Завтракали?— спросила Лиза.

— Да, спасибо,— ответила Клавдия.— Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Разве только Маришку покормить.

Лиза улыбнулась.

— Она сегодня чуть свет на ногах. Даже Максима Ивановича разбудила. И оделась сама, и поела... Ну, уходишь, стрекоза? А когда опять приедешь?

— Сиди, Максим,— тихо попросила Анна Степановна, заметив, что сосед собирается уходить.

— Да, сидите, нам уже пора,— решительно вмешалась Клавдия.— Геннадий, где наша сумка?

— Погостили, называется!— упрекнула Лиза.

Целуя мать в щеку, Скачков пробормотал:

— Мы действительно можем опоздать.

Он заставил поцеловаться с бабушкой и Маришку.

— Скажи: приходи, бабушка, к нам,— подсказывал он дочке.

— Вместе с тетей Лизой...

Анна Степановна теребила в руках передник. Тоскуя по сыну, не видя его неделями и месяцами, она всю свою любовь перенесла на внучку. Время от времени, не обращая внимания на недовольство Софьи Казимировны, она приезжала и забирала Маришку к себе.

Вниз Анна Степановна спускаться не стала. Она потянулась и поцеловала сына в лоб.

— Ну, сынок, с богом. Только не деритесь вы там. Сердце кровью обливается глядеть на вас на всех! Ума не приложу — что и за футбол такой пошел? Раньше-то... ходили мы с отцом. Играют и играют. А теперь того и гляди голову проломят.

— Я осторожно, мам,— пообещал Скачков.

— Ген... Генка,— окликнул его Максим Иванович.— Говорят, Комова выгнали из команды? Правда, нет?

«Дошло уже!»

— Треп. Мало ли бывает...

Он в самом деле был уверен, что скандал в раздевалке не будет иметь больших последствий. По крайней мере сейчас, перед Веной.

Боясь оступиться на крутой и узкой лестнице, Скачков прижимал к себе Маришку и напряженно глядел под ноги.

Внизу он спросил у сестры:

— Мама не больна? Бледная какая-то...

— Вроде нет. Так, разве,— немного...

Напоследок Лиза попросила:

— Гешка, когда по телевизору показывают, ты уж поосторожней. Она же смотрит все до самого конца и переживает. Я валидол наготове держу. Пожалей ее.

— Куда осторожнее-то? И так...

— А, говорить с тобой!

Шланг, брошенный на грядку, урчал и пошевеливался, как живой. Вода переливалась на дорожку, и Скачков,

засмотревшись наверх, ступил в холодную лужу. В окне наверху виднелись два лица, затем появилась Лиза.

— Я еще забегу!— крикнул Скачков и ручонкой Маришки замахал на прощанье.

Заметил: мать отвернулась и уголком фартука промокнула глаз. Лиза сделала ему успокаивающий жест: ничего, пройдет. Возвращайся поскорее!..

Всю дорогу, пока добирались до площади, Скачков удрученно молчал. Бывая у матери, он каждый раз уходил от нее с чувством большой, вполне осознанной вины. Давно следовало что-то сделать, чтобы у него в доме мать не чувствовала себя чужой. Но что? Он понимал — виной была Софья Казимировна. К футболу тетка Клавдии относилась, как к увлечению мальчишек, не больше. Детская игра. В свое время она положила немало сил, чтобы прекратить знакомство племянницы с футболистом, однако — нашла коса на камень. Зато потом, после свадьбы, быстро осмотревшись в доме, стала открыто презирать Скачкова. Взрослый человек, только и умеющий, что на потеху публике гонять ногами мяч,— какой это глава семьи? Свое презрение она переносила и на Анну Степановну.

Любовь к внучке примирила Анну Степановну и с Клавдией, и с надменной Софьей Казимировной. С одним она не могла примириться до сих пор — с футболом, который заменял Скачкову все: дом, жену, друзей, а иногда и единственного ребенка. Ох, этот футбол! Одним он в радость, а другим в досаду. Для Анны Степановны футбол был постоянным наказанием. Прежде увлечение сына означало вконец разбитые ботинки, которых никак нельзя было напастись, ободранные колени и синяки, плохие отметки и жалобы директора школы. А сейчас... сейчас, как понимала Анна Степановна, у сына была не жизнь, а какая-то долгая, затянувшаяся командировка, и она терпеливо дожидалась дня, когда наконец скажутся годы, и жизнь Скачкова потечет ровным, установленным порядком,— «как у всех нормальных людей», которые ходят на стадион из одной простительной невредной слабости.

Нынешней зимой Анна Степановна не могла нарадоваться: давно бы так! Но приехал Каретников, и футбол снова забрал Скачкова у семьи.

Футбол ли виноват был во всем домашнем укладе Скачкова? Порой ему самому казалось, что да, именно футбол, целиком отнимавший его мысли, силы и время. Но попробовав нынче спокойной размеренной жизни, какой давно дожидалась Анна Степановна, он был рад возвраще-

нию в команду и гнал мысль о том черном дне, когда футбол обойдется без него, и место его в команде займет какой-нибудь молоденький, нетерпеливый и старательный парнишка. Хоть и не сахар эти утомительные перелеты и игры, игры без конца: на первенство, на Кубок, товарищеские у себя и за границей, хотя нагрузка порою становилась не по силам, все же еще можно было жить так, как он давно привык и как хотелось. У него оставалось любимое занятие, которому он отдал молодость, свои счастливейшие годы.

Врач Дворкин, прислонившись к автобусу, задумчиво покуривал и отвечал на приветствия подходивших футболистов сдержанным наклоном головы. Аккуратно пуская вверх порции дыма, он поднимал голый, с длинными залысинами лоб и следил, как дым пробирался в густой, начинающей обвисать листве. Автобус, спасаясь от раннего зноя, въехал одной стороной на тротуар, под узенькую тень деревьев, где сохранилась влажная кромка политого утром асфальта.

Толкая впереди себя сумку, Скачков с ребенком на руках бойко влез в раздвинутые дверцы. На его громкое, дружелюбное «Здравствуйте!» отозвались лишь молодые игроки из дубля, набившиеся на задние сиденья. Головы ребят едва виднелись из-за высоких спинок в чехлах. Шофер Николай Иванович, подняв на лоб темные очки, подперся кулаком и безучастно наблюдал, как в центре площади старушка в теплом плаще сзывала голубей, рассыпая из бумажного кулька пшено. Рядом с шофером в одиноком вращающемся кресле, распустив брюхо, мрачно восседал массажист Матвей Матвеич.

Скачкову стало неловко за свою бойкость: все, кто находился в автобусе, еще не отошли от вчерашней стычки в раздевалке.

— Давай-ка сядем здесь,— шепотом сказал он Маришке, устраиваясь с нею на свое привычное место с правой стороны.

— Мама...— громко сказала Маришка и показала пальцем в окно.

На ее голос оглянулись и шофер, и массажист.

Оживленно поднялись в автобус Клавдия с подругой: одинаковые прически, очки на пол-лица, брюки в обтяжку,— словно сестры-близнецы. Валерия пришла на условленное место заранее и дожидалась у витрины закрытого ювелирного магазина. Сынишка Звонаревых, ровесник Ма-

ришки, порывался подойти к автобусу, Валерия, стесняясь незнакомой обстановки, отвлекала его, показывая на витрину.

Вскочил в автобус Владик Серебряков, коротко буркнул общее приветствие. Он сунулся было на свое обычное место, потом вспомнил и прошел в самый конец. По традиции места впереди оставлялись для семейных, с женами и детьми, все холостые ребята проходили и усаживались сзади.

Владик сел, пристроил под ногами сумку и, ни с кем не заговаривая, уткнулся в книжку. Скачков не глядя мог сказать, что — стихи. Кроме футбола, у Владика было две страсти, два увлечения: стихи и магнитофонные записи. Прошлой осенью он поступил на факультет журналистики...

Неторопливо поднялся Павел Нестеров и, положив руку на плечо массажиста, некоторое время изучал: куда бы сесть? Обычно он ездил на базу с женой и сыном, занимал семейные места. После южных сборов у них с женой что-то разладилось, Павел ушел жить в общежитие к холостым ребятам. С хмурым лицом он миновал первые ряды и где-то сзади зашелестел газетой, разворачивая книгу. Эту книгу, детектив Сименона, добыл на юге кто-то из ребят, в команде ее читали по очереди и истрепали так, что давно потеряли обложки.

Автобус постепенно наполнялся, но тяжелая обстановка действовала сегодня даже на детвору: помалкивали. Так бывало всякий раз: отвратительное чувство разобщенности, словно перессорилась вся команда. В общем-то вроде бы никто ни перед кем ни в чем не виноват, но в то же время каждый ведет себя так, будто чувствует свою унылую вину. Но — какую? Перед кем? В чем? Скачков заметил, что в таких случаях, как вчера, организм коллектива реагирует немедленно: его уже нет, этого коллектива, он рассыпался на такое количество осколков, сколько номеров в команде. В неприятном отчуждении каждый из ребят старается держаться сам по себе.

Вспомнились вчерашние поздние гости. «Интересно, были они у кого-нибудь еще или нет?»

Ни тот, ни другой покамест возле автобуса не появлялись.

«Не придут! — решил Скачков. — До самого «чистилища» не покажут глаз».

В автобус, одним прыжком махнув на верхнюю ступеньку, влетел Виктор Кудрин, возник как ясное солнышко: задорный нос, рыжие щеголеватые бачки на щеках, румя-

ные губы сами тянутся в улыбку. Вот уж возле кого никакая печаль не засидится!

— Э-э!..— протянул Кудрин, одним бегучим взглядом уловив мрак и угрюмость в автобусе. Остановился возле Скачкова и затормошил Маришку:— эй ты, девка! А ну-ка здравствуй.

И, странное дело, Маришка доверчиво заулыбалась и протянула ручонку.

— Да не так. Ты хлопни. Крепче— Виктор подставил раскрытую ладонь. Маришка размахнулась и ударила.

— Чего один?— спросил Скачков.

— А!..— по рыжеватому лицу промелькнула легонькая тучка.

— Не знаешь, что ли? Поцапались.

— В консерватории опять?

— Ну да!

Пересаживая Маришку на другую ногу, Скачков с веселым пониманием кивнул: все ясно.

В команде секретов не бывает, и ребята знали о долгом ухаживании Виктора за студенткой консерватории Стеллой, худенькой, черной как грач, не то чтобы красивой, но... что-то привлекало же и тянуло к ней парня! Девушка презирала футбол и всеми силами старалась приобщить Виктора к высокому искусству. После матчей часто прямо со стадиона, с сумкой, Виктор покорно тащился в концертный зал и удобно заваливался в кресло. Помогала ему привычка к постоянным долгим перелетам, переездам. Иногда, если прошедший матч был слишком трудным, случались с ним конфузы, и тогда на следующий день на базе Виктор потешал ребят, изображая посмешнее что вчера произошло.

— Опять заснул?— спросил Скачков.

— Ты, что!— ужаснулся Виктор.— Там уснешь! Постой, приедем — расскажу.

Ровно в одиннадцать появился Арефьич, второй тренер, пропустил впереди себя запыхавшегося Мухина с женой и ребятишками, глянул на часы и приказал трогаться. Лязгнула дверца, и автобус, пугая ленивых, раскормленных голубей, сделал плавный круг по раскаленной площади.

Удивляло, что к назначенному часу не явились ни Комов с Суховым, ни сам Иван Степанович. Оставалась надежда, что они приедут на базу на собственных автомашинах. У Федора Сухова был много раз битый, доживающий свой век «Москвич», Комов недавно обзавелся «Волгой». Иван Степанович привез с собой старенький, надежно работавший в его руках «Запорожец».

За городским рынком, на углу возле театра подобрали Маркина и Семена Батищева. Вся группа еще издали замахала руками. Алексей Маркин проворно подал в двери детвору: двоих своих беленьких девочек-двойняшек и толстого мальчишечку Батищева, насупленного, с пальцем во рту. Семен влез с сумками в обеих руках и с облегчением плюхнулся на переднее сиденье. Сразу же завертел головой, оглядываясь: добрый, радостный, счастливый. Простой и славный парень Сема: что в душе, то на лице... Каждый раз, когда тренер называет состав на ближайшую игру, Семен сжимает кулаки и бледнеет: поставят, не поставят? Комов на него в игре орет, как на мальчишку. Семен все терпит. За футбол он, если надо, не пожалеет ничего: фанатик. Скажи ему: умри — умрет. Прибавить бы ему еще чуть-чуть соображения на поле, и был бы он защитник хоть куда! Но все-таки Семен надеется, что самый золотой матч у него впереди, он еще сыграет так, что ахнут, и уж тогда не на него, а он станет орать, и на трибунах будут узнавать его фигуру с двойкой на спине, кричать ему, приветственно свистеть,— все это еще будет, будет...

Соскучившийся Виктор Кудрин полез вперед и стал тыкать его в спинку, задирать: «Сем, а Сем...» На базе они с Батищевым жили в одной комнате, в поездках занимали вместе номер, и Семену от пересмешника-сожителя не было спасения. Выручало его терпение, воловья невозмутимость.

— Эй, земляк,— затормошил Виктор батищевского карапуза, так и сидевшего с пальцем во рту,— откусишь палец-то. Или ты его вместо щетки приспособил? А? Да ты скажи, чего молчишь? Есть у тебя щетка, нету? Тогда у батьки забери, мы ему общественную найдем.

На балагурство Кудрина обернулись, усмехнувшись, массажист и шофер Николай Иванович: вот балабон! А дело было давнее. Когда-то, только взятый в дубль и поселившийся на базе, Батищев вышел утром умываться. На подзеркальнике над раковиной лежали чьи-то мыло, щетка и паста. Семен помылился, потом принялся неторопливо чистить зубы. Внезапно появился Шевелев, капитан команды, тогда еще игравший, не ушедший на покой.

— Ты!..— заорал он на Батищева.— У тебя что, глаза вылезли? Это же моя щетка!

Семен спокойно вынул щетку изо рта и подал:

— Я не знал. Думал, она общественная.

С тех пор прошло много лет, но случай со щеткой не забывался.

— Вить, отстань!— терпеливо отбивался от приятеля Батищев.

Кончилось все тем, что Кудрин перетащил к себе батищевского пацана, устроил его на коленях и, наклоняясь, стал что-то ворковать и показывать в окно.

Алексей Маркин рассадил возле себя дочек и привстал, чтобы подвязать трепетавшую на окне занавеску. Тугой ветер ударил в счастливые рожицы девчушек, они хватались ручонками за огромные банты на головах и наперебой смеялись.

По лицу вратаря Скачков пытался угадать, добрались ли до него вчера поздние гости и какой у них состоялся разговор. «Да нет,— успокаивал он себя,— пустой номер. Алексей не клюнет».

Пока ехали по городу, автобус часто останавливался, пережидая трамваи или перед светофорами. Прохожие узнавали футболистов и восторженно пялились в окна. Милиционеры на перекрестках улыбались и брали под козырек. В ответ Николай Иванович коротко рявкал клаксоном и салютовал рукой.

За городом, выбравшись из переулков, разогнались и набрали скорость. Автобус возносило и опускало, будто на отлогих незаметных волнах, и в такт неровностям прямой однообразной автострады нежно колыхало пассажиров. В напряженном трепыханье занавесок стало слышно комариное зуденье рассекаемого на равнине ветра.

Соприкасаясь головами, оживленно разговаривали Клавдия с подругой. О чем?— не разобрать. Они вдвоем не замечали никого. Мальчишка Звонаревых стоял на коленях и поверх спинки сиденья исследовал Скачкова круглыми упорными глазенками.

Раза два Клавдия обернулась и мазнула взглядом по нему с Маришкой, убеждаясь, что они на месте, все у них без перемен. Чем она живет сейчас, чем вообще жила все это время, пока он был на юге? Странно, что именно он ничего не знал об этом или же знал гораздо меньше других. Футбол накрепко отгородил его от всей жизни.

Кто-то тронул Скачкова за плечо, он обернулся: Павел Нестеров.

— Геш, треп идет, что Кому в Ленинград берут.

— Кто сказал?

— Да говорят...

Обдумывая новость, Скачков с сомнением покачал головой. Он-то знал, что у Комова и Сухова совсем другой расчет. Однако что им стоило распустить слух и о пригла-

шении в Ленинград? Дескать, смотрите какой ценный игрок, не пропадает и без «Локомотива!»

В Ленинград! Зачем он, спрашивается, там? Если по большому счету, то Комову с его репутацией не найти места ни в одной команде. Однако где он, большой счет, если те, что сидят в центральной ложе стадиона, весь свист и улюлюканье трибун воспринимают как собственное оскорбление? Переглядываются, кривят губы и — тренеру каюк. «Ничего что-то у него не получается». В прошлогоднем осеннем матче с австрийцами Рытвин и его внушительное окружение явились в перерыве в раздевалку. Тренер был готов порвать фуфайку на груди. «Вы же сами видите, у нас Стороженко на одной ноге играет. Мениск!» И требовал, чтобы тот встал и показал распухшее колено. Кто-то из свиты, кажется, директор домостроительного комбината Феклюнин похлопал Владика Серебрякова по плечу и дал отеческий совет: «Ты рвись в штрафную. Чего ты? Снесут тебя — пенальти. Просто же!» И когда Федор Сухов вколотил ответный гол, это было принято, как результат руководящего воздействия. «Ну вот! А то, подумаешь, чикаются. Совсем же другое дело!» Хозяева команды, они знать ничего не знают о слагаемых настоящего, большого спорта, да и не желают знать. От каждого нового наставника команды они требуют немедленно, буквально в нынешнем сезоне пробиться в лидеры, никак не меньше! «Смогла же стать чемпионом страны ворошиловградская «Заря»! А чем мы хуже?» Ради этого они не скупятся на условия, переманивая игроков из других команд, ради этого они хватаются за телефоны и дружно нажимают на ректора института, если подошла пора экзаменов, а у команды ответственный матч. «Потом, потом он осилит всю вашу науку,— увещевают они ректора, добиваясь для парня оценки без экзамена,— сейчас ему играть надо. Встреча-то предстоит какая!» Кажется, они сделали все, чтобы обеспечить успех команды, остальное — дело тренера. И горе тому, кто обманет их старания, их честолюбивые надежды. Потому-то тренер, боясь за свое место, махнет рукой на воспитание молодых ребят и берет игроков со стороны, берет, если даже и видит, что «товар» с гнильцой: существует целая категория игроков, которые кочуют по городам и республикам, из клуба в клуб...

Занавески на окнах автобуса вдруг прекратили трепыханье и обвисли, исчезли освежающие сквозняки и сразу ощутилась духота полуденного зноя. Пассажиры сбросили оцепенение, зашевелились. Автобус, скрипя гравием, спол-

зал с асфальта на проселок. Скоро показались кущи тополей, шиферные крыши домиков, незагороженное поле с сиротливыми воротами, в стороне блеснуло озеро с купальней приехали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В одних трусах и босиком, с простыней через плечо, Скачков проводил женщин с детворой до калитки. Ступал он, поеживаясь от ощущения горячих мелких камешков под ногами,— совсем отвык ходить без обуви.

— Пап, а ты?— спросила Маришка, когда он приготовился уйти.

— Я в баню, маленькая. Париться.

— А я?— Маришка плаксиво надулась.

— Тебе нельзя, малыш. Иди с мамой. Смотри, как вас много. А я скоро приду.

— Геш, мы будем в купальне,— сказала Клавдия.— Ты же недолго?

— Посмотрю там...

Он помахал дочке рукой, Маришка в ответ подняла скрещенные пальчики: все тот же условный знак о скорой встрече, которым в свое время они с Клавдией обменивались украдкой от Софьи Казимировны.

Условная сигнализация Скачкова с дочерью заставила Клавдию покраснеть. Она дернула Маришку за руку.

— Ладно, ладно вам!

Валерия, вежливо улыбаясь, дожидалась в стороне: в купальнике, под зонтиком. Так же, как Клавдия, она тащила сумку и свернутую валиком подстилку, свободной рукой вела ребенка.

Распрощались, и Скачков поспешил к приземистому вытянутому зданию с забеленными окнами — бане. В окно дежурки его увидела Марковна, сторожиха, приветливо заулыбалась. Старуха жила на базе безвыездно. Муж Марковны, рабочий литейного цеха, пропал на фронте без вести. Почему-то в голову ей запала уверенность, что муж жив, но страшно покалечен, без рук, без ног и не хочет объявиться, чтобы не стать для молодой жены тяжелой унизительной обузой. Несколько лет она собирала слухи о покалеченных солдатах и ездила по госпиталям. Калеки были; действительно отказывались давать о себе весточку родным, но своего она так и не нашла. На остаток своей жизни одинокая Марковна прилепилась к команде, и ре-

бята, зная все ее мытарства, любили добрую старуху. Да и то — в ее отношении к запертым на базе футболистам было что-то матерински трогательное, неизрасходованное.

Перед крылечком бани Скачков чертыхнулся и запрыгал на одной ноге, выковыривая из подошвы впившийся колючий камешек.

Из парной доносились мокрые частые шлепки, от переизбытка чувства гоготала чья-то жизнерадостная глотка. Скачков представил пекло в натопленной с утра бане и у него от нетерпения зазуделось тело.

В предбаннике, у массажного стола, орудовал Матвей Матвеич. Его распирало от чудовищных оплывших мышц. У иного из ребят нога тоньше, чем у него рука. Намылив руки, Матвей Матвеич наклонялся над растянутым на столе футболистом и принимался мять его, сгибать, растягивать. С особенной дотошностью он возился с ногами — основным инструментом футболистов.

Через предбанник навстречу Скачкову проносились мокрые, сваренные до красноты парни и, задыхаясь, бросались в бассейн с холодной водой. Взвыв от ледяной щекотки, они мгновенно вылетали наверх и, вздрагивая от невыносимого озноба, с урчанием снова лезли в пекло.

В парной хозяйничал Батищев. На поле, в игре, Семен бывал угнетен боязнью промаха и часто выглядел, как связанный, здесь же он деятелен, ловок и неутомим. В банные дни, обслуживая команду, он добровольно брал на себя обязанности банщика-чернорабочего. В этом деле он знал толк.

Уминая веники в тазу, Семен из-под мокрых свесившихся волос пытался сверху разглядеть, кто там вошел.

— А, Геш! Давай-ка, залезай. Само то!

— Погоди ты!— отмахнулся Скачков, забираясь.

Некоторое время он не мог продохнуть и нагибал голову. Малейшее движение ошпаривало кожу. Но вот он притерпелся и ощутил, как по телу прошла судорога от подкожного озноба. Тогда он поплескал на горячие доски и растянулся, распустил все мускулы.

— Ну, можно?— кричал Батищев.

— Полегче только...

Подвинув скачковские ноги, на полку влез и сел Арефьич. От нестерпимого жара он нагибался, макал в таз руки и хватал себя за уши.

— Ну куда столько?— остановил он Батищева, поливавшего из ковшика на каменку.— Уши горят.

— Само то!..

Задыхаясь, Арефьич стал расчесывать бока, седую волосатую грудь.

— А-а!..— кряхтел он с затаенной мукой.

Из-под ладошки, чтоб с потолка не капало в глаза, Скачков разглядывал подсушенное годами, загорелое до черноты тело тренера. Он словно законсервировался, этот немолодой, но неизносный Арефьич. Скачков помнил его с мальчишеских лет. У него он начинал играть в заводской команде, к нему вернулся после демобилизации. Через руки Арефьича прошло не одно поколение футболистов. Многие уже с одышкой поднимаются на верхние ряды трибун, а он все тот же, без перемен, и так же неутомимо бегает с командой кроссы,— только с бровей капает.

— Эх, мать честная!— взревал Батищев, кончив поддавать и доставая веники из таза.

Забравшись наверх, он повел носом и остался доволен.

— Удружу я тебе, Геш,— до новых веников не забудешь!

В тазу у него мокла экипировка профессионального парильщика: войлочная шляпа, в каких работают металлурги в горячем цехе, большие брезентовые рукавицы. Вместе с водой он нахлобучил на голову шляпу, вдел руки в рукавицы.

От взмахов веников жар, накопившийся под потолком, пошел волнами и завихрился огненными смерчами.

— Ну-ка вас!..— в сердцах сказал Арефьич и скатился вниз.

Все-таки что-то языческое, ритуальное было в таком неистовом и сладком самоистязании! Не торопясь, совсем забыв о времени, Скачков под руководством опытного Семы прошел по всем этапам банного обряда, просмаковал со стоном, с полуобморочным обмиранием. После первых веников, пустив обильный грубый пот, он головою вниз упал в бассейн и потерял дыхание от ледяного столбняка. Зато как сладостно его опять обняло зноем наверху, с каким томленьем он лежал врастяжку и млел, впадал в блаженное забытье! Потом он слез и отдал себя в руки массажиста, в могучие искусные ручищи бывшего штангиста. И в этом было тоже наслаждение гурмана,— до легкого постанывания, до урчанья. Проницательные пальцы массажиста перебирали и прощупывали каждый мускул,— Матвей Матвеич знал на теле игроков все шишки и рубцы, все синяки. Порой казалось, что пальцы массажиста обладают зрением,— так деликатно обминали они каждое болезненное место... С массажного стола Скачков поднялся, как

обновленный,— играла и напоминала о себе каждая жилка в теле.

Еще на массажном столе, покряхтывая в руках Матвея Матвеича, Скачков прислушался к гоготу в переполненном предбаннике.

— Да Витька травит!— сказал ему Матвей Матвеич, ненадолго разгибаясь и смахивая пот со лба.

— О чем?

Взопревший массажист, гоняя руки по всему его распластанному телу, задыхался.

— Да... не знаешь, что ли? Опять консерватория.

Через минуту он дал ему ядреного шлепка и отпустил: иди, гуляй!

Завернувшись в простыню, оставив правое плечо, Скачков походкой патриция вышел к ребятам. По лавкам, задрав колени, сидела голая хохочущая братия.

— Геш, иди, садись,— позвал Нестеров.

— «Ого!— удивился Скачков.— Даже Нестеров расшевелился».

Увлеченный своим рассказом, Кудрин забыл о простыне, она сползла ему на бедра. Вдохновенный нос, рыжая куделя над лбом, глаза после купания и бани, как у окуня. На стройном столбике юношеской шеи мелкая золотая цепочка. Пижон!

В дверях появился кряжистый Матвей Матвеич и, отдуваясь, вытирая полотенцем шею, пальцем выманил к себе очередного. Тот, пока уходил, с сожалением оглядывался,— хотел дослушать.

Рассказывая, Виктор увлеченно дирижировал перед собой руками.

— Значит, так. Пролазим мы, я Стелку впереди пихаю. У нас подметки рвут: «Билетика нету лишнего? Билетика?» Ну, думаю, шутка добрая. Да и Стелка говорит: никогда еще не исполняли, только сегодня. Но раз такое дело — интересно. Лезем! Смотрю, шашлычник знакомый,— знаете, возле городской бани,— тоже бьется. Работает под иностранца: белые джинсы, бразильская разлетайка. А росту — метр вместе с кепкой... Ну, пролезли мы, ничего, у Стелки только чуть карманчик надорвали. Мне вроде жалко стало, а она: «Да ты что, говорит, в такой-то день!» Совсем я притих. Народ, гляжу, вокруг, все больше заморенный,— мыслящий, а у меня, как назло, лицо гладкое...

— Геннадий Ильич!— раздался снаружи громкий голос.

Под окном стоял парнишка из дублеров, новенький,—

лицо знакомое, а имени его Скачков еще не знал.

— Геннадий Ильич, вас в купальню зовут.

— Спасибо, друг. Сейчас.

— Уходишь, Геш? Постой немного. Ну, значит, сижу я и даже щеки надуваю, а что там на сцене приготовлено! Два рояля стоят — это мне еще понятно. Но зачем им целых шесть барабанов? А их там шесть штук — клянусь!— по три штуки в связке, а для грохоту еще медные тарелки на штыре,— ногой можно брякнуть. Стелка меня костерит — спасу нет: «Ты, говорит, дуб! Не понимаешь ничего, так молчи». Ну, тут захлопали, кое-кто даже ногами затопал от переизбытка чувств. Гляжу: выходят четверо. В костюмчиках, штанцы на них, двое в очках. К барабанам очкастые подскочили. В каждой руке по такой вот колотухе и носы сразу в ноты сунули. Листают, листают!.. Геш, вот зря ты уходишь. Ей-богу!

— Ну, тебя,— рассмеялся Скачков.— Тебя не переслушаешь.

— Ты думаешь, я сочиняю что-нибудь? Клянусь!

Сбегая с крыльца и проходя под раскрытым окном, Скачков еще расслышал:

— ...и вот мотнул он головой три раза, все четверо аж подпрыгнули и с размаху врезали кто по чему. Батюшки мои светы, матушка-троеручица!

Посмеиваясь, Скачков торопливо шагал по выложенной кирпичом дорожке между зеленевшими клумбами. В ногах надоедливо путались концы влажной простыни. «Матушка-троеручица... «Это у него от бабки или даже от прабабки. Порода кудринская крепкая, живучая, и дом у них полон каких-то ветхих старух родственниц. Виктор единственный мужчина в молодом поколении, и старухи на него не надышатся. Им, естественно, не по нутру ни футбол — баловство, а не занятие для мужика, ни такая пара Виктору, как худенькая Стелла. Что это за баба, по-житейски если рассудить: делать ничего не желает,— руки, видите ли, бережет! и лишь бренчит день-деньской на фортепьяно... Виктор все же упрямо гнет свое и бьется на два фронта: против домашних и против Стелки. Недавно она вроде бы спросила у него: «А ты голы-то хоть забиваешь?» Что у них получится?— никто не скажет. Скорей всего, ничего не получится — несовместимость. Хотя, если припомнить, в свое время Софья Казимировна... Но зато сама Клавдия была отчаянной болельщицей!

Домик, где жил Скачков, находился в самом конце аллеи, ближе к выходу на озеро. На базе он считался луч-

шим, в нем помещались ветераны команды. Незаметно как-то, от сезона к сезону, стареющие игроки добирались до лучшего домика, отсюда дорога оставалась одна — на покой.

В соседнем домике негромко шипел магнитофон. «Всю ночь кричали петухи и шеями мотали...» Скачков постоял, дождался конца ленты и заглянул в окно. Владик Серебряков лежал на кровати, ноги на спинке. На этажерке вперемешку с книгами стояли кассеты в плоских коробках.

Вытягивая шею, Скачков позвал:

— Владь, пар сегодня — закачаешься. И Витька травит — со смеху лопнешь.

Не поворачивая головы, Владик отозвался:

— Сейчас, Геш. Немного вот...

«Заявится в баню и отойдет». Такие скандалы в команде, как вчера, Владик переживал подолгу.

В стороне, у столовой, Скачков увидел Ивана Степановича. В поддернутых до колен тренировочных штанах, босиком и в майке, он стоял перед своей похожей на пластмассовую мыльницу машиной. Мокрый бок «Запорожца» блестел, под колесами натекла лужа. У ног Ивана Степановича стояло помятое ведерко с водой.

«Интересно, знает он о затее «бояр»? Дошло до него, не дошло?»

С машиной Иван Степанович возился домовито и увлеченно. Для него в этом был отдых и разрядка, молчаливая, наедине с собой, сосредоточенность хозяина, которому изза футбола ни для чего другого постоянно не хватает времени. Жена его жила в Москве и наезжала редко, детей они, насколько знал Скачков, не завели.

— Здравствуйте, Иван Степанович. Не виделись еще...

Он подтянул и запахнул на бедрах искомканную простыню. Сгибом мокрой кисти Иван Степанович мазнул себя по носу. С тряпки капало ему на грязные ноги.

— Видал? Опять кто-то поцеловал.

Он присел и тронул пальцем одну из вмятин на отмытом крыле «Запорожца». Майка на животе отстала и повисла мешком.

На мокром крыле «Запорожца» измалывались солнечные лучи, поверхность быстро сохла и тускнела и тогда выступали все изъяны возраста и дорожных столкновений. На своем веку этой черепашке пришлось-таки побегать! Скачков, сколько ни вглядывался, свежей вмятины не обнаружил. Но у хозяина они, конечно, все наперечет.

— Как пар?— спросил Иван Степанович, отступая от машины.— Тебя тут искали. Нашли?

— Иду вот.

Не торопясь, Иван Степанович поочередно помакнул в ведро ноги и, обсыхая, встал на травку. Признаться, Скачков не ожидал, что после вчерашнего Каретников будет настроен так обыденно. Забыл он, что ли, что Комов ходит в любимчиках у самого Рытвина? Но, с другой стороны, может быть, именно поэтому тренер испытывал известное облегчение: давно скрытая болезнь вылезла наконец наружу и таиться, делать вид, что ничего не происходит, больше не было нужды. Да, скорей всего так оно и есть.

— Погоди-ка, Геш,— остановил его Иван Степанович и показал, чтобы залез в кабину «Запорожца». Сам он опустился на место водителя, одну ногу выставил наружу.

Запахиваясь в простыню, Скачков втиснулся боком, сиденье под ним провалилось неожиданно глубоко. Видимо, разговор будет серьезный, если сели. На заднем сиденье он увидел потрепанную общую тетрадь для записей (Каретников постоянно таскал ее в кармане, сворачивая трубочкой) и свежий номер газеты, сложенный так, что в глаза бросался заголовок: «Премьера не удалась». «Брагин»,— узнал Скачков.

Иван Степанович смотрел на свою выставленную ногу, рука лежала на рулевом колесе.

— Ну... переживаешь?— спросил он немного в нос, продолжая разглядывать ноготь на большом пальце.

Вчерашний промах... Скачков опустил лицо, стал сплетать и расплетать пальцы.

— Да ведь... само собой...

Каретников глянул на него сбоку, вкось:

— Ночью спал?

Скачкову стало совсем неловко, точно его поймали на каком-то унизительном обмане. Вместо того, чтобы переживать, мучиться от бессонницы, он, представьте, заснул как убитый и если бы не Клавдия утром...

— Вот и прекрасно!— проговорил Иван Степанович и слегка хлопнул его по рукам, чтобы он перестал терзать свои пальцы.— А всякие мысли выбрось. Это самое легкое — уйти сейчас из команды. «Дескать, зачем я вам такой?» В такой момент, Геш, не уходят, в такой момент только бегут. А я не хочу, чтобы ты убегал. Как только мы чуть-чуть направимся, мы тебя сами проводим. И еще как! А пока... пока сам понимаешь. Продержись хоть до

конца сезона. Я знаю: трудно. Но!..— и он красноречиво всплеснул руками.

Как назло, из головы Скачкова не проходило вчерашнее посещение Комова и он мучительно краснел, не смел поднять лицо. Видимо, Иван Степанович еще не знал о затее бунтовщиков. А что скажет, когда узнает?

— Подводить я стал,— забормотал Скачков.— Второй раз подряд.

— Это моя забота,— отмел его возражения Каретников, и с властной повадкой положил сверху руку на его стиснутые кулаки.— Давай договоримся, Геш, и больше возвращаться к этому не будем. Ну?— и он, не убирая руки, выжидающе замолк.

— Я... что ж? Если надо...

— Вот и прекрасно!

Он вылез из машины и потянулся, как после удачно проделанной работы. Выбрасывая ноги с путающейся простыней, поднялся и Скачков.

— Я тут...— сказал Каретников обычным суховатым тоном,— из третьего домика Соломина перевожу к вам.

«Ага,— сообразил Скачков,— на место Комова».

— Что ж...— Он не был готов к новости.— Парень вроде ничего.

— Попробуем. Парнишка перспективный. Должен потянуть.

Из всего дубля Соломин был, пожалуй, самым перспективным, по крайней мере так считал Скачков. Парень сразу обратил на себя внимание тем, что обрабатывал мяч внешней стороной стопы, уже первым касанием к нему готовя его для второго хода,— а иного футболиста этому не могут обучить за всю жизнь. Мяч Соломин держал, как правило, не под собой, а в стороне, сам находясь между мячом и соперником,— попробуй у такого отобрать! Задатки у парня действительно отличные.

Из третьего домика гурьбой вывалились несколько ребят, каждый что-нибудь тащил: чемодан, книги или тетрадки. Только один шел с пустыми руками, как именинник: Соломин. Заметив, что за ними наблюдают, ребята сконфуженно притихли.

В третьем домике помещалось общежитие дублеров,— в комнате по три, по четыре человека. Игроки основного состава жили только вдвоем. Когда-то и Скачков принес свои пожитки в третий домик и занял койку игрока, переведенного в основной состав. Тогда они жили вчетвером, молоденькие, полные надежд парнишки, считали

годы и ушибы старших игроков и не замечали никакой скученности. Это теперь становится в тягость даже привычный, многолетний партнер по комнате.

Попасть в основной состав, в «основу», постоянная надежда каждого дублера. Горячей нетерпеливой стаей подпирают они группу одиннадцати избранных — игроков основного состава. Наконец наступает день, когда в матче дублеров парнишку вдруг заменяют в начале второго тайма, чтобы он не израсходовался до конца, после игры не отпускают домой, а велят остаться в автобусе и ехать на базу, и это уже праздник, миг признания, ступень наверх,— завтра, в главном матче, его будут пробовать в «основе». Скачков, когда ему сказали, что он выйдет на место правого полузащитника, солидно кашлянул в ладошку и с достоинством ответил: «Можно».

Случилось это на финише сезона, глубокой осенью, почти зимой. Безалаберный выдался в тот год сезон и неудачный для команды. Все лето «Локомотив» тащился во второй десятке и к концу скатился на предпоследнюю ступеньку. Доигрывая безрадостный сезон, команда уже не сама ковала свою удачу, а лишь надеялась на подарок судьбы.

Заключительные матчи пришлось играть на стылом поле, обрамленном свежими сугробами, в серые ноябрьские дни, при падающем снежке. Для большинства команд оставшиеся игры не имели решающего значения, и ребята, натянув теплые шерстяные трико, отводили унылые полтора часа перед пустыми трибунами, как неприятную обязанность. Другое дело аутсайдеры. «Локомотиву», чтобы удержаться в высшей лиге, необходимо было в оставшихся двух матчах набрать недостающие два очка,— хоть кровь из носу», заявил на «чистилище» начальник дороги Рытвин. Вот она чем оборачивалась осенью весенняя щедрость команд на отданные соперникам очки!

Для Арефьича, тренировавшего тогда «Локомотив», конец сезона оказался роковым. На «чистилище» ему не дали и рта раскрыть. Перебирая приготовленные записи, он начал что-то говорить об усилении нападения, о расширении задач полузащитников,— его немедленно прервали, и Рытвин, гневно раздувая шею, ударил по столу:

— Да ты думай не о том, как забивать! Ты постарайся не пропустить. Понятно? А то... Тоже мне, забивальщик нашелся!

Он отвернул лицо и переждал коротенький смешок за столом. Арефьич опустил голову и дрожащей рукой неуклюже засовывал в карман ненужные листки.

— Вот не пропусти ни одного мяча,— немного смягчился начальник дороги,— вот тебе и два очка. Трудно сосчитать, что ли? Любой школьник сосчитает. А на будущий год — не твоя забота. На будущий год мы как-нибудь сами позаботимся... Иди-ка давай и делай, что тебе сказали. Забивальщик! Нашел время забивать!

Ничего этого Скачков тогда не знал и с лихорадочным нетерпением готовился к своему первому матчу в основном составе.

О, этот долгожданный, сумасшедший, нелепый первый матч! Все началось еще с раздевалки, вернее с прихожей, где на стульях вдоль стены была к приезду футболистов выложена свежая отглаженная форма номерами наверх. Каждый, не задерживаясь, сразу находил свой номер и забирал футболку и трусы. Скачков намеренно замешкался и подождал, пока не остался один-единственный комплект,— «пятый». Тут он осознал, что скоро выйдет на игру, под взглядом грозных переполненных трибун, слабость от волнения ударила ему в колени — ноги словно опустели и не держали. Это было мгновение, когда он позавидовал своим сожителям по комнате, которым еще не пришла пора играть в «основе»: Сухову, Гущину. Они, счастливые, не догадывались, что он сейчас испытывает.

В раздевалке Скачкова ждало кресло, застланное чистой простыней, такое же, как всем, и он стал переодеваться, машинально проделывая все движения,— снимал, устраивал на «плечики» и вешал, а тем временем Арефьич поднимал и укреплял тяжелую доску макета с намагниченными фишками. Вон та, сразу нашел Скачков, сегодня будет он, и для него заранее был приготовлен план игры, он весь, с учетом его скорости, рывка, удара и отбора у соперника мяча, весь он, словно необходимая деталь машины, плотно был «завязан» в действиях команды.

В тот день «Локомотив» играл с ростовскими армейцами и Скачкову поручалась персональная опека нападающего, игравшего чуть-чуть в оттяжке. «Геш,— наказал ему Арефьич,— смотри, не отпусти. Атакуй в момент принятия мяча. Отпустишь — убежит». Подвязывая гетры, Скачков понятливо кивал, а сам поглядывал на Шевелева, центрального полузащитника, кумира, капитана. Ему казалось, что Шевелев, уже одетый и готовый выбежать на поле, своим избалованным глазом не то, чтобы косится на него, а как-то так, не очень дружелюбно... Может быть, он был сердит, что новенький так молод, ненадежен, а может, недоволен за товарища, партнера, игравшего на этом

месте столько лет. И Скачков снова с сожалением подумал о привычном дубле,— насколько там ему было уютнее и проще. Но надо было настраиваться на игру, причем играть не только за себя, а и как бы еще за тренера, доверившего ему место в избранном составе! Назло им всем, кто сомневается, что он потянет!

«Потяну. Еще как потяну!»— с ожесточением твердил Скачков и даже начинал жалеть того ростовского парня, которого ему сегодня выпало держать. Бедняга, видимо, сейчас тоже готовится и не догадывается, что его ждет на поле!

Матч с ростовчанами был памятен Скачкову и не забудется во веки. Как он тогда старался,— жылы рвал! И чем старательнее были все его потуги, тем гаже выходило. Приводил его в отчаяние мяч, которым он был вынужден играть: какой-то жесткий, непослушный, грозный, как ядро. Он был не в состоянии распорядиться им, и мяч, вместо того, чтобы прилипнуть, успокоиться в его ногах, отскакивал как от столба. Еще вчера, вот здесь, на этом самом поле, он видел всех своих партнеров,— игра смотрелась им, как на ладони. Сегодня он словно ослеп, и от волнения, от слабости, его поташнивало. Словно из банного тумана возникали фигуры игроков. Куда они бегут? От длительного напряжения Скачков не мог вздохнуть, грудь завалило короткое дыхание. Одно он видел: кривоватые колени ростовчанина, его длинную настырную спину с мыском раннего пота на пояснице, постоянно перед ним маячила крепкая свежеподбритая шея. Как он ненавидел эту шею — кулаком бы по ней, кулаком...

Ростовский нападающий водил его, как простодушного телка: выманивал из зоны, туда незамедлительно врывался кто-то из полузащитников, а скоро и защитник, с сильным, хорошо поставленным ударом. Он-то и заколотил с этого места два неотразимых, пущенных, как из орудия, мяча.

Защитник. В одном тайме два мяча.

Позор обрушивался на Скачкова грохотом рассерженных и негодующих трибун. Он, только он был виноват в разгроме, и оправданий ему не было! «Где его взяли, кто его поставил?» И свист, уничтожающий разбойный свист со всех сторон. Зачем, зачем он только вышел, добивался? Чего не игралось в дубле, где все так просто и понятно? Провалиться бы сейчас и исчезнуть! А может быть, проснуться вдруг и с легким вздохом убедиться... Но нет, все было наяву, и лишь один из всех, кто мельтешил на поле,

сжалился в конце концов над потерявшим голову Скачковым,— судья. Точно догадавшись, что с ним происходит, он прекратил позорище, дав долгий утешающий свисток на перерыв.

Мучительно было нырять в туннель, невыносимо возвращаться в раздевалку. Он брел, как под уничтожающим обстрелом. В раздевалке Шевелев, стащив футболку, переводил дыхание и жадно, крупными глотками хлебал из чашки сладкий, чуть остывший чай. Скачкова он, не отрывая губ от чашки, проводил глазами, как ударил.

— Геш,— позвал Татаринцев, защитник, чем-то похожий на нынешнего Стороженко,— ты бы... это самое. Два раза он тебя уронил,— аж мне больно. Старик, ты уж не маленький, восемнадцать лет. Покажи ему, что тоже коечто умеешь. Он тебя через бедро, а ты ему коленку...

Жалким выглядел Скачков, утираясь рукавом, ладошками, разглядывая измазанные колени. Какое там — покажи! Он сейчас думал об одном: что снова нужно выходить на поле, под рев и свист. Что там поднимется, едва его увидят! А впереди еще такой же тайм, целых сорок пять минут.

В проходе между креслами ходил Арефьич: вперед, назад. Тяжеловесное молчание команды относилось и к нему. Корили не только растерявшегося новичка, вместе со Скачковым доставалось и доверчивому тренеру. Забывшись распустив все мускулы, лежал угрюмый Шевелев. Сидел, согнувшись в кресле, Говоров, тот самый, вместо которого поставили играть Скачкова,— сидел он в форме, одетый с самого начала, только поверх доспехов тренировочные брюки.

В раздевалку шариком вкатился толстенький Феклюнин, тогда еще не директор домостроительного комбината, а начальник стройуправления. Он яростно засовывал платок под тесный ворот кителя, все отсыревшее лицо его было багровым, будто он сам отбегал этот трудный тайм на поле. Вчера на заседании «чистилища» Феклюнин помещался рядом с Рытвиным и подавал уничтожающие реплики. Сейчас он, распираемый негодованием, бешено воззрился на Арефьича. Он послан был оттуда, сверху, и в его глазах, казалось, сосредоточился весь гнев обманутого в своих надеждах начальства. Многое хотел сказать он, выплеснуть в лицо руководителю команды, однако только поднял руку и остервенело погрозил:

— Ну, слушай!..

И, не сказав больше ни слова, выскочил из раздевалки.

Да, тот проигрыш решил судьбу Арефьича.

Задумчивый и удрученный застыл Арефьич посредине раздевалки, установилось унизительное, тяжелое молчание. Потом Арефьич подошел к Скачкову, тронул за плечо и негромко обронил:

— Ладно. Отдохни пока.

По его знаку Говоров поднялся, стал стаскивать штаны, выпутывая бутсы. Заподпрыгивал, застучал шипами, разминаясь...

Что же побудило Арефьича поставить его снова буквально на следующий матч? Необходимость, безвыходное положение? Нет, Говоров еще держался, мог играть вполне. Упрямство тренера? Тоже едва ли, потому что какое там упрямство, если команде остается один-единственный шанс — взять два очка из двух! И все-таки Арефьич вновь, невзирая на гнев трибун и начальства, внес Скачкова в заявочный список. Соображений, которые руководили тренером, Скачков не мог понять даже впоследствии, хотя тогдашняя самостоятельность Арефьича стоила ему места старшего тренера в команде мастеров. «Локомотив» тогда он в высшей лиге сохранил, но место свое вынужден был уступить приглашенному со стороны и с тех пор так и прижился на вторых ролях.

В своем последнем матче «Локомотив» принимал команду из Ташкента, тоже аутсайдера. Решался вопрос, кому на следующий год покидать высшую лигу; кто-то из них должен был разделить участь слабейших.

Накануне, как обычно, Скачков вышел на поле в составе дублеров, и эта скромная игра тоже осталась памятна ему, потому что именно тогда он вдруг почувствовал, что видит дальше и умеет больше, чем это было до сих пор. Пропала суетливость и отбойная игра, он словно прозрел, окреп и умудрился. Тогда он сам был поражен: откуда у него эта уверенность, почти что искушенность? Не от позора ли в недавнем матче, вернее тайме? Так, видимо, оно и было. За каких-то сорок пять незабываемых минут игры на высшем уровне он как бы побывал в струях крутой, ломающей стремнины и теперь невозмутимо плавал в мелких и спокойных водах.

Встречу дублеров Скачков провел, сам получая удовольствие от собственной игры. Действуя спокойно и расчетливо, он из глубинки поля острыми и неожиданными передачами питал мячами нападающих, и к двум его прострелам, рассекающим защиту, вовремя успели крайние,

стремительно вошли в штрафную,— все же остальное, как любил сказать Арефьич, было делом техники.

Волновался ли он, выходя назавтра в основном составе? Спроси его тогда об этом, он наверняка ответил бы заносчиво: «Еще чего!» А сердце колотилось, обмирало,— особенно, когда он появился из туннеля, и трибуны, узнав его сутулую спину, засвистели и завыли.

В первые минуты он держал себя усилием, он постоянно помнил, какое удивительное зрение открылось у него вчера. Скачков твердил себе, что он уже не тот, не прежний, так опозорившийся перед всеми, и его очень поддержал умница Шевелев, кумир болельщиков и капитан команды,— улыбнувшись, он кивнул Скачкову на беснующиеся трибуны: дескать, эк их разбирает!

На разминке Скачков тайно, для себя одного, пытал и пробовал: слушается ли его сегодня мяч? Слушался, отлично слушался! Почему же он, черт бы его побрал, так своевольничал в тот раз?

Нет, довольно, больше такое не повторится! Сегодня все будет иначе.

И точно — вчера открытые способности: рассудочность, спокойствие, расчет были в нем живы и не исчезали, и, ощущая их в себе, он обретал уверенность, и вот уже капризные трибуны аплодируют, когда он, сторожа рывок своего подопечного, летит подкатом ему в ноги и, тут же подскочив с отобранным мячом, идет вперед, высматривая лихорадочно: ну где там, кому отпасовать?

И был только один момент, когда он, как и в том позорном тайме, вдруг потерял не то чтобы соображение, а как бы испытал круженье головы, спазм сердца и дыхания. Это случилось в первые минуты после перерыва — Шевелев прошел по краю и, не водясь, не позволяя возвращавшимся защитникам занять свои места и повернуться лицом к полю, послал прострел. Скачков одним летучим взглядом, одним мазком по ситуации в штрафной засек и мяч, летящий поверху, и расстановку игроков, а главное — он моментально, какой-то электронной вспышкой рассчитал ошибку вратаря, рванувшегося было на перехват, но через несколько шагов понявшего, что не успеет. Скачкову вспомнились наказы тренера об осторожности, сам он был тоже умудрен, чтобы не рисковать, и все же у него дыхание перехватило от представлявшейся возможности. В душе его еще шли колебания, а он уже летел, не чуя ног, и с замираньем сердца караулил точку, где встретится с мячом. Теперь он видел только мяч, пятнистое и круглое

ядро, летевшее над полем. Почему в тот раз оно казалось таким жестким, непослушным? Все-таки жестким оно было и осталось: когда он взвился вверх и что было силы врезал головой, он испытал сначала вспышку боли — удар пришелся лбом, почти что переносицей, потом нашло затмение, потеря зрения и памяти...

Его подняли, оторвали с поля, он ничего не соображал. Кто-то поддерживал за спину, нос больно утирали и совали ватку с едким отрезвляющим нашатырем. «Гол! Штука!.. Скачок! Горбыль!..» — ревело и неслось со всех сторон, и это грохочущее ликование помогло ему острей нашатыря. Он поглядел вокруг, на шевелящиеся откосы отлого уходящих вверх трибун и вяло высвободился из поддерживающих рук.

Голуби уже летели над восточною трибуной, в окошке на табло перевернулся нуль и заменился единицей. Набирая воздуху, Скачков сначала похромал, затем решился на легкую пробежку, и это его воскрешение подняло новый взрыв восторга. «Скок! Скачок! Горбыль!..» Реабилитация, полное забвение былых грехов и первая любовь, признание и поклонение. Надолго ли? Тогда, в восемнадцать лет, казалось, что надолго — навсегда...

Оценивая в те дни итоги закончившегося футбольного сезона, Брагин, как обычно досконально знавший жизнь и быт команды, со сдержанной иронией отозвался о доморощенных специалистах (слово это он нарочно взял в кавычки, чем еще больше вызвал неудовольствие участников «чистилища»), которые твердо убеждены в том, что Земля имеет форму футбольного мяча, но забывают, что путь к успеху, к верхним строчкам в таблице лежит через ворота соперников.

На верхней площадке вышки для прыжков приготовился, пружиня сомкнутые ноги, кто-то из ребят. Вот он подвинулся на самый край и, вытянув перед собой руки, приподнялся на носках.

— Мама, мама, смотри! — услышал Скачков голос Маришки.

Они были где-то здесь, за кустами.

Когда Скачков выбрался на отгороженный участок песчаного берега, прыгун уже прочертил по воздуху пологую кривую и вонзился головой в воду. На спокойной глади озера разбегались широкие круги. Рыболовы, за-

севшие в кустах на береговых откосах, взмахивали удилищами и ругались.

Завидев отца, Маришка бросилась навстречу. Косички ее торчали задорно, рожками.

— Пап, а пап, а ты умеешь так?

Сынишка Звонаревых, полностью освоившись, подошел тоже и, дожидаясь, завел руки за спину, доверчиво выставив животик.

Нагнувшись, Скачков подхватил детишек на руки.

Женщины сидели на разостланных подстилках, вытянули скрещенные ноги. Валерия с неопределенной улыбкой не то ободряла довольного сынишку на руках у Скачкова, не то разглядывала вблизи тяжелые, перекачанные ноги футболиста,— за темными очками не разобрать.

— Геш, ты где так долго?— Клавдия указала на детей.— Они совсем извелись. Хотели бежать за тобой.

— Мячик,— потребовала Маришка, указывая на резиновый мяч, валявшийся в песке.

— Ты бы посмотрел, что они тут с мячом вытворяли!

Одними пальцами ноги Скачков поддел и бросил вперед себя игрушечный мячик.

Валерия, наклонившись, что-то вполголоса напомнила подруге, и Клавдия спохватилась, вскочила на ноги.

— Геш, Геш! Постой же, Геша!

Она подбежала к нему, счищая с ног налипший песок.

— Совсем забыла — вот склероз! Понимаешь, Геш, тут одно мероприятие намечается. Какое? Закачаешься! Просмотр, закрытый,— представляешь? Итальянская картина, даже не дублированная. Называется... называется... Постойте, как же она называется?

— «Джульетта и призраки». Или «Джульетта и духи», все равно,— подсказала Валерия.

— Феллини,— преставляешь, Геш? Джульетта Мазини! Блеск!

С ребятишками на руках, ногой катая мячик, Скачков пожал плечами:

— А я-то тут при чем?

Клавдия огорчилась.

— При чем, при чем... Валерия смогла достать пропуск только на двоих. А у тебя есть возможности, я знаю. Да, знаю! И нечего прикидываться. В редакции, на том же телевидении... Тебе не откажут.

Когда надо, она пользовалась его именем, как отмычкой.

— Геннадий,— наставительно вмешалась Валерия и

подтянула ногу, поставила углом.— Клавдия права, картину стоит посмотреть. Кстати, ваш Серебряков тоже будет на просмотре.

— Вот видишь!— подхватила Клавдия.— Все идут. Ну, прошу тебя, Геш. Буквально умоляю! Это же раз в жизни. Да и тебе самому интересно... Я же знаю.

— Самому не выйдет,— возразил Скачков.

— Ну, так уж и не выйдет! А Владик? Чем он лучше? Что-нибудь придумать можно.

— Чего тут придумывать? У нас Вена!

— Вена, Вена!.. Ничего с вашей Веной не сделается. Один-то вечер! Ты слышишь меня? Ты сделаешь?

— Потом посмотрим.

— Ну вот, опять ты за свое: посмотрим!— возмутилась Клавдия, обращая взгляд к подруге, как к свидетельнице.— Что это, слушай, за разговор? Постеснялся бы... Вчера, кстати, в консерватории был потрясающий концерт. Пот-рясный! Но ведь тебя же не вытащишь. Как сундук, как дед столетний!

Скачков вспомнил рассказ Виктора Кудрина и улыбнулся:

— Симфония для пятнадцати барабанов?

У Клавдии удивленно взлетели брови:

— Какие барабаны? Чего ты плетешь? Да и какая в конце концов разница? Главное, что этого никогда больше не сыграют. Понимаешь: ни-ког-да!

Она втолковывала ему, словно неразумному ребенку, и Скачков помрачнел:

— Тебе-то откуда все известно? Шашлычник рассказал?

— Какой шашлычник?— Клавдия замигала глазами.— У тебя с головой все в порядке? Я вчера смотрела: ты вроде головой совсем мало играл.

Она сделала попытку пощупать его лоб.

— Ладно, мы ушли,— отрезал Скачков.

Подбросив на руках присмиревших ребятишек, Скачков не стал больше слушать и погнал по тропинке мяч.

— Геш!.. Ге-ша!— требовательно позвала Клавдия, но он не оглянулся.

— Гешка, ты что — с ума сошел?

Он уходил.

— Ну вот... видела?— еще расслышал он страдающий вопрос жены.

Позади ощущалось сочувственное молчание подруги. Скачков кипел. С недавних пор в присутствии кого-

либо из посторонних Клавдия усвоила какой-то снисходительный, небрежно-покровительственный тон. Отчего это, Скачков прекрасно понимал, научился понимать. На стадионе, в обстановке разнузданного поклонения болельщиков, где жадное глазение трибуны распространяется и на табунчик принаряженных жен футболистов, там Клавдия довольна, даже счастлива. Но вот в компаниях, где надо было эрудитничать, трепаться без умолку, быть душою общества, там он терял все игровое обаяние и никак не походил на человека, которым только что на переполненных трибунах восхищались тысячи людей. И по дороге из гостей, в машине, она, не сдерживаясь больше, принималась выговаривать: ну как это не чокнуться, не пригубить, если уж так все просят, умоляют, и не найти о чем поговорить с хорошими и компанейскими людьми.

Пока ехали, Клавдия почти не умолкала, а он лишь отворачивался и мрачнел. Действительно, когда компания шумела за столом, он сидел бука-букой и замечал, что за ним украдкой наблюдают, пересмеиваются, пожимают плечами. Но о чем ему было с ними говорить, о чем? О тряпках заграничных, о Софи Лорен, Жане Габене? Послушать их, так все они со знаменитостями запанибрата. Им, трепачам, хотя бы один тайм прожить по-настоящему, с предельною отдачей сил и при любой погоде. А то... Когда-нибудь он все-таки не выдержит и встанет и выскажет им все, что футболисты думают о них. Пусть тоже знают!

У них в команде парни в общем-то, конечно, эрудиты не ахти какие — в объеме института, экзаменов, зачетов. Да и то... Бывает, что придешь, возьмешь билет, а экзаменатор, стеснительный доцент, все время ищет повод заговорить о последнем матче, о футболе вообще. Но не одною же застольной эрудицией полезен человек! Недавно на теоретическом занятии Иван Степанович сказал, что в наши дни спорт стал одной из составных частей общественной жизни. Недаром серые вулканы стадионов вписались в современный городской пейзаж необходимейшей деталью, не зря же тысячные толпы в дни матчей подчиняют все движение по улицам. Поистине, футбол стал пламенною страстью планеты!

Все это были мысли, размышления наедине с самим собой. Высказаться вслух, как того хотелось Клавдии, он постеснялся бы. Ему, прошедшему отцовскую науку: относиться к своим словам с такою же серьезностью, как к делу, бывало странно наблюдать, с какою легкостью бол-

тают люди обо всем на свете. Ему казалось, что откровенность раскрывает душу, и он не понимал, как можно так легко и беззастенчиво распахиваться настежь перед первым встречным, будто душа похожа на пустой заброшенный сарай, где одни сквозняки и мусор.

Только однажды он попал в застолье, где его вынудили заговорить и высказаться от души,— но та компания ему казалась чем-то симпатичной, да и момент попался подходящий: он отыграл удачный матч, забил красивый гол, а гром трибун, сознание победы после упорного сражения всегда поднимало его в своем мнении, укрепляло веру в себя. В тот вечер Скачкову задали вопрос, спросили его мнение как игрока: что же все-таки такое современный футбол — развлечение, страсть, забава от избытка сил или же... И все умолкли, ожидая, что он скажет. Сначала, стесняясь тишины и устремленного к нему внимания, он опустил лицо и принялся сплетать и тискать пальцы (Клавдия потом очень похоже представила, как он замямлил, занудил: «Понимаете ли...» да «это самое...) Все же победный матч, с которого они явились в гости, помог ему преодолеть проклятую застенчивость — мало-помалу он разговорился. Для него самого, да и не только для него одного, футбол не был ни развлечением, ни забавой. Иначе он не играл бы до сих пор, не режимил, не рисковал. Да и зрители, что тянет их с такою силой на стадион? Разве одна жажда забавы, развлечения? Футболист, забивший гол, ликует вместе со стадионом, а стадион ликует вместе с ним. И в этом-то как раз магия футбола, спорта вообще — зрители на трибунах не просто холодные очевидцы чуда, а самые горячие соучастники. Пускай их место на трибуне, вдалеке от поля, но все равно они сражаются вместе с обеими командами и после матча еще долго не могут остыть. Ну, а что касается самих ребят, самих футболистов... Скачков по себе знал: в футболе, в спорте заложено что-то более значительное и весомое... более государственное, что ли! Особенно ощутимо это за границей, вдали от родины,— даже если просто сидишь на скамейке запасных. Недаром же у каждого спортсмена во всю грудь вершковое название страны, а в честь победителей исполняется гимн и поднимается государственный флаг! Отсюда и стремление парней на поле... Тот же Пеле, король футбола, когда в Лондоне на чемпионате мира его намеренно калечили португальские защитники, Пеле профессионал, ноги — его хлеб, а все же он, хоть и травмированный, не уходил с поля, помогал своим, как мог. А наш

Тищенко в финальном матче в Мельбурне! Со сломанной ключицей, с рукой на перевязи, он не только не покинул поля, но и помог «сделать» решающий гол, принесший советским футболистам золото Олимпиады. Так что... это самое... парни, конечно, поиграют, пока могут, а потом возвратятся на свои места: в цеха, в мастерские, в учреждения и станут жить, как все. Одни, быть может, станут приходить на стадион, смотреть с трибун, другие сядут в кресло перед телевизором, третьи же, возможно, и совсем забудут о футболе, но все равно — футбол для них был важной частью жизни и не исчезнет без следа. Чему-то он их научил, что-то оставил в них и это будет помогать им в жизни до конца,— по неким неминуемым законам продолжения...

И по тому, какая наступила за столом уважительная тишина, он понял, что слова его дошли. Правда, собирались в тот вечер люди, в общем-то имевшие понятие о спорте: кто-то лазал с ледорубом в горы, прыгал с парашютом, занимался лыжами, пинг-понгом, баскетболом. Научные сотрудники, как пояснила по дороге из гостей Клавдия.

В тот вечер они впервые возвращались молча, она сидела рядом с ним в машине и, признательно полузакрыв глаза, склонила голову на его плечо. Но так бывало редко, очень редко, потому что откровения ему давались трудно,— все та же выучка покойного отца, который позволял заглядывать к себе не всякому, но если уж пускал кого, так принимал, как дорогого гостя...

На руках отца Маришка чувствовала себя как дома и всячески развязничала перед маленьким Звонаревым. Раза два она роняла мячик, и Скачкову приходилось с усилием наклоняться, чтобы его подобрать. Сынишка Звонаревых сидел смирно, как в гостях.

— Пап, куда это мы идем и идем?

— Мы...— усмехнулся Скачков.— Мы пахали!

Он слегка задыхался — ребятишки оказались тяжеленькими. На руках Скачкова они покачивались в такт его широкому размашистому шагу. Слева, на краю кукурузных зарослей, стояла плотная стена пирамидальных тополей, закрывая озеро. С озера доносились крик и смех купальщиков. Впереди, со стороны тренировочного поля, раздавался редкий стук мяча. На слух Скачков привычно определил, что это вот мяч с высоты ударился о землю

и подскочил — один подскок, другой и целая серия помельче, а вот это уже настоящий прицельный удар — крепкий хлест обутой ноги, после чего наступала продолжительная пауза.

Выбравшись из зарослей, Скачков увидел на широком пространстве зеленого поля одинокую фигуру в трусах и бутсах, пригляделся — Соломин. Голая спина, голые ноги. Поддергивая на худом запавшем животе трусы, Соломин трусцой гонялся за мячом, иногда сильно поддавал его вверх, в самое небо, и, дожидаясь, ловил на ногу, не допуская отскока, или позволял ему подскакивать до тех пор, пока не пропадала в нем упругая сила и он не успокаивался на шелковистой ровной травке. Тогда Соломин разбегался и сильно бил, прицеливаясь по воротам. Мяч шел не прямо, а по кривой, как бы огибая воображаемую «стенку».

— Стучишь, Сашок?— окликнул Скачков, спуская с рук детишек на зеленый и ухоженный газон футбольного поля.— Побегайте пока, ладно? Мариш, сандальку не потеряй.

Выпростав из сетки мяч, Соломин короткими прикосновениями ног подвел его к Скачкову.

— Гоняю помаленьку.

— Я думал, ты купаешься.

— Да ну! Есть когда...— Выворачивая локоть, он утер лицо и долго дул на голую, залитую потом грудь. Солнце поливало без пощады.

— Смотри, Сашок, пар пропустишь. Пар сегодня — не вылезал бы!

Не отвечая, Соломин подцепил мяч на ногу, покачал его как на ладони, подкинул, принял на колено, затем опять спустил и забалансировал, удерживая его на самом кончике носка.

— Геннадий Ильич, правду говорят, что у нас Степаныча снимают?

Скачков удивленно посмотрел на него:

— Кто это тебе сказал?

— Да говорят...— Соломин, не поднимая головы, манипулировал мячом.

— Ерунду болтают! Кто-то, видно, здорово этого хочет.

Придерживая мяч, Соломин глянул на Скачкова быстро, недоверчиво. Но нет, поверил. Поверил и с облегчением послал мяч бегавшим возле ворот детишкам.

— Я тоже думаю, Геннадий Ильич: как это можно? Да и ребята...

— Чушь! Болтовня! Так и ребятам скажи.

Заплакала Маришка, и Скачков увидел, что она лежит на траве, а возле нее с растерянным видом топчется маленький Звонарев.

— Я не хотел...— оправдывался он.— Она сама.

На поле он оказался игроком азартным, напористым и ни за что не отдавал мяча. Маришка упала от столкновения.

— Мы сейчас так сделаем,— распорядился Скачков, помогая дочери подняться.— Ты, Вовик... Тебя ведь Вовиком зовут?

— Саша я!— сердито оборвал его маленький Звонарев.

— Саша? Ты скажи! Еще один Саша. Ну вот, значит, вас двое Саш и будет. Двое на двое. Мы с Маришкой. Делайте себе ворота... Что, дочь, сразимся с Сашами? Давай-ка покажем им. Ну, вытирай нос и становись в ворота.

Игра была в разгаре, когда у края поля появились Клавдия с Валерией.

Маленький Звонарев, забегавшийся, кричал на Соломина:

— Надо бить, а ты водишься! Пасуй тогда...

Он, как и Маришка, караулил «ворота», обозначенные на траве двумя бутсами. Соломин разулся и играл босиком.

— Помогай, тезка!— в изнеможении крикнул ему Соломин и, спасаясь от натиска Скачкова, устало отдал пас наискосок и вперед. Маленький Звонарев набросился на мяч и устремился на ворота.

Маришка, растопырив руки, выбежала навстречу.

— Есть!— завопил Звонарев и, поднимая кулачонки, запрыгал от восторга.

Маришка с досады хлопнулась на траву и заревела.

— Ну вот,— вмешалась Клавдия, выходя на поле.— Геш, ты как маленький, честное слово. Нашел футболиста!

— Э-э, дочь,— утешал Скачков,— да ты, гляжу, проигрывать совсем не умеешь!

По дороге на базу Маришка затихла у него на руках, но на маленького Звонарева не взглянула ни разу —не могла простить.

Оба Саши шли самыми последними. Соломин нес в руках по бутсе. Маленький Звонарев с воодушевлением та-

щил футбольный мяч, часто ронял его и снова поднимал, прижимая к животу.

— Сейчас в душ, да?— спрашивал он, заглядывая в лицо партнеру.

— Геш,— позвала Клавдия,— у нас тут одна идея прорезалась...

— А может быть, сегодня без идей?— предложил Скачков.— Дома посидим, чайку попьем...

— Я еще насижусь, когда вы уедете!— возразила Клавдия.— А чаек можно пить и в гостях. Приятное с полезным.

Чем-то она была раздражена, но сдерживалась.

— Слушай, что это с тобой сегодня?— удивился он.

— Что, что!... Привезут вас на неделю и запрут, как кабанов, в закут, чтобы, не дай бог, жирок не сбросили. А мы ходи, высматривай, как в дозоре, когда это наших разлюбезных на вечерок отпустят?

Приставив ладошку к глазам, Клавдия очень смешно изобразила дозорного. Скачков фыркнул.

— Геш, ну прошу тебя, пойдем!

— Клаш,— миролюбиво предложил Скачков,— но я же ничего не имею. Ты иди. Но у меня-то... ты знаешь: режим и... все такое.

— Режим!..— Брови Клавдии страдальчески взлетели кверху.— Слушай, женился бы ты на футбольном мяче, а не на живом человеке. С ним просто: закати его в угол, он и лежит себе.

Неожиданно рассмеялась Маришка, захлопала в ладоши.

— На футбольном мяче!— визжала она, подпрыгивая на месте.

Радость ребенка разрядила обстановку, с виноватой улыбкой Скачков смотрел на Клавдию. Он не сердился на нее. Возвращение его в команду было ей не по душе, но она пересилила себя и согласилась. А сейчас... Скачков вспомнил, с какой потаенной радостью встретила Клавдия автобус с командой в день игры дублеров. Они сразу же взялись за руки и ушли на самый верх трибуны, чтобы никто не мешал. Так же, рука в руке, она проводила его и к автобусу, когда Арефьич хлопнул в ладоши и объявил отправление.

— Ну, хорошо, хорошо,— проговорил он с покаянным смирением.— Мне уж и сказать ничего нельзя!

Деликатно вмешалась Валерия.

— Геннадий, мы же вас не на пьянку совращаем. Се-

годня у нас никого не будет, я всем объявила, что нас нет. Посидим, время проведем. Вадим нас, кстати, будет ждать с машиной, он и домой вас отвезет. Так что если вы и нарушите свой режим, то вот на столечко,— показала на мизинце,— на крохотулечку. Ну? Уговорила?

Вместо ответа Скачков неловко привлек Клавдию к себе и клюнул ее в щеку.

— Да ну тебя!— отпихнула она его с притворной обидой.— Дикарь ты, Гешка, самый настоящий дикарь! И что я в тебе нашла, ума не приложу?

Пряча усмешку, Скачков почесал пальцем висок, вздохнул: «Ох, и тяжелая это штука — мир в семье!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поздно ночью, когда возвращались от Звонаревых, Скачкову показалось, что Маришка, спавшая у него на руках, слабо стонет. Он приложился губами: как будто жар. Клавдия забрала ребенка к себе и успокоила его: просто перегрелась немного на солнце. Целый же день без отдыха!

— Точно, Геш,— подтвердил Звонарев, благодушно сидевший за рулем, с выставленным в окошко локтем.— Сейчас приедете — сразу в ванну. Уснет, и завтра будет как огурчик.

Рукой Скачков потрогал влажный лоб Маришки и расстроился еще больше. С гостями этими! Если бы не Звонарев, он высказал бы Клавдии, что, останься они дома, ребенок был бы здоров. А то за чаепитием, за разговорами (а тут еще спор!) не заметили, как затихла детвора. Маришка прикорнула в уголочке дивана нераздетой и захныкала, когда Скачков брал ее на руки.

Машина остановилась на пустынном перекрестке, перед светофором. Звонарев глянул в зеркальце, отыскивая взгляд Скачкова.

— Геш, в городе треп идет, будто не состоится ваша Вена? «Везде уже!»

— Треп и есть. Двадцатого вылетаем.

— Двадцатого...— Звонарев что-то прикинул в уме.— А как же с играми?

— Домашние матчи, на своем поле, по календарю, а на выезде Федерация футбола обещала перенести.

— Вы с кем сейчас встречаетесь?

Очередную встречу «Локомотив» проводил с ленинградцами.

— Ого!— Звонарев уважительно присвистнул.— Решетников у них, прямо скажем, не подарочек. Он мне чем-то Ригеля напоминает, у австрийцев. Верно, Геш?

— Ну вот еще!— запротестовал Скачков.— Ригель — хам, грубиян, а Решетников, хоть и играет жестковато, но футболист техничный, думающий — один из лучших полузащитников страны. Какое может быть сравнение?

— Значит, мне показалось,— уступил Звонарев и, заметив, что красный свет над перекрестком замигал, мягко стронул машину. Ночью, по безлюдным улицам, он любил спокойную меланхолическую езду.

— Я тебе что хотел сказать, Геш,— не утерпел Звонарев, когда они приехали и Скачков стал помогать Клавдии с ребенком на руках выбираться из машины.— Родион Васильевич на вашего... ух!.. слышать не может!

Он словно сообщал большой секрет. Начальника дороги Звонарев всегда называл только по имени и отчеству: Родион Васильевич сказал, Родион Васильевич сделал.

— Это же надо: первая игра дома и так опозориться! Да ведь дураку же ясно было, что «Торпедо» сразу кинется в атаку. Правда, там еще судья подонок. Он игру-то сделал. За что пенальти дал? Подумаешь — снос! Это же футбол, а не балет.

Выписывая целый ворох всяческих спортивных изданий, Звонарев мог рассуждать о спорте часами. Ему часто доводилось попадать в окружение Рытвина, и по тому, что он высказывал, можно было судить о настроениях «наверху». Сейчас у всех на языке новый наставник «Локомотива».

— Нет, ты сам подумай, Геш! Он у вас что — псих? Все с ног на голову. Родион Васильевича оскорбил. Кому вдруг взял и — в шею. Как он работать-то думает? И с кем собирается играть? Батищева поставит? Х-ха! Он наиграет! В прошлом году вам Ригель шороху навел, а нынче все-таки Фохт, не кто-нибудь!

Отчисление Комова он считал почти диверсией против команды. «Локомотив» всегда славился своей защитой, и вдруг удар как раз по защите, по основному бастиону.

— Геш, согласись, что такие операции не проводятся перед ответственными матчами! Залетите вы в Вене на несколько штук. Все так считают.

В это время Клавдия, подхватывая болтавшиеся ноги Маришки, пыталась открыть дверь подъезда.

— Чего пылить попусту?— отмахнулся Скачков, торопясь помочь ей.— Все еще направится.

— Да я думаю!— убежденно произнес Звонарев.— А как же иначе? Ведь впереди-то...

Последние слова он прокричал вслед убегавшему Скачкову и подождал, пока за ними не захлопнулась входная дверь.

Дома пришлось вынести немое, но красноречивое возмущение Софьи Казимировны. Она забрала, почти вырвала у Клавдии спящего ребенка. Началась поздняя суматоха, в которой Скачкову не находилось места: хлопанье дверей, шум воды на кухне, компрессы, порошки, плач разбуженной Маришки.

Предложение Скачкова вызвать скорую помощь осталось без внимания,— его не замечали, он вообще только мешал.

Дождавшись, когда в квартире все затихло, Скачков на цыпочках прокрался по коридору. «Женская половина», как он называл другую комнату, напоминала палату тяжелобольного. Торшер завешен шалью, Клавдия, низко наклоняясь к свету, изучала термометр. Температура все же была.

— Хоть бы ребенка оставили в покое!— сварливо проскрипела Софья Казимировна. Очки на ее лице сверкали угрожающе. В болезни Маришки она считала виноватыми обоих. Только что шепотом она как следует отчитала Клавдию. Губы ее, обескровленные от постоянного сжатия, превратились в гневную полоску.

От греха Скачков снова убрался к себе.

Он задремал, не выключая света, а когда проснулся, не сразу сообразил, где он, что с ним. Время было далеко за полночь. На цыпочках Скачков вышел в коридор.

Через стеклянную дверь был виден беспорядок в женской половине. Клавдия спала на раскладушке в халатике, ноги прикрыты кофточкой. Софья Казимировна, в очках, не раздеваясь, дремала в кресле возле детской кроватки.

Чтобы не шуметь, Скачков приник ртом к крану и осторожно пустил воду. Напившись, он с теми же предосторожностями, не уронив ни капли, закрыл кран.

У себя в комнате он быстро разостлал постель и, щелкнув выключателем, с наслаждением вытянулся на свежих простынях. Давно надо бы спать, иначе завтра на первой же тренировке не потянешь ног...

Они не задержались бы у Звонаревых, если бы не спор, начавшийся с упоминания имени Каретникова. Скачков уверял, что с новым тренером дела «Локомотива» должны пойти на лад. Звонарев скривился. На его взгляд, век

тренера обещал быть очень недолгим. Проигрыши в первых матчах, нездоровая обстановка в команде, да еще и оскорбление самого Рытвина... Он считал, Каретников продержится самое большее до возвращения из Вены. До бесславного возвращения! А там с него спросят сразу за все!

В разговор понемногу втянулись женщины. Телевидение с его регулярными передачами чемпионатов мира приобщило к футболу даже самых равнодушных. Наравне с мужчинами футболу стали поклоняться и женщины. А Клавдия была такой поклонницей с детских лет. Это она однажды заявила, что футбол стал любимым представлением планеты.

Скачкова всегда поражало, что она знала все или почти все в этом сугубо мужском виде спорта. У нее был верный глаз на перспективных игроков, она была способна, посидев на тренировке, сделать ряд глубоких замечаний относительно того, как будет выглядеть команда в завтрашнем матче. Арефьич, знавший Клавдию давным-давно, звал ее «глаз-алмаз». Ребята в команде относились к ней, как к «своему парню». Прежний капитан «Локомотива» Шевелев, прежде чем ступить на поле, подставлял ей спину и просил: «Клаш, будь другом, стукни на счастье!» Известный актер, приезжавший на съемки, познакомился с Клавдией вот здесь же, у Звонаревых, и был с ней на матче; потом он признался Скачкову: «Вы не представляете, Геннадий, какой она специалист! Я теперь смотрю на поле совсем другими глазами. А ведь считался болельщиком со стажем!»

Валерия, аккуратно разрезая торт и отпуская каждому за столом по треугольному ломтю на протянутые тарелочки, перебила Клавдию. Она неожиданно высказала мысль, что наш футбол «медленно, но верно» отстает от мирового уровня. Взять голландцев, например... Никакого же сравнения! Обращалась она к одному Скачкову, точно виноват в этом был только он, и никто больше. Звонарев, снимая ложечкой крем, глубокомысленно заметил, что прошло время, когда можно было сыграть матч, отстояв перед этим у станка полновесный рабочий день. Сейчас, если хочешь чего-либо добиться в спорте, необходимо подчинить этому весь распорядок своей жизни: сон, питание, отдых, развлечения. Короче, заняться спортом профессионально. Эра любительства кончилась. Отныне любительски можно заниматься только физкультурой.

— Вадим, ты прямо, как пророк!— улыбнулась Клав-

дия, наделяя детвору кусками торта. Маришка, чтобы не капнул крем, подставила ладонь. Маленький хозяин дома увел ее в другую комнату.

— Геш, а как ты считаешь?— спросил Звонарев.— Я же знаю, у вас об этом много говорят.

— Ну, так уж много!— усмехнулся Скачков, подбирая со скатерти крошки.— Просто поговаривают.

Мнение его самого? Да в общем-то отрицательное. Неверно это, что любительский футбол изжил себя, есть и у него еще резервы. Что же касается советского футбола, то дело «медленно, но верно» идет все-таки вверх, а не вниз. Нужно время. Мировой успех — это своего рода копилка, куда каждое поколение футболистов тащит по зернышку. Олимпийские медали в Мельбурне, Кубок Европы в Париже, четвертое место на чемпионате мира в Лондоне. Список! Так что скапливается помаленьку.

— Нет, старик, как хочешь, а я не согласен,— запротестовал Звонарев.— Без профессионализма нам чемпионами не стать. Это же смешно: самодеятельность против профессионалов! Нынешние мировые стандарты в спорте так высоки, что одним любительством, занимаясь на стадионе после работы, их уже не одолеть, не достичь. А то ты сам этого не знаешь!

Знать-то он знает... Однако, когда за игру получаешь деньги, футбол перестает быть состязанием, а становится работой. Но ведь не ради же заработка нужны эти самые два очка за победу над соперником!

— Ге-еш...— укоризненно и даже с некоторой обидой протянул Звонарев,— ну зачем разводить демагогию? Мы же взрослые люди. А разве вы сейчас святым духом питаетесь? Значит, вопрос в том, чтобы поставить все на деловую ногу. Как, скажем, в театре. Поешь — получай. И это логично... Клава,— неожиданно позвал он, и женщины, увлеченные каким-то своим негромким тайным разговором, обоpотились,— Клава, скажи: если бы Гешка твой получал как... ну, кто, кто?.. ну как тот же Пеле, ты бы что? Тебе бы плохо было?

— Ого!— рассмеялась Клавдия.— Спроси что-нибудь полегче.

«Опять деньги!»— расстроился Скачков. На его взгляд, деньги-то и губят все. Да, есть игроки, которые получают бешеные гонорары. Но сколько таких? Единицы. А остальные? Что их ждет, когда они выйдут в тираж? Что они еще умеют? Уж вон Гарринча — какой игрок был, а к чему пришел? К разбитому корыту. Нет, жизнь футболиста не замы-

кается границами зеленого поля. В футбол играют в основном до тридцати лет. А жить надо еще и дальше. В «Локомотиве» сменилось не одно поколение игроков — и что же? Парни сейчас работают и в ус не дуют.

Профессионализм — это торговля молодостью, силой. Профессионализм — это человек-товар.

Горячая тирада Скачкова заставила Звонарева задуматься.

— Хорошо,— сказал он,— а что же ждет Комова, если его окончательно отчислят?

— А кто виноват?— задиристо спросил Скачков.— Кто виноват, что он ничему не научился, ни о чем не думал? Бутылка, девочки... Он и Федора с толку сбил. Сам себя обокрал.

С этим спорить было трудно. Тот же Сухов, когда сбежал в московский «Спартак», прежде чем вернуться назад, в «Локомотив», поставил такие условия, что на «чистилище» крякнули. И все же приняли, только бы он вернулся и играл!

— Да,— вздохнул Звонарев,— чего-чего, а условия у них были.

— Ну вот!— воскликнул Скачков.

Загремел стул. Валерия, улыбаясь, поднялась из-за стола. За разговорами совсем забыли о времени.

— И все-таки, Геш,— уверенно заключил Звонарев, покуда собирались и он стоял, крутил на пальце ключ от машины,— все-таки рано или поздно жизнь сама заставит нас. Верней, не нас, а вас. Скажи, разве уже сейчас вы не подчиняете футболу всю свою жизнь? Разве спорт не диктует вашему брату, как питаться, отдыхать, тренироваться? Даже что читать, что слушать! Я же знаю, вы семьи не видите годами. Так, месячишко какой-то набегает за сезон. Честно говорю, я бы от такой житухи голову в петлю. Того нельзя, этого нельзя... Да позвольте, а зачем же тогда жить? Так нет, ты еще говоришь — деньги. Геш, старичок мой милый,— он сердечно обнял его за плечи и потискал,— только за такую жизнь и следует платить! И еще как!

Договаривали они, спускаясь по лестнице вниз.

Как всегда, Скачков чувствовал больше, чем мог выразить словами. Кое-что в убеждениях Звонарева ему казалось в самом деле назревшим, злободневным. Действительно, чтобы зритель, приходя на стадион, получал удовольствие от игры, футболисты обязаны тренироваться и тренироваться, без конца что-то отделывая, шлифуя (ни для чего другого в жизни времени уже не остается). И все-таки профес-

сионализм! Многое он, видимо, растаптывает в самом духе, в самой сути спорта. Прекрасный, например, игрок Крумфф, гордость голландцев, но взял и уехал играть в Испанию — там больше платят. Да мало ли их, соблазненных супергонорарами, кочуют из страны в страну, с континента на континент? Не спортсмены, а самые обыкновенные наемники.

Примечательно, что и у нас молодые ребятишки начинают с легкостью менять клуб за клубом, подыскивая место «потеплее». Ему бы, стервецу, еще учиться, а он уже «шустрит».

Спрашивается, все ли отдает такой игрок команде? Думается, что нет. Ему, знаете ли, многое все равно. Сегодня он бегает по полю в футболке «Локомотива», а завтра, глядишь, в динамовской или спартаковской. И вот, наблюдая за такой неразборчивостью, за такой «всеядностью», Скачков невольно сравнивал этих шустрых молодых людей, бойко торгующих собой, с боевыми ребятами киевского «Динамо», выигравшими смертный матч у команды оккупантов, или с участниками ленинградского матча, игравшими на футбольном поле блокадного города под артиллерийским обстрелом фашистов.

Хочешь, не хочешь, а когда начинаешь так вот сравнивать, сравнение само собой получается не в пользу «шустряков». Раньше парень как начинал играть в одном клубе, так в нем и заканчивал, и такой патриотизм, если хотите, увеличивал силу команды — каждый игрок чувствовал за спиной свой цех, свой завод, свой город. А наемник, если откровенно говорить, грудью амбразуру не закроет. Вот какое получается сравнение...

Звонарев вывел из гаража машину, захрустели по гравию шины. Маришка спала на плече Скачкова. Когда он стал осторожно залезать в машину, Клавдия придержала дверцу.

В самом ли деле футбол настолько изменился, повзрослел, что вырос из прежней одежды? Видимо, так, потому что раньше даже матчи цеховых команд зачастую смотрелись с бо́льшим интересом и азартом, нежели сейчас встречи мастеров. Но вот вопрос: бесконечно ли это взросление, возмужание? Не является ли профессионализм еще одним шагом, который любимая игра планеты делает к своей старости? Во всяком случае им, футболистам отживающего поколения, кажется, что после них футбол уже никогда не будет таким...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утреннюю тренировку проводил Арефьич.

Иван Степанович встретил автобус с командой и, покуда ребята спрыгивали с подножки, стоял, придерживая дверцу. Засек, что Федор Сухов не явился.

Отдав распоряжения второму тренеру, Иван Степанович разбитою походкой утащился к себе в комнату. Матвей Матвеич втихомолку объяснил, что у него разболелась печень и он с раннего утра, как только приехал на базу, лежал с грелкой на боку.

Размолвка в команде еще давала себя знать. Ребята двигались как подневольные, и с отвращением поглядывали на сетку с мячами.

— Слушайте, вы, лодыри!— не вытерпел Арефьич.— А ну ожили!

Виктор Кудрин, еле-еле семенивший по полю, пожаловался на усталость.

Арефьич не хотел ничего слышать.

— Вы поглядели бы, как тренируются пловцы. Вот где режим! По сравнению с ними вы живете, как боги... Давайте, давайте, прибавили немного!

Легкие занятия только расхолаживают игроков. При современных средствах восстановления сил (питание, массаж, фармакология, физиотерапия, режим) обычная тренировка по своему напряжению превосходит календарную игру. Скачков давно понял, что жизнь спортсмена кажется праздником только со стороны, на самом деле праздничного в ней нет ничего, разве лишь краткий миг победы, остальное же время, по существу вся жизнь,— это сплошной, непрерывный труд. Выдержать такую жизнь способен далеко не каждый.

А еще проклятый возраст! В отличие от Сухова, даже в такие годы транжирящего свои силы без оглядки, Скачков выглядел скупцом, скопидомом, считающим до последнего грошика. Федор, выходя на поле, надеялся на взрыв, на вдохновение, Скачков же залезал в автобус с командой, собрав в себе все, что было сэкономлено глубоким полноценным сном, продуманным питанием, упражнениями на тренировках и колдовством Матвея Матвеича. В последние годы он постоянно чувствовал, что малейшее отклонение от режима все заметней бьет по его копилке, собираемой к каждому очередному матчу.

Чтобы ежедневный труд на тренировках не был надоедливым, угнетающим, многое зависит от умения настав-

ника команды. За свои годы Скачков повидал не одного и не двух тренеров, и теперь с интересом присматривался к клеенчатой тетрадке, которую Иван Степанович постоянно таскал в оттопыренном кармане тренировочных брюк. Тетрадь всегда у него под рукой. За едой, в автобусе, просто оставшись днем на несколько минут один, он достает ее, листает, просматривает какие-то заметки и тут же вносит новые. Иногда Скачкову удавалось бросить взгляд в заветную тренерскую тетрадку: страницы вкривь и вкось заполнены мелким нервным почерком, исчерчены какими-то диаграммами, схемами. Занятия с командой Иван Степанович строит так, чтобы ребята как бы поднимались по лестнице трудностей: освоили один сложный элемент, вот вам еще более сложный! Весной, когда Каретников приехал к команде в Батуми, рекордсмен в подтягивании на турнике был Батищев — семь раз. После первого же пятикилометрового кросса ребята с неделю ступали по земле дрожащими ногами. Сейчас каждый игрок подтягивается двенадцать-четырнадцать раз, бегает кроссы по восемнадцать километров, приседает с тяжеленной штангой.

После нынешней зимы, думая о своем недалеком будущем, Скачков все больше приходил к выводу: работа тренера — творческая, задача его — помочь каждому игроку раскрыться, распечатать в себе тот клад, который в нем зарыт и о котором парень, быть может, не подозревает сам.

...После разминки на поле подали мячи. Защитники и нападающие занялись раздельными упражнениями. Нападающие совершали рывки примерно в сорок метров и с ходу наносили удар по воротам. Защитники и полузащитники играли в небольшом квадрате четверо против двоих в одно касание.

У бровки тренировочного поля, на чемоданчике, глыбой восседал Матвей Матвеич. Внушительный живот мешал ему сомкнуть колени. Рядом с ним, задрав ухо, звонко взлаивал лохматый Тузик, прижившийся на базе пес. Одному Тузику сегодня не изменяло настроение, он стремглав бросался за улетавшими с поля мячами и, повизгивая, дожидался, когда за ними прибегут. Футболиста с подобранным мячом он провожал до кромки поля и снова дисциплинированно усаживался рядом с массажистом. Появляться во время тренировки на зеленом поле ему было категорически запрещено.

Когда нападающие перешли к игре втроем против двоих, а защитники принялись отрабатывать удары по воротам с

дальних дистанций, показался врач Дворкин. Он с утра сидел в своей лаборатории и теперь спешил на занятия.

С приходом в команду Ивана Степановича Дворкин буквально ожил. Прежде его позиция в коллективе была неопределенной и зачастую, находясь в окружении здоровых жизнерадостных парней, он попросту не знал, чем занять свой день. Он помогал красить мячи, выполнял хозяйственные поручения. Во время матча ему, нагруженному бинтами, хлорэтилом и зеленкой, удавалось в лучшем случае оказать помощь легко травмированному игроку. Футболисты со сложными травмами отправлялись в больницу или диспансер.

Сейчас Дворкин стал в команде фигурой первостепенной, и возвел его на эту высоту новый старший тренер, выяснивший в первые же дни, что у молчаливого робкого врача пропасть накопленных наблюдений и рекомендаций.

Каретникову не нужно было доказывать, что современный футбол построен на предельных нагрузках, вызывающих физиологические сдвиги в организме, но вот в том, как добиться быстрейшего восстановления сил футболистов, в этом новый тренер нуждался постоянно, и Дворкин стал его ближайшим помощником. Если сравнить команду с кораблем, то Каретников был ее капитаном, а Дворкин старшим штурманом.

Врач теперь просыпался раньше всех на базе и вместе с дежурным обходил комнаты. Затем подробный разговор с поваром, контрольный осмотр двух-трех игроков, доклад тренеру о состоянии команды. На тренировках он присутствовал незаметно, сидел, посасывая карандашик и вдруг принимался что-то строчить в блокнот. Нынешние внушительные рекорды в различных видах спорта, доказывал он, достигнуты мобилизацией всего лишь половины сил спортсменов. Выходит, остальная половина дремлет где-то в недрах человека и еще ждет своего часа. Как ее добыть, как заставить включиться в работу? Дворкин уверял, что это под силу только самой серьезной науке. Причем, время требует, чтобы наука вошла в спорт не робкой гостьей, а хозяйкой.

После отбоя Дворкин еще долго сидел у себя в кабинете над какими-то схемами и расчетами. Результаты всевозможных медицинских анализов раскрывали перед ним скрытый механизм каждого игрока, а следовательно, и команды в целом, и его заботой было к началу нового дня перевести физиологические симптомы на вполне обыкновенный язык. Скачков сам однажды слышал, как врач жало-

вался администратору команды Смольскому, своему постоянному собеседнику, что его беспокоят не только нагрузки, сон и питание игроков (все это разумеется само собой), но даже процессы, происходящие у футболиста в двенадцатиперстной кишке, и предсказывал, что в скором времени наука дойдет и до этого,— организм спорстмена должен просматриваться специалистами, как стеклянный.

По рекомендации врача Иван Степанович стал дифференцированно распределять нагрузки на игроков. Таким, как Скачков, Батищев, Стороженко, мясистым, толстоногим, по-прежнему доставались упражнения на силу, выгоняющие пот,— чтобы разогреть, заставить полностью влезать в полезную работу всю массу мускулатуры. («Нажми, нажми, не жалей сока!»— весело покрикивал на них Арефьич). Между тем Скачков не помнил, чтобы когда-нибудь особенно напирал на атлетическую подготовку. Такие, как он, как те же Батищев и Стороженко выросли в семьях, где еда подавалась на стол большими кусками, дети в таких семьях с ранних лет растут в труде, и это дает им запас сил на всю жизнь. Напротив, Кудрин, Нестеров, Серебряков, игроки нервного, взрывного типа, нуждались не в количестве, а в качестве нагрузок, и с ними Иван Степанович, таская в оттопыренном кармане свернутую трубочкой тетрадку, все чаще занимался сам, отдельно. Правда, им тоже приходилось умываться потом, и все же Владик Серебряков, переводя дух, оттягивая майку, встряхивал ногами и с удовлетворением замечал: «По науке, все как в аптеке». К Серебрякову тренер присматривался на южном сборе и с первых же игр сезона стал выставлять его в основной состав. Игра у Владика раз на раз не приходилась, но Иван Степанович терпеливо закрывал глаза на недостатки молодого футболиста, зная, что игроку талантливому приходится порой труднее, чем просто способному: способный легче приспосабливается, таланту же надо обязательно раскрыться.

После тренировки в душевой Виктор Кудрин, натирая широченную спину Батищева, орудовал мочалкой, как скребницей, и звучно шлепал приятеля по увесистым бокам: «Эк, накопил. До тебя, Сем, никакой науке не дойти... Тпру, балуй, черт!»— кричал он и выскакивал из кабины, когда Батищев, потеряв терпение, пытался взять его в охапку.

У футбольных ворот Арефьич занимался с Соломиным. Он подозвал Мухина и дал ему задание врываться с края поля в штрафную.

— Саша,— покрикивал тренер,— выйди быстро на него, не жди! Да не в игрока, не в игрока... Где твой подкат?

Потом он поставил Владика Серебрякова перед створом ворот.

— А ну-ка, Муха, понавешивай, только поточнее... Саша, крой Серебрякова! В прыжке, повыше. Рассчитай, рассчитай! Не дай ему головой сыграть...

— Да он все равно перепрыгивает!— признался запаренный Соломин, утираясь.

— Перепрыгивает... А ты сообрази,— настаивал Арефьич.— Смотри: прыгни чуть раньше его и грудь подай вперед. Вот так. Высунься чут-чуть. Он, понимаешь, прыгнет тоже и подтолкнет тебя вверх. Пусть на сантиметр какой-то, понимаешь, а — все же... Понял? Давайте повторим.

В других воротах тренировался Маркин, в старом выгоревшем свитере, в кедах. Голые ноги вратаря перехвачены широкими наколенниками.

— Геш,— позвал Маркин и подтянул перчатки,— постучи-ка низом. Что-то как ни сунусь — мимо.

Скачков погнал мяч на одиннадцатиметровую отметку.

— Жирок завязал, Леха. Ложишься мягко.

— Маленько есть,— согласился Маркин и похлопал себя по животу.— Теща вчера пельмени затеяла. Наелся, аж моргать больно.

Семья Алексея Маркина вызывала всеобщую зависть ребят. Футбол там был предметом домашнего поклонения; у тестя и тещи из года в год постоянные абонементы на стадион. Когда команда возвращалась из поездок, в аэропорту Маркина встречал весь семейный дружный клан. Иногда Алексею выпадало играть за дубль, тогда после матча, не появляясь дома, он снова уезжал на базу. В таких случаях шофер Николай Иванович специально давал небольшой крюк, чтобы проехать мимо маркинского дома. «Леха, стоят»,— окликал кто-нибудь вратаря. В окне или на балконе четвертого этажа дежурили все пятеро. Завидев большой красный автобус, тесть и теща поднимали детишек, жена махала рукой. Свет в автобусе бывал потушен, и Скачков сомневался, чтобы сверху, с четвертого этажа, можно было разглядеть лицо прильнувшего к стеклу Маркина, но встречи повторялись с неизменным постоянством и всякий раз, проезжая мимо, Николай Иванович на-

рушал запрет регулировщиков и давал громкий приветственный гудок.

Посылая низом короткие несильные мячи, Скачков пережидал, покуда Маркин поднимется на ноги, и едва удерживался, чтобы не спросить, добрались ли до него позавчера вечером подвыпившие Комов с Суховым, а если добрались, то... «Да нет, там им дадут от ворот поворот!» Все домашние Алексея, насколько знал Скачков, никаких интриг в спорте не одобряли. В прошлом году они первыми откликнулись на статью Брагина в газете, а осенью, узнав об отчислении Скачкова, написали даже в обком.

Частое, заливистое тявканье Тузика заставило Скачкова оглянуться. Он увидел: Матвей Матвеич стоял на краю поля во весь рост и подзывал его рукой. Скачков в последний раз подправил мяч под ногу и ударил в верхний угол. Маркин с полным вздохом проводил мяч взглядом и, утомленно стаскивая перчатки, пошел из ворот.

Принудиловка сегодня, а не тренировка!

— Зайди к Степанычу,— передал Скачкову массажист.

Тузик, скаля зубы, вилял хвостом и ждал сигнала, чтобы бежать следом.

— Не до тебя сегодня, отмахнулся от него Скачков.

Цокая шипами, он прошел по коридору и постучал в последнюю дверь. Иван Степанович лежал, укрывшись одеялом,— в очках, с тетрадкой в руках. Он взглянул поверх очков на вошедшего и молча показал сесть у себя в ногах.

В угловой просторной комнате с двумя распахнутыми настежь окнами было еще свежо, как утром. С тренировочного поля доносился голос Арефьича:

— Не так, не так! Зачем ты принял мяч внутренней стороной? Сам себя ограбил. Обработал бы внешней и сразу бы ушел: полтора метра форы. А так, пока разворачивал ногу, все потерял... Давай повторим!

— Ну... как тренировка?— спросил Иван Степанович.

— Плохо, по-моему,— сказал Скачков. Раздетый, в одних трусах и бутсах, он чувствовал себя неловко.

— Угу... А Соломин как? Видел его?

— Жидковат малость. Но через год, через два потянет.

— Через год!— хмыкнул Иван Степанович и постучал карандашом по зубам.— Легко сказать — через год!

По углам его рта легли две отвесные складки.

— А... Комов? — решился спросить Скачков, поглядывая исподлобья. Он хотел ясности: неужели тренер сказал, как отрубил?

Иван Степанович засопел и содрал с лица очки. Под одеялом задрыгала коленка: плохо дело!

— Нету Комова, нету! Понял? И забудь о нем!

Потом, покусывая дужку очков, признался:

— Если бы можно, я сейчас и от Сухова освободился бы. Иди он, гуляй как хочет! Да, жидковат,— правильно ты сказал,— жидковат у нас пока что дубль.

«Но ведь Вена...— думал тем временем Скачков.— Уж ради Вены можно бы... В прошлом году не добились преимущества даже дома, на своем поле, а в гостях играть куда труднее».

— Как ты считаешь,— неожиданно спросил Иван Степанович,— может еще Сухов быть полезным команде? Только — честно.

Скачков смешался и опустил глаза.

— Думаю... что да,— наконец выдавил он, усиленно кивая головой.— Да, определенно может.

Где-то краем сознания промелькнуло, что так вот, в нескольких словах, может решиться судьба игрока. Один спросил, другой ответил, даже не ответил, а просто пожал плечами: дескать, как вам сказать... (В прошлом году, возможно, вот так же решилась и его собственная участь).

Однако, защищая Сухова, он не жалел его, совсем нет. Он на самом деле считал, что Федор, при всех его пороках, еще не сыграл своего последнего матча. Классный футболист был Федор Сухов, талант, каких не так уж много. Беда его, как это ни странно, была как раз в таланте, в легкости того, что другим давалось годами тяжелейшего труда. Поэтому-то Федор жил легко, свободно, не задумываясь,— талант вывезет, выручит. Он жег себя, сжигал, как свечку, сразу с двух концов. И талант вывозил, выручал, держал его на гребне славы. Даже после загулов, после поздних возвращений на базу или в гостиницу Сухов в игре продолжал оставаться Суховым. Стоило ему лишь выбежать на поле, окунуться в подмывающую обстановку гудящих в ожидании трибун, и стадион, словно земля, когда к ней прикасается Антей, вливал в него необходимую бодрость, Федор «заводился» и играл как молодой, азартный, со свежими неизрасходованными силами. Но вот пошла на убыль молодость, и он махнул рукой: нравлюсь я вам такой, берите. А тут еще попал под Комова, не хватило своего характера. И — пошло! Сколько раз пытались говорить с ним,— бывало, соберутся всей командой, стыдят, срамят, он ничего — молчит, не ерепенится, исправиться пообещает, а чуть не доглядели: снова! Жизнь у него раз-

ламывалась,— разломилась уже: с годами следовало бы поберечься и укротить себя в соблазнах, но как раз соблазнами-то и был дорог для него футбол, сделавший его именитым, порой незаменимым. И это раздвоение мало-помалу привело к тому, что он все больше отвращался от футбола: играл без подготовки, надеясь на один былой талант. Он выходил на поле и исполнял надоевшие ненавистные обязанности только затем, чтобы жить так, как хотелось, как привык,— ничего не меняя...

А мог еще блеснуть Федор на поле — не так, конечно, как когда-то, но выпадали дни, и он, будто вернувшись в молодые свои годы, показывал отличную игру. В прошлом году, с австрийцами, встреча сложилась трудно, гости, построив атаки на фланговых прорывах, давили все два тайма и могли заколотить несколько мячей, но спас Алексей Маркин. Ответный гол в самом конце матча провел Сухов, забил красиво, головой, в стелющемся броске вперед, так что аплодировали даже сами австрийцы. Думая о той игре, Скачков не мог понять, что толкнуло Сухова на рывок, вроде бы на первый взгляд совсем бесцельный? Игра еще шла на противоположном фланге, а Федор вдруг побежал, включил свою знаменитую стартовую скорость, и это было непонятно до тех пор, покуда мяч от головы защитника не срезался и не направился наискосок штрафной за лицевую линию, на угловой. Как угадал он весь «расклад», вплоть до досадной для австрийцев срезки? Непостижимо! Но и это еще не все. Мяч улетал и улетел бы, не догнать его и на суховском рывке, как вдруг Федор с разбегу выстелился рыбкой, на руки, и дотянулся, поймал мяч головой в полете и заставил его заскочить в угол ворот... Это было красиво, это было неожиданно, главное же — это было так необходимо, потому что сразу меняло всю картину борьбы за Кубок. Тогда Скачков не выдержал и тоже, вместе с остальными, бросился поднимать и тискать Сухова. Он не любил эти объятия, поцелуйчики на поле, но в тот момент не выдержал. Да и как было выдержать! Гол голу рознь, а тот, суховский, был поистине бесценный: чудо, а не гол! То-то и котировался еще Федор, стояла и не меркла его давняя звезда, хотя в команде подрастали молодые, тот же Владик Серебряков, поразительно прибавивший по сравнению с прошлым годом. И все же Сухов оставался Суховым, заслуженным,— талант которого, как говорится, к коже не пришьешь... Так что Скачков, защищая перед тренером старого товарища, нисколько не кривил душой — если уж он Комо-

ва готов был сохранить для пользы дела, то что же говорить о Федоре!

— Ладно,— с легким вздохом согласился тренер,— пусть будет по-твоему.

Потом он показал ему сесть поближе и стал говорить о матче с ленинградцами. Команда жесткая, напористая, Иван Степанович считал, что так или примерно так будут играть у себя дома австрийцы. А чего им, в самом деле? Выступают на своем поле, заполучили Фохта — без сомнения они сразу же кинутся на штурм. В игре с ленинградцами Иван Степанович намеревался испытать молодых игроков. На место Комова выйдет Соломин, кроме него ставить больше некого. Хорошо бы еще попробовать Белецкого. В Тбилиси он вышел, заменив Скачкова, но показать ничего не успел. А парнишка старательный. Иван Степанович рассчитывал, что сил Сухова хватит самое многое на первый матч.

— А может быть, еще Мухина подменим,— он скомкал разговор.— Перед игрой посмотрим.

Мысленно Скачков не переставал удивляться: сейчас они сидят, планируют, как ни в чем не бывало, а «чистилище»-то? Все замены, перестановки игроков обговариваются только там. Рытвин знает «свою» команду наперечет и заранее сам составляет заявочный список. К тому же Скачков не сомневался, что предстоящее «чистилище» получится особенно бурным. Прежде всего Комов, за которого горой встанут покровители команды, ну и наконец Рытвин, оскорбленный тем, что его бесцеремонно завернули от дверей раздевалки.

Отбросив одеяло, Иван Степанович спустил на пол ноги в носках и поднялся. Тренировочные брюки мешком висели на коленях, сползали с дородной поясницы,— он подтянул их длинным жестом сбоку. Остывшая грелка с бульканьем завалилась за диван.

— Говоришь, тренировка тебе сегодня не понравилась? А ну пошли на поле!

Издали, покуда шли, Скачков окинул взглядом всю отрадную картину занимающейся команды. Группа дублеров, самые молоденькие пацаны бежали вокруг поля, смахивали пот. Трудяги из основного состава: Кудрин, Нестеров, Строженко добросовестно работали с ускорением, пробовали обводку, рывки. Владик Серебряков в одиночестве небрежно жонглировал мячом — лишь бы двигаться и не попасть на замечание. В тренировках парень пота не любил.

С Семеном Батищевым занимался сам Арефьич. Секрет

постоянного отставания несчастного Семы раскрыл все тот же дотошный Дворкин. Он доказал, что игрок, оказавшийся между двумя составами: основным и дублирующим, просто не в состоянии тренироваться с необходимой интенсивностью. Расписание календарных игр ломает ему весь график тренировок. Завтра, скажем, парню играть в дубле — значит, он не может провести полную тренировку с основным составом, а когда тренируются дублеры, он должен быть готов выйти в основном составе, так сказать, находиться в резерве главного командования. Не имея оптимального режима тренировок, такие игроки год от года не приобретают, а лишь теряют.

Терпеливый Арефьич, к чьему незаметному присутствию в команде давно привыкли все ребята, мог отрабатывать с игроком какой-нибудь прием до тех пор, пока оба держались на ногах. Для Арефьича в футболе не существовало никаких секретов, и он старательно добивался от Батищева автоматизма, чтобы мяч не отскакивал от него, как от столба, а послушно скатывался по телу к ноге. Индивидуальное мастерство, не уставал повторять Арефьич, должно быть на уровне задуманного, и он тянул из Семена жилы, прививая ему сложные навыки жизни на поле, где даже в условиях жесткой игры, когда соперники тянут тебя за майку, хватают за трусы, толкают и бьют но ногам, настоящий мастер тем не менее не перестает видеть обстановку, как на ладони, и распоряжаться мячом, считая расстояния не на метры, а на сантиметры.

У себя на краю кропотливо, как муравей, трудился маленький Мухин. За все годы в футболе Скачков был очевидцем многих перемен в тактическом построении игры. На его глазах, как-то совсем незаметно, свелась почти на нет роль крайних нападающих. Досадная потеря! Сейчас, уже на закате своей спортивной жизни, Скачков научился многое видеть, многое понимать. Отсутствие ярко выраженных «крайков» намного сузило фронт атаки. Скопление игроков в центральной зоне облегчило действия защиты и очень усложнило задачу нападающих. Пробиваться через центр стало просто невозможно. Иногда Скачкову казалось, что именно такое «новшество» привело к редким взятиям ворот.

Присматриваясь к действиям нападающих, Скачков глазами умудренного игрока видел, что современной атаке на ворота соперников стал присущ один и тот же недостаток. Получив мяч от партнера из центральной зоны, фланговый игрок, вместо того, чтобы максимально развить

атаку в глубину, поспешно возвращает мяч обратно в центр, в толпу. Причина? Отсутствие «специалистов» краев, психологический проигрыш борьбы с защитником, боязнь бровки.

Бровки сейчас боятся все или почти все. И это понятно: там меньше места для маневра, там трудно вести мяч, игрок на фланге действует словно на краю обрыва.

И все же! «Локомотив» в компании избранных коллективов высшей лиги всегда считался командой немного старомодной. Отчасти это объяснялось тем, что здесь постоянно существовали оба края. Широкие действия нападающих «Локомотива» нередко ставили в тупик сторонников новеньких, модернизированных схем. «Локомотив», как и прежде, сохранял в игре свое лицо.

Стремительные прорывы крайних нападающих, в настоящее время Сухова и Мухина, частенько позволяли «Локомотиву» диктовать ход встреч. Конечно, эти прорывы означали известный риск, однако, если даже защитники шли на подкат и выбивали мяч у Сухова или Мухина в аут, пространство атакующей командой было все равно выиграно (тем более, что при вбрасывании мяча нет правила «вне игры»). Кроме того, на фланге чаще удается «стенка» и очень опасен так называемый «перекидной пас» за спину защитников, рассчитанный на рывок и удар форвардов с ходу.

Итак, «Локомотив», несмотря на повальное увлечение новейшими схемами, сохранил в своем арсенале такое проверенное оружие, как крайние нападающие. И нужно сказать, что одним из выдающихся мастеров игры на краю заслуженно считался Федор Сухов. За многие годы он постиг все тонкости своей «узкой специальности», лишь в последнее время, как замечал Скачков, Федор, быстро теряя силы, все чаще допускал один и тот же просчет: вместо того чтобы обойти защитника с внешней стороны, ближе к бровке, он наивно стремился проскочить его с внутренней, чем не только сужал фронт атаки, но зачастую становился добычей бдительного подстраховщика. Объяснение этому было одно: не тот уже Федор, не те силы, выносливость и скорость.

Мухин, вот кто незаметно вырос в грозного «крайка!» Плотненький колобок, вышивавший на краю узоры тончайших финтов, он нисколько не боялся бровки и на самой кромке поля действовал с такой отчаянной стремительностью, что защитникам оставалось лишь одно: идти на нарушение правил. Особенно опасны стали прорывы Мухина

теперь, когда в центре появился и разыгрывался Владик Серебряков. С каждым матчем у них все слаженней, все четче удавалась коварная «перекидка»: мягкий переброс мяча через защитников на ход разогнавшемуся Серебрякову...

Не доходя до поля метров десяти, Скачков перешел на легкую трусцу и засеменил к работающему в одиночестве Серебрякову. Иван Степанович остановился, с минуту понаблюдал, чем занимается команда, затем раздался его зычный властный голос:

— А ну включить скорость! Вы что, в игре так шевелиться собираетесь? Это служба, а не игра. В футболе надо играть, а не служить.

Присутствие старшего тренера почувствовалось сразу же.

Послышалась команда разбиться на пары. Виктор Кудрин, уже припотевший, крикнул Маркину:

— Эй, а ну-ка марш в стойло!

Выбивая кепку о колено, Маркин побежал к дальним воротам.

Каждая пара, игровая в быстрый пас, стала проходить поле и завершать упражнение сильным ударом по воротам. Били не точно,— абы ударить. Мячи летели в сторону и выше ворот. Маркин извелся от бездельного скакания.

— Какого черта!— кричал.— Подведи поближе. Пробей точнее. А ну на спор: кто забьет?

Рассердившись, Иван Степанович распорядился принести двое маленьких ворот для игры поперек поля. Разбились на две команды, но каждый игрок, как лошадь, таскал седока на закорках. Скачкову выпало возить Серебрякова, Кудрину — Батищева. Виктор запротестовал:

— Куда мне такого бугая? Дайте вон Муху!

— Р-разговорчики!— прикрикнул Иван Степанович, и Виктор покорно подставил спину.

Таская на себе Батищева, он быстро взмок, налился бурым цветом, но ярости в игре не сбавил,— балагур и хохотун в жизни, он становился неузнаваемым на поле: злой, напористый, неуступчивый. С худой спиной, с жидковатыми ногами, он, казалось, не имел понятия, что такое усталость.

Владик Серебряков ловко вскочил Скачкову на спину, сжал бока ногами и, как всадник, сделал понукающее движение:

— Трогай!

— Сиди давай!— огрызнулся Скачков и устремился

навстречу Кудрину, семенившему, как ишачок, под тяжестью Батищева. Даже с шестипудовым седоком на спине Кудрин вел мяч, не глядя под ноги,— в игре он вообще не опускал головы: чувство мяча у него было поразительным!

После лошадиной нагрузки с седоками на спине началась «вертушка», специальное упражнение, придуманное старшим тренером. Это были длительные рывки с мячом вокруг футбольного поля, перемежающиеся игрой в «стенку» и ударами по воротам. Мяч при этом моментально, не давая передышки, возвращался бегущему игроку, а голос тренера преследовал и подгонял: быстрей, еще быстрей! В первую неделю, когда Иван Степанович ввел «вертушку» в обиход тренировок, никто в команде не был в состоянии сделать больше двух кругов: сказывался зимний спад и прохладца на занятиях.

— Скорость!.. Скорость!— только и знал покрикивать Иван Степанович. Заметив, что у дальних ворот ребята сбавляют ход, он послал туда Арефьича.

Всей пятерней оттягивая намокший ворот футболки, Скачков дул себе на грудь и сплевывал тягучую, как клей, слюну. Он не вынес и сошел с четвертого круга. Иван Степанович что-то кричал ему с противоположной стороны поля, он не мог разобрать, да и не прислушивался толком,— сердце распухло и колотилось так, что отдавалось в висках.

— Стороженко!— крикнул тогда Иван Степанович, вызывая к старту следующего.

Разводя руками, набирая полную грудь воздуха, Скачков постепенно приводил себя в порядок. Уф, ну и нагрузочка! А ведь на юге он стал пробегать по пять кругов — почти рекорд. Выносливей его был один Виктор Кудрин. Но с тем вообще никто не мог сравниться. Рыжие, как уверял Серебряков, выносливее битюгов.

Он проследил, как мимо него по кромке поля промчался, гоня перед собою мяч, горячий, словно локомотив, Стороженко. Тоже вот — второй круг всего, а хоть выжми. Но лукавил, хитрил Стороженко: отпускал мяч от ноги подальше — все бежать легче. В игре с таким дриблингом недалеко пройдешь.

Неподалеку от старшего тренера старательный Соломин отрабатывал каверзный удар, известный как изобретение бразильского полузащитника Диди. Мяч при таком ударе летит не прямо, а по кривой, как бы огибая воображаемую стенку игроков, причем вращается не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной. Иван Степанович,

понаблюдав за Соломиным, нашел, что у парнишки пока что получается банальнейший «сухой лист», с вращением мяча справа налево.

— Саша,— позвал он,— дай-ка сюда.

Брошенный ему мяч Иван Степанович ловко поймал на носок ноги, мягко опустил и тем же движением, изящно скинув его с носка, прижал к земле. Точно рукой!

Установив мяч, он отошел для разбега. Для того, чтобы придать мячу еще и дополнительное вращение сверху вниз, объяснял он, бить следовало не просто внутренней стороной подъема, а именно той частью, где большой палец.

С неожиданной легкостью для своего немолодого грузного тела Иван Степанович разбежался и ударил. Мяч по дуге достиг ворот и, круто упав в самый угол, шурша по сетке, скатился вниз.

— Краса-авец!— восхищенно протянул наблюдавший Кудрин.

Иван Степанович оглянулся, рукавом фуфайки утер мокрое лицо.

— Это потому,— сказал он с конфузливой усмешкой,— что мы смотрели на футбол вот так!— и возвел глаза к небу.— А вы сейчас: вот,— и глянул себе на ладонь.— Разница!

Потом он сказал Соломину: «Стучи!»— и оставил его.

Наконец, построившись гуськом, ребята потрусили к озеру — последняя пробежка. Матвей Матвеич собирал мячи в огромную сетку. Иван Степанович брел по полю, прижимая бок рукой. У ворот он остановился и по-хозяйски покачал штангу.

На смену футболистам на простор зеленого поля обрадованно высыпали заворотные мальчишки, бегавшие во время тренировки за мячами. Это был их час, и они, расхватав мячи, обложили ворота, в которых торчал длинноногий, угловатый Валерий Турбин, вратарь дублеров.

— Поточней!— покрикивал он мальчишкам, пластаясь между штангами под градом ударов.

— Геш,— позвал Арефьич,— я гляжу, у тебя что-то удар срезался. Хочешь, постучим часок? Я Валерку Турбина оставил, ему это тоже не повредит.

— Можно,— согласился Скачков и рысцой отправился обратно на поле, где мальчишки азартно, сразу с нескольких точек, расстреляли ворота Турбина.

— Дядь Геш!— услышал он со стороны, оглянулся и увидел, что прямо ему на ногу мягким стелющимся пасом катится мяч. Соблазнившись, он взорвался на рывок и

весь разбег вложил в удар. Нет, проследил он взглядом, слишком высоко. Арефьич прав: что-то у него перестало получаться, мяч никак не ложился на ногу.

Мальчишки на поле были одеты, как настоящие футболисты: в гетрах, с самодельными нашитыми на майках номерами. Свой пятый номер Скачков нашел на бойком вихрастом пацане, убежавшем с мячом к лицевой стороне поля,— он собирался пробить угловой. Для удара от углового фланга у «пятерки» не хватало сил, мальчишка перекатил мяч метров на десять поближе. По всем повадкам — как он ставил мяч, как поправлял и отступал для разбега, в нем угадывался далеко не новичок на поле. Длинноногий Турбин, занимая свое место, попятился к дальней штанге.

Разбежавшись, пятый номер ловко закрутил мяч в самый угол, возле крестовины, и Турбину пришлось растянуться в настоящем боевом прыжке, ударом кулака отбить мяч за ворота.

— Сухой лист! А?— восхитился Скачков.

Поднимаясь на ноги, Турбин рукой в перчатке почистил колено.

— Главное, лупит по заказу.

Похвала смутила мальчишку. Небрежно уперев руки в бока, он вперевалку, по-футбольному, побрел от лицевой линии и, пока шел, смотрел себе под ноги. Ему попался мяч, он ловко подцепил его носком, подкинул на колено, затем на голову, все это мимоходом, как бы нехотя, но четко,— мяч по нему катался, как на веревочке.

— А ну-ка, ну-ка!— крикнул Скачков.— И долго ты так можешь?

— Да ну...— пацан совсем смутился.

Выручил его Арефьич, подошедший с поля.

— Алик,— позвал он «пятерку»,— дуйте-ка, братцы, на те ворота, нам тут еще подзаняться надо. Мячи можете взять. Оставьте нам штуки три.

— Видал малого?— спросил Скачков, провожая убегающих мальчишек.— Вот будет играть! А? Чей это, интересно?

Арефьич пожал плечами.

— А кто его знает? Они тут все бесхозные. Торчат с утра до вечера. Озеро же, купаться приезжают. Да и лагерь рядом.

— Толк, по-моему, будет.

— В руки надо брать. А кто возьмет, когда? А пацаны есть, и неплохие. Хожу по городу — столько, знаешь, пацанов хороших!

— Поговорить все-таки не мешало бы.

— С кем?— Арефьич посмотрел на него, как на несмышленого.— С ними еще лет пять надо заниматься на полную катушку. А начальство, сам знаешь, любит все сразу: или медали, или кубок. Так-то вот...

...Когда грязный измученный Скачков тащился с тренировки в душевую, ребята уже помылись и переоделись в чистое. Несколько человек лежали в шезлонгах и дремали, задрав как можно выше ноги. На веранде стучали шарики пинг-понга: играли сразу на двух столах. Красный раззадоренный Батищев старательно отбивался от Кудрина и проигрывал очко за очком. Каждый свой удар Виктор приправлял ядовитым замечанием, и зрители покатывались со смеху.

— Геш,— крикнул Кудрин и помахал ракеткой,— будь другом, выручи. Мне сейчас кататься на Семе, а как на него садиться? Погляди — в мыле весь. Тебе все равно мыться,— не прокатишься за меня?

Утирая лицо, Батищев носил широкой мокрой грудью и сердился:

— Ты не трепись, а подавай! Еще сам повезешь.

На другом столе играли Павел Нестеров и чернявый Игорь Белецкий. Игорь выигрывал и смущался. Он сам бегал за шариком и старался избегать сильных ударов. Анатолий Стороженко, набив за пазуху яблок, сидел в покойной качалке, жевал, обкусывал яблоки и подтрунивал над Павлом.

— Егорка, чего ты с ним церемонишься, со слабаком? Мотай его на сухую.

В углу, устроившись за низким шахматным столиком, Алексей Маркин чертил на большом листе «пульку», поджидая партнеров.

Грузно упираясь в перила, Скачков поднялся на веранду. Сесть было негде и он прошел к биллиардистам. Владик Серебряков, после купания румяный, косой пробор на голове, сгонял шары кием к короткому борту и поторапливал Мухина лезть под стол.

— Видал, Геш? Проигрывать умеет, а расплачиваться — нет.

Страдая от унижения, Мухин опустился на четвереньки.

— Условий, надеюсь, не забыл?— напомнил, издеваясь, Владик.

Одной рукой Мухин прижал два шара к животу, еще один шар зажал подбородком и, стараясь не уронить, за-

ковылял под столом. Владик подгонял его кием до тех пор, пока он не вылез с другой стороны стола.

— Росту у Мухи нет,— пожаловался Владик,— под столом пешком пройдет. Может, с тобой сыграем, Геш? Три шара форы.

Вскочив на ноги, Мухин с азартом кинулся ставить шары.

— Ну, погоди! Уж я тебя загоню. Постой, Геш, сейчас увидишь.

Скачков с улыбкой смотрел, как он горячился и составляет шары в треугольник. Он сочувствовал Мухину. Серебряков, как игрок, котировался даже в биллиардном павильоне городского парка. Однажды в Батуми, на сборах, он в пух и прах разнес какую-то местную знаменитость. Игра тогда шла на «интерес», и дело, помнится, едва не кончилось скандалом.

Ступени на веранду застонали под тяжестью массажиста. Матвей Матвеич, поднявшись, повел глазами. В компании картежников он заметил молоденького Сашу Соломина.

— Это еще что?— и он бесцеремонно выгнал его из-за стола.— Твоя книжка? Тогда бери и шлепай. Толку больше будет... Иди, иди, с картами еще успеешь.

— А ты — тоже!.. — напустился он на Маркина.— Учитель нашелся!

— К старости пускай готовится,— улыбнулся Алексей, быстро раздавая карты по кругу.— Старость придет — чем заниматься будет?

Массажист, кряхтя, поместился на соломинское место, потянул и раскрыл карты. Живот держал его от стола на расстоянии.

Возле столовой на ступеньке приехавшего из города автобуса сидел сапожник Кондратьич и, вздев старенькие, перевязанные изоляционной лентой очки, вслух читал газету. Его слушали шофер Николай Иванович и Марковна. В руках Марковны мелькали вязальные спицы.

— Господи, Гешенька,— пожалела она ковылявшего мимо Скачкова,— на тебе что, кирпичи возили?

Чувствуя, как на лице тянет подсыхающую кожу, Скачков молча улыбнулся. Его, действительно, словно кто облил с ног до головы. Николай Иванович и Кондратьич проводили его взглядом.

Добрая Марковна глубоко вздохнула:

— Грязищи-то, грязищи на вас на всех!

Все постельное белье ребятам Марковна стирала и

крахмалила сама, брезгливо отвергая городскую прачечную.

В бане, после обильного горячего душа, Скачков долго массировал распаренную ногу, втирая мазь. Стоило ему перетрудиться на тренировке или в игре, под коленом, где был заживший багровый рубец, непременно возникала унылая тягучая боль. После крепкого массажа боль обычно проходила. В нос шибало терпким запахом растирки.

Ковыляя утомленными ногами, он побрел к себе в домик. Такую походочку, точно знак принадлежности к избранным, усвоили от футболистов все городские пижоны. Скачкову было не до пижонства — каждый шаг давался с трудом. А на вечер Иван Степанович назначил двухстороннюю игру.

— На поле легла длинная косая тень от ворот. В пионерском лагере за озером сыграл вечерний горн.

Продолжительным свистком и по-судейски подняв руки, Арефьич известил об окончании тренировочной игры. За бровкой поля со своих мест поднялись Иван Степанович и массажист. Иван Степанович машинально глянул на часы: вечерняя тренировка, как и полагалось, заняла полтора часа.

Приволакивая ноги, футболисты потянулись к краю поля для разбора игры. Иван Степанович, дожидаясь, что-то говорил массажисту и стучал по стеклу секундомера. Матвей Матвеич, оттопырив нижнюю губу, внимательно слушал и кивал курчавой головой.

Выслушав, он подхватил свой неизменный чемоданчик и зашагал к домикам базы.

К вечерней тренировке Иван Степанович приготовил неожиданный сюрприз: он попросил сыграть за основной состав прежнего капитана «Локомотива» Шевелева. На базу, к началу тренировки, он приехал на служебной машине.

Когда Шевелев появился из командного домика, уже одетый для игры, стало видно, как сказываются на спортсменах годы. Футболка обтягивала плотные бока, заметно выпирал тугой животик. А был он парнем поджарым и подвижным, с прекрасным, почему-то забытым нынче ударом с носка и великим мастером в борьбе за верховые мячи; с тех лет у него осталась память на всю жизнь — шрам на рассеченном виске. На поле Шевелева всегда отличала

инженерская интеллигентность — страстность и джентльменство одновременно.

— Здорово, Геш,— Шевелев, протягивая руку, старался скрыть смущение.— Стариков берете?

Ладонь у Шевелева сохранилась прежней: маленькая, крепкая.

— Старый конь борозды не портит,— дружелюбно отозвался Скачков.

— Хоть и неглубоко пашет?— подхватил со смехом Шевелев, подкатывая рукава футболки.

Ребята, направляясь к полю, поглядывали на бывшего футболиста с веселым недоумением. Зачем понадобилось тренеру это «воскрешение из мертвых»? Не пришлось бы вызывать неотложку!

Постучав, как бывало, носком о землю, чтобы бутса лучше «села» на ногу, Шевелев выбежал на простор зеленого, подготовленного к игре поля. Широкой грудью он жадно вобрал запах влажной травы и перегретой, смоченной полчаса назад земли — незабываемый аромат пролетевшей навсегда молодости. Оборотился и махнул рукой Матвею Матвеичу, чтобы подал мяч.

— Старик-то, а?— расслышал Скачков ласковый голос Виктора Кудрина.

У Кудрина этот состарившийся, ушедший на покой спортсмен вызывал всего лишь ласковое умиление, не больше, но у Скачкова к «старику» было свое, особенное отношение. Шевелев в его представлении был и остался образцом служения футболу, долгу. Однажды на глазах всей команды, сидевшей в автобусе и дожидающейся своего капитана (по дороге с базы на стадион тому зачем-то понадобилось заскочить домой), из окна третьего этажа выпала дочка Шевелева, махавшая отцу ручонкой. Это был страшный случай. Ребенка увезли на «скорой», а Шевелев, мгновенно постаревший, чернее тучи, отправился с командой на игру: он не мог допустить своей замены — слишком важным был тот матч.

Недаром Брагин в своем отчете писал, что современному спорту требуются молодые люди, готовые к трудным испытаниям; к счастью, такие спортсмены у нас есть — мы располагаем целой категорией игроков, которые надевают футболку не на тело, а на душу!.. Все это Скачков помнил (да и не он один). А разве не Шевелев поддержал его в памятном матче, когда он головой в прыжке забил свой первый гол? Он и потом, играя еще целых три сезона, не переставал поддерживать его и на-

правлять; он был по-человечески умен и добр и, как теперь помнится, часто посматривал на молоденького и горячего Скачкова с ласковой усмешкой человека, уступающего возрасту, словно бы хотел сказать, что для него, мальчишки, настоящий футбол только начинается, а все, что было прежде, все трудности и огорчения, так, пустяки, не больше. Скачков тогда и в самом деле был восхитительно силен и молод и даже не догадывался, какую тяжесть он сам взваливает на свои мальчишеские плечи... С какой непостижимой быстротой промелькнули годы! Кажется, давно ли одно появление Шевелева из туннеля стадиона вызывало бурю на трибунах, а вот осталось одно ласковое умиление мальчишек... «Старик!»

Впрочем, Арефьич дал свисток, началась игра, и от снисходительного отношения к «старику» быстро не осталось и следа.

Иван Степанович, приглашая Шевелева на игру, рассчитал верно: лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать,— пусть молодые (а часто и самонадеянные) ребята своими глазами убедятся, что в футбол играют не столько ногами, сколько головой. И Шевелев, старый футбольный волк, отяжелевший, но не потерявший своего опыта, показал им это с блеском. В смысле физической подготовки ему, конечно, было не угнаться за молодежью, но мяч словно сам искал и находил его: настолько он умело, бережно экономя силы, выбирал место. Но чем «старик» совершенно ошеломил ребят, так это пасами. В его исполнении сегодняшняя тренировочная игра была наглядным уроком того, что настоящий футбол — это прежде всего пас, культура паса. (Футболисты в игре разговаривают на языке паса). Передачи Шевелева были неизменно остры и выверены. Не случайно Владик Серебряков с ювелирных передач «старика» заколотил бедняге Турбину целых три гола, сделал соблазнительный для каждого нападающего «хеттрик».

— Ну, братцы,— признал Серебряков, едва прозвучала финальная сирена Арефьева,— с такими пасами я с кем угодно готов играть. Тут безногий забьет!

— А как старик «поляну» видит, а?— И Павел Нестеров, обычно очень скупой на похвалу, в восхищении закрыл глаза.

Поджидая футболистов у бровки поля, Иван Степанович теребил в руках листочки с записями, сдержанно покашливал в кулак. Он тоже видел, что игра получилась, что ребята поняли — играть они могут, и был взволнован.

Однако вида старший тренер старался не показывать и наоборот нашел в действиях команды одни изъяны и недостатки.

Листочки из его рук часто ронялись на землю, он без нужды вздевал очки на нос и тут же их снимал.

Шевелев, не выходя с поля, устало опустился на траву и, спиной ко всем, обнял колени. За время разговора тренера с командой он не пошевелился: сидел, глядел на опустевшее поле, на освещенные закатным светом крыши домиков базы. Футболку он стащил и бросил на плечо.

— Так вот,— молвил Иван Степанович, разобравшись наконец со своими записями.— Пока вы там играли, я сидел, смотрел... Ну и кое-что, так сказать, на карандашик. Попрошу внимания!— Через очки он глянул в сторону, где негромко переговаривались Батищев и Кудрин.

Что показала игра?

Заглянув в листок, Иван Степанович начал разбор с Владика Серебрякова (на взгляд тренера он выглядел сегодня на поле лучше остальных). Парень возмутительно грешит индивидуальной игрой. Обязательно сам — самому надо забить! А края для чего? Сколько раз открывались и Мухин, и Белецкий, выходили чисто, без помех: только дай, выкати! Но — завелся, и возможности, так сказать, были упущены. А известно, что голевых ситуаций в серьезном матче бывает две, три,— не больше. Значит, должна быть ответственность, сознание того, что забивает не какой-то определенный игрок, а команда. Команда целиком... (Договаривая, Иван Степанович перевернул листок и быстро поискал какую-то запись,— похоже, не нашел).

— И еще.— Он снова обратился к Серебрякову.— Почему ты не был на точке, когда Мухин подал с фланга?

По методу Каретникова перед штрафной соперника были условно «посеяны» точки, на которые адресуются мячи после фланговых подач.

— Да Муха неважно подал,— оправдывался Серебряков.

— Я не спрашиваю, как подал Мухин! Я спрашиваю, почему ты не был на своей точке?

С опущенной головой Серебряков ничего не ответил.

— Пойдем дальше,— сказал Иван Степанович.— Мухин. Полезно работает парень, много. Но — прямолинейно, в узком коридоре. Ломится, как головой в стенку,— хоть кости сложить, а протаранить! Миша, так тебе костей не хватит, уверяю тебя...

А сам поглядывал в листок, вертел его, отыскивая что-

то и вдруг оживился — нашел. С удовольствием стащил очки.

— Мяч! Сколько раз было говорено, что не игрок должен быть рабом мяча, а — наоборот. Все видели сегодня, что такое настоящий пас? Так вот, любопытные подсчеты: в сегодняшней игре команда вдвое сократила число ошибок. Вдвое! Если раньше при двадцати примерно передачах игроки ошибались пятнадцать-шестнадцать раз, то сегодня всего шесть-восемь. Но не забывайте, что игроки сборной ФРГ ошибаются всего три-четыре раза!

Потом последовали указания полузащитникам: Скачкову, Кудрину, Нестерову. От них требовалось одно: своими широкими действиями составить второй эшелон атаки, может быть, даже более грозный, чем первый. Ведь это для них, и только для них, создаются нападающими свободные коридоры на подходах к штрафной площадке. «Дергайте защиту, меняйте чаще фронт атаки, заставьте ее ошибаться!» Полузащитники, а если надо, и защитники — да, именно защитники — обязаны настолько усилить атакующие действия команды, чтобы противник не имел возможности маневрировать своими резервами и на лидера нападения, в данном случае на Серебрякова, не смог выделить дополнительного сторожа. И вот в такой ситуации, при таком, как говорится, «раскладе», один на один, нападающие могут и даже должны сыграть индивидуально,— пойти на обыгрывание, на обводку.

— Кстати, об индивидуальной игре. У меня тут одна интересная штука записана...

Опять перебирая записи, Иван Степанович уронил бумажку, принялся неловко ловить ее на лету и подобрал с земли. Приложил к глазам очки, взглянул.

— Ага. Вот.

За весь матч, за полтора часа игры, футболист, как это подсчитано, владеет мячом в общей сложности не более двух минут. И надо дорожить этими мгновениями, а не растрачивать их попусту. Техника в футболе — основа любой стратегии и тактики. Не владея техникой, так же нельзя выиграть поединок, как, не владея оружием, невозможно выиграть сражения. Доведенный до автоматизма технический прием — это те выигранные доли секунды, которые нередко решают судьбу встречи. Вспомните, как в матче на кубок УЕФА в Лондоне футболистами «Тотенхема» были ловко забиты головой пять голов в ворота тбилисского «Динамо». Конечно же, за легкостью и даже

непринужденностью, с какой забивались голы, часы упорнейшего труда.

Талантами, добавил Иван Степанович, рождаются, но виртуозами становятся.

Так вот, за время матча футболист владеет мячом всего каких-то две минуты. А остальное время передвигается по полю, открывается, предлагает себя для острых передач. Движение, только движение и выносливость, умение преодолеть пространство поля в две, три передачи — это позволит команде не только задавать выгодный для себя темп, но и — что очень важно для «Локомотива»— в известной мере компенсировать недостатки в техническом мастерстве игроков. Развитие атаки должно идти кратчайшими путями — и быстро, быстро!— Раззадорившись, Иван Степанович начинал говорить повторами, словно умоляя слушателей внять и запомнить.— Совсем не обязательно тащить мяч через все поле, как это делал когда-то Комов. Вроде бы эффектно, да пользы-то? Пока он тащил, в штрафной площадке скопилось столько игроков, что немыслимо ударить по мячу. Толкучка! Напрасная растрата сил — своих и партнеров. Пусть не каждая атака приведет к взятию ворот, но каждый штурм, каждое усилие команды должны иметь логическое завершение: удар по воротам.

Удар! Как точка, обязательная точка в конце каждого предложения. Вы поняли меня? Вам все понятно?

Спрашивая, он держал перед собою руки и заглядывал ребятам в глаза, каждому поочередно. Кажется, чтобы передать им свои знания, свое умение, он словно предлагал им всего себя,— настолько растрогала и обнадежила его сегодняшняя игра.

— Сема,— обратился он к Батищеву,— в первом тайме ты хорошо прошел почти до штрафной противника. Помнишь? Теперь скажи мне: на кой ляд ты кинулся бежать обратно? Ведь мяч был у твоей команды?

— Я ж защитник!— удивился Семен.

Иван Степанович погрозил ему:

— Играй, где тебя застала атака!

— Что ж тогда получится?— не понимал тот.

Вздохнув, Иван Степанович показал на него, давая понять, что заблуждение Батищева относится ко всем. Нынешнее состояние футбола, сказал он, требует, чтобы каждый член команды играл одинаково хорошо на любом месте. Не может быть речи о том, чтобы защитник, который во время контратаки оказался на месте нападаю-

щего, поджидал своих коллег, отдавая им мяч, а сам оставался сзади. Защитник должен стать нападающим и быть им до тех пор, пока ход матча не заставит его взять другую роль. Нельзя всю встречу ориентироваться на номера на футболках и на первоначальную расстановку игроков!

— И еще, Сема. У тебя в зоне прорывается атакующий игрок. Почему ты пропускаешь его к лицевой линии?

— Чтобы не пустить в штрафную!

— Зря. Пускай, не бойся. Там у тебя Соломин, там у тебя Стороженко. Гони его на них!

— Впрочем, у нас еще будет время пройти все это на практике,— добавил Иван Степанович и закончил разбор.

Морщась, Шевелев неловко поднялся с травы. Они с Каретниковым пошли впереди всех на базу.

Клубы пыли, вспухавшие за деревьями, показывали, что кто-то свернул с шоссе и направляется к базе. Обычно так ездили только свои. Появился новенький «Москвич», мотающийся на неровностях дороги. Лица сидевших в машине повернулись в сторону тренировочного поля.

Возле изгороди из кустарника «Москвич» остановился, его догнал и накрыл густой султан пыли.

Мотая головой, отплевываясь, из машины вылез Звонарев. Затем Скачков увидел Клавдию и встревожился: дома что-нибудь? Но он звонил перед самой тренировкой и разговаривал с Софьей Казимировной!

Нет, дома было все в порядке. Клавдия приехала, чтобы напомнить о вчерашнем уговоре.

— Забыл? Да просмотр же! Геш, ну что ты в самом деле? Не девица, нельзя же быть таким забывчивым.

У него и в самом деле совершенно вылетело из головы. Кому же теперь звонить, кого найдешь на месте?

— Ну вот, видели?— Клавдия обернулась к Звонаревым.— Что и требовалось доказать.

Опять этот вид мученицы!

— Придумаем что-нибудь,— проворчал Скачков.

— Вадим говорит, к тебе хорошо относятся в редакции,— подсказала Клавдия.— И один человек, который все время пишет о футболе...

«Брагин!— догадался Скачков.— Ну конечно же!»

— Кстати, Геш,— тактично вмешался Звонарев,— Брагин просил передать, чтобы ты как-нибудь возник в редакции.

В компании Звонаревых такие словесные выкрутасы

в ходу: не просто «зашел», а — «возник» или еще лучше — «нарисовался».

Зачем он понадобился в редакции? Матвей Матвеич рассказал, что после матча с «Торпедо» журналист намеревался «возникнуть» в раздевалке, но, послушав у двери, передумал. Не исключено, что комовская возня дошла и до Брагина. Но при чем тут Скачков?

«Поехать, в самом деле, что ли? До ужина успею».

Он обернулся. Построившись гуськом за Арефьичем, ребята потрусили к базе — последняя пробежка. Матвей Матвеич волок огромную сетку с мячами.

— Пошли тогда! Машину здесь оставите?

— Господи, Геш...— Клавдия только сейчас разглядела, что Скачкова словно кто облил с головы.— На тебе что, кирпичи возили?

— Да так...— Скачков чувствовал, как тянет на лице подсыхающую кожу.

— Представляю, сколько на вас на всех сейчас грязи!

Звонарев смотрел на него с улыбкой мужской солидарности.

— Что, Геш, и так вот каждый день?

— Да ну!— чистосердечно запротестовал Скачков.— Когда игра, тренировок не бывает. Так, легкая разминка. Даже без мяча.

Клавдия еще раз оглядела его с головы до ног. Ее разочаровал ответ Скачкова. Нет, чтобы создать легкое, дружеское настроение праздничного вечера, а он...

— Перестань, пожалуйста, чухаться!— пристыдила она, заметив, что Скачков то и дело тянется и мнет колено.

Пока они препирались, Валерия одна сидела в машине и прозрачными неподвижными зрачками настойчиво впитывала мелкие подробности рабочих буден команды: убегающую цепочку футболистов, тренера, остановившегося у ворот на поле и хозяйски покачавшего штангу, освещенные закатным светом крыши домиков, каждый обитатель которых являлся городской знаменитостью. Договорились, что все вместе они станут ждать Скачкова в машине.

После горячего обильного душа, крепко растеревшись жестким полотенцем, Скачков с удовольствием переодевался у себя в комнате и насвистывал. Отдыхающее тело блаженствовало в тщательно отглаженном белье. Это у него было заведено издавна,— после маяты на поле, после пота и грязи понежиться, побаловать себя душистым, заранее приготовленным бельем. Праздник тела!

Легкие брюки, светлый пуловер поверх рубашки, мяг-

кая удобная обувь,— Скачков сбежал с крылечка как именинник.

Праздничное настроение передалось и Клавдии. Вместе они поместились на заднем сиденье, она прижалась к его руке и затихла.

Управляя машиной, Звонарев иногда посматривал на них в зеркальце.

Вечерний ветерок приятно холодил лицо и шею.

Вполоборота, не переставая следить за дорогой, Звонарев сказал:

— В городе треп идет, будто не состоится ваша Вена? В управлении у нас болтают.

— Нет. Двадцатого вылетаем.

Сомневаться теперь не приходилось — Брагин потому и захотел с ним говорить. Убогое положение «Локомотива» в таблице розыгрыша журналист связывал именно с частой сменой тренеров. Нынешней весной в Батуми, где «Локомотив» проводил тренировочный сбор, он смотрел несколько контрольных матчей, и однажды, после игры с московскими динамовцами в Леселидзе, они вместе возвращались в электричке и разговорились. Сам журналист никаким спортом не занимался, но любил футбол и был ему предан. Почему именно футбол?

Брагин рассуждал так. Мир сейчас изменяется буквально на глазах: человек изобрел автомобиль, затем самолет и вот уже вырвался в космос. Машины, машины... Напридумано много, чрезвычайно много,— оглушительное торжество техники! Но вот что удивительно: в наш век фантастических достижений человеческого ума миром вдруг овладело увлечение, которое, на первый взгляд, трудно объяснить. В самом деле, что такое футбол, современная игра, которой поклоняются с одинаковой страстью и токари и президенты? Ведь он прост, этот футбол, примитивно прост: перед двумя десятками бравых парней стоит одна-единственная задача — за полтора часа игры хотя бы раз провести мяч в пространство, обозначенное штангами, в так называемые ворота. Но сколько в этом страсти, сколько напряженнейшей борьбы! Сколько эмоций вызывает в зрителях вихревая игра на зеленом прямоугольнике поля! Разве не приходилось видеть, как на переполненной трибуне беснуется убеленный сединами академик, вскакивает на ноги, разражается проклятиями и по-мальчишечьи свистит в пальцы? И так везде, на любом стадионе, на всех континентах. Сила футбола в том, что язык его прост, доступен каждому и не нуждается в переводчиках. Вла-

дея эмоциями зрителей, футбол через сердца людей царит над миром. Это поистине король спорта... От себя Брагин еще добавил, что причину глобальной увлеченности футболом он видит в усталости современного человека от техники. Люди сейчас спешат и набиваются на стадионы, чтобы с детской непосредственностью пережить восхитительные полтора часа, целиком отдаваясь чувствам и страстям, которых им так не хватает в наш слишком перенасыщенный век. Кроме того, не нужно забывать, что людям постоянно хочется быть сопричастными великим качествам человеческой натуры — мужеству, настойчивости, героизму, и все это с избытком им дает футбол. Спорт тем и велик, что в нем действуют законы мужества. В настоящем спорте, как и в мужестве, нет и не может быть никаких нюансов, в нем одни крайности: «или-или», и это создает суровый, увлекательный мир, где важны не слова, а дела, где нельзя прожить вполсилы, а надо выкладываться каждый раз до последней капли, до предела,— выкладываться, чтобы тут же начинать все сызнова...

Он истомился в одиночестве — на базе, с ее изнурительным режимом трехразовых тренировок, на него, как на постороннего, никто не обращал внимания, и теперь был рад терпеливому собеседнику. Поворачиваясь спиной к широкому окну, за которым, скрадывая быстрый бег вагона, расстилалось пустынное ночное море, журналист увлеченно говорил о взлетах и падениях в спорте — тоже крайностях, объяснить которые можно было при одном условии: если судить их по законам творчества.

— Тебе, Геш, повезло,- я имею в виду — в спорте. Ты и рано играть начал, и заметили тебя быстро, и в большом футболе ты — не последняя спица в колесе.

Скачков неожиданно расхохотался — вспомнил свой первый горький матч в «основе».

— Зато как я начинал! Вот была игрушка, Сергей Александрович,— вспомнить тошно. Хуже, чем я, сыграть невозможно. Тут рекорд мой, и никому до меня не дотянуться. Как я тогда ползал! Легче умереть!

— А Яшин?— воскликнул Брагин, словно обрадовавшись подтверждению своей теории.— Ты разве не знаешь, как начинал Яшин? Зато — потом! Нет, Геша, прав ваш Степаныч: футбол все больше становится интеллектуальным видом спорта. Я понимаю старика и поддержу его, чем смогу. Матч — это спектакль, взрыв вдохновения. Только так! И повторить его таким, каким он был, уже не удастся. Он может получиться лучше, может хуже, но —

таким? Вспомни, как наши выиграли у Венгрии в Лондоне. Вспомни!

— Зато как просадили Уругваю в Мексике! И тоже в четвертьфинале.

— Так я тебе об этом и толкую! Мяч круглый, поле ровное. Вверх-вниз... Там — вдохновение, экстаз, настрой, тут,— он подумал и расстроился, махнул рукой:— Обидно, черт. Могли их сделать запросто. Даже должны были! Но...— и он забарабанил пальцами, стал смотреть в окно.

«Должны были!..» Скачков потаенно усмехнулся и стал рассматривать ладони. Ему не хотелось, чтобы журналист заметил его скептическую усмешку. Впрочем, уж кто-кто, а Брагин-то знал, что в спорте не годятся все эти заранее спланированные «должны» и «обязаны». Победа каждый раз добывается с бою. Любой соперник, как бы он ни был слаб, выбегает на поле для борьбы. Нет и не было команды, которая выходила бы на матч, заранее намереваясь его проиграть. Конечно, в спорте так уж заведено, что кто-то обязательно становится побежденным. Но каждый, кто готовился к поединку, выбегает из раздевалки с надеждой на победу, и ради победы он выложится весь, без остатка, потому что в футболе помимо твердых правил игры, которые соблюдают судьи на всех стадионах мира, существуют еще правила неписаные, а они куда тверже писаных, эти правила требуют от спортсменов отдать за полтора часа игры на поле все, чему он научился за свою жизнь, и сделать честно, с полною самоотдачей, выложиться до конца. Кстати, по этим неписаным правилам футболист обязан жить и вне поля, и значение их возрастает еще и потому, что судьей тут обязан быть только сам спортсмен.

Тогда, в электричке, после долгого молчания, журналист спросил вдруг о Комове. Что было ему ответить? Скачков замялся. Да, Брагин правильно подметил нездоровую обстановку в команде. Долгое «господство бояр» сказывалось все заметнее, особенно на молодых ребятах. Люди, подобные Комову, привыкли идти по жизни с нахальной напористостью и там, куда они попадают, вокруг них, как вокруг торпеды, закипает злая вода — начинает клубиться целый рой приспешников и подлипал.

— А что Степаныч?— спросил Брагин.

Скачков уклончиво пожал плечами. Терпит. Но ясное дело, что терпение его не безгранично, когда-нибудь оно непременно лопнет — обязано лопнуть!

Интересно они тогда поговорили!

В городе Звонарев, опытный автомобилист, уверенно и без остановок проскакивал перекрестки на зеленый свет. Лишь перед самой редакцией он неожиданно замешкался и на висячем светофоре выскочило желтое пятно. От резкого торможения Скачков с Клавдией сунулись вперед.

— Ого!— сказал Скачков.— Тормоза сорвешь.

Рядом, замедляя ход, остановилось такси, шофер рассеянно глянул вбок, отвернулся, затем вдруг почти лицо в лицо уставился на Скачкова,— узнал. Машины подходили и запруживали улицу. Перед светофором разразилась вакханалия: закрякали клаксоны, из машин стали высовываться головы. Милиционер, нахмурясь, зорко глянул со своего места и, тоже узнав Скачкова, смягчился: дал зеленый свет и взял под козырек.

Пропустив пяток сигналивших машин, Звонарев резко развернулся и осадил у подъезда редакции.

— Давай, Геш, топай. Мы подождем.

— Неудобно...— замялся Скачков, вылезая.

В редакции было пустовато, по-вечернему покинуто. Где-то в конце коридора одиноко, как кукушка в лесу, постукивала машинка. В первой же редакционной комнате, куда Скачков, робея, просунул голову, он с удивлением увидел группу людей, глубокомысленно обступивших шахматную доску. Узнав его, оживились и вызвались проводить.

— О-о, вот сюрприз!— Журналист протянул навстречу обе руки.— А я собирался на базу ехать. Тебе передали? Ну и прекрасно! Мы сейчас с тобой займемся делом.

За столом он расставил локти и долго, раздумчиво соединял концы пальцев — один в один. Перед ним лежала целая груда исписанных и перечеркнутых страниц.

— Слушай, Геш, что это вы там затеваете? Только честно. Со мной-то финтить незачем.

— Кто затевает?— глаза Скачкова смотрели ясно.— Никто ничего не затевает.

Журналист огорчился.

— Ох уж эти мне...— и он скороговоркой выругался.

Не отзываясь на намеки журналиста, Скачков хотел, чтобы тот сам заговорил. Да и стоило ли вообще об этом говорить? В том, что затея Комова не пройдет, «не проскочит», как сказал бы Звонарев, он не сомневался. Какой же дурак станет менять в такой момент тренера? А после Вены... А после Вены, если только повезет и «Локомотив» урвет свою желанную ничью, тогда попробуй тронь Степаныча!

Проигрывал пока что Кома, безнадежно проигрывал...

Журналисту, однако, было известно многое, о чем на базе и не догадывались. Подстрекаемые Рытвиным, шевелились деятели из спорткомитета, ввязывалось понемногу разнообразное начальство, опекавшее «свою» команду: начальник локомотивного депо, руководитель службы движения. Дело явно шло к «чистилищу». Журналиста возмущала вся эта нездоровая, искусственно нагнетаемая обстановка. Кому от нее польза? Вместо того, чтобы готовиться, вместо спокойных тренировок, извольте вот...

— Дурачье!— кипятился Брагин, бросая на бумаги карандаш.— Или они Комова хотят вернуть в команду?

— Мертвое дело,— сказал Скачков.— Пробовал уже.

— Тогда тем более!

Скачкова он хотел увидеть вот зачем.

— У меня одна идейка, понимаешь? По-моему, она все поставит на свои места. Должна поставить! Ползи-ка сюда ближе.

Дергая исписанные страницы, он невнимательно пробегал их глазами.

— Ты понимаешь, эта бесконечная тренерская чехарда всем надоела. Может ли работать тренер, если он чувствует себя, как на гвоздях? Команда же не делается в один день, в один месяц. Даже в сезон! Так вот поди ж ты... К тому же пора сказать, что команда создавалась не для Рытвина и иже с ним. Настоящие ее хозяева — вон, вся дорога, весь город, даже область!

Собирая и подравнивая страницы, он попросил:

— Мне тут кое-что уточнить надо. Хотел к Степанычу, да из него, сам знаешь, слова клещами тянешь... Ты как — никуда не торопишься?

Хорошенькое дело — не торопишься! Спохватившись, Скачков представил, как закипает Клавдия в машине и поминутно вздергивает рукав над часиками. Звонарев с Валерией, конечно, терпеливо успокаивают ее...

— Да в общем-то...— замялся он.— Я в общем-то... это самое... по делу заскочил.

— Это же пара пустяков!— воскликнул Брагин, узнав, что привело Скачкова в редакцию.— И правильно сделал. Идем, я познакомлю тебя с редактором. Болельщик и персонально твой поклонник. Пошли, пошли, сейчас мы все устроим.

В редакторском кабинете за обширным, заваленным бумагами столом, сидел человек в рубашке с закатанными рукавами и, свесив волосы, увлеченно писал. Пиджак ви-

сел на спинке стула. Подняв голову на вошедших, редактор удивленно отвалился на спинку стула.

— Ну, знаете...— проговорил он, снимая очки.— Тронут. Здравствуйте и садитесь. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда. Сергей Александрович, может быть, нам кофе организовать? Ведь вам можно кофе?— обратился он к Скачкову.

Не присаживаясь, Брагин объявил, что сейчас не до кофе.

Редактор заставил обоих опуститься на стулья.— Я вам должен кое-что показать.

Приподняв со стола несколько бумаг, он стал что-то отыскивать на свежем оттиске газетной полосы. Брагин, привстав, смотрел что он там такое ищет.

— Вот! В «Советском спорте» дискутируется вопрос о запрещении переходов, то есть кочевании хулиганов из команды в команду. Выгонят в одной, берут в другую. Забывают, что на спортсменов смотрят с трибун, по телевидению и — учатся. Да, учатся, берут пример. Спортсмен должен воспитывать трибуны... Вот, перепечатываем, даем в номер.

Скачков представил, что сейчас происходит в ожидающей его машине, и завозился. Брагин незаметно надавил ему на колено.

— И еще...— бормотал редактор, быстро просматривая оттиск.— Вы же в Вену летите? Я еще думал... Это должно вас заинтересовать...

Найти ему не удалось: Брагин стремительно вскочил, вместе с ним поднялся и Скачков. Редактор отложил полосу и вышел из-за стола.

— Мне представляется,— говорил он Скачкову, двигаясь вместе с ним к двери,— у вашего тренера крепкая рука и настоящий характер. Таких, как Комов, вообще нельзя допускать на поле. Вы только подумайте, сломал! И кого? Полетаева! А кого теперь вместо него ставить в сборную? Отборочные игры на носу. Мы можем проиграть даже в группе. Не хватит ли позора? С самого Мельбурна не можем пробиться в финальную пульку. Это после медалей-то!— Он внушительно поднял палец.— После зо-ло-та!

Горячность его забавляла Брагина и он, берясь за ручку двери, снисходительно напомнил:

— А кубок в Париже? А четвертое место в Лондоне?

И распахнул дверь.

— Да, да!— загорелся редактор и, отстранив Брагина, снова захлопнул дверь.— Все это — да! Но — Мельбурн!

Когда же мы снова поднимемся на первую ступеньку? На пер-вую!

Нескладный, с бледными худосочными руками, он уставился на своих собеседников.

Журналист нашел момент подходящий и спокойно спросил: собирается ли он сегодня пойти на просмотр?

— Какой просмотр!— ужаснулся редактор и бросился к столу.— У меня еще передовая не готова.

— Тогда вашими местами мы распорядимся по-своему,— заявил Брагин и вывел Скачкова из кабинета.— Вот тебе мой пропуск — держи. Я немного задержусь. Вы ведь вдвоем идете?

— В общем-то, да.., Она там, в машине.

— Как — в машине?— удивился журналист.— Здесь, возле редакции? Что же ты молчал, растяпа? А мы... Это моя вина, я тебя заговорил. Пошли, надо извиниться,— неудобно.

Обходительный Брагин очаровал Клавдию. Опоздание Скачкова было прощено, забыто.

— Ах, Геша!..— вздохнула она, снова забирая его руку.

Покуда журналист любезно рассыпался перед Клавдией, Звонарев сумел вставить, что читал статью о грубости на футбольном поле и совершенно согласен с автором: хулиганам не место в спорте. На похвалу Брагин отозвался сдержанным поклоном. Скачков, пока ехали от редакции, припомнил, когда Клавдия прямо с базы затащила его в гости, Звонарев кипел, доказывая, что без Комова команду ждет в Вене сокрушительный разгром.

— О чем задумался, Геш?— шепотом спросила Клавдия, глядя ему в лицо.

— Так...— Скачков поморщился.

— Шепчетесь?— Звонарев обернулся, блеснул глазами.— Я что хотел спросить, Геш. Как ты считаешь, можно упереться всей командой и не пропустить ни одного мяча?

— Это о Вене?

— Ну да. Ведь вам достаточно ничьей. Помнишь, в Мельбурне наши играли с Индонезией? Ноль-ноль.

«Да, ничья, ничья... Все на это надеются. А вдруг гол? Один-то может и дуриком залететь. Переигровка. А если еще один?» Но нет, об этом не хотелось и думать.

Сбавив ход, Звонарев стал искать место, где поставить машину. Возле телестудии по обе стороны дороги плотно, впритык одна к другой, стояли присмиревшие «Москвичи» и «Запорожцы». Аристократически выделялись две или три новенькие «Волги».

— Народу-то, а?— Звонарев, запирая машину, кивнул на толпу у входа.

С зеркальцем в руке Валерия крутила вокруг носа пуховкой. Клавдия поправляла на ее спине волну расчесанных волос.

Пробираясь сквозь толчею к входным дверям, Скачков и все, кто был с ним рядом, улавливали позади завистливое перешептывание: «Смотри, Скачков! Где?.. Да вон, вон... Он что, женат? А это кто с ним? Стремясь поскорее скрыться с глаз, Скачков невежливо толкался. Наконец оказались в высоком спокойном вестибюле. Женщины, блестя глазами, поправляли прически. Валерия держалась здесь уверенно, как человек свой, близкий к посвящению, Клавдия, уступая ей первенство, добровольно обрекала себя на подчинение.

В зал они пошли в сопровождении встретившего их ассистента оператора: бородка, темные очки, джинсы в обтяжку и заношены до седины. Ассистент шел впереди с Валерией, они о чем-то переговаривались.

В небольшом, со всех сторон закупоренном зале было мрачновато от приглушенного света. В ожидании начала царил пристойный ровный гул, кое-где мелькали газеты,— становилось душновато. Звонарев с порога заметил своих, помахал рукой и стал пробираться по ряду, бесцеремонно наступая на ноги.

— Братцы,— известил он на ходу,— места нам обеспечены!

Скачков узнал тех, с кем приходилось встречаться в компаниях. По привычке сравнивать Скачков мысленно ставил их на зеленое поле и создавал им ситуацию, вроде той, что получилась в Хельсинки, на первой для советских футболистов Олимпиаде, когда они проигрывали Югославии со счетом 1:4. Это был разгром, позор и катастрофа, но парни совершили чудо и свели игру вничью 5:5. Такие встречи не забудутся, они помнятся, как подвиг. Пусть это только спорт, футбол, как бы воскресная забава на зеленом поле перед скоплением трибун, но каждый, кто просовывает голову в футболку, знает, помнит и никогда не забудет о Голгофе киевских динамовцев, сыгравших свой последний смертный матч на стадионе оккупированного Киева. В тот знаменитый день одиннадцать парней вышли на поле и на глазах у всех, кто наблюдал за ними, за их игрой, за их самоубийственным порывом, разнесли команду оккупантов. Они в том матче тоже жили жаждой гола, они костьми ложились, чтобы вырвать драгоценнейшие два

очка, но как смертельно высока была тогда цена каждому забитому мячу! Последних полтора часа своей спортивной жизни они сражались, словно на последнем оставшемся им рубеже, футбол, привычная игра, стала для них единственным оружием, и они выстояли и не только выстояли, но и вырвали победу, напомнив всем, кто видел их и кто еще о них услышит, о достоинстве народа, спортсменов, спорта... В том матче они лупили по воротам так, будто стреляли из орудий, а, попадая, радовались, ликовали, хотя знали, что каждым забитым голом они подписывают себе смертный приговор. И все же они предпочли смерть победителей, нежели предательство добровольного поражения. Последним своим матчем футболисты показали не только КАК нужно выигрывать, но и ЗАЧЕМ. Те два очка победы следовало бы выбить золотом на их командном братском надгробии, если бы оно существовало!

Так вот, в такие минуты, даже допуская, что кто-то из ребят, из нынешних, выйдя в тираж, станет «забивать козла»,— все равно, в такие минуты Скачков находил в себе силы поглядывать вокруг себя с превосходством человека, знающего настоящую цену делу, которому он отдает свои лучшие годы.

Подтягивая на коленях брюки, Скачков опустился в мягкое кресло. Покой был приятен, но, как все спортсмены, он собранно владел своим тренированным послушным телом и не допускал вульгарной развязности (хотя ноги так и просились вверх). Клавдия рядом с ним небрежно ответила на приветствие мужчины из переднего ряда. Скачкову он показался незнакомым, однако по одежде и прическе несомненно принадлежал к той же компании. Мужчина скользнул по футболисту взглядом и отвернулся. Клавдия, отвечая на молчаливый вопрос мужа, сделала знак, чтобы он нагнулся ближе.

— Художник. Ташист.

Скачков удивился:

— Это еще что такое?

— Манера такая. Он рисует пятнами. Понимаешь? Вообще-то, я видела, мне понравилось.

— Не представляю даже,— сознался Скачков.

— Вот видишь, Геш. А зовешь тебя — ты не хочешь. Надо все же интересоваться, милый.

— Ну... там видно будет.

Покладистость его понравилась, она взяла Скачкова под руку, как бы отгораживаясь от всех вокруг.

— Геш,— позвала Клавдия шепотом,— я тебе одну штуку хочу предложить,— ты не рассердишься?

— Валяй,— он наклонил к плечу голову.

— Достать тебе баночек десять икры? Я могу.

— Это еще зачем?

— Ну... зачем? Вы же в Вене будете. Там, говорят, икру с руками рвут.

— Ты что, мать,— спросил Скачков и глянул на нее сверху вниз,— раздета, разута? Или с голоду пухнешь?

— Геш, милый, ну все же так делают!

— Это кто тебя — Валерия просветила?

— Не хочешь, не надо. Хотя я — не понимаю.

Окончательно поссориться им помешали двое мужчин, пробирающихся на свои места. Скачкову пришлось подняться, познакомиться. Мужчины полезли по ряду дальше. Клавдия, провожая их взглядом, стала рассказывать. Тот, что впереди, оказался тоже художником. Он много лет думал над проблемой пустоты,— каким цветом изобразить ее на полотне? Обычные краски казались ему грубыми и устарелыми. Другой, режиссер и, кстати, совсем недавно интересовался Скачковым.

— Я тебя поэтому и познакомила. Он хочет снять фильм о футболе, но по-своему, без актеров, только мяч и ноги. Ноги, ноги, ноги...

Скачков пожал плечами:

— А почему не снять так, как есть?

— Ну, Геш, ты тоже скажешь! Это же все было. Кому интересно?

— Но ведь не ноги же в футбол играют, а люди! Верно? Посмотрел бы я на него, если бы ему в магазине вместо молока предложили одно коровье мычание.

Из-за Клавдии на него глянула Валерия и сделала восхищенное лицо: «Ого!» Оценила. Клавдия признательно стиснула ему руку.

— Геш, милый... Ну вот скажи это, когда соберемся! А то молчишь, молчишь. Это же... Ладно?

— Да ну вас!— забормотал Скачков.— Я в ваших делах не разбираюсь.

— Не притворяйся, пожалуйста! Так уж прямо и не понимаешь... В общем, я теперь тебе не дам молчать. Вот увидишь.

В это время погас свет. Застрекотал в темноте аппарат, узкий насыщенный луч уперся в плоское пятно экрана. Голос переводчика, приноравливаясь к ритму картины, короткими равнодушными фразами перебивал живописную

итальянскую скороговорку. Скачков так и не понял, отчего перед глазами молодой и скорбной женщины все время мелькают картины разнузданной, словно нарочно придуманной жизни. Факир или просто шарлатан-гадальщик с убогим дряхлым телом без одежды, окутанный дурманом ядовитых испарений... Здоровенная грудастая блондинка, настоящий праздник плоти... Любовный будуар с зеркальным потолком, с бассейном для купания, куда разгоряченные любовники съезжают на задах... Ковры, истома поздней душной ночи, ленивое плескание под звездами в бассейне...

Клавдия, притихнув, изредка вздыхала и отправляла в рот конфетку. Не попади сегодня на просмотр, она считала бы себя обокраденной. Но вот мелькают на экране груди, бедра, животы, она шуршит конфетною оберткой и время от времени бросает взгляд по сторонам. Что-то обязательное представляется ей в этих просмотрах не для всех, для избранных. Не пойти — значит прослыть отсталой, полторы извилины, но вот пробьешься, сядешь и — не догадаться: что к чему? И все же она пробивалась, тянулась, не отставала. Но, как стал замечать Скачков, уже стеснялась собственных оценок и суждений, подлаживаясь под остальных.

— Нравится? — спросила она Скачкова потихоньку от Валерии.

Пожав плечами, он розкял и снова сложил на коленях руки.

— Так...

— Конфету хочешь?

Конфета оттопырила Скачкову щеку.

Рядом с Клавдией сидела, позабыв обо всем, Валерия. Ее лунатические неподвижные зрачки очарованно прильнули к экрану.

Еще недавно Клавдия, не знавшая Звонаревых, жаловалась на одиночество и просила его едва не со слезами:

— Геш, приезжай скорее, ладно? Ну что я одна? Одна и одна. Как в тюрьме какой!

В девчонках Софья Казимировна держала ее строговато, без особенного баловства. Наперекор тетке Клавдия поступила лишь однажды, уехав осенью на юг, в Батуми, где ждал ее Скачков. Они там встретились и вместе прожили половину ноября и начало декабря. Потом Маришка появилась — тоже было не до развлечений... Началось все в последние год-полтора, когда подросла Маришка: художники эти, поэты, ассистенты, лихая жеребячья музыка, курение до одури, споры до хрипоты. О чем хоть споры-то?

И все же Клавдия, как понимал Скачков, еще не дозрела до окончательного уровня компании, чего-то еще остерегалась. В настойчивости, с какой она тащила за собою мужа, угадывалась ее затаенная боязнь остаться там в одиночестве, без его надежной подстраховки. Но сколько так могло продолжаться?

Свет вспыхнул неожиданно, Скачков зажмурился, прикрыл глаза рукой, потом улыбнулся. Вместе с Клавдией, держась за руки, они поднялись на ноги.

— Геш, в эту сторону,— поправила она, увлекая его за собой.

Зал шевелился, двигался, устремляясь к выходу двумя плотными потоками.

В фойе, не слишком просторном, но прохладном, с ветерком из распахнутых окон, никто уже не торопился, не толкался. Поэт, писавший о Земле, как о космической побрякушке с костями, держал перед собою пальцы щепотью и доказывал сбившейся вокруг него компании:

— Проблемы пола! Фрейд... Подкорка, подкорка диктует, старик. Это гениально! Надо бы выпить. Скачков увидел Владика Серебрякова с рослой белокурой девушкой и обрадовался ему, как родному.

— Ты как — отпросился?— кинулся к нему Владик.— А я удрал. Попадет, наверное. Ну да как-нибудь...

«Вот оно!— подумалось Скачкову.— Комов с Суховым уже приучили команду к мелким нарушениям режима. Даже дисциплинированный Владик спокойно удирает с базы и не видит в этом большого греха!»

Кто-то взял Скачкова за руку, он обернулся и узнал Брагина.

— Понравилось?— спросил тихонько журналист.

— Да так...— Скачков неопределенно покрутил пятерней.

Незаметно для окружающих Брагин сильно сжал ему локоть.

— Я в такие минуты вспоминаю нашу «Балладу о солдате». Вот уж, действительно... Ну, вы домой?

— Нет, нет!— вмешалась Валерия и взяла Скачкова за руку, словно боясь, что его уведут.— У нас мероприятие. Клавдия, держи его.

Звонарев носился по фойе, организуя своих.

— Владик, Геш, ни с места!— крикнул он издали.— Девы, на вашу ответственность.

— Едем, Геш, съездим,— уговаривал Серебряков.— Часик посидим, а потом в такси и — к отбою. Идет?

Мимо них, заставив всех посторониться, вытекла из зала и потянулась через фойе пестрая многочисленная группа. В середине Скачков узнал того, с животом, собирающегося снимать фильм о футболе без актеров. Над медленно шествующей группой порхали обрывки фраз,— ядовитых, веских, многозначительных,— всяких.

Непостижимо быстро, на нескольких машинах, вся компания оказалась в гостях у ассистента в заношенных джинсах. Пощипывая бородку, хозяин квартиры похвалился новенькими рыжими лаптями, висевшими на стене, как украшение.

— Настоящие, лыковые.— Он приподнял темные очки и, удовлетворенно щурясь, дал в лапти крепкого щелчка.— Стоимость фантастическая. Зато — модерн!

В узеньком простенке висел лист картона, замазанный серой краской. Наискосок по серому фону тянулась красная линия, размываясь у самого края. «Безнадежность»,— издали прочел Скачков.

— Гениально, не правда ли?— услышал он близко от себя голос Алисы и удивился: только что на этом самом месте рядом с ним стояла Клавдия. Когда она успела исчезнуть?

Сняв с языка крупинку табака, Алиса горящей сигаретой показала на незаконченное движение красной линии.

— Как передается настроение — верно? Но идемте в ту комнату, все толковое у него там.

Другая комната оказалась совершенно пустой, у стены стояла широкая, покрытая пестрым пледом оттоманка, над ней, на голой стене, картина без рамки. Алиса опустилась на оттоманку и мужским движением закинула ногу на ногу.

— Ну... как вам?— спросила она, выдувая дым и указывая сигаретой на картину.

Скачков склонил голову сначала к одному плечу, затем к другому. Опять серый фон и на нем простой кладбищенский крест. Ни черта не понять.

— А вы отойдите... отойдите на два шага,— подсказывала Алиса и щурилась, закидывала голову, тоже разглядывая Скачкова, как некое произведение.

С расстояния, действительно, крест на картине исчез, а вместо него проступило изображение женского живота.

— Ну? Правда, гениально?

— Ловко, черт!— Скачков скоблил затылок.

— Садитесь,— Алиса хлопнула по оттоманке рядом с собой.— Я давно наблюдаю за вами. У вас фотогеничное

лицо. Вы не хотели бы сделать карьеру в кино? Футбол, как я слышала, для вас скоро кончится.

— В кино сейчас,— Скачков усмехнулся,— нужны фотогеничные ноги. Одни ноги снимают.

— А! Вы уже знаете? Кстати, режиссер вами очень интересуется.

Через папироску Алиса бойко, с каким-то пониманием наблюдала за смущением Скачкова.

Разглядывая носки штиблет, Скачков сказал:

— Сначала ему мешают актеры, потом может мяч помешать. Ведь вся заваруха на поле из-за мяча. Двадцать два мужика и всего один мячик.

Подняв подрисованные брови, Алиса выслушала его, подумала и оценила.

— А что? Это, знаете, мысль. Футбол без мяча. Правда, Антониони уже снял так теннис. Но-о... Хотите, я познакомлю вас с кем надо?

Чье-то суматошное лицо сунулось в комнату, изумилось, затем с понимающим видом исчезло, хорошенько затворив дверь. Черт знает... что они там подумали? Скачков вскочил.

— Геннадий,— проговорила Алиса изумленно,— не будьте же ребенком!

Невежливо отвернувшись, он зашагал к захлопнутым дверям. В нем поднималась злость на Клавдию. Что, в самом деле, за дурацкая манера привести и бросить? Все, достаточно! Если ей тут интересно — пожалуйста. У него свои заботы: добраться поскорей до базы и хорошенько выспаться. Иначе завтра на тренировке не выдержишь и третьего круга. Впрочем, кто его здесь поймет?

На лестничной площадке Скачкова ослепил яркий высокий свет. Он увидел Клавдию и мужчину, поклонившегося им в зале. Клавдия стояла с опущенной головой, мужчина что-то доказывал ей с пьяной настойчивостью.

На улице Скачков быстро остановил машину и сел прямо, как судья. Сдерживало его присутствие шофера.

— Молчи, молчи!— уговаривала Клавдия, пытаясь завладеть его рукой. Он упрямо вырывал руку и отодвигался.

Домой они поднялись в лифте, Клавдия открыла дверь своим ключом. Из кухни появилась Софья Казимировна с шалью на плечах, увидела Скачкова и с недовольным видом скрылась.

На женской половине Скачкову показалось душновато, он подошел к окну и шире растворил форточку. Клавдия, поводив рукой, проверила, не дует ли на ребенка. Маришка

спала в кроватке, обняв большую куклу с бессонно вытаращенными глазами. Скачков разглядел, что на голове куклы не осталось ни одного волоска.

— Чего она такая лысая?

Это были его первые слова с того момента, когда они сели в машину. Клавдия рассмеялась — негромко, с видимым облегчением:

— Маришка взяла ее с собой купаться!

Вздернув рукав, Скачков посмотрел на часы.

— Пошел?

— Да. И так опоздал.

— О, господи! — Клавдия тихо обняла его, положила голову на плечо. — Все-то у нас с тобой не как у людей. Когда улетаете?

— Скоро. Двадцатого.

Он не мог забыть, с каким виноватым видом стояла Клавдия на лестничной площадке перед тем... пьяным. Ташист, пятнами рисует. Надо бы добавить ему пару пятен на физиономию. А впрочем, хорошо, что обошлось без скандала. Не хватало еще!

— Не сердись, Геш. Я знаю, ты думаешь... А, чего сейчас об этом! Ты хоть день-то проведешь с нами, когда полетишь?

— Видно будет.

Но гнев его пошел на убыль.

— Ладно, — сказал он. — Побежал. А то поздно.

На кухне Софья Казимировна, кутаясь в шаль, по-прежнему колдовала над разложенными по всему столу картами.

Проводив Скачкова до лестницы, Клавдия сказала:

— Маришка все спрашивает, когда вы в зоопарк пойдете.

— Сходим! — крикнул он, сбегая вниз. — Обязательно.

Прислушиваясь к замирающим шагам, Клавдия стояла до тех пор, пока внизу не бухнула дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Никакого сигнала побудки на базе не существовало, его заменял стук туго накачанного мяча.

Без пяти минут восемь на площадку перед столовой выходил Арефьич и принимался манипулировать мячом: на носок, на голову, на колено. Утренний стук мяча проникал во все распахнутые окна. Из кустов сирени шариком выкатывался лохматый Тузик и, вскочив на скамейку, вываливал веселый язык — день начинался. Скоро к Арефьи-

чу присоединялся Матвей Матвеич, вперевалку от избытка мышц, медлительный спросонья. Арефьич, не предупреждая, посылал ему резкий пас и попадал в живот. Охнув, массажист оживлялся и увлеченно отпинывал мяч, норовя ударить правой ногой. Затем в окне первого домика появлялась заспанная физиономия Кудрина. Солнце било ему прямо в лицо, он жмурился, приглаживал рыжую взлохмаченную голову и кричал:

— Я сейчас!

Гонять мяч он готов был сутками.

Появлялись, протирая кулаками глаза, Стороженко, Нестеров, Батищев. Лениво потягиваясь, выходил на крыльцо домика Владик Серебряков, щурился на солнце и отчаянно зевал,— опять зачитался допоздна. (Арефьич, сердясь, постоянно грозил вывернуть у него в комнате лампочку).

Начиналась забава «в квадрате»: четверо ребят, став по углам площадки, гоняли пятого, искусно перепасовываясь между собой. Потерявший мяч становился в середину.

Завидев старшего тренера, дежурный командовал построение. Короткий рапорт, приветствие,— и цепочка футболистов во главе с Арефьичем неторопливой разминочкой трусцой вытягивалась за ворота, заворачивала вправо, в лес.

После просмотра в телестудии Скачков вернулся на базу позже обычного, но проснулся рано и, лежа с закрытыми глазами, попробовал все тело: нет, вялости не ощущалось, выспался прилично. Мухин еще спал, запрятав голову под подушку,— он чутко реагировал на каждый шорох. Ночью, когда Скачков осторожно раздевался в темноте, Мухин приподнялся и что-то спросонья проворчал.

Натянув костюм, Скачков вышел на крылечко и тихонько посвистал. Тузик не отзывался.

Из дежурной комнаты выглянула Марковна, в телогрейке, замотанная в шаль.

— Нету, нету,— сказала она.— С Владькой убежал.

— Уже?— удивился Скачков. Он ожидал, что Владик воротится из города еще позднее.

— Ни свет ни заря поднялся.— И Марковна добавила.— Грехи замаливать.

Так было заведено: футболисты, нарушившие чем-либо режим, добровольно признавали свою вину и в наказание с раннего утра отправлялись на дополнительную пробежку.

Солнце томилось где-то за кромкой леса; на верхушках тополей, согретые первыми лучами, пересвистывались иволги. Туман, копившийся всю ночь, размывался клочья-

ми и уползал в чащу. Сыра была трава, сыры дорожки, опасно прикоснуться к листьям.

Пробуя на подъемах рывки и ускорения, Скачков привычно ощущал полнокровную работу сердца и бодрость мышц. Дышалось глубоко и вольно, всей отдохнувшей грудью.

У развилки возле разбитого молнией дуба он остановился. Ухватившись за гладкий, отполированный ладонями сук, подтянулся, как на турнике, и подобрал к груди колени. Сверху его осыпало дождем росы, он засмеялся и выскочил из-под дерева. Щеки розовели, загорались, телу хотелось быстроты, нагрузки, чтобы разогнать застой в плечах и бедрах. Взмахивая руками, он подпрыгнул раз, другой, успевая в подлете согнуть и подобрать к груди колени. «В квадрате бы побегать!»

Услышав задорный собачий лай, он увидел сначала Тузика, затем бегущего Серебрякова.

Владик остановился и перевел дух.

— Упрел!

Под тренировочным костюмом у него натянуто теплое белье, на голове вязаная шапочка. Молния на фуфайке застегнута до самого предела, и воротник закрывал всю шею с подбородком.

Приплясывая, чтобы не дать застояться ногам, Владик спросил:

— Ты как вчера? В порядке?

— Вполне.

— А я не удержался. Видишь: сырости, наверное, ведро вышло... Тут, Геш, толковище идет, будто с Веной у нас может не получиться.

— Глупости!

— Про Рытвина что-то толкуют, про самого... Ну, хоп — я еще пару кружочков.

И они разбежались.

— Степаныч, говорят, злой, как сатана! — крикнул Владик, удаляясь.

За завтраком Скачков старался не попадать тренеру на глаза.

В комнате, собираясь на утреннюю тренировку, Мухин сказал, что вчера вечером, перед самым отбоем, заходил Иван Степанович, спрашивал — не вернулся ли? Видимо, зачем-то понадобился...

«Как назло, ч-черт!»

По коридору раздался топот ребят, спешивших на поле.

Скачкова остановил врач Дворкин, поманил к себе.

Рядом с ним стоял Матвей Матвеич, тащивший сетку с мячами.

— Язык!— потребовал Дворкин.

Скачков обиделся.

— Да что вы, на самом деле! Маленький я, что ли, не понимаю?

— Пил?— Матвей Матвеич смотрел подозрительно.

— Вот еще! Хотите дыхну? Нате!

Массажист повел носом.

— Ну, тогда еще сойдет. Бегал?

— А как же!

— Пульс позвольте.— И Дворкин взял его за руку.

Пока врач, склонив голый лоб, держал Скачкова за расслабленную кисть и следил за бегущей секундной стрелкой, на крыльце командного домика появились Иван Степанович и Арефьич, оба в тренировочных костюмах. Иван Степанович в темных очках, на груди секундомер. Скачков пожалел, что не успел со всеми вместе уйти на футбольное поле.

Арефьич сделал ему знак приблизиться.

— Иди. Чего уж...— шепнул Матвей Матвеич.

К крылечку Скачков подошел с покаянным видом.

— По девочкам, говорят, ударяешь?— раздался сверху голос тренера.— Ну... где был-то? Рассказывай.

— А, где был!..— Скачков погладил себя по голове.— История получилась. Картина новая, просмотр. Ну и...

Не жаловаться же было на Клавдию с Валерией, что не мог отказаться.

Арефьич, усмешливо почесывая кончик носа, хмыкнул:

— А этот был: все пустоту нарисовать не может?

Скачков вспомнил и улыбнулся:

— Был.

— А лапти показывали? А селедку в рот забрасывали?

— Нет, селедки не было!— запротестовал Скачков.

— Еще увидишь.

Иван Степанович сошел вниз.

— На черта они тебе сдались? Пошли ты их. Если бы хоть что-нибудь стоящее было. Кто по-настоящему пишет, тому, знаешь, некогда трепотней заниматься. Некогда! Соображай же сам хоть чуточку.

Он смотрел на него с сожалением взрослого умудренного человека.

— Стой-ка, ты, киношник,— окликнул он вдруг Скачкова.— В редакции Сергей Александрович ничего не передавал?

Скачков припомнил целую кипу исчерканных страниц на брагинском столе.

— Там... такое дело намечается...

По мере того, как Скачков передавал разговор с Брагиным, Иван Степанович сощуривался с пониманием и кивал:

— Ага, ага...

— Видимо, до него уже доходили слухи, что интрига постепенно втягивает и начальника дороги, и начальника локомотивного депо, и начальника службы движения,— всех влиятельных опекунов команды.

Затем он задумался, прикусил губу.

— Вот лезут же, когда совсем не просят! А начальник локомотивного депо — это такой толстенький, с щечками?— Хмыкнул.— Тоже знаток! Нет, братцы, это беда наша: в футболе все знатоки, все специалисты. А уж если он еще из начальства...— расстроившись, Иван Степанович махнул рукой.

Арефьич и Скачков стояли молча, ждали.

— Ладно, ты беги,— отпустил он Скачкова и пошел назад, в домик.

Тренировку остался проводить Арефьич. Скоро по дороге мимо поля пропылил «Запорожец». К обеду Иван Степанович обещал вернуться.

В день «чистилища» утро на базе прошло как обычно, но к концу завтрака шофер Николай Иванович подал автобус.

В столовой Скачков сходил на кухню и взял из холодильника литровую банку свежего молока. Молоком команду поили «от пуза», как говорил Стороженко, сохранивший крестьянскую привычку есть внимательно и много. Из всей команды только Серебряков не переносил молока, и для него варили сладкий вишневый кисель.

Допивая прямо из банки, Скачков старался представить, что сегодня будет на «чистилище». Эти собрания в кабинете начальника дороги за длинным полированным столом, поставленным впритык к рытвинскому, всегда проходили по много раз отрепетированной схеме, и импровизации допускались — в зависимости от остроты вопроса, настроения капитана и диспетчера всей этой сыгранной кабинетной команды. В таких случаях чаще всех реплики подавал директор домостроительного комбината Феклюнин, оживляя заседания грубоватым простонародным юмором. Без-

жалостные замечания его, как правило, доводили тренеров, людей уже немолодых, до нервной дрожи, до валидола.

Заседания «чистилищ» напоминали Скачкову игру в одни ворота. На его памяти не было случая, чтобы тренер, выставленный в одиночку против всей рытвинской команды, избежал разгрома или хотя бы частично отстоял свои позиции. Сопротивляться было бесполезно, и наиболее опытные скоро постигали, что самое лучшее в таких случаях — опустить руки и заранее смириться с поражением.

Люди, важно восседавшие за полированным столом, многие годы проникались сознанием своего исключительного влияния на судьбу команды. Незаметно, от сезона к сезону, они усваивали привычку вторгаться в такие глубины тактики и техники футбола, где тяжко и специалисту. Собственное их невежество позволяло им тасовать команду, словно колоду карт, и свысока поглядывать на тренера, с апломбом стучать его по темечку и наставлять. Это же так просто: выиграть! Нужно только сделать то-то и то-то... И тренеру, стоявшему у стола с заготовленными расчетами в руках, хотелось сказать, что команда хочет выиграть, команда выложит все силы, однако надо же учитывать, что паренек, которого тут предлагают на место, скажем, центра нападения, при всем его старании даже не впишется в ансамбль, в организм команды — не того уровня игрок; что надо бы еще учесть больную ногу Кудрина, что Стороженко после травмы не сбросил еще нескольких килограммов лишнего веса, что у Маркина повреждено плечо... да мало ли! Команда — организм сложный. Так вот поди же, докажи!

После завтрака два часа полагалось на теоретические занятия. Собираясь у себя в комнате, Скачков слышал топот в коридоре: ребята направлялись в зал.

В автобусе сидели принаряженные Маркин и Арефьич. Едва Скачков поднялся на ступеньку, Арефьич захлопнул дверь и кивнул шоферу: поехали. Скачков сделал изумленные глаза: Иван Степанович? Арефьич отвернулся и стал смотреть в окно.

«Начинается!»— неизвестно к чему подумал Скачков.

Как всегда, к приходу автобуса с базы участники заседания были в сборе. На этот час отменялись все дела.

Отсутствие старшего тренера сразу бросилось в глаза. Переглянулись Сухов с Комовым, закряхтел толстенький Феклюнин, покачивая головой. Что это? Новый вызов? Объяснению Арефьича, что Каретников заболел и просил его извинить, никто не поверил.

Со времени последнего матча Рытвин словно постарел. Страдал он не столько от того, что его не допустили в раздевалку, сколько от того, что об этом мгновенно узнал весь город. И он сознавал свое бессилие немедленно расправиться с непокорным тренером.

То, что Каретников не приехал сегодня на заседание, было для него большим облегчением: сама собой отпадала необходимость каким-то образом реагировать на оскорбление. Однако с другой стороны и сам он, и все остальные почувствовали себя как бы не у дела: а ради чего, собственно, стоило собираться?

Докладывал Арефьич, давно знакомый всем и каждому. Ленинградская команда — противник слишком известный, и он подробно охарактеризовал каждого из игроков, предсказав, что гости скорей всего с первых же минут предпримут решительный штурм, стремясь первыми добиться превосходства в счете. Правда, в последних матчах было замечено, что в линии полузащиты у них часто пробуются новые игроки,— видимо, тут у них самое слабое место. Поэтому на базе, на тренерском совете, был принят такой план: выдержать первые атаки, а затем, подолгу разыгрывая мяч навязать свой неторопливый темп и, постепенно завоевывая центр поля...

Со своего места Скачков увидел, как вдруг брезгливо полезла вперед жирная рытвинская губа. Арефьич еще продолжал выкладывать свои соображения, а по кабинету замелькали переглядывания, сокрушенно запокачивались головы, наконец раздались иронические, нисколько не скрываемые вздохи — игра пошла! (Ах, не Арефьича хотелось им иметь сейчас навытяжку перед столом!). Состоялась коротенькая молчаливая оценка между двумя наиболее сыгранными нападающими — Феклюниным и Рытвиным. «Ну, видел?»— одним движением бровей спросил начальник дороги, кивнув на тренера. «Так, а я что говорил?»— мгновенно отреагировал тот. После этого Рытвин откинулся в кресло, устремил глаза в потолок и испустил такой разочарованный вздох, что Арефьич оторвался от своих записей и замолк.

— Ну вот!— начальник дороги с убитым видом пригласил всех собравшихся разделить его горе.— Беда мне с этими стратегами, просто беда! Послушайте... как вас там...— немедленно подсунулся Ронькин и напомнил имя, отчество, однако Рытвин отмахнулся. «Они будут нападать!» А я считаю, что нападать должны мы!— И стукнул по столу.— Мы же на своем поле играем. На сво-ем! Так на

какой, извините, черт мы будем отдавать им инициативу? И вообще... Кого вы, кстати, ставите девятым номером? Кто у вас там намечен? Ну-ка...

Арефьич удивился. С «девяткой» разнотолков вроде бы не ожидалось: Серебряков. А кого еще? В прошлом сезоне парень несколько раз пробовался в «основе», затем неплохо показал себя на юге.

Но здесь забыли, как в игре с торпедовцами Серебряков красиво выйдя на ворота, пробил мимо. К тому же и Сухов с Комовым, пришедшие сегодня раньше многих, успели кое с кем поговорить.

Феклюнин, сидевший в кабинете вольно и непринужденно, как человек свой, приближенный, поднял толстенькие плечи и голосом тонким, нарочито дурашливым, изрек:

— Ото ж як у той бабы: ох, бачу, як пришла Гапка да як пидняла спидныцю...

В битком набитом кабинете грохнул смех, и Арефьич, стоявший у торца длинного стола, с этой минуты превратился в обвиняемого, теперь ему оставалось одно — оправдываться.

Военком Цыбин отсмеялся, смахнул в уголочке глаза набежавшую слезинку и возмущенно загудел:

— Не понимаю... На такой матч и ставить, извините... Да вспомните, как он с «Торпедо» мазанул!

И пошла игра, пошла распасовка! Бедный Арефьич успевал только поворачиваться.

Наконец Рытвин схватил карандаш, быстро что-то записал в блокнот. К нему склонился Ронькин и начал нашептывать, Рытвин послушал, сморщился и замотал щеками:

— Оставьте! Искать все же надо, дорогие товарищи, искать. Такая у нас страница — и чтобы не было талантов? Да не поверю! Не поверю, хоть убейте!— Победным взором он обвел все застолье и получил в ответ дружные энергичные кивки: действительно, поверить в такое было невозможно.

— Ладно, собираюсь я скоро в Куйбышев слетать. Пошарю я у них, конечно, посмотрю, что есть...

Арефьич, теребивший в руках заранее продуманные наметки, попытался подать голос, но Ронькин выразительным жестом остановил его. Это было обязанностью Ронькина: вовремя пресекать возражения тренеров. Сам же он нашел момент подходящим и встал, одернул пиджак — затянутый галстуком, застегнутый на все пуговицы. И все поняли, что сейчас будет сказано нечто важное.

Речь Ронькина была короткой, но заслуживающей

внимания: он доложил, что на примете имеется один нападающий из Казани, да вот беда — за парнишкой уже ведут охоту несколько столичных клубов. Новость показалась стоящей, все в ожидании повернулись к Рытвину. Начальник дороги самолюбиво выпрямился.

— Что значит — столичные клубы?

Найдите подход к парню, поговорите. Узнайте, кто у него, что... Уж чего-чего, а условия мы создать можем, не постоим. Или мне самому еще и в Казань лететь?

На лице Рытвина появилось капризное, утомленное выражение, словно он в одиночку, без помощников тащит громоздкий воз команды и все, что с нею связано.

— Работать надо, работать,— заметил он Ронькину.— Поменьше на дядю надейтесь, побольше сами...

Установка на переманивание игрока таким образом была отпущена, и Скачков знал, что, видимо, завтра же Ронькин полетит в Казань, торопясь опередить «купцов» из других клубов. Наобещает парню золотые горы: квартиру в центре, учебу в институте, премиальные, машину вне всякой очереди,— только играй!

— Н-ну ладно...— Рытвин как бы вынырнул из минутной задумчивости.— На чем мы там остановились-то? А-а, да, да... Нет, дорогой товарищ (это Арефьичу), Серебряков не подойдет. Пускай он посидит еще малость, подрастет. Я вот советовался с командой,— взгляд в сторону Комова,— и у них, понимаешь, свое мнение имеется. Свои соображения...

Повинуясь рытвинскому взгляду, Комов приподнялся и скороговоркой выпалил, что да, он предлагает совсем другую кандидатуру — парень растущий, перспективный, к сожалению, новый тренер несправедливо зажимает, держит на скамейке...

Вопросительно подняв брови, начальник дороги из-за своего огромного стола взглянул на Сухова, тот несколько раз утвердительно кивнул головой. Не опуская бровей, Рытвин перевел взгляд на Маркина и наставительно заметил тренеру:

— Вот видишь. Есть резон? Есть. Советую прислушаться.

Скачкова он с прошлого года не замечал, словно его не существовало в команде.

Не поднимая глаз, Арефьич смотрел прямо перед собой в сверкавшую поверхность стола. Губы его были непримиримо сжаты. Мнение команды... Он-то знал, чье это мнение и отчего Комов сводит счеты с Серебряковым!

— Значит, так,— закончил установку Рытвин.— Кто у нас слева-то играет? Сухов? Ага, пойдет. А справа?

— Мухин,— севшим голосом промолвил Арефьич.

Рытвин сердито бросил карандаш.

— Вот... опять! Да что вы за этого Мухина уцепились? Какой он гол в прошлый раз не забил, а? Стопроцентный! Нет, Мухина не надо. Пускай посидит, посмотрит, поучится... А вот вам — почему вы Комова к воротам прижимаете? Да с таким ударищем... боже мой! Если даже из десяти ударов у него два попадут в ворота — все! Вот что, выигрыш-то! Разве не так?

Специально он, что ли, нахваливал Комова, точно в пику решению тренера об отчислении того из команды?

Арефьич, решив быть нейтральным, заметил только, что у Комова удаление с поля, следовательно, очередную игру он пропускает автоматически, а там еще добавит спортивно-техническая комиссия Федерации футбола.

— Да? Гм...— Рытвин будто впервые узнал о наказании Комова.

Здесь хитровато ухмыльнулся Феклюнин и, покачивая головой, пропел:

— Ох, Родион Васильевич, сядем мы с вами без двух. Без Мухина сядем.

Рытвин строго вскинул голову.

— Как — без двух?

Ему ответил военком Цыбин, постоянный партнер по игре в преферанс.

— Не взяток же, Родион Васильевич,— очков. Надо бы Мухина все же поставить. Уж вы согласитесь!

Поколебавшись, Рытвин подобрал со стола карандаш, снова его бросил.

— За горло вы меня берете, за горло! Ладно, будь по-вашему. Но потом смотрите: близко будет локоть. Ну, все, что ли? Тогда закрываем. Завтра, товарищи, быть на стадионе всем. Всем! Лето, ничего не попишешь, переходим на спортивный режим.

Гремя стульями, поднялись с мест: потягивались после долгого сидения и отдувались, будто провернули огромную работу. Вид был такой, словно все, что требуется для победы, сделано, команде же завтра останется одно — выбежать на поле и разгромить соперников.

Из города Скачков ехал в автобусе один. На базе ребята возвращались из душевой, плелись, чтобы свалиться

на постель, разбросить руки, ноги. Хозяйственный Стороженко вывешивал постиранную майку.

В своей комнате Скачков увидел Мухина: тот, голый, лежал навзничь поверх одеяла. На животе у него комок смятого сырого полотенца. Когда Скачков, переодеваясь, принялся хлопать дверцами шкафа, Мухин разлепил один глаз.

— Ну что?— спросил он.— О чем говорили?

Мельком оглядывая себя в зеркало, Скачков буркнул:

— Да так...

— Меня ставят на игру?

— А почему нет?

Скачкову не хотелось рассказывать, как все было на «чистилище».

— А Владьку?

— Увидишь!— отмахнулся Скачков.

Помолчав, Мухин еще спросил:

— О Коме толковища не было?

— А чего о нем толковать?

— Все-таки...

— Пошел он! Чего хотел, того и добился...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вечером на базе Скачков остановил администратора команды Смольского:

— Как, ленинградцы прилетели?

Тот удивился:

— Конечно! Еще вчера.

— И Решетников?

— Конечно!

Он сам встречал команду в аэропорту, размещал ее в гостинице. Кстати, Решетников тоже справлялся о Скачкове: здоров ли, все ли у него в порядке...

Алексей Решетников был капитаном ленинградцев и тоже, как и Скачков, по «специальности» полузащитник. Одно время их обоих приглашали в состав олимпийской сборной, они играли в паре. С тех пор у них сохранялись дружеские отношения, хотя видеться приходилось большей частью лишь на поле, в игре. Зато когда команда прилетала на календарную встречу, кто-нибудь из них обязательно разыскивал другого по телефону. Обычно звонил хозяин гостю, потому что дозвониться из города на базу было делом безнадежным.

— Геш, ты?— обрадовался Решетников.— Ну, привет. А я уже спрашивал о тебе.

— Мне передали.

После расспросов о здоровье и самочувствии Решетников сказал:

— Геш, у нас слух прошел, будто тебе зимой отвал устроили.

— Было,— махнул Скачков.

— Кто вернул? Степаныч?

— Да потолковали, знаешь, вроде бы надо поиграть.

— И правильно. Не торопись.

— А ты думаешь я тороплюсь?— рассмеялся Скачков.

— Как нога, Геш?

— Да вот с ногой-то плоховато,— признался Скачков.— Болит.

— Это худо. Худо, брат...

— Слушай, Леха, у нас недавно слух пошел: Комова будто бы хотите брать?

— Мы?— удивился Решетников.— Или у нас коньяк некому гвоздить? А что его — совсем?

— Вроде...

Поговорили еще о том о сем.

— Так что, Геш, значит, завтра увидимся.

— Выходит...

С каждым поколением футболистов связан свой кусок истории любимого спорта. На долю поколения, к которому принадлежали Скачков и Решетников, выпал период досадных поражений, шараханья от одного заграничного образца к другому, все большей утраты завоеванных позиций. Кроме того им вместе довелось пережить один из самых мрачных дней этого времени.

Сборная олимпийская команда тогда упорно готовилась к последнему отборочному матчу в своей подгруппе. Предстояла встреча в Швеции, в Стокгольме. Вопрос стоял так: быть или не быть. Третий раз нашей команде грозила участь неудачников, третий раз подряд наши футболисты, обладатели золотых олимпийских медалей в Мельбурне, не могли пробиться в финальную пульку очередной Олимпиады.

В Москве, на базе, где готовилась команда, и в Стокгольме, в отеле, Скачков жил в одной комнате с Алексеем Решетниковым. Обстановка складывалась нервозной. Угроза поражения давила на всех: на игроков, на тренеров, на специалистов, сопровождающих команду.

К ответственному матчу команду готовил молодой тре-

нер, недавно защитивший диссертацию, но еще не опытный на тренерской работе. Чем меньше оставалось до матча, тем больше он боялся не оправдать возложенных на него надежд. Изнемогая под бременем ответственности, он не знал покоя даже в дороге. Эта угнетающая тяжесть диктовала ему все поведение и сказывалась на тренировках, в отборе окончательного состава, а особенно проявила себя в Стокгольме, где для футболистов был установлен такой режим, что шведские журналисты назвали их «селестинскими затворниками» (по названию отеля, где остановилась советская команда).

Футбольная команда — сложный и зачастую противоречивый организм; из этих одиннадцати характеров тренер должен сколотить не только механизм для забивания голов, но и дружный жизнерадостный коллектив вообще.

Диссертация, которую недавно защитил молодой тренер, называлась: «Стратегия атаки в советском футболе». Там все было наглядным, веским, убедительным, с чрезмерной правильностью схем, изученных и предлагаемых, без учета того, что в каждой схеме, попавшей на заметку, закрепившейся в теории, лежал взрыв вдохновения, таланта игроков проявленных ими в игре. Большой футбол развивается по законам искусства, а решающий компонент искусства — индивидуальный талант. Механическому футболу всегда противостоит футбол личностей.

В «Селесте» для советских футболистов отвели целое крыло, поставили полицейского и каждый раз, когда команда уезжала или возвращалась с тренировки, страж порядка пересчитывал ребят, как заключенных. (Кто-то, кажется Полетаев, мрачно пошутил, что футболисты стали похожи на гладиаторов, которых готовят на заклание).

Скачкова удивляло, что с командой в Стокгольм приехало множество советников, консультантов, наблюдателей, так называемый «мозговой комитет». В беспрерывных заседаниях «комитет» решал вопросы стратегии на предстоящий матч. До команды с этих заседаний доходили лишь отголоски, вроде: «Не расхолаживаться!» или «Проигрывать мы не имеем никакого права!» «Футболисты понимали, что «комитет» ищет вернейших путей к победе, но ведь известно, что еще ни один тренер не проиграл на макете ни одного матча!

За несколько дней до встречи начались установочные занятия с футболистами. План был простой: мяча не таскать, получил — сразу же отдай! Темп, темп, скорость! По-

давить соперника вихрем атак. В защите же — строгая персоналка.

Реваз Бакарадзе, из тбилисского «Динамо», попросил устроить какую-нибудь экскурсию, что ли. Он пожаловался, что помимо усиленных тренировок ребята ничего не видят (разве только по дороге на стадион из окна автобуса). Даже шахмат не захватили!

Тренер, не зная, что ответить, вопросительно взглянул на одного из членов «комитета», еще нестарого, но дородного, с продольной лысиной, начинающейся со лба.

— Какие экскурсии, какие музеи? Вы кто — футболисты или туристы? Телевизор есть — пожалуйста. Газетку бы стенную соорудили, чем киснуть.

В наступившем молчании тренер выразительно взглянул на ребят: дескать, слышали?

— Разойдись!— последовала команда.

Вечером футболисты собрались в номер Реваза Бакарадзе. Здоровый дружный хохот ребят всполошил полицейского, дремавшего на своем посту. Скоро к развеселившимся заглянул встревоженный тренер.

— Вы что, ребята?

Поднялись, стали расходиться.

— Сэрдытый!— шепнул Скачкову Бакарадзе.

Утром по дороге на тренировку ребята с привычной скукой смотрели в окна автобуса. Нет, такие поездки за рубеж выматывают во много раз сильнее, нежели свои, домашние игры. Дома как-то проще...

— Пас!.. Пас!..— кричал тренер и сердитым свистком останавливал игру.— Бакарадзе, сколько раз повторять: получил мяч — сразу пас. Сразу! Атака!.. Начнем снова.

— Нэ вижу!— выходил из себя Реваз.— Нэ вижу никакой атаки!

Скачков, играя строго на середине поля, вдруг почувствовал какой-то зуд в ногах: дома, у себя в «Локомотиве», он непременно рванулся бы вперед.

— Бак, пас!— крикнул он и хорошо открылся на краю.

Точным ударом Бакарадзе выложил ему прекрасный мяч «на ход»: беги и забивай!

Пронзительный свисток опять остановил игру.

— Скачков!— кричал тренер.— Оставьте свои штучки, прошу вас. Дома можете — пожалуйста. А здесь у вас конкретное задание.

К Скачкову, отходившему на свое место, приблизился Реваз: иссиня-черные щеки мокрые, из-под спутанных кудрей горят глаза.

— Ты дай ему вировка,— зашипел он, раздувая атлетическую шею,— чтобы таскать тебя, как баран!

— Кончайте там!— прикрикнул тренер.— Бакарадзе, где ваше место?

За два дня до матча интенсивные тренировки прекратились, и ребята остались наедине со своими мыслями о предстоящей игре. Тренер то и дело вызывался по телефону из Москвы и выслушивал последние инструкции. Недавно он с помощниками побывал на тренировке шведов и теперь не скрывал своего беспокойства.

В канун матча неожиданно вспыхнула жестокая перепалка между Ревазом Бакарадзе и Полетаевым — из-за какого-то пустяка. Ссору быстро потушили, но осадок у всех остался горький.

Ночью Скачков услышал, как на кровати напротив ворочается Решетников.

— Леха,— позвал он,— не спишь?

— Снотворное, что ли, попросить?— пожаловался Алексей и, нашарив выключатель, зажег свет.

Лицо его измято, он отчаянно зевал и тряс головой. Бессонница и ожидание, сказал он, выматывают куда сильнее, чем самые тяжелые тренировки.

— Домой надо,— вздохнул он, взбивая подушку.— Скорее бы уж, что ли...

От нечего делать Решетников сел и принялся массировать травмированную лодыжку. Мазь он втирал с такой сосредоточенностью, с какой крестьянин перед страдным днем приводит в порядок свой инвентарь. Разговорились о состоявшейся последней установке на игру.

В комнату без стука заглянул один из «комитетчиков».

— Спать! Спать!— приказал он и дождался, пока Решетников, кончив массаж лодыжки, не вымыл руки.

Ушел он, щелкнув выключателем, и в течение ночи заглядывал несколько раз.

Сон никак не шел, и Скачков с Решетниковым, лежа в темноте, негромко переговаривались. Никогда раньше, сколько им ни приходилось ездить, они не ощущали своей оторванности от дома с такою остротой. Ночь, тьма стояли сейчас над какой-то частью планеты, а им представлялось, что где-то далеко, едва ли не на другом скате Земли, еще не спят и мигают огоньками родные города, с дорогими сердцу людьми, со всем привычным укладом, что в общем-то и составляет жизнь каждого человека...

В раздевалке под трибунами, где с первой минуты ощущалось нетерпение переполненного стадиона, перед футболистами выступил еще раз член «мозгового комитета». Все в нем было значительно: одежда, манера говорить и даже его лысина. Он говорил негромко, но чеканно, стараясь самой размеренностью речи втиснуть в вихрастые головы футболистов веские понятия о долге, мужестве и патриотизме.

Пока он выступал, команда изнемогала от нетерпения. Скачков представлял, какая буря пронесется по трибунам, едва из туннеля выбежит цепочка игроков в красных футболках. Ему хотелось поскорей на поле, чтобы в прикосновении к звенящему мячу, в пробежках по зеленому прямоугольнику поля обрести уверенность в себе и сбросить наконец это нервное томление.

Переминаясь, щелкая шипами по полу, Полетаев не выдержал и буркнул:

— В общем, все ясно: шаг вправо, шаг влево считается побегом.

— Что? Что?— встрепенулся тренер.

— Пора, ребята,— поспешил вмешаться Бакарадзе и поправил на руке красную капитанскую повязку.

Представитель «мозгового комитета» сдержанно шевельнул ноздрями и свежайшим платочком промокнул лоб.

— Остряки, я гляжу, завелись в команде!— произнес он.— На поле лучше покажите остроту. На поле!... Пошли, давай!

Впоследствии о матче в Швеции было написано немало. Поражение советских футболистов снова, уже в третий раз потерявших надежду попасть в финальную пульку Олимпиады, расценивалось как сенсационное. Говорилось о неудачном выборе вратаря, об отчаянной игре нападения, пытавшихся всеми силами пробить шведскую защиту, и выше всяких похвал ставилась линия полузащиты. «У русских была сильнейшая середина поля!» А один из хозяев шведского профессионального клуба заявил, что он и его коллеги запустили бы руку глубоко в карман, чтобы приобрести этих парней для себя... Известный писатель, давнишний болельщик и автор романа о футболе, сравнил игру советской команды с прессом. Игроки в красных футболках долго давили на шведские ворота, они теснили и сжимали хозяев поля, но словно упирались в плотную каучуковую подушку. Один Полетаев несколько раз по-лисьи проникал в курятник чужой штрафной, однако что мог он сделать в одиночку? На острие атаки следовало бы выдвинуться ко-

му-нибудь из полузащитников или даже защитников, но все они по плану игры боялись переходить центральную линию. «На чужой половине поля для них кислорода не было» (из установок на матч). Есть установки, заключал писатель, которые связывают, не дают дышать. В стокгольмском матче на нашу команду словно надели кандалы.

В футболе существует закон перемены счастья: если мяч никак «не идет» в одни ворота, его следует ждать в других. В конце первого тайма кто-то из шведских нападающих заметил, что наш вратарь сильно выдвинулся вперед, издали послал навес и мяч, обгоняя панически бегущего вратаря, опустился в сетку. Ну, что за гол!.. Случилось это перед самым свистком.

Во время перерыва в раздевалке собрался весь «мозговой комитет». Мнение специалистов было твердым: еще ничего не потеряно.

— Темп, темп!— настойчиво твердил тренер и бил кулаком в свою ладонь.

Игроки лежали в креслах и не открывали глаз. Их ошеломил не столько досадный гол, сколько оглушил свирепый рев восторженного стадиона. Еще сейчас был слышен гул трибун, а по полю красочно маршировал оркестр во главе с жонглирующим тамбурмажором.

Вместе с командой редактор еженедельника пережил унизительные минуты, когда триумф победителей вылился в неистовую оргию воплей, рукоплесканий и рявканья оркестров, когда полиции пришлось напрячь все силы, чтобы не допустить беснующихся зрителей на поле. Шведские журналисты, писал он, назвали победу своей сборной «реванш за Полтаву».

Вторая половина матча походила на паническое отступление, почти бегство. Шведский тренер парализовал наших полузащитников тем, что навязал им лишних подопечных, усилив линию своего нападения. После матча, отвечая на вопросы журналистов, он заявил, что во втором тайме у его команды «вдруг стало получаться все». Шведы заиграли легко и непринужденно, подолгу владея мячом. Ворота советской сборной оказались в плотной осаде. Как всегда в таких случаях, стало казаться, что белых футболок на поле гораздо больше, чем красных.

Скачкову запомнился момент, когда он в борьбе за верховой мяч получил толчок и шлепнулся на землю. Бешено колотилось сердце; короткая густая травка поля ласково касалась лица. Мелькнуло желание: закрыть глаза, вытянуться, забыть обо всем... Вдруг он увидел над собой

склоненное лицо судьи, лица Решетникова, Бакарадзе... Устыдившись своей неожиданной слабости, Скачков вскочил на ноги, и судья тотчас побежал прочь, показав точку, откуда следовало пробить штрафной.

Решетников, утираясь рукавом, стал устанавливать мяч.

— Что,— хрипло спросил он,— проигрывать будем?

Унимая вздувавшуюся грудь, Бакарадзе оттолкнул его от мяча.

— Вперед иди! Туда!

Время истекало, а на световом табло по-прежнему горела единица.

Получив от Бакарадзе передачу, Решетников решительно двинулся вперед. Шведские футболисты отступали, намереваясь выманить подальше в поле игроков с штрафной площадки. У себя дома Скачков, не задумываясь, воспользовался бы ситуацией и подключился к атаке. Впрочем, стоило воспользоваться и сейчас, тем более, что Решетников как раз и готовил для него такое подключение. Сильно отдав мяч налево, Алексей затеял там перепасовку со своими нападающими. Защита шведской сборной, перекрывая пути к своим воротам, невольно сместилась и обнажила правый фланг. (Один Полетаев утащил за собою двух игроков). Этого и ждал Решетников: высокой поперечной передачей он неожиданно послал мяч на свободное пространство, и Скачков, никем не опекаемый, оказался совершенно один на целой половине поля. Разгоняясь, он отпускал подальше мяч, догонял его и снова посылал перед собой, а сам все время видел, как защитники со всех ног бегут к нему, к воротам; разогнавшись для удара, он приложил плотно, всем подъемом и мяч, ускоряясь, полетел чуть в сторону от дальней штанги, однако правое кручение, заданное при ударе, изменило траекторию и направило его в самый угол. «Гол!»— готов был закричать Скачков и вскинуть руки, но вратарь, весь вытянувшись, пересек ворота и ударом кулака отбил мяч на защитника. «С ума сойти!»— всплеснул Скачков.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что никому из наших игроков, принявших участие в атаке, не удалось прийти на помощь своей защите. Несколько коротких передач —и мяч оказался вблизи ворот, четкий розыгрыш лишнего — примерно с одиннадцатиметровой отметки мяч с лету был послан в сетку. Контратака шведов была мгновенной, точной, как укол шпаги.

Взрыв ликования над чашей стадиона, кажется, потряс

весь город. Несколько болельщиков в экстазе прорвались на поле, но были схвачены полицией. Под клокотание трибун красные футболки удрученно возвращались на свою половину поля. С мучительной гримасой Бакарадзе держал себя за голову обеими руками.

Решетников крикнул ему, показывая на убито бредущего Скачкова:

— Подстраховывать надо!

Полностью признавая свою вину, Реваз приложил к груди руку.

Доигрывание матча свелось к тому, чтобы любыми средствами спастись от разгромного счета.

Возвращаясь в раздевалку, ребята плюхались в кресла и закрывали глаза. Не хотелось ни говорить, ни двигаться, ни смотреть друг на друга.

Тренер и несколько представителей «мозгового комитета» расхаживали и дожидались минуты, когда можно будет начать разговор. Тренер выглядел издерганным, почти больным. Тишина от ожидания становилась невыносимой.

— М-да...— произнес наконец чей-то голос.— А ведь все еще можно было поправить!

Из своего угла Скачков взглянул на говорившего: речь шла о нем, о его дерзком рейде к воротам шведов.

— Это же бред!— взорвался тренер и забегал, злобно поглядывая в сторону Скачкова.— Идти в атаку! Куда? Зачем? Ведь тысячу раз говорил... Просил, останавливал!..

— Почему бред?— подал голос Решетников.— Вратарь не должен был брать этот мяч. Такие мячи не берутся.

Представитель «мозгового комитета» остро взглянул на несчастного тренера, побуждая его ответить как следует. Тренер сжал кулаки.

— У вас было твердое задание! Твердое!.. Игроку без дисциплины нечего делать на поле! Нечего!..

В это время в кресле завозился Полетаев и спокойно произнес слова, которые потом редактор спортивного еженедельника привел в своем отчете. Он сказал, что незачем придираться к каким-то просчетам на поле, в игре, команда проиграла встречу, еще не выходя на поле.

Изумленный тренер перестал рыскать по раздевалке и вместе со всеми медленно обернулся к говорившему.

Полетаев набрал побольше воздуха и сделал вид, что стряхивает что-то с груди.

— Сенсорный голод,— пояснил он.— Спросите любого психолога.

Член «мозгового комитета», тот, самый неистовый, резко повернулся.

— А вы по-русски, по-русски!— потребовал он с нажимом.

— А если по-русски, то вот: мы устали. Устали от мяча, устали от опеки, от накачек. Устали от боязни проиграть...

— От самих себя устали!— неожиданно крикнул Бакарадзе. Он сидел голый по пояс и скомканной футболкой возил себя по воспаленному лицу.

— С хорошеньким же настроением вы выходили на поле!

Что было потом, не хотелось и вспоминать. Спорт немыслим без поражений, и право на выигрыш приобретается готовностью принять и рыцарски пережить любую неудачу. Не то, совсем не то было в раздевалке! Игроки, только что отдавшие все силы там, на поле, не вынесли обвинений всех этих людей, испуганных ответственностью за неудачу, и словно очнулись, сбросили полуобморочное состояние. О, они высказали все, что накопилось! Разве их вина, что план игры заранее был обречен на неудачу: оборона, одно разрушение, игрок в игрока, и только. Но разрушая, не созидая,— о какой победе может идти речь? И — дальше. Да, они спортсмены, но они же еще и живые люди. Разве мыслимо столько времени гореть и не сгореть? Ведь день и ночь у всех одна-единственная дума — как бы не проиграть! Хоть бы какая-нибудь, пусть самая малюсенькая отдушина! Не случайно же вот уже несколько чемпионатов мира подряд победы добивается команда, которая блестяще подготовлена не только технически, но и психологически.

...Потом был разговор в Москве — большой, подробный разговор, уже спокойный, без запальчивости. Что же мешает и футболу подняться вровень с богатырским духом нашего великого народа? Скачков присутствовал при этом разговоре, выступил, когда спросили и его. Мнение всех сводилось к одному: на зеленом поле необходимо творчество, а не надсадная работа, советской сборной нужно терпеливо добиваться прочной связи между мыслью, волею и мышечной силой. Словом, все было разложено по полочкам, изучено, объяснено. Но боль обидных поражений осталась в сердце, как заноза, и эта боль несбывшихся надежд, мечтаний сопровождала жизнь целого поколения в нашем футболе и таким, как Скачков с Решетниковым,

оставалось утешать себя тем, что поражения, доставшиеся на их долю, все равно будут ступенькой к будущим победам.

Арефьич, конечно же, рассказал старшему тренеру, как проходило заседание «чистилища». Иван Степанович потребовал грелку; заперся в своей комнате и долго что-то писал в тетради. Затем он велел позвать к нему Скачкова.

— Геш, я решил не ставить Владика. Попробуем того... кого они хотят. Пусть сами убедятся! Ты — как?

— Можно,— отозвался сдержанно Скачков.

— А тебе придется отвечать за Решетникова. Понял?

— Опять?— удивился Скачков.

Тряхнув головою так, что очки заученно сползли на самый кончик носа, Иван Степанович взглянул на него в недоумении.

— Что — опять?

— Персоналка.

— А-а...— и скривился, закряхтел.— Ничего, брат, не поделаешь. Надо.

Персональной защиты Каретников обычно избегал, справедливо считал ее недостаточно гибкой, современной. В Мексике, на чемпионате мира, он был наблюдателем и видел, к чему привела сверхосторожная «персоналка». Советская сборная, составленная из отличных игроков, в четвертьфинале проиграла Уругваю, потерпела обидное поражение, которое специалисты единодушно считали следствием отсталой, примитивной тактики. Но в то же время старый тренер понимал, что зонная защита требует от команды четкой сыгранности, тонкого взаимопонимания, а у него вызывали опасения молодой Соломин и не слишком поворотливый Батищев. Он и Батищеву подумывал дать персональное задание на венский матч — если, конечно, он пройдет в окончательный состав.

Скачков сидел и разглядывал свои ладони с унылым видом. Да, положеньице сейчас в команде — не позавидуешь.

— А может... Может, все-таки Комова, а? Иван Степанович! Извиниться заставим.

— Нет!— рассердился Иван Степанович.— Нет, нет и нет! Сам же понимаешь, что это давно следовало сделать.

Он подошел к окну и долго молчал.

— Обойдемся и без Комова. Нам нынче не так Кубок важен, как сама команда. Хотя...— признался он, почесывая затылок,— кубок конечно — тоже. Чего греха-то таить?

Из-за дивана достал грелку, постоял в задумчивости, затем подбросил ее и поймал, словно мяч.

— Так что и меня, брат, грызет мыслишка, что едет советская команда. Не какая-нибудь, а — советская! Все мы знаем об этом, знаем и помним. Ну, да ты не мальчик, чего тебе рассказывать — сам играл за рубежом.

Напоследок он распорядился:

— После обеда проследи, чтобы никто зря не болтался. Увижу кого за картами или в биллиардной — худо будет.

И мотнул головой:

— Все. Ступай.

Молоденький девятый номер, протеже Комова, потерял голову еще до первого свистка судьи. Поставленный на острие атаки, парнишка чувствовал себя неопытным пловцом, брошенным в широкий и глубокий омут. Защита ленинградцев всегда славилась жесткой игрой, и «девятке» в окружении стремительных и крепконогих сторожей ворот становилось страшно. Храбрости его хватало лишь до штрафной площадки, а дальше он терялся и мало-помалу стал жаться ближе к своим, к воротам, ища уверенности в силах.

— Старик,— успел сказать ему задыхающийся Скачков,— не жмись, играй пошире.

Куда там — шире! Его уже несколько раз принял на корпус один из центральных защитников и надолго отбил охоту заходить в штрафную. Скачков одновременно и жалел неопытного новичка и злился на всех тех, кто бросил парня на посмешище, словно щенка во взрослую безжалостную стаю.

Первый тайм проиграли — пропустили гол. На разборе игры потом были упреки, что ошибалась защита. Что ж, верно — ошибки были и немало, однако ошибаться защитников заставляют нападающие, а нападение гостей хозяйничало у чужих ворот, как хотело.

В перерыве Иван Степанович отправил измученного «девятку» в бассейн и сделал знак Серебрякову: давай! Матвей Матвеич, помогая Владику стаскивать тренировочные брюки и фуфайку, шептал, шипел, подталкивал:

— Владь, покажи им — слышишь? Ты просто должен! Слышишь — должен!

Серебряков и сам все понимал.

Увидев Серебрякова, трибуны взорвались аплодисментами. Впрочем, имя молодого игрока было известно лишь немногим, только самым рьяным, самым посвященным, а в гуле нарастающих аплодисментов выражалось недо-

вольство теми, кто безапелляционно вмешивался в жизнь команды. И, кажется, все или почти все, кто сидел в центральной ложе, поспешили сделать вид, что заняты беседою с соседями.

А Владику в эту минуту казалось, что рокот стадиона относится к нему одному и тысячи, десятки тысяч глаз направлены на его долговязую фигуру, на его чистые колени — на него, стоявшего, словно игрушка среди истерзанных, едва успевших отдохнуть товарищей. Он не был новичком на поле, но что значили жиденькие рукоплескания тех жалких кучек зрителей, не пропускавших игр дубля, по сравнению с вулканными раскатами всех переполненных трибун, когда ошибке ли, успеху ли спортсмена аккомпанирует протяжный мощный вздох целого стадиона. И вот он все-таки дождался своего счастливого мгновения! От нетерпения в нем все напрягалось и дрожало, он наклонялся над мячом в его ногах и жадно, страстно не сводил глаз с человека в черной форме и с секундомером — жег его взглядом, торопил, подстегивал: да ну же, ну!

Первый гол Владик забил с подачи Мухина. С мячом, на скорости Мухин рванулся поперек штрафной площадки, увидел за собой троих защитников и мягко отдал пас назад набегавшему Серебрякову... Второй гол провел сам Мухин. И очень было жаль, что в самом конце у Серебрякова был еще один отличный шанс, но он погорячился и пробил выше ворот. Вообще, как говорил потом Арефьич, матч получился. Сказался, наконец, закон больших целенаправленных нагрузок, когда изнурительная тяжесть невидимых большому миру тренировок превращается в настоящий праздник для переполненных трибун. Легкость действий, сыгранность Мухина и Серебрякова вызывала бурные аплодисменты на трибунах. Даже в центральной ложе стали переглядываться, кое-кто со значением кивал: да, команду не узнать!

В тот день на местном небосклоне взошла звезда Серебрякова и озарилась первым светом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Домашние матчи на своем поле «Локомотив» сыграл по расписанию, а две очередные встречи на выезде Федерация футбола перенесла на поздний срок: команде предоставили «окно» для подготовки к Вене.

Оценивая домашние матчи, Брагин писал, что «Локомотив» буквально на ходу, точно корабль в бурю, производит

штопку линий: смело вводит и обыгрывает молодых. Как бы предвидя неминуемые срывы в будущем, он напомнил, что становление здорового коллектива происходит не в месяц, не в два, и все же выражал надежду, что смена поколений, заставшая команду «на марше», не даст «Локомотиву» засидеться на последней строчке в таблице. (Ни одной фамилии игрока в отчете упомянуто не было — об этом Иван Степанович сам просил журналиста).

Следующий тур чемпионата страны прошел без «Локомотива».

Неожиданным для многих был исход матча в Москве, где торпедовцы, выступавшие без Полетаева, проиграли новичку высшей лиги, команде из украинского города. Для москвичей этот тур был вообще неудачным. Ничьей сумели добиться лишь армейцы, игравшие в Ереване. Все остальные столичные клубы потерпели поражение.

Сезон с самого начала развивался странно, необычно. Верхние строчки в таблице первенства занимали, никому не уступая, команды Украины. В газетах, по радио, в выступлениях обозревателей в один голос говорилось о кризисе московских команд, еще недавно задававших тон, о том, что никогда еще средний уровень нашего футбола не опускался так низко. Старые, заслуженные клубы столицы, «гранды советского футбола», в своем развитии как бы уперлись в некий потолок и мучительно искали выход. Причины этого необъяснимого на первый взгляд явления тонули в массе предположений специалистов. Чего только не предлагалось! И только спортивный обозреватель еженедельника «Футбол-хоккей» спокойно заявлял, что, наоборот, успех так называемых периферийных команд вселяет в него безграничную уверенность. Налицо расширение рамок большого футбола, рост «географии», и в этом-то неисчерпаемый резерв для развития всего отечественного футбола. Спорт никогда не стоит на месте, в нем с каждым днем, с каждым сезоном появляются все новые и новые имена. Так следует ли удивляться, а тем более бить тревогу, что многие немосковские клубы достигают этого взятого у нас за эталон «московского потолка», а некоторые даже его превосходят? Незачем, совершенно излишне плакать по поводу снижения среднего уровня. Как известно, средний уровень зависит не только от класса аутсайдеров, но в главной мере от творческого лица лидеров. А наши лидеры могут сейчас поспорить с лучшими командами за рубежом. Футбол почти единственный вид спорта, где наши команды вступили в единоборство с про-

фессионалами, и надо признать, сражаются с ними на равных. Пример тому — заграничные выступления накануне открытия сезона, поездка ворошиловградской «Зари» в Бразилию. Так что федерации не следует закрывать глаза на изменения в расстановке сил, а наоборот, именно с учетом этого построить всю подготовительную работу со сборными командами.

Между тем обозреватель обратил внимание, что некоторые специалисты все чаще равняются на так называемый средний уровень. Недопустимое равнение! Волна середнячества и без того захлестывает наш футбол. Тренерская чехарда, боязнь тренеров за свои места привели к тому, что постепенно выработался какой-то средний тип наставника команды. Мало-помалу удобный, беспрекословный середняк вытесняет с поля талантливых своеобразных игроков и становится своего рода эталоном. Середнячок вроде бы все умеет и сыграет там, куда его ни поставь, сыграет, не испытывая радости творчества на поле, и это середнячество все более окрашивает наш футбол в унылый серый цвет. Недаром раньше в нашем футболе было больше самобытных мастеров — Пономарев, Пайчадзе, Федотов, Бобров... Каждая игра с их участием превращалась в спортивный бенефис. А сейчас? И это наша беда, тяжелый крест, который наш футбол тащит, пожалуй, со времени тех санкций, которые обрушились на него за неудачное выступление на Олимпиаде в 1952 году.

Уровень советского футбола растет, писал обозреватель, но растет слишком медленно. Большая доля вины в этом лежит на спортивных судьях. За техничным, талантливым игроком сейчас идет настоящая охота по всему полю. Знаменитого Пеле костоломы-защитники выбивали из соревнований дважды: на первенство мира в Чили в 1962 году и через четыре года в Англии. Кроме грубой силы у защитников не оказалось иных средств против этого великолепного мастера. А недавно получил тяжелую травму Полетаев, надежда нашей сборной. Либерализм судей уравнивает мастера с середняком, а то и просто с неумелым игроком. Необходимо, чтобы грубиян становился как бы заложником всей своей команды. Нагрубил — получай сполна. Спорт сейчас — это не просто грубая, старательно «накачанная» сила; спорт высокого уровня становится союзом мускулов и ума. И вообще пора уже свыкнуться с такой меркой: спортсмен — это не временное звание, а состояние души, и только такие люди имеют право доступа на стадион, к игре, к вниманию зрителей. Всех остальных — вон, вон!

Этого требуют интересы настоящего спорта, большого спорта, этого требует футбол мирового класса, которого мы еще, к сожалению, пока не достигли...

«Локомотив», используя «окно», сидел взаперти на базе. Втягиваясь в рабочий ритм, команда, как скряга, накапливала силы, репетировала игровые схемы. Дни проходили в тренировках, отдыхе, восстановлении сил.

Скачкова ежедневно осматривал Дворкин, что-то записывал, сравнивал, затем отсылал его к массажисту. Матвей Матвеич, разложив хитроумный набор растирок и втираний, растягивал Скачкова на массажном столе и подолгу глубокомысленно орудовал своими чуткими пальцами. Удивительное дело: за свою жизнь Скачков сыграл сотни матчей, у себя дома и за границей, но ни к одному из них он не готовился с таким старанием, как к венскому (по крайней мере так ему казалось). И вовсе не оттого, что он привык считать, будто самые тяжелые и изнурительные матчи всегда впереди. Для него впереди уже ничего не ожидалось, почти ничего, и все, что он делает сейчас на поле,— все в последний раз. Оттого игра с австрийцами представлялась такой заманчивой, такой волнующей. Точно из всей большой исписанной тетради у него осталась вдруг одна последняя страница, а написать хотелось много, очень много!

Тем временем в городе, в связи с подготовкой команды, что-то происходило. Ребята видели: администратор и начальник команды почти не появляются на базе, а часто по каким-то делам уносятся Каретников с Арефьичем. Автобус сновал в город беспрерывно. Разумеется, игроки не имели никакого представления о том, что происходит, и занимались своим делом. На базе запрещены были даже телефонные разговоры с городом. Ключ от комнаты, где стоял аппарат, находился в кармане старшего тренера. Команду, как хорошо отлаженный, но чуткий и капризный механизм, всячески оберегали от любых толчков извне, чтобы к назначенному сроку доставить в целости и сохранности и, нисколько не повредив, выпустить на зеленое поле венского стадиона.

Как-то дождливым серым утром, после небольшой разминки в зале, Иван Степанович собрал команду, сел на стол с макетом и, побалтывая ногами, предложил каждому припомнить матч с «Торпедо», да, да, тот самый, совсем недавний, на открытии сезона, проигранный на последней минуте.

Что привело «Локомотив» к поражению? Вроде бы мелочи,— ведь в основном игра складывалась не в пользу «Торпедо». Заводился, когда не нужно, Серебряков, промазал по воротам Мухин, не успел на перехват мяча Скачков, обманулся Батищев, попав на финт прорвавшегося Полетаева,— взгляни бы он на игрока, а не на мяч, и все, сыграл бы. Ну, и последнее — «накладка» Комова, за что судья дал одиннадцатиметровый. Все вроде бы мелочи, но —не слишком ли много мелочей?

— А давайте-ка заглянем чуть подальше: припомним, как мы собирались и ехали на стадион. Ну, вспомнил? «Торпедо» все-таки, не кто-нибудь! Лидер! Ни одного поражения. Да и Полетаев... Ведь так? Конечно, так. Чего темнить-то? (Ребята стали понемногу подъезжать на стульях ближе, ближе и под конец совсем окружили тренера, затеснились). Вот тогда-то, братцы, мы и проиграли этот матч — начали проигрывать.

— Геш,— неожиданно спросил Иван Степанович, высмотрев капитана поверх голов,— вот скажи сейчас: ты верил в выигрыш? В душе, я имею в виду, наедине с самим собой? Только — честно. Мы же тут все свои.

Под взглядами ребят у Скачкова медленно, чересчур медленно сами собой полезли вверх плечи:

— Да ведь как сказать...

— О!— Иван Степанович наставил палец.—Итак все. Все! Никто не верил. Нам сначала надо было самих себя победить, свою робость, свое аутсайдеровское положение!

Разгорячась, он спрыгнул со стола, достал и быстро залистал свою тетрадку. По окнам ползли полосы дождя, в форточку задувал ветер, относил штору.

— А мелочи...— невнимательно приговаривал Иван Степанович, настойчиво отыскивая что-то в записях,— мелочи сейнас такие, что забудь о чем-нибудь, пренебреги по глупости, потом наплачешься. Под каждой мелочью, как под айсбергом, реальные причины. Вполне реальные! Не попал, скажем, футболист по воротам, мяч не лег как надо, удар не получился, а не получился, потому что игрок устал, сдох, пока бежал, а сдох по той простой причине, что не явился вовремя на базу, не выспался, пропижонил на каком-нибудь просмотре, в духоте, в табачище, да еще не удержался, глоток-другой винишка выпил. Ну, не верно разве?

Переводя дух после длинной запальчивой тирады, Иван Степанович умолк и ждал, избегая глядеть в сторону нарушителей режима. Скачков вспыхнул: ясно было, в чей огород камешки!

Скачков опустил лицо, Владику в щеки ударила краска. Все-таки посчитался Степаныч, не забыл, нашел момент, дождался!

Засовывая тетрадь в карман, Иван Степанович подал знак подниматься. Опрокинулся чей-то стул, ребята сгрудились, не торопились расходиться. Последними поднялись с мест Владик и Скачков — разогнулись, словно ревматики. Переглянулись, покрутили головами: черт старик! Ну да —за дело...

Иван Степанович, трогаясь к выходу, примирительно сказал:

— Такая уж наша жизнь, братцы мои, такое время, такой век. А где там Владик?— Нашел, обнял, повлек с собой.— Газетой скоро нас обрадуешь? Давай, давай, нажми. Ждем.

Скачков засиделся за обеденным столом и вышел из столовой позже всех. Ребята разбрелись по комнатам, нигде не видно ни души. На два часа самого отвесного зноя база обычно затихала, словно вымирала. У Тузика, забившегося в куст сирени, утомленно дергались бока и капало с языка. Увидев Скачкова, пес вежливо шевельнул хвостом, но остался на месте: жарко.

Из командного домика показались Игорь Белецкий и Матвей Матвеич, они несли большое полотнище стенной газеты. Газета делалась стараниями Белецкого и Серебрякова. Вдвоем, запершись от всех, они составили столы и — клеили, писали, рисовали.

Номер посвящался предстоящей поездке.

На две колонки сверху донизу поместилось выступление Арефьича, разбиравшего первые сыгранные матчи. Он остановился на так называемом комплексе чужого поля и расшифровал его как недостаток «здоровья» коллектива.

Много места заняли пожелания дирекции стадиона, работников столовой, Кондратьича, Марковны. Половину номера занимал юмор, здесь, как всегда, показал себя Владик Серебряков, рисовальщик и сочинитель подписей.

Сашу Соломина поздравляли с переходом в основной состав. К голове, вырезанной из фотоснимка, пририсована узловатая атлетическая фигура в футбольном одеянии, застывшая в растерянной горемычной позе. Подпись состояла из двустишия:

«Страшно, если слушать не желают.
Страшно, если слушать начинают!»

Обидно ущипнули Семена Батищева. Темой для шаржа послужила все та же его скованность в игре, где он, словно связанный шахтерскою привычкой к тесноте забоя, цепенел перед пространством поля, перед широкой, не признающей трафаретов грамматикой футбола. Семен стоял с плачущим лицом, за ним в воротах лежал мяч, а строгий Тузик, назидательно подняв лапу, поучал: «Нечего на тренера валить. А своя голова у тебя для чего? Фуражку носить?»

Не пощадил Серебряков и себя: он был изображен перелезающим через забор базы в поздний час. «Ночной эфир струит зефир!»

Алексей Маркин помещался в воротах с двумя дочками на руках. В ворота летели мячи с пририсованными крылышками, и девочки тянулись к ним ручонками, точно к безобидным мотылькам.

На последней колонке было наклеено разглаженное письмо болельщика команды, пришедшее издалека. Прислал его ученый, микробиолог, зимующий в Антарктиде. Автор подобрал статистику, доказывая, что от таких игроков, как Комов, команде больше вреда, чем пользы (подсчитал, сколько «Локомотив» схлопотал пенальти за комовскую грубую игру). К тому же добавлял он, из-за таких, как Комов, футбол теряет красоту и огорчает поклонников команды. Это письмо, помогая тренерам разбирать ежедневную почту (а писем приходило множество: хвалебных, льстивых, ругательных), обнаружил Дворкин и протянул Ивану Степановичу. Тот прочитал, посопел, но в конце концов решил поместить его в стенной газете. Послание далекого болельщика из Антарктиды не стали переписывать, а наклеили так, как оно есть.

Лениво приплелся Кондратьич, сидевший с газетой в холодке под окнами столовой. На нем были калоши на босу ногу. Приспустив очки и набычив голову, точно собираясь бодаться, старик стал разглядывать рисунки, водить пальцем по строчкам и бубнить — читать он привык вслух.

— Ишь ты!..— одобрительно приговаривал он и поверх очков взглядывал на Скачкова.

Не понравилась ему лишь карикатура на Батищева.

— Зря. Зачем?

Потом он вспомнил о газете у себя в руках и показал Скачкову развернутый газетный лист с чьими-то карандашными пометками.

— А тут-то у нас что делается — видал?

Ковыряя в зубах, Скачков невнимательно взглянул, но

моментально оживился и отбросил спичку. В глаза бросилось название: «На поле выходят за победой». Это было выступление Каретникова.

Вся подоплека, вся возня, связанная с выступлением газеты, оставалась для Скачкова, как и для всех непосвященных, где-то за краем газетной страницы. Ничего этого он не знал, да и не это было теперь главным.

«Размахнулся подходяще»,— вот все, что подумал он, заинтересованно склоняясь вместе с Кондратьичем над газетной страницей.

Выступление газеты было построено на вопросах тренеру: вопрос первый, второй, третий... Под пером журналиста ответы скуповатого на язык Каретникова получились необычайно многословными. Видимо, попав в опытные руки, Иван Степанович разговорился, раскошелился на воспоминания (даже о детстве).

Как оказалось, родился и вырос Каретников в Донбассе. Футбол в то время был привилегией англичан, служащих акционерных заводов и шахт. Гоняли мяч и дети англичан — рабочая детвора завидовала чистеньким ухоженным подросткам, игравшим настоящим накачанным мячом (сами они шили колобки из обрезков старых голенищ, набивали тряпками). Маленькие англичане презрительно гоняли чумазых ребятишек: «Гоу! Гоу!»

В Донбассе же, юношей, Каретников записался в рабочий клуб, был чемпионом Украины, потом его забрали в Москву. Это было началом пути, началом известности.

Скачков читал, навалившись на плечо монотонно бубнившему Кондратьичу.

Искусно строя свои «вопрос — ответ», Брагин рассказал и о послевоенной поездке московского «Динамо» в Англию, и об олимпийском матче в Хельсинки. То было поколение долгожителей отечественного футбола, сверстники героев незабываемого киевского матча. Вспоминая об этих славных вехах развития советского футбола, Брагин как бы публично надевал на старого мастера все его награды и заслуги, подзабытые за временем.

«А что?— подумал Скачков, протягивая руку, чтобы поправить завернувшийся газетный лист.— Дельно!»

Таким неторопливым, основательным вступлением был подготовлен переход к нынешнему положению в команде.

Молодые люди, рассуждал Каретников, зачастую приходят в спорт, видя в этом самый легкий способ самоутверждения. Но он отнюдь не так легок, этот способ, далеко нет! Конечно, спорт дает особое ощущение жизни, и каж-

дому лестно повергнуть многотысячный стадион в радостное изумление, совершив такой, например, поистине цирковой трюк, какой продемонстрировал однажды на одесском стадионе знаменитый нападающий Пека Дементьев: он на голове пронес мяч через всю защиту, головой же перекинул мяч через выбежавшего вратаря и головой добил его в сетку ворот! Однако редко кто знал, что стояло за таким уникальным голом легендарного футболиста — какая пропасть трудолюбия и отречения от многих жизненных соблазнов.

Футбол, как и всякий спорт, требует беззаветной преданности и целеустремленности. О, сколько нужно воли, чтобы всю жизнь стремиться к одной цели, но зачастую так и не достичь ее! И все же команда не сдается, не складывает оружия, а вновь и вновь выходит на поле, надеясь на успех. И пусть многие, очень многие за свой спортивный век так и не достигнут этой великой цели, однако Надежда (слово это Иван Степанович наделил особым смыслом) останется жить в сердцах их последователей и будет руководить всеми их помыслами и делами. Собственно, в этом весь спорт — непрерывный посыл к большой, самой высокой цели, пусть даже она останется недосягаемой, но ярким светом все время горит впереди.

Век спортсмена, замечал Иван Степанович, недолог — в среднем десять лет. (А в дальнейшем, в результате роста интенсивности нагрузок, человек будет «изнашиваться» еще быстрее). А что же ждет парня дальше? И вот задача тренера, как старшего, более опытного товарища, зарядить ребят сознанием смысла всего, чем они занимаются сейчас, дать им заряд на будущее, на весь большой, по существу основной отрезок жизни, ожидающий их после ухода из большого спорта. Конечно, для футболиста важны забитые голы, для штангиста — килограммы, для бегуна — секунды. Но голы, килограммы, секунды мерило не просто физических усилий, в них — символ того, зачем спортсмен стремится к победе. И вот в этом зачем — основное содержание спорта, главный его смысл.

«По крайней мере для себя, в своей жизни, в своей работе,— заявлял Иван Степанович,— я это ставил и ставлю во главу угла».

Спорт, с его атмосферой и законами, писаными и неписаными, сразу же ставит перед вчерашними мальчишками необходимость быть самостоятельными. С той минуты, когда паренек попадает в заявочный список команды, он проникается ответственностью за все свои поступки. Что это —

раннее повзросление? Да, очевидно. В большом спорте молодой человек с первых же шагов начинает действовать вдвоем: он сам и его долг. За годы занятий спортом такое постоянное содружество переходит в жизненную привычку и остается навсегда.

Отвечая на вопрос о южных сборах, где состоялось первое знакомство тренера с командой, Иван Степанович сказал лишь, что задержаться на юге нынче пришлось дольше обычного, чтобы понапрасну не транжирить тренировочного времени, да (в самом уже конце, как бы к слову) обмолвился, что для сплочения коллектива пришлось прибегнуть к твердой, решительной мере,— таким образом черным по белому во всеуслышание объявлялось об отчислении Комова. Это был окончательный приговор, опубликованный в десятках тысяч экземпляров.

Переходя к тому, что сейчас больше всего волновало болельщиков и команду, к участию «Локомотива» в розыгрыше Кубка Международного спортивного союза железнодорожников, Иван Степанович традиционно обронил: он считает это участие почетным и ответственным. Тут же, словно сделав достаточную подготовку к неожиданному ходу, тренер высказал желание всей команды встретиться с рабочими дороги и всех ее служб. Накануне ответственного поединка в Вене футболистам очень помогла бы встреча с их многочисленными и верными болельщиками, уверял с газетной страницы тренер. Ведь «Локомотив» возник не на пустом месте. У команды должны быть традиции и они есть, он в этом убежден. Так кто же напомнит о них нынешним игрокам? Видимо, те, кто когда-то входил в состав прежнего «Локомотива», закладывал фундамент его сегодняшнего положения команды мастеров высшей лиги.

— Вот это фи-инт!— пропел восхищенный Скачков.

Он посмотрел на Кондратьича, желая узнать — дошел ли до старика настоящий, глубинный смысл этого предложения? Ведь в нем, и только в нем состоял «гвоздь» всего выступления газеты, сильнейший и неотразимый ход!

Приспустив очки, Кондратьич ошеломленно заморгал: нет, он ни о чем не догадывался.

Подошел администратор Смольский. Кондратьич стянул очки и задрал к нему свою бесхитростную голову:

— Это что же: еще одна накачка? Коллективная?

Скачков рассмеялся и махнул рукой:

— Брось, отец!

«Вместо чистилища — собрание, полный клуб рабочих. А главное — попробуй возрази! Нет, это здорово!»

Администратор Смольский, когда сапожник обратил к нему свой взор, дипломатично отвел глаза в сторону. Он считал себя искушенным человеком и взял за правило не предугадывать событий. В самом деле, кто мог предположить, что Комов, незаменимый грозный Комов, вдруг окажется вычеркнутым из команды, да еще и вот, пропечатанным? Администратору казалось, что, несмотря на тренировки и наладившийся режим, в команде до сих пор не изжито ощущение необъявленной вслух войны. Почему, спрашивается, Федор Сухов, хотя его никто и не отчислял, упорно не появляется на базе, а те, кому следовало бы обратить на это внимание, делают вид, будто ничего не происходит? Ну, руководство команды еще можно понять. Но — сам Сухов? Он-то чего ждет? На что надеется? А ведь надеется... Вопрос — на что? Так что, знаете ли...

Многоопытный администратор не сомневался, что выступление газеты вызовет недовольство Рытвина. Больше того, начальник дороги обязательно примет ответные меры — он не из тех, кто терпит самоуправство в своем хозяйстве. Так что ситуация могла еще сложиться — ой-ой! И Смольский, не отозвавшись ни словом, поспешил удалиться по своим делам.

— Давай, отец, поехали дальше,— предложил Скачков, помогая разворачивать газетный лист.

Конец выступления был малоинтересен, по крайней мере для посвященных. Иван Степанович сообщал, что «окно» для подготовки и поездки несколько нарушит календарь — очередные матчи перенесены на осень, а сразу же после возвращения из Вены «Локомотив» отправится на игры в Минск и на Кавказ. Кроме встреч чемпионата, команде предстояло в те же дни сыграть матч одной восьмой Кубка, соперник пока что неизвестен, он выявится в дни, когда «Локомотив» будет в Вене...

Нет, это неинтересно. Скачков поднялся и ушел.

Оставшись один, Кондратьич склонил голову и долго всматривался в ровные строчки, намереваясь отыскать в них причину внезапного возбуждения Скачкова. Он привык до всего доходить своим умом. Обилие свободного времени сделало его лежебокой и философом. Проснувшись в своей каморке, где густо пахло новой кожей, варом и поношенной обувью, он ставил на плитку чайник и принимался за газеты, которые неизменно прочитывал от первой до последней строки. «Что же все-таки здесь было скрыто?»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Выступление газеты произвело ожидаемое впечатление. Футбол в городе любили и за состоянием команды следили внимательно и постоянно. Предложение тренера встретиться с болельщиками попало в точку: после прошлогодней статьи Брагина и осеннего скандала с уральским матчем слухи о положении в «Локомотиве» ходили один нелепее другого. Отсутствие Комова, появление Серебрякова только во втором тайме, строгости с режимом, отчего футболистов совершенно перестали видеть в городе — все это как бы подтверждало самые разноречивые толки.

Что же на самом деле происходит с командой? Интерес к мероприятию, предложенному через газету, вызвал в городе невиданный ажиотаж.

Прежде всего встал вопрос: где проводить встречу? Предложений поступало множество, высказывалась даже мысль снять большое помещение драматического театра. Последнее слово осталось за дорожными организациями. Они настояли, отвоевали, доказали: свой путь нынешняя команда мастеров начинала с вагоноремонтного, сюда же, в заводские цеха и мастерские, возвращались отыгравшие свое футболисты, так что никаких театров, встреча будет дома, в стареньком клубе железнодорожников. Команда приедет в клуб, словно взрослый возмужалый сын на побывку в полузабытый отчий дом.

Началась суета с распределением билетов по городским организациям. Для всех желающих не хватило бы мест и на стадионе. Телефоны гремели, не переставая.

Администратор Смольский в своих подозрениях насчет необъявленной войны оказывался прав: угроза «чистилища» (разумеется, с самыми решительными оргвыводами) висела с того дня, когда команда возвратилась домой после южных сборов и первых неудачных выступлений на чужих полях. Проигрыш столичному «Торпедо» в день открытия сезона на своем стадионе только подбавил остроты. И «чистилище» состоялось бы, тренера неминуемо «поставили бы на ковер», как любил говаривать с потиранием рук начальник локомотивного депо. Но — впереди был трудный матч в Вене, а тут еще вмешательство газеты!

Затея Брагина с организацией встречи в железнодорожном клубе сразу спутала все карты. Перед таким собранием, какое намечалось, оправдываться в своих действиях тяжеловато,— пожалуй и совсем не оправдаешься. Затевать сейчас что-то с тренером, значило в открытую вредить

команде. А если учитывать, что до матча в Вене оставались считанные дни, то всякое травмирование команды — это, знаете ли... Таким образом брагинский расчет (по крайней мере в первой своей части) восторжествовал: до встречи в клубе «чистилище» так и не собралось — не решилось показать своего жала. Теперь все зависело от встречи с рабочими дороги, но тут Брагин был спокоен: старожил города, знаток спорта, поклонник команды, он предсказывал исход заранее. Самое трудное, как он уверял, осталось позади. («Если, конечно,— добавлял он с улыбкой,— не считать игры с австрийцами).

В день встречи команда жила по привычному графику, лишь в расписании, висевшем на щите пониже номера стенной газеты, рядом со списком дежурных, вместо большой вечерней тренировки появилась строчка: «18.00. Выезд в клуб ж-д».

Сборы начались за час. Хлопали двери, бегали из комнаты в комнату. Необычным представлялся этот вечер в клубе, от которого местные порядочно отвыкли, а те, кто был приглашен в команду со стороны, его вообще не видели. Они и народ, болельщиков своих, привыкли видеть только на трибунах, безликой и ревущей массой.

Собираясь, Скачков с Мухиным бестолково сталкивались перед раскрытым шифоньером, рылись, выкладывали на кровати костюмы, рубашки, носки. Мухин пристал, чтобы Скачков помог ему затянуть потуже галстук. Он не признавал последней моды на широкие пестрые полотнища во всю грудь и продолжал хранить старые: узенькие, черные. Владик Серебряков, самый модный парень в команде, ругал маленького Мухина за отсталость «скобарем», забывая, что форсить Мухину некогда: двое детей все-таки...

Пришел Батищев, почти одетый, с бритвой, попросил подбрить шею.

— А Витька?— удивился Мухин, крутясь перед зеркалом.

— Пошел он, знаешь! «Давай, говорит, я тебя мыслителем сделаю, со лба забрею».

— Ну, иди сюда.

Пристроиться к батищевской шее Мухин не успел — из коридора заглянул Владик Серебряков, одетый раньше всех, изнывающий от безделья.

— Стой, скобарь, стой! Сема, ну кому ты красоту свою доверил? Дай-ка сюда.

Он отодвинул Мухина, забрал бритву и, отворачивая на Батищеве хрустящий ворот рубашки, замурлыкал:

— «Ах, не знает киска Мурочка, какой проказник Васька-кот!»

— Владя, поаккуратней!

— Кому говоришь! Не ной под руку.

Спокойно было в комнате, где жили Анатолий Стороженко и Павел Нестеров. Павел лежал в носках и грыз яблоко. Он приподнялся на кровати и выбросил огрызок в окно. Основательный Стороженко сидел в футбольных трусах и неторопливо правил на ремне бритву, отцовскую, с костяной пожелтевшей ручкой.

— Эй, вы, пижоны! Вам что, особое приглашение?

— Успеем,— степенно отмахнулся Стороженко.

На одеяле рядом с ним разложен пустыми рукавами в стороны костюм, выставлены новенькие остроносые туфли. Галстук у Стороженко — все пижоны сегодня ахнут и зайдутся от зависти.

— Паш,— позвал Анатолий, взбивая в чашечке пену,— садись давай. Да полотенцем замотайся, что ли...

К автобусу парни вышли парадные, затянутые, с розовыми от бритья и одеколона лицами. Даже Матвей Матвеич переменил мешковатые тренировочные штаны на отглаженные брюки и поверх фуфайки натянул пиджак.

Стали проходить, рассаживаться. Рядом со Скачковым опустился Батищев, благоухающий, волосы лежат одним влажным глянцевым крылом. Костюм стеснял его, он сел и сунул между колен крупные угловатые руки. Сзади его задирал неугомонный Кудрин.

— Сем, а Сем...— и пихал в плечо.

— Вить, отстань, а?— просил Батищев, не поворачивая багровой, стиснутой воротничком шеи.

Быстро прошел и молчаливо забился в самый конец автобуса Федор Сухов. С тех пор, как появился на базе, он, кажется, никому не сказал ни слова, но на тренировках работал с такой одержимостью, словно замаливал грехи.

Телефон на базе был заперт, и с Клавдией поговорить не удалось, все же Скачков не сомневался, что все они сегодня окажутся в клубе: постарается Звонарев.

Качал, потряхивал сидевших парами парней несущийся автобус, коротко, словно огрызаясь, рявкала сирена. За окном поднимались и опускались провода на столбах. С коротким свистом проносились встречные машины. Тарахтящие грузовички, гремя бортами, робко жались к обочине, уступая стержень автострады гладкому, как ракета, авто-

бусу. Семен Батищев, двигая румяными губами, сосал конфетку. Теперь, когда Комова окончательно отчислили, Семен железный кадр в защите, больше ставить некого. Недавно на теоретическом занятии Иван Степанович сказал, что в Вене ему придется взять на себя Ригеля, нападающего австрийцев, грубого, хамоватого, обратившего на себя внимание еще в осеннем матче. И Семен сейчас счастлив настолько, что весь светится.

«А что?— думал Скачков, поглядывая сбоку.— Возьмет и сыграет. На Ригеля только такой и нужен. Сема в случае чего не побоится и кость на кость сыграть. Уж чего-чего, а на испуг его не возьмешь.

Клуб находился в старом железнодорожном поселке. В узких окраинных переулках автобус оказался неуклюжим и громоздким и резко сбавил ход. Мощный мотор, привыкший жрать асфальт прямых разгонистых дорог, заклокотал, завыл, смиряя заключенные в нем силы.

Миновали низкую зеленую ограду заводского стадиона, и многие в автобусе оборотились. Для поселковой ребятни этот участок за деревянным крашеным забором был дом родной. Когда-то и Скачков прошел здесь выучку заворотного мальчишки, бросался в свалку из-за улетевшего с поля мяча. У них тогда были свои кумиры, и каждому из пацанов хотелось подать мяч именно избраннику, чтобы удостоиться хотя бы взгляда. В ту розовую пору мальчишкам верилось, что самым грозным футболистам мира запрещалось бить правой ногой, чтобы не покалечить вратарей, а у некоторых, самых свирепых, на коленке было выколото: «Убью — не отвечаю!» Еще что-то рассказывалось об обезьяне, выдрессированной на вратаря. Непробиваемо стояла в воротах обезьяна! Вспоминать сейчас об этом грустно: как-то слишком быстро и в общем-то совсем незаметно все оказалось позади. Давно ли сердце замирало от тех же баек о дрессированной обезьяне, а вот уж и собственный финиш надвигается, окончательный тираж. Когда только успелось! Все годы, пока он играл и входил в известность, ему казалось, что находится он только у начала увлекательной, счастливой жизни и предела ей, как и своим неизрасходованным силам, впереди не виделось. Жилось легко, бездумно, вокруг кипело окружение друзей, компаний, привычным становилось панибратство известных и влиятельных людей. Но вот нарядный комфортабельный автобус, привыкший к стремительным автострадам, скрипит и фыркает, ныряя в клубах улежавшейся дремучей пыли, а Скачкова не оставляет ощущение, что сегодня-

шним посещением полузабытого заводского клуба для него как бы замыкается некий круг. И поиграл, и по миру поездил. Мог бы играть в Москве, в команде, ставшей чемпионом,— его тащили в свое время, предлагали переход. А сейчас... Значит, пусть клаксонящий автобус мчит других парней, других счастливцев...

За поворотом, в конце улочки, показался клуб, и Николай Иванович, сильно выворачивая руль, разочарованно присвистнул: народу привалило, как на стадион. Сигналя, то и дело тыкаясь, автобус стал пробираться. К окнам снаружи лезли восторженные лица, подпрыгивали, чтобы получше разглядеть. Привычные, равнодушные к проявлению стадного восторга, парни здесь не выдержали и полезли на сиденья. Не жалея пиджаков, они неловко, по самые плечи высовывали в окна руки, подавали вниз. За руку Скачкова непрерывно хватались, пожимали быстрым крепким хватом. Пиджак задрался, накрахмаленный рукав рубашки темнел, чернел, пуговица отлетела. Плевать! Не у него одного... Все-таки Брагин молодец, здорово придумал! Скачков тянулся, стараясь прикоснуться и к тем, которые лезли издали, в спецовках: пришли прямо из цеха, некогда переодеться. Он близко видел, кажется, даже узнавал кое-кого, ему казалось, что вокруг одни знакомые лица. Люди в спецовках неожиданно напомнили ему давным-давно забытое ощущение цеха: машинное тепло станков, запах железа, потоки света в оконных проемах, слитное жужжание работы и паровозный свист на заводской железнодорожной ветке.

— Разворачивай!— скомандовал Иван Степанович шоферу, ужасаясь давке у входных дверей.

В окне второго этажа, над бурлящей толпой, показалось голое темя Ронькина. Он махал автобусу шляпой, показывая куда-то в сторону.

— Чего он?— спросил Иван Степанович.

— К запасному надо пробиваться,— расшифровал Матвей Матвеич.

Автобус образовал в толпе водоворот, густой поток, толкаясь и пыля, повалил за ним следом к боковому входу. В крепкий кузов колотили кулаками.

Попасть в клуб футболистам удалось через запасной вход с помощью милиции.

Помятый Саша Соломин одергивал пиджак и оглядывался на дверь, запертую усилиями нескольких милиционеров. Милиционерам помогал Матвей Матвеич. За дверью раздавались уханье и свист.

— Что делается-то, Геннадий Ильич!

Выскочил откуда-то Ронькин, лихорадочный, забегавшийся, увидел, что вместе с футболистами пролез Максим Иванович Рукавишников, скачковский сосед,— в опрятном праздничном костюме, орден, две медали.

— А вы куда, Максим Иванович? Ах, да, вы же в президиум! В зал, в зал, товарищи!— распорядился Ронькин, отсекая от футболистов посторонних.— Прошу на сцену. Прошу, прошу... Начинаем!

Через темный низкий вестибюль пробегали запоздавшие. Во времена Скачкова здесь устраивались танцы под духовой оркестр. Осматриваясь, Скачков убедился, что пол в вестибюле как был, так и остался с наклоном к оседающей стене. Видимо, и сейчас гремит по вечерам оркестр и шуршат, кружатся пары. Кто-то, громко топая, бежал по гулкой деревянной лестнице, торопился наверх, и Скачков узнавающе прислушался: да, бежит на балкон. Над зрительным залом господствовал обширный балкон и на нем, под самым потолком, в тесных сумерках обычно отсиживались неудачники, не умеющие танцевать.

На сцене позади длинного стола под красной скатертью поместилось множество народа — в нескольких тесных рядов. Старики-пенсионеры норовили стушеваться в задние ряды, где можно, не томясь, поговорить с соседом и покурить. Ронькин, стоя на председательском месте, взглядывал на обе стороны и энергично приглашал вперед. Рядом с ним деловито восседал начальник дороги Рытвин. За столом он сразу положил перед собой лист бумаги, щелкнул шариковой ручкой. Ронькин часто пригибался и о чем-то его спрашивал. Рытвин, не поднимая головы, утвердительно кивал и продолжал писать.

Максим Иванович придержал Скачкова у коротенькой, в несколько ступенек, лестницы на сцену.

— Погоди. Пускай усядутся.

Они остались в коридоре и пропустили мимо себя всех, кому было назначено сидеть в президиуме.

— Чего дома не покажешься? Мать обижается.

— Когда показываться-то, Максим Иванович? Не замечаешь, как и день проходит.

— Да я говорил...— заметил старик.— Комова что — совсем? Или попугать?

— Совсем вроде.

— За дело. А играть кто будет? Или нашли кого?

— Нашли вроде.

За стол к Ронькину и Рытвину уселись Иван Степано-

вич, Арефьич, из игроков Соломин, Мухин, Батищев, Стороженко. Остальные поместились сзади, кто вместе, кто вперемешку с незнакомыми людьми, в которых нынешние игроки команды мастеров не узнавали бывших заводских футболистов. Эти располневшие, но ради случая бодрящиеся мужчины когда-то тоже выбегали на поле, и ребятишки поднимали приветственный свист, называли их по именам, по кличкам. Скачков узнавал Шевелева, Говорова, работавшего теперь где-то в локомотивном депо; прошли еще Татаринцев, Божко, Важенин, Поздняков — этих он знал и помнил. Но поднимались на сцену и такие, которых он никогда не видел. А, выходит, они тоже были приобщены к спорту, к футболу, к команде и, выйдя в свое время в тираж, оставались жить, работать, ходить на стадион. Сегодня для них был случай вспомнить и отпраздновать: когда-то и они везли воз на своих плечах, покамест подрастало нынешнее поколение футболистов.

Перед сидящими на сцене стеной стоял битком набитый зал, в черноте голов и плеч мелькали белые листы газет. С балкона, низко нависавшего над задними рядами, кто-то кричал, чтобы открыли окна.

Постучав карандашом по графину, Ронькин потребовал тишины и со строгим, значительным лицом стал дожидаться, пока зал утихомирится и замрет. Ему помешал Феклюнин, прибывший с опозданием. За красным столом произошло движение, Феклюнину освободили место рядом с Рытвиным. Он сел и, вытирая платочком лоб и отсыревшие щеки, стал с жаром объяснять Рытвину, что происходит на подступах к клубу. Был Феклюнин низок ростом и шаровиден в животе. Виктор Кудрин как-то громко сказал в раздевалке: «Начальству живот считать за грудь!» Феклюнин услышал и погрозил шутнику коротеньким пальцем.

Сверху, из президиума, Феклюнин поискал кого-то в зале, нашел и сделал утвердительный кивок. Это были Комов с Суховым, занявшие места в первом ряду, перед сценой, оба терпеливые, присмиревшие. Скачков понял, что Комов все еще чего-то ждет, надеется на перемену. «Мертвое дело»,— подумал он и пожалел его.

Стоя перед затихшим залом, Ронькин опускал глаза в лежащий на столе листок и говорил, что сегодняшний небывалый наплыв народа в клуб лучше всяких слов доказывает любовь поклонников футбола к своей команде, о том, что все успехи, а также и все неполадки в команде близки не только заводу, депо, дороге, а и городу, области...

В коридор, где, прислонившись к стенкам, прохлаждались Скачков и старик Рукавишников, выбрался Поляков. Скачков не заметил, когда он проходил на сцену. Пригибаясь, Поляков скатился по ступенькам и тут дал волю кашлю. Его согнуло, рвало грудь. Тыкаясь в карманы кителя, он достал кисет со своим крепчайшим самосадом, Максим Иванович помог ему скрутить цигарку и поспешно чиркнул спичкой.

— Фу-у...— с облегчением вздохнул Поляков, утирая глаза.— Пропасть можно.

Затягиваясь раз за разом, он пропитывался едким дымом и оживал.

Наблюдавшему Скачкову Максим Иванович пояснил:

— Война, зараза. Прывыкли горло драть. Веревки курили, конский, извини за выражение, навоз. Смерть без курева — лучше хлеба не надо.

Скачков помнил, что в поселке Полякова недолюбливали за характер — скрипучий был старик, каждой дыре гвоздь. Но мать с ним как-то ладила. Они там все, многолетние соседи, ладили между собою — сжились, притерпелись.

Поглаживая грудь, Поляков затягивался реже, стал прятать цигарку в рукав и отгонять дым от двери.

— Максим, это какой такой Ронькин? Он не с дистанции, случаем?

— Не-е,— пренебрежительно поморщился Максим Иванович.— Откуда-то... так. Не наш.

Потушив окурок, Поляков поискал куда бы его бросить, смял в пальцах и сунул в карман. Собираясь обратно на сцену, он спросил Скачкова:

— Вместо Комова, гляжу, Соломина взяли. Это чей же Соломин? Не того, что в литейном? Его, кажись, парнишка.

Этого Скачков не знал. Соломин и Соломин. Играет парнишка, растет, а откуда он, кто его родители,— ему и в голову не приходило разузнать.

Когда Поляков поднялся и, пригибаясь, стал пробираться на свое место, Максим Иванович кивнул ему вслед:

— Тезка твой. Не знал?

Скачков не понял, и старик пояснил, что до войны Поляков играл в заводской футбольной команде правого хавбека.

— Да ну? Полузащитника?

— Ну, это теперь так — полузащитник. А раньше, в наше время, хавбек.

— И что... ничего играл?

Этого морщинистого перхающего старика в кителе и в пузырястых брюках трудно было представить молодым, голоногим, бегущим по зеленому газону поля.

— Ты что же: думаешь, в наше время тележному колесу молились? Все было.

— А вы, Максим Иваныч? Не играли?

— И я! А что тут такого? Что я, рыжий? Знаменитым, правда, не был, но молодым-то был!

— За «Локомотив»?

— Ну уж... за «Локомотив». За депо я играл. Но — ничего играли. Еще сейчас где-то грамота за первое место валяется.

— А он?— спросил Скачков о Полякове.

— Ну,— он! Вот он за «Локомотив» играл. И как еще играл, брат! Ударище такой был, что дай бог нынешним. Сейчас уж так не бьют, как он бил. Камеры не выдерживали, покрышки лопались!

Скачков погасил усмешку и, чтобы прикрыть лицо, стал чесать переносицу.

— Наколку надо было на коленке сделать: «Убью — не отвечаю».

Максим Иванович обиделся:

— Давай, давай! Это ты сейчас на него смотришь. А ты бы тогда на него посмотрел! Из-за него на стадион специально приходили. Девки — гужом... Это у вас сейчас: база, самолеты, премии. А тогда без всего этого обходились и ничего, играли. Выигрывали даже.

— А в войну?

— Тебе отец разве не рассказывал? Ну как же? Мы на стадион собрались. Как сейчас помню: с мясокомбинатом должны были играть. И вдруг: радио! Какая тут игра? Все полетело!

— Да,— посочувствовал Скачков,— в войну не до игры.

Старик на это как-то поежился:

— Знаешь, тоже не совсем... Не до того, конечно. Смену-то редко когда одну стояли, чаще — две. На работу идешь — темно, с работы — опять темно. Но — бывало, знаешь. Бывало. И побегаешь, и постучишь. Мячи, правда, неважные были. Камеры: латаные-перелатанные, покрышки — заплатка на заплатке...

В зрительном зале неожиданно возникли и, нарастая, затрещали аплодисменты. Потом раздался режущий, как на стадионе, вульгарный свист. Максим Иванович насторожился.

— Чего это там? Взгляни-ка.

Одной ногой на ступеньке, Скачков вытянул шею.
— Иван Степанович вышел.
— А-а... Давай послушаем.
Поднялись на сцену, пристроились на свободных стульях.
На трибуне, невозмутимо пережидая шум, стоял Иван Степанович, в очках, листал свою тетрадку.
Ронькин, возвышаясь, стучал карандашом по графину.
— Дисциплинка, товарищи!— покрикивал он в зал.— Дисциплинку показываете!
Дождавшись тишины, Иван Степанович внушительно поправил очки. Первой и, пожалуй, основной задачей, сказал он, для команды были физическая подготовка и наигрывание звеньев, стремление в сжатые сроки ликвидировать те пробелы, с которыми пришлось начинать новый сезон. По ряду причин — о них, видимо, следует поговорить особо, «Локомотив» нынче включился в первенство, не завершив всего объема подготовительных работ. А ведь для того, чтобы стабильно и на высоком уровне выступать на протяжении всего сезона, игрок должен быть всесторонне подготовленным — иначе он не сможет противостоять как усталости, так и болезням...
— Пускай скажет, куда Комова девали?— перебил его громкий голос из глубины зала, из-под балкона.
Хорошо освещенный Комов, сидевший перед самой сценой, в волнении поправил складку на брюках и долго не мог удобно расположить ноги. На сцене, за столом, Феклюнин перевел взгляд на Рытвина.
Снова забренчал о графин Ронькин. Иван Степанович убрал с лица очки и утомленным жестом положил на глаза ладонь.
— О Комове все ясно, товарищи. Каждая команда — это прежде всего коллектив. А коллектив живет по своим законам, по своим правилам, и тот, кто этим законам, этим правилам не отвечает, не подходит, тот, естественно...
Старик Поляков, сидевший рядом с начальником дороги, внезапно треснул кулаком по столу:
— Паршивую овечку из стада вон!
Испугавшись, Рытвин отшатнулся и сбоку воззрился на него. Гневно заворочался и полез платочком за тесный ворот кителя Феклюнин. Ронькин взялся за карандаш, но по графину не стукнул.
— Сядь, Степаныч,— распорядился Поляков, поднимаясь за красным столом.— Пускай сначала меня послушают.
Он достал из кармана сложенный лист бумаги, развер-

нул. Все время он смотрел, нацеливался в ту сторону под балкон, откуда перебивали говоривших.

— Ишь... Кто это там такой горластый завелся? И орет, и орет. Ты где находишься? Или уже в буфете побывал? Родион Васильевич,— обратился он к Рытвину,— не надо бы сегодня буфету торговать. Мы сюда не на гулянку собрались. А то... видали, что делают?

Подняв листок, он по-стариковски отнес его подальше от глаз, помедлил и снова опустил.

— Я сейчас... тут один списочек буду читать. И пусть только кто-нибудь...— угрожающе повысил он колючий голос и погрозил под балкон пальцем,— пусть кто-нибудь посмеет тявкнуть, перебить! Да! Потому что список этот... наших же ребят. Физкультурников, футболистов... и других. Да, и других... Их сейчас тут нету, нет! Они остались там — под Сталинградом, Курском, под Берлином... то есть на войне остались и не вернулись, не пришли.

Потирая горло, он опустил руку с листочком и никак не мог начать читать.

Установилась тишина, будто всех, кто находился в зале, незримо обступило прошлое, великое и горькое. Какую из семей оно, хоть краем, да не захватило!

Листок в руке старика Полякова сгибался, он выправил его, и Скачкову был слышен хруст бумаги.

— Ну... так слушайте.

Список был длинный, многие фамилии Скачкову помнились по пьедесталу памятника во дворе вагоноремонтного. Старик отчетливо произносил фамилию погибшего, имя, отчество и каждого отделял паузой, так что Максим Иванович успевал не только вспомнить, но и вполголоса сказать: «Вратарь был... Здорово стоял!» или: «Этот ядро толкал... Вот ручищи были!» Скачков ждал, что где-нибудь в конце услышит и фамилию отца, но нет, не услыхал. Потом, когда все расходились, Скачков спросил отцовского помощника и друга, и Максим Иванович не сразу нашелся что ответить.

— Да ведь как сказать, Геш? Играть, конечно, и он играл, но... не очень, если по правде-то говорить. Мы, бывало, на поле, а он к своей... ну, то есть, к матери твоей. У них там любовь эта самая была — не разлей водой. Молодые же были! Но болеть приходили. Как игра, так и они. Рядышком. Что правда, то правда — ни одной игры не пропускали.

Старик Поляков, завладев всем залом, кончил читать и долго, при общей траурной тишине, складывал и прятал

в карман кителя листок. Садиться он не думал — поискал и нашел, где Иван Степанович. Тот сидел с краю, голова опущена, руки мнут, сворачивают в трубочку тетрадь.

— А тебе, Степаныч, если отвернуться и забыть обо всем... я бы тебе вот что посоветовал. Кто сам играл,— а ты-то играл, как дай бог всякому!.. все мы помним, как ты играл — так вот, кто сам играл, тот знает: хорошо идет команда, так возле нее, как возле ротного котла, прихлебателей невпроворот. И все в обнимку! Но вот попробуй только поскользнуться — попробуй! Куда всех черт и унесет. Ни одного. А потому...— старик язвительно наставил палец в зал,— когда команда выигрывает, это значит — все выигрывают. Ты, ты... все мы! А вот проигрывает всегда только один. Он проигрывает, тренер!

В общем дружелюбном смехе опять раздался свист, но свист одобрительный, такой, каким болельщики приветствуют забитый гол. Смеялся Иван Степанович, бил тетрадкой по колену, согнутым пальцем прикасался к краю глаза.

Поляков продолжал стоять и пережидал смех.

— Играть, ребятки, вам, конечно, трудно придется. Чего и говорить — дома ничью сделали. Без запаса едете. Да и Фохт... И все же надо играть! За них сыграйте, за тех... кто не пришел, не доиграл, остался где-то там... в этой же Австрии самой. Пусть и они помогут вам. Но если уж справитесь и привезете Кубок, так мы его вот, на сцене прямо поставим. Тут вот! И пусть все ходят и смотрят. Пускай знают!

Последний возглас его потонул в шквале сорвавшихся аплодисментов. Феклюнин завертелся на стуле, обеспокоенно полез к Рытвину. Тот, не слушая, дернул щекой, и Феклюнин сразу отсырел, полез за платком. С этой минуты он избегал смотреть в зал, где его караулили тревожные глаза Комова.

Аплодисменты не стихали долго. Рытвин, улыбаясь, тронул Полякова, тот пригнулся, выслушал и, заартачившись, категорически затряс сухой седой головкой. Щеки у него горели. Рытвин, уступая, снова улыбнулся, перечеркнул и смял лежавший перед ним исписанный листок. Поляков, стеснительно пригибаясь, стал выбираться в коридор, заранее нашаривая кисет и спички.

Скачков спустился вниз следом за ним. Старик, покуривая, зарылся лицом в сложенные ковшичком ладони.

Пока он, унимая кашель, с головой закутывался едким дымом, Скачков рассматривал его, точно видел впервые. Бывший футболист... Значит, на самом деле из футбола все-

таки уходят, но от футбола — никогда! Вот и старик пронес через всю жизнь свое юношеское увлечение. Память о погибших, список товарищей на сложенном вчетверо листке, «Чаша скорби» на заводском дворе...

Странное дело, но сегодня, сейчас, мысль об уходе из команды уже не вызывала знакомого стеснения в груди. Жизнь продолжается и за воротами стадиона, и сегодняшняя встреча в старом заводском клубе, где он когда-то ходил, как свой среди своих, толкался, цепляясь за других плечами, точно помогла ему сделать для себя открытие: там, где всегда мерещился тупик, оказывается всего лишь поворот, а за ним вновь открытая, нескончаемо долгая дорога. Эта дорога началась для него еще в тот день, когда Максим Иванович привел его, мальчишку, в огромный, устрашающе шумливый цех (однако нет, сначала были коридоры, комнатки заводоуправления, и там ему запомнились обжигающие батареи отопления — топили на заводе, не жалея, и к батареям было больно прикоснуться). В высоком, перерезанном столбами света цехе в уши Скачкову ударило жужжание станков, там он впервые глотнул машинный теплый запах смазанного железа.

— Илюшкин сын? — поинтересовался кто-то у Максима Ивановича и удивился, покачал промасленной кепчонкой: — Гляди ты, как время летит! Только по таким огольцам и замечаешь.

В цехе он был принят, как подросший родственник, которому пришла пора устраиваться в жизни, и ощущение, что он среди своих, среди большой родни, на первых порах очень помогало Скачкову.

В армии он получил письмо из дома, сестра писала о болезни матери, но просила не беспокоиться, потому что кризис миновал, мать скоро выпишут, а «через завод» уже хлопочется о путевке в санаторий. И эти помощь и забота о семье, когда ему, оставшемуся за отца, пришлось быть далеко от дома, запали в сердце с такой силой, что он уже не знал людей дороже, чем те, с которыми его сроднила семейная рабочая судьба. И потому, когда впоследствии были соблазны перейти в московские команды, он как-то все не мог решиться, всегда что-то мешало, мелочи какие-то — теперь оказывалось, что в мелочах, в зацепках этих, почему он не поддался, был большой глубокий смысл: он оставался дома. Да, здесь все было свое, домашнее, накопленное исподволь по мелочам, по крохам: шершавая ладонь Максима Ивановича, когда он вел его за руку к проходной, жужжание станков и звонкий визг железа по железу, от-

цовская строка на грани пьедестала и даже давняя мальчишеская память о ремне (был, состоялся как-то в детстве и такой обидный эпизод).

Да, с железною дорогой, с депо, с заводом у Скачкова, как и у многих в городе, связана вся жизнь: родные стены...

Бродя в пустынном темном коридоре, Скачков прильнул к какой-то запертой двери и через щель увидел тот же зал, но сбоку. На трибуне он узнал почетного машиниста со звездой Героя на сером кителе. Машинист доказывал, что сам он, когда ведет состав, не переносит рядом с собою никаких подсказчиков, да к нему в такое время никто и сунуться не смеет. И он хорошо понимает тренера, к которому под локоть лезут и пихают всяк, кому только не лень. Примечательно, что никто из людей, заседающих на «чистилищах», не несет никакой практически ответственности за команду. Так не оставить ли в покое человека, на чьих плечах такая ответственность лежит целиком и полностью? «Суп должна варить одна хозяйка,— тогда с нее и спрос за качество!»

Постепенно выступления стали мельчать. Начались жалобы, что «Локомотив» за последние годы ни разу не сыграл на заводском стадионе, что для болельщиков-железнодорожников выделяется совсем ничтожное количество абонементов на центральный стадион. Становилось ясно, что официальная часть встречи затянулась. И хоть желающих взобраться на трибуну прибывало, нетерпеливо, наперегонки тянулись руки, требуя: «Дай же, дай и мне сказать!», и зал все более гудел и возбуждался, все же Ронькин, притворно ужасаясь, изобразил, что глохнет и теряет голову, потом простер над залом руки и зычным голосом распорядителя провозгласил начало танцев. Тотчас вспыхнул свет, грянул истомившийся оркестр и в несколько распахнутых дверей из зала повалил смеющийся народ...

До отлета оставалось два дня.

Скачков получил разрешение позвонить и взял ключ от комнаты, где находился телефонный аппарат.

В комнате распахнуто окно, прохладно. Забрав аппарат на колени, он уселся так, чтобы задрать ноги на спинку кресла,— после тяжелых тренировок уставшее тело просилось в какие-то изломанные позы. Но главное, конечно, ноги,— натруженные ноги требовали покоя, и футболисты задирали их повыше, как бы выцеживая из них копившуюся усталость.

Набирая номер, он представил, как загремит сейчас звонок в тишине городской квартиры. Кто подойдет: Клавдия, Софья Казимировна? А может быть, Маришка подбежит? В клубе он в тот вечер не нашел ни Клавдии, ни Звонаревых. Неужели Звонарев так осрамился: не раздобыл билетов?

— Да нет, мы приезжали,— сказала Клавдия, лениво растягивая слова: чем-то недовольная.

— Не пробились? Поздновато, наверное, приехали.

— Да нет, не поздновато. Минут за двадцать.

«Что произошло?» Клавдия явно тяготилась разговором.

— Жаль,— сказал он.— А я искал.

— Уж будто!— заметила Клавдия.— И никакие знакомые тебе не помешали?

«Ах, вот оно что!» Скачков усмехнулся. Теперь ясно, откуда у нее эта затаенная, прикопленная к разговору обида.

— Брось,— сказал он.— Подумаешь: увиделись, сказали пару слов... Ты слышишь? Чего ты молчишь?

— Надеюсь, перед отъездом ты домой заглянешь?

«Сердится... Все еще сердится!»

— В общем-то, конечно,— уверенно пообещал он.— Нас должны отпустить.

— Ну, хорошо...— Клавдия ждала, когда он попрощается.

— Маришка здорова?

— Показательный отец! Лучше бы, папочка, по клубам меньше шлялся, а если уж пошел, так не позорься!

— Слушай!— возмутился Скачков.

— Ладно. Увидимся — поговорим,— и Клавдия положила трубку.

«Вот еще номера-то!» Скачков отставил аппарат и снял затекшие ноги. Ну что, собственно, случилось, в чем он виноват? А вот же... «Наболтали, видимо, с три короба!»

В тот вечер в клубе, едва начались танцы, Скачкова отозвала в сторону жена Федора Сухова, бледная, увядшая, работавшая в клубе не то кассиром, не то контролером на дверях. У нее всегда и со всеми наготове один слезливый разговор: жаловаться на мужа, просить, чтобы подействовали, пристыдили. Как будто не стыдили! Скачков покорно слушал, сочувствовал, с преувеличенной готовностью кивал: да, да, конечно... о чем разговор! В душе он понимал, что у нее, у бедной, столько накопилось, столько наболело, что она возненавидела и футбол, и все, что связано с футболом. Как будто футбол был виноват! Но что он

мог сделать, чем помочь? Поэтому он извинился, когда из толчеи танцующих его окликнула Женька. Обмахивая счастливое, разгоряченное лицо, она выбралась и стала перед ним, улыбаясь, опустив вниз руки: обрадовалась. Сколько же они не виделись? Да много, очень много, несколько лет. Кажется, с тех пор, как родилась Маришка...

— Так и не танцуешь?— смеялась она.—Эх ты, голова два уха, полторы извилины.

Она его поддразнивала с самых первых дней, когда пыталась учить танцевать, но, в отличие от Клавдии, эти же слова звучали не обидно, скорее ласково, любя.

— Да вот...— он развел руками.— А теперь уж и незачем — правда?

— Ну да!— запротестовала она.— Старик нашелся! А в тираж выйдешь, чем станешь заниматься? В «козла» лупить?

Он рассмеялся: о тираже она напоминала еще в то время, когда он только начинал играть за мастеров.

— В карты научусь,— сказал Скачков.— В преферанс. Тихо и спокойно. От домино у меня голова болит.

— Маркин все картежничает?— спросила Женька.

— А чего ему?

— Недавно встретила его с близняшками. Почему-то не поздоровался.

— Не узнал, наверное,— вступился Скачков.— Он, когда с дочками, ни на кого не смотрит.

— Может быть...

Все-таки она любила его — он знал это прежде, видел и теперь. И, видимо, будет любить. Что-то по-прежнему связывало их, не обрывалось, несмотря на Клавдию, на Маришку, несмотря на то, что и у самой у нее, наверное, после него... Анна Степановна уже называла ее снохой и принимала, как будущего члена семьи. Да и сама Женька была уверена и считала дни... Кто же тогда познакомил его с Клавдией? (Произошло это на матче дублеров, на полупустой западной трибуне). Комов, кажется... или нет, Комова еще в команде не было. Сухов, что ли? Все позабыл.

С Женькой у них давно установилось что-то похожее на размеренное, спокойное существование прижившихся один к другому супругов. В поездках он о ней и не вспоминал. Она была, она есть и она его обязательно встретит. Совсем иначе стало с Клавдией! Ему хотелось видеть ее все чаще, постоянно, и он бледнел, когда представлял ее с кем-то другим. А она, конечно, бывала с кем-то, не сидела дома у окошечка, когда он уезжал с командой. Матерей обманы-

вают, а уж тетку с ее пасьянсами... Впрочем, из-за тетки-то все и произошло.

Софья Казимировна не хотела слышать о футболисте, и Скачкову с Клавдией приходилось ловчить, обманывать ее — выручало, что для встреч выдавались редкие вечера после матчей. В том году «Локомотив» заканчивал сезон на выезде, во Львове. Накануне отлета увидеться не удалось — команду не отпустили с базы. Протестовать никто не думал — ребята привыкли, что силы и умение каждого принадлежат команде целиком, и тратить их на что-то кроме поля, значило обкрадывать общую копилку. Утром по дороге в аэропорт Скачков увидел Клавдию из окна автобуса, она ждала на обычном месте возле газетного киоска, под большими висячими часами. Завидев автобус, замахала, потянулась — явно хотела что-то сказать, о чем-то предупредить. Скачков ничего не понял, увидел только, что лицо ее заплакано, тревожно. В окне он успел показать ей скрещенные пальцы — условные знаки о встрече,— и автобус, ударив в лужу на асфальте, пронесся мимо.

Размышляя о том, что могло случиться, Скачков сжимал кулаки: «Сонька, зараза!»

Из Львова он дал Клавдии телеграмму, что ждет ее в Батуми: неопределенным отношениям надо было класть конец. Ехать за ней домой он остерегся — была опасность встречи с Женькой. Как было не встретиться? Она — свой человек в доме, а Скачков жил с матерью в старой отцовской квартире. «Потом,— думалось,— потом все устроится само собой». Устроилось. Клавдия вырвалась от тетки и прилетела, с радостью оставила ноябрьский выстуженный город. Когда они вернулись с юга, загорелые, притихшие от значительности того, что произошло, на улицах уже лежал бурый рассыпающийся снег, мороз вцеплялся в лицо и закупоривал дыхание. Он отвез Клавдию к тетке, а сам на той же машине поехал домой. «Но я возьму с собою Соню»,— сразу же предупредила его Клавдия. «Разумеется»,— рассеянно согласился он, всеми мыслями занятый предстоящим объяснением с матерью.

В доме все еще было полно Женькой (пока его не было, она приходила каждый день — без пяти минут жена!). Анна Степановна, уязвленная этой скоропостижною женитьбой, сказала только: «Смотри, сын. Сам смотри. Тебе жить, не мне...» Но отчуждение к снохе осталось, особенно в первые дни, и Клавдия этого простить свекрови не могла.

Для самого Скачкова Женька пролетела и забылась, но он знал (рассказывала Лиза, сестра), что мать и Женька

еще долго сохраняли родственные чувства и, когда встречались на улице, в магазине, говорили только о нем.

Когда родилась Маришка, Женька встретила его при выходе из магазина — Скачков подозревал, что караулила. Клавдия рожала трудно, все извелись, переживая. Скачкова увел к себе домой Арефьич и наладил информацию по телефону из роддома (у него везде были свои люди). Поздно ночью позвонил врач, поздравил, рассказал, и обрадованный Скачков поехал к матери, в поселок. Наутро, закупая ворохами все, что надо и не надо, с охапкою покупок, он повстречался с Женькой. Может быть, как раз эти покупки, которые он нес в обнимку, и укололи Женьку,— особенно, наглядно. (Со Скачковым, как уверяла Лиза, у Женьки были связаны все надежды в жизни). Или ей больно и обидно стало от его захлопотавшегося, счастливого лица? «Геш, поздравляю... Можно ведь?» И вдруг не выдержала, дернула из рукава платочек и убежала.

У Скачкова тогда точно камень лег на душу...

С тех пор они не виделись. И вот встреча. Безмятежная улыбка Женьки, растанцевавшейся, румяной, помогла ему перебороть неловкость. Впрочем, не с ее характером было копить на него зло столько времени!

— Едете, говорят?— спросила она, слегка поворачиваясь к залу, потому что опять заиграл оркестр.

— Да надо... Скоро уж.

— Зашел бы как-нибудь, что ли...

Затаившись в ожидании ответа, она смотрела мимо него.

Скачков покраснел и поэтому перед Клавдией потом не мог найти уверенного тона.

— Некогда, Жек. Честное слово! Так, знаешь, зажали, что даже позвонить домой...

И спохватился: о доме-то, пожалуй, не следовало поминать.

Женька рассмеялась:

— Да верю, верю! Ох, Геш, ты все такой же, как погляжу... Сухов вон, однако, ухитряется.

— Теперь и он не ухитрится.

— Так заходи, когда сможешь.

— Обязательно! А вообще-то... как жизнь? Что нового?

— Да заходи вот, тогда и поговорим. Чего же на дороге-то?

— Ладно,— пообещал он,— как-нибудь... А что тебе привезти?

— Господи...— Она смутилась.— Ну свистульку ка-

кую-нибудь, если не жалко. У тебя, слава богу, есть о ком позаботиться. Как дочка-то растет?

— Ну! Вон какая уж.

Приблизился молоденький вежливый парнишка и, робея перед Скачковым, сделал приглашающий поклон. Женька оживилась, подхватила парнишку и с места, не готовясь, пошла в такт музыке.

Партнер ее старательно смотрел под ноги. Лицо Женьки плыло, кружилось, улыбалось безмятежно.

«Ну вот,— с непонятной грустью подумал Скачков.— А жизнь в общем-то идет».

Иван Степанович вместе с массажистом, в плащах, обходили клуб и собирали футболистов. «Ребята, пора. В автобус».

Арефьич тихо спросил Скачкова:

— Где Сухов?

— Здесь где-то был... Должен быть здесь.

— Уехал Федор,— вмешался подошедший Стороженко.— Сразу же уехал. На такси.

От удивления Иван Степанович покачал головой: как-то не верилось. Засомневался и Скачков. Он видел, как сидели вместе Сухов с Комовым. Неужели Федор бросил своего закадычного собутыльника и раньше всех укатил на базу?

Арефьич оказался прав. Когда команда приехала из города, Федор Сухов был в постели и крепко спал.

Прежде чем отправиться к себе наверх, Иван Степанович недоверчиво поинтересовался:

— Как он... не того?— И щелкнул себя по горлу.

В коридоре появился Саша Соломин, переодетый в синий тренировочный костюм, с полотенцем и зубной щеткой. Узнав, о чем разговор, он заверил, что сосед его абсолютно трезв. Матвей Матвеич, сомневаясь, на цыпочках прокрался в комнату и наклонился над спящим. Нет, дыхание было ровным, чистым. В коридоре массажист ошеломленно развел руками и сказал одно слово:

— Фокус!

Рассмеявшись, Иван Степанович пожелал всем спокойной ночи и бодро взбежал наверх.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Многодневное утомительное заточение команды на базе подходило к концу.

Старшему тренеру в эти дни приходилось присутство-

вать на множестве совещаний, где обсуждалось все, что касалось поездки и самой игры. Несколько раз Иван Степанович разговаривал с Москвой и успел поскандалить. Ему сказали, что массажиста, врача, второго тренера следует оставить дома, вместо них поедут москвичи. Иван Степанович вспылил. В конце концов он согласился включить одного представителя Федерации футбола, все остальные, кто обслуживает команду, останутся свои.

Последний вечер перед отъездом футболисты надеялись провести дома. Так велось всегда. Эти кратковременные отдушины удивительным образом восстанавливали душевные силы игроков. После побывки дома ребята вновь обретали способность молча и упорно, не срываясь, тянуть однообразный тренировочный режим, в какой-то степени уподобляясь живым, одушевленным частям большого и налаженного механизма команды. Может быть, именно эти отдушины, когда ребята с головою окунулись в городскую жизнь, помогали им не чувствовать себя бездушными частями раз и навсегда заведенной машины.

Ожидая отпуска, каждый из футболистов заранее планировал, как он проведет этот свободный вечер. Скачков предупредил Клавдию, что они отправятся к матери в поселок.

Закончив последнюю тренировку, ребята бодро бежали на базу. Стороженко первым обратил внимание, что нет автобуса,— не пришел из города. Ну да придет, никуда не денется! Потом, пока мылись, стало известно, что отпуск отменяется. Новость принес Арефьич. Он, хитрец, знал об этом раньше, а, пользуясь старательностью ребят, на прощанье дал чудовищную нагрузку, семь потов сошло!

— И... как же теперь?— глуповато спросил ошарашенный известием Серебряков.

Арефьич спокойно разделся, погладил себя по поджарым коричневым бокам.

— А никак. Помашешь завтра своим кралям в аэропорту.

— Как будто в кралях дело!— вспыхнул Владик, запахиваясь в простыню.

Чтобы помочь команде скоротать унылый вечер, привезли двухсерийную кинокартину. Постепенно все утихомирились. Ребята вповалку улеглись на ковре, упираясь спинами в сиденья положенных набок стульев. Когда окончательно стемнело, открыли для прохлады окна. Мерцала звездочка в окне, успокоительно стрекотал аппарат.

Узнав, что Скачков уедет, не заглянув домой, Клавдия расстроилась.

— Это Степаныч вас опять не отпустил? Передай ему, что я его возненавижу!

— Ну... получилось. Так надо.

— А, ты еще меня будешь уговаривать!

Она сердилась, она расстроена — понять это нетрудно.

— Так что, Геш, ни пуха ни пера?

— Ну тебя, слушай! — суеверно испугался Скачков.

— А ты пошли, пошли меня к черту!

— Ладно тебе. Чего уж...

— Ох, Геш, откровенно сказать, боюсь я что-то за вас. Вспомни: в прошлом году. Если бы не Маркин, залетели бы вы штуки на три. Разве не так?

На три! Могли и больше «залететь». А получилась все-таки ничья. Если бы не стоял великолепно Маркин, если бы не срезка у австрийцев, если бы не рывок Федора Сухова, да если бы он не сумел поймать в нырке мяч головой... Футбол, любой матч, это сплошные «если». И все же Клавдия невзначай затронула общую, тщательно скрываемую рану: пожалуй, в команде не было ни одного человека, который не думал бы о предстоящем матче с постоянной тревогой. Разумеется, все молчат, готовятся, но в душе-то, наедине-то с собой!..

На прощанье Клавдия пообещала, что, может быть, приедет в аэропорт.

— Маринка не спит? — спросил Скачков. — Дай-ка ей трубку.

Он вытащил из-под себя ногу и живо подсунул другую.

— Па-ап, а разве мы не пойдем к обезьянкам?

— Пока нет, маленькая. Я уезжаю.

— А я печенья накопила. Знаешь, сколько?

— Мы обязательно сходим, малышка. Вот я быстренько слетаю и мы пойдем.

Взяв у ребенка трубку, Клавдия крикнула:

— Ты скажи ей, чтобы она прекратила глупости. «Обезьянки!» Она совсем не ест печенья. Не ест и прячет под матрацем. Соня нашла целую кучу.

— Малышка, — сказал он, — ты все-таки ешь печенье-то. Хватит там и обезьянкам. Они же объедятся, у них животик заболит.

— Ладно. Только прилетай скорее! Хорошо? Я буду ждать.

— Договорились.

Закончив разговор, он продолжал держать трубку в

руке. Ему представилась городская квартира, Клавдия отодвинула замолкший телефон, как бы подчеркивая, что Скачков уже уехал, его в семье нет. Уехал, улетел... Все некогда, все некогда.

Он спохватился, что все еще держит телефонную трубку в руке. Встал, потянулся и услыхал под окном сдержанный визг Тузика. Задрав бойкую мордочку с задорно торчавшим ухом, пес шевелил хвостом и выражал готовность, если будет позволено, вскочить на подоконник. Он словно чуял, что скоро останется совсем один на обезлюдевшей базе.

— Спать, спать!— приказал ему Скачков, грозя пальцем. Пес приглушенно визгнул и еще оживленнее закрутил хвостом.

Улетала команда в Москву суматошно, едва не опоздав на самолет. С утра моросил дождичек, и рейс откладывали. Футболисты, свалив сумки в автобус, слонялись по базе, поглядывали на небо и гадали о погоде. Неожиданно прибежал администратор Смольский, заторопил: скорей, скорей в автобус! Вылетели за ворота и, не соблюдая скорость, отчаянно сигналя, понеслись. Хорошо еще, что помогала милиция. Когда автобус с командой вырвался на мокрое, все в мелких лужицах поле, посадка в самолет заканчивалась.

Поднимаясь по трапу, ребята различили далеко, у здания с высокой надстройкой, небольшую группу людей, машущих руками.

Места всей команды оказались в хвостовом салоне — постарался Смольский. Впереди Скачкова в кресло плюхнулся Федор Сухов, сразу опустил спинку сиденья и, завернувшись в плащ, приготовился дремать. Из всех ребят он один остался равнодушен к тому, что не удалось побывать дома.

В тот вечер, в клубе, разговаривая с плачущей женой Федора, он так и не нашелся, что сказать ей в утешение, в поддержку. Возненавидев всей душой футбол, она не понимала, что бедою Федора было совсем другое. Наоборот, благодаря футболу он прожил восхитительные, незабываемые годы. Беда его, что вовремя не понял, не уяснил, в какие жесткие пределы надо было заключать эту его новую, увлекательную жизнь, отнюдь не легкую, как она выглядит со стороны. Теперь же над ним нависло бу-

дущее человека, отравленного успехом, прожившего свои лучшие годы без уважения к своему таланту и нелегкому занятию. Он даже техникума не закончил. Прошлогодний тренер, выведенный из себя очередным загулом, в сердцах сказал о нем: «Классик футбола с семиклассным образованием!»

— Куда он теперь?— плакалась жена.— В смазчики только. Даже кочегаром не возьмут.

А в общем-то, размышлял Скачков, отпевать Федора вроде бы рановато. Конечно, хорошо, если и в тридцать лет играется как в восемнадцать, но даже в таком качестве, как сейчас, Федор еще далеко не последний человек в команде. Ну, а потом, когда придет пора вешать бутсы, уходить на покой... тоже ведь, если разобраться, ничего катастрофического не произойдет! Это он кончится как футболист, но — человек-то! Ему еще жить да жить. И кто знает, может быть, закалка футболиста поможет ему наверстать, поправить положение. Вот отыграет и вернется на завод или в депо, вольется, затеряется в большом налаженном потоке, и понесет его, как всех,— иная, правда, жизнь, не похожая на прежнюю, но — жизнь же!

В московском аэропорту команду встретил Гущин, представитель Федерации. На летном поле, возле трапа, стояла черная приземистая машина, Гущин задирал лицо и улыбался, помахивал рукой.

— Привет, Геш! Иван Степанович, нам надо поторопиться,— и он показал на ожидавшую машину.

Пока ребята вперемешку с пассажирами спускались по трапу, а где-то позади всех тащился со своей огромной сумкой мешковатый Мухин, Гущин объявил, что вылет в Вену сегодня же, вечерним рейсом, а сейчас придется заехать в комитет.

— В управление или в комитет?— уточнил Иван Степанович.

— В комитет. В Скатертный... Едемте, Иван Степанович. Нас ждут.

Машина разогналась по полю и скрылась за строениями, а команда вместе с пассажирами направилась по переходам и галереям на площадь, к автобусу.

В свое время Гущин начинал играть в «Локомотиве» вместе со Скачковым и Суховым, на базе они жили в одной комнате. Гущин, конечно, уже тогда отличался от своих сверстников. Скачкову запомнились его рассуждения

о том, что в наш век чрезвычайно узкой специализации спорт служит едва ли не единственным средством объединения людей. В самом деле, о чем могут поговорить при встрече, скажем, физик и колхозник? Только о спорте, да еще о погоде. Таким образом спорт становится своеобразным эсперанто,— как говорил Гущин.

Скачков уверен был, что в душе каждого футболиста, даже самого незадачливого, живет большой спортсмен. Живет он втихомолку, но нетерпеливо, страстно, все время увлекая парня за собою вверх и вверх.

Гущин, встретивший свою бывшую команду в столичном аэропорту, не принадлежал ни к тем, ни к другим. Есть в спорте люди, пришедшие туда не по влечению, а по расчету. Бухгалтеры своей судьбы, они избрали спорт как место службы. И служба эта зачастую складывается так удачно, что человек влияет на судьбу самого спорта.

В свое время и Скачков, и Гущин, и Федор Сухов вместе играли в дубле «Локомотива». После Скачкова в основной состав перевели и Гущина с Федором. Через сезон парни соблазнились предложением и уехали играть в Москву. На месте Гущина в защите стали пробовать Семена Батищева, потом взяли Комова.

Приглашение в столичный клуб Федор с Гущиным приняли сразу, без колебаний. Считалось, что всесоюзная известность куется только там, в центре. Однако Федор в столице не прижился.

Он вскоре вернулся в родную команду и больше о переходе не помышлял. Гущин же как зацепился за Москву, так и остался, поиграл еще сезона два и с поля исчез. Он не относился к числу игроков, постоянно висевших на кончике журналистских перьев, не был он и тем «железным кадром», которые высоко ценятся в узко профессиональной среде самих футболистов. Зато он рано понял, что в спорте, как и в любой другой отрасли, имеются свои невидимые постороннему глазу ступени, и, оттолкнувшись от зеленого футбольного поля, принялся одолевать их одну за другой. Приезжая на матчи в Москву, ребята узнавали, что Гущин учится в высшей школе тренеров, поступил в аспирантуру, готовит диссертацию. «Парень гвоздь!»— отзывался Федор Сухов, присмотревшийся к нему во время московской жизни.

Последнее время Гущин работал в Федерации футбола.

В прошлом году, осенью, он впервые приехал в родной город — сопровождал австрийскую команду. Несмотря на занятость, он выбрал время и заскочил к ребятам на базу.

Со старыми товарищами держался дружески и просто, но тех, кто пришел в команду после него, не замечал — уже привык жить на своем высоком «этаже» и давал это почувствовать и осознать. А вообще Скачков заметил, что дружелюбия Гущина даже к старым соратникам по зеленому полю хватило ровно настолько, чтобы рассказать о себе. После этого он потускнел, озабоченно бросил взгляд на часы и поднялся. «Ну, до встречи. Еще увидимся».

В кривом арбатском переулке автобус остановился возле красивого старинного особняка. Переулок закрывала тень от высокого современного дома напротив. Верхушки венецианских окон особняка светились отражением багровых облаков. Наблюдая, как понемногу меркнет в стеклах золотистый свет заката, Скачков соображал, что пообедать не удастся,— до международного аэропорта Шереметьево езды никак не меньше часа. Сколько еще задержится Иван Степанович? Интересно, что там у него: еще одна, теперь уже последняя накачка?

Зеркальные двери особняка распахнулись, появились Иван Степанович и Гущин с дорожной сумкой в руке — он летел с командой в Вену.

Иван Степанович выглядел повеселевшим; заметив это, ободрились и ребята. Стало известно, что никакой накачки не было. Все, что касалось предстоящей игры, давно обговорено: защитный вариант, двое нападающих, Серебряков и Мухин, Федор Сухов в запасе. В Вене желательно было сыграть вничью, чтобы при переигровке на нейтральном стадионе избавиться от фактора чужого поля.

В самолете Гущин подсел к Скачкову, сложил пиджак, поддернул рукава. Работая в Федерации футбола, он успел побывать во многих странах, недавно вернулся из Южной Америки.

— А диссертация?— спросил Скачков.

— Хватился! Давно, в прошлом году еще...

На узенькой тележке стюардесса катила соки, напитки, коньяк. Гущин уверенно взял пузатый фужер коньяку. Как знаток, погрел фужер в ладонях, поболтал, понюхал. В своем теперешнем положении он мог и выпить, и выпивал со вкусом, смакуя радость жизни без аскетических ограничений.

Опуская нос в фужер и прихлебывая, Гущин рассказывал, что в Вене предстоящему матчу с «Локомотивом» придается более чем спортивное значение. Австрийский футбол, как известно, давно не блещет успехами и перестал котироваться даже по европейской номенклатуре.

А ведь когда-то... И вот железнодорожный магнат, сливший два клуба, задался честолюбивой целью сделать первый шаг на пути к возрождению. Ему удалось заполучить тренера, удалась и покупка Фохта, хотя клуб любительский, а Фохт еще в прошлом сезоне играл в Западной Германии за профессиональную команду. Деньги, они все могут... Судя по прессе, которую Гущин изучал перед поездкой в Вену, о «Локомотиве» австрийцы невысокого мнения.

Он сказал еще, что недавно группа фашиствующих молодчиков совершила нападение на представительство «Аэрофлота» в Австрии. Бедному «Аэрофлоту» всегда достается! Так что вести себя в Вене придется с оглядкой, не исключены провокации.

— Слушай, Геш, а этот... да вместо Комова вы поставили...

— Соломин?

— Да. Он тянет?

— Ничего парень. В порядке.

Гущин смотрел в фужер, побалтывал остатками коньяка.

— Все-таки можно было Комова наказать и после Вены. Верно ведь?

— Да там... всякое началось.

— Знаю,— значительно кивнул Гущин, давая понять, что рассказывать ему незачем.— Знаю.

Затею Комова сорвать поездку в Вену он назвал идиотской. По некоторым соображениям (Гущин, скрытничая, изобразил пальцами что-то замысловатое), в Федерации футбола, да и в комитете считают, что проигрыш в Вене не желателен. Во-первых, снова очень неважно обстоят нынче дела с олимпийской командой: и много очков на старте потеряли, и в самый неподходящий момент сломался Полетаев. Во-вторых... а во-вторых, дела с футболом как-то вообще не ладятся. В тупик зашли, что ли, достигли какого-то своего потолка?

Он сделал знак стюардессе, она заменила ему фужер новой порцией.

— Я гляжу, вы Сухова взяли. А говорят, не просыхает?

— Да нет, за последнее время ничего.

— Уж не за ум ли взялся? Поздновато, вроде... Ах, Геш, ничью, ничью нам надо в Вене, кровь из носу! Без ничейки хоть в Москву не возвращайся.

— Посмотрим там...

Допив коньяк, Гущин распустил галстук и стал устраиваться поудобнее.

— Что, Геш, соснем минуток двести? Давай, брат,

копи мощь. Видел я Фохта,— зверь! Знаешь, одинаково легко работает с обеих ног. Не угадаешь, куда развернется. А сейчас, говорят, особенно в форме... Ну, спим.

Наторелость Гущина в поездках сказалась в том, что проснулся он перед самой Веной и ему как раз хватило времени привести себя в порядок, чтобы в надлежащем виде появиться перед встречающими.

Перед тем, как выйти из самолета, Гущин провел рукой по волосам, поправил галстук, и через плечо отдал Скачкову распоряжение:

— Геш, скажи кому-нибудь, чтобы мою сумку не забыли.

И устремился вниз.

«Вот тебе раз!»— Скачков невольно покраснел и захлопал глазами.

А Гущин уже трещал внизу, жал руки, поворачивался, улыбался.

Ребята, скапливаясь в ожидании, переминались, но редко кто глазел по сторонам. Церемония знакомства затягивалась. Среди небольшой группы подтянутых мужчин с вежливо снятыми шляпами не было ни одного, кто приезжал с командой в прошлом году осенью. «Собственно, так оно и должно быть,— подумал Скачков.— В команде большие перемены». Не переставая трудился переводчик. Он не умолкал и в автобусе, в дороге, в то время как остальные встречающие, обратив к Гущину любезные улыбки, сидели, словно в гостях.

К Скачкову, к самому уху, наклонился Матвей Матвеич.

— Видал?— шепнул он.— Все в шляпах.

Иван Степанович сидел безучастно, не принимая участия в разговоре. Завидная активность Гущина явилась для него спасением. Он целиком ушел в себя, в свои расчеты, не замечая ни заграницы за окном, ни корректных отутюженных мужчин, занявших вместе с Гущиным все передние сиденья. Для него, тренера, матч уже начался.

Автобус летел по отличной автостраде, но сигналил не по-нашему — какими-то музыкальными мурлыкающими переливами.

Заграница мелькала за окнами автобуса одинокими зданиями, темными купами деревьев, яркими пятнами бензозаправочных станций. Наступил вечер, чужая ночь в чужом городе, вспыхивали и текли пунктиры бледных огней, намечая неизвестные чужие улицы...

Команду поместили в чистеньком, но скромном отеле, как уверял переводчик — в центральной части города.

Пока выгружались, Гущин суетился и требовал, чтобы все держались кучно. Копился подфонарный сумрак, город разгорался праздничными разливами разноцветных огней, все больше вертикальных. И только в перспективе площади, не загороженной домами с вакханалией огней, просматривался край горизонта и там, в продольной узенькой щели, застыла пара острых плоских тучек и рдел по-полевому спокойный отходящий свет... Потом по площади поползла туша двухэтажного троллейбуса, он искристо светился изнутри. Громкий голос Гущина пригласил команду заходить.

— Быстро, ребятки, дружно,— приговаривал он, поштучно пропуская футболистов мимо себя в распахнутые двери.

Комнаты в отеле оказались на двоих, и футболисты разместились привычными парами, как у себя на базе.

Осматриваясь, маленький Мухин заметил, что отельчик, надо полагать, еще штраусовских времен,— из всех удобств в номере была лишь чугунная раковина для умывания. Запихав сумку в шкаф, Мухин переоделся в тренировочный костюм, пригладил вихры и взял приготовленное на кровати махровое полотенце.

— Пойду погляжу, где у них тут что... Может, хоть душ есть.

Поздно вечером, возвращаясь из ванной комнаты, Скачков встретил в затихшем коридоре Матвея Матвеича. Шагая по истертой ковровой дорожке, массажист нес грелку.

— Кипятку не допросишься!— пожаловался он.— Опять что-то с печенью у старика.

Вместе с ним Скачков вошел в комнату тренера. Иван Степанович лежал под одеялом, возле него на стульях сидели Дворкин и Арефьич. Поверх одеяла валялась раскрытая толстая книга, по красно-белой суперобложке Скачков узнал воспоминания маршала Жукова.

— Геш, ты что не спишь?— удивился Арефьич.

Приняв грелку и пристраивая ее под одеялом, Иван Степанович успокоил Скачкова:

— Ерунда все. Не первый раз... Ты спи давай. Как там ребята — все легли?

Ответил Дворкин:

— Все. Я проверял.

Уходя из номера и закрывая за собою дверь, Скачков расслышал фразу, нервно сказанную Иваном Степановичем, как видно, в продолжение прерванного разговора:

— Команду, которая не атакует, уважать нельзя. Нельзя! Поймите вы это, наконец!

Утром команду отвезли на тренировку. Стадион принадлежал клубу. Трибуны низенькие, бедноватые, но поле отличное. Переводчик, объясняясь с Гущиным, жаловался на финансовые затруднения клуба. Арефьич, волоча на поле сетку с мячами, шепнул Скачкову:

— Пой, птичка, пой! За Фохта, небось, наскребли миллиончик.

У барьера в самом низу трибуны, где завтра встанет полицейское оцепление, толпились молодые щеголеватые люди чересчур спортивного вида, чтобы быть настоящими спортсменами. От них так и шибало спортом. Скачков по опыту знал, что пижоны всегда больше похожи на спортсменов, чем сами спортсмены.

Выше, возле центральной, не слишком вместительной ложи, виднелись какие-то молчаливые мужчины, наблюдали за разминкой советских футболистов, сходились группами. Скачкову хотелось посмотреть на Фохта, своего завтрашнего подопечного, но не станешь же спрашивать! А Фохт мог быть сейчас на трибуне. Он, Скачков, в прошлом году специально приезжал на разминку австрийцев, чтобы присмотреться к соперникам.

С удовольствием разминая ноги, ребята разбежались по всему зеленому газону поля. В утреннем, еще не прогретом воздухе аппетитно зазвучали хлесткие удары по мячу. Мелькала деятельная фигура Гущина в необыкновенно ярком тренировочном костюме, такие костюмы Скачков видел на бразильцах. Иван Степанович, прижав локоть, сидел на скамеечке у ворот и время от времени подзывал к себе Арефьича.

Вялый невыспавшийся Сухов, задрав на одной ноге штанину, играл мячом в одиночестве. Подбивал, принимал на грудь, делал короткую пробежку и останавливался, наблюдая за полем. Из всего прежнего состава ему одному завтра не будет места в игре, разве случится что-нибудь с Мухиным или Владиком Серебряковым.

— Федор, Федор...— окликнул его Иван Степанович.— Давай-ка, знаешь, кончай дремать. Побегай, побегай. Поживей! Ну что это, слушай... Смотреть тошно.

Он что-то сказал Арефьичу, и тот до конца тренировки уже не спускал с Федора внимательных придирчивых глаз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Крутя на пальце ключ от номера, Скачков вприпрыжку спускался по частым извивам лестничных маршей. В отельчике работал лифт, но с лифтером, немолодым предупредительным мужчиной в серой униформе, у Скачкова получился конфуз. Сегодня после тренировки он поднимался наверх и заметил, что вежливый лифтер приглядывается к нему с приветливым, но неназойливым вниманием. Скачков устало привалился к гудящей стенке кабины и подмигнул: что, друг? Тогда лифтер ткнул себя пальцем в грудь:

— Россия... Днепр... Пиф-паф! Плен...

— А-а...— Скачков сочувственно покивал.

Поговорить с бывшим солдатом, неудачно воевавшим на Днепре, не оставалось времени — лифт остановился на этаже. Покидая кабину, Скачков протянул лифтеру руку для пожатия, но тот понял его жест по-своему: вдруг уронил в поклоне голову и заученным профессиональным движением снизу вверх цапнул за кончики пальцев. Кровь ударила Скачкову в щеки — лифтер вместо рукопожатия рассчитывал на монету, на чаевые... Теперь, пока не сменится «знакомый» лифтер, Скачков предпочитал подниматься и спускаться по лестнице.

Сдав ключ, он пересек вестибюль и вышел через стеклянные махающие двери. Вчера вечером, выгружаясь из автобуса, кто-то из ребят обратил внимание на огромный щит высотою в стену дома, воздвигнутый рядом с отелем. Сейчас у щита стояли группой футболисты и весело разглядывали, что там намалевано. Приличный господин держал перед лицом целую пригоршню золотых монет, а на груде золота, в пригоршнях же господина, развязно восседала, закинув ногу на ногу, весьма легко одетая девица со спущенной с плеча бретелькой.

Владик Серебряков прищелкнул языком:

— Кадруха, а? Класс! Глаза можно сломать.

Он был свеж после купания, расчесан на пробор, длинноногий, улыбающийся. Стоял, щурился от солнышка, поглядывая на черепичные, сильно вытянутые вверх крыши средневековых основательных домов. Двери и окна в потемневших стенах были узкие, как бойницы.

Из дверей отеля показался Иван Степанович с газетой. Глянул на щит, не нашел ничего интересного.

— Хватит смеяться!— сказал он скалившимся футболистам.— Обыкновенная реклама банка.

— Что в газетах?— спросил Скачков.— О нас что-нибудь есть?

— Немного.— С усмешкой Иван Степанович взвесил газету на руке.— Фохт обещает четыре — один.

— Ух ты!— Серебряков присвистнул.— Многовато захотел.

Стороженко заметил:

— Все-таки один-то планирует схватить.

— Ну, один... На дурика.

Иван Степанович свернул газету, сунул в карман.

— Пройдемся, что ли?

— Дождя бы не было,— с крестьянской озабоченностью молвил Стороженко, поглядев на небо.— Парит.

— По дождю,— усмехнулся Иван Степанович,— они нам и за месяц четыре штуки не заколотят!

Большой нарядный город разморило сухим послеобеденным зноем. Брели мужчины, держа в руках шляпы; головы и плечи женщин прикрывали разноцветные зонтики. Обвисла зелень на деревьях, обморочно опадала вода в фонтанах. Воробьи, прекратив возню в листве, расселись, обессиленно, разинув клювы.

По тротуару, по самому солнцепеку, через силу тащилась старуха с крашеными волосами, в тугих коротеньких шортах и в сандалиях на синеватых склеротических ногах. Впереди старухи на поводке семенил мохнатыми ногами вялый обрюзгший мопс. Завидев фонтан, мопс остановился и, натягивая поводок, стал очарованно смотреть на серебристую, устало пульсирующую струю. Остановилась и старуха. Сонное журчание фонтана, блеск солнца на воде, зной от асфальта, как от сковородки,— жарко...

Оглядывая пустеющую улицу, Владик Серебряков совсем не к месту продекламировал:

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...
Аптека. Улица Фонарь...»

Но нет, аптека была — на той стороне над узкой дверью с угла Скачков разглядел вывеску с чашей, обвитой змеей.

Ребята постепенно разбрелись, вернулись в гостиницу. Иван Степанович наказывал по возможности держаться вместе. Мало ли... Сегодня в автобусе, когда возвращались с тренировки, Гущин произнес внушительное напутствие, заключив: «Не забывайте, где находитесь!» Безопасней было бы вообще запереть команду в отеле, но сейчас уже поняли, что сверхосторожная тактика заточения в четырех стенах приводит к «сгоранию»— сидя взаперти и не зная разрядки от упорных мыслей о предстоящих играх, футбо-

листы съедают накопленный нервный запас раньше времени.

Остались в конце концов втроем: Серебряков, Скачков, Иван Степанович. Владик все тянул куда-то, все искал, высматривал чего-то, махал без устали по раскаленному асфальту длинными журавлиными ногами, покуда не признался, что мать с отцом, узнав о его поездке в Вену, обрадовались, всполошились и наказали ему обязательно, обязательно побывать... а вот где побывать он и забыл!

— Если честно говорить,— Владик усмехнулся,— я же почти родился здесь. Не знали? Ну, не совсем здесь, в поезде, едва границу переехали. Мать молодец — дождалась. А то, представляете, так и в паспорте стояло бы: «Место рождения — Австрия».

Иван Степанович заинтересовался:

— Фронтовики?

— Ну да! Я и сам, если разобраться, фронтовой. Если бы не война, меня и на свете бы, наверное, не было. Познакомились-то они на фронте.

— Четвертый Украинский,— сказал Иван Степанович.— Драчка тут была. А я на севере, на Волховском. Но в Германии тоже постояли. Месяцев, однако, восемь. Разговаривать научились вполне свободно.

Иван Степанович с командой «Правое плечо — вперед!» заворотил обоих своих спутников к распахнутой двери невзрачного кафе.

— Зайдем, сядем. Хоть ноги вытянем.

Дверь кафе, чтобы не закрывалась, была подперта половой щеткой. К двери вели две каменных, истоптанных посередине ступени, но с порога вниз ступеней оказалось гораздо больше и, может быть, поэтому в узком полутемном помещении казалось прохладно, даже влажно.

— Ну-у... совсем другое дело!— провозгласил Владик.— А что, если нам грамм по двести кока-колы выпить? Подтонизируемся малость.

Завидев свежих посетителей, человек в жилетке и переднике, дремавший за мерцающей бутылками стойкой, сполз с табурета и принялся вытирать прилавок тряпкой, выставлять рюмки. Помещение освещалось в основном из двери, потому что крохотное окошко, пробитое высоко в толще стены, заросло многолетней сажей. Под окошком, за столиком, сидели какие-то незапоминающиеся люди — со света и не разглядеть. Скачков обратил внимание, что громкий возглас Владика на пороге заведения заставил всех их разом повернуть головы, и они долго, пристально

всматривались в них, пока Иван Степанович, задержавшись у стойки, что-то вполголоса втолковывал человеку в жилетке.

— О, оранжад!— обрадовался Владик, когда Иван Степанович в обеих руках принес полдюжины желтоватых бутылочек.— А кока-колы нет? Ну, да и это здорово.

После жары и жажды было приятно расположиться в прохладе, расслабить все тело и никуда не торопиться. Прохладный подвальчик смахивал на пенал, шириною в один столик и проход сбоку. Свод из древнего камня вычернен сажей и трубочным табаком, стены исковыряны, избиты,— не бутылками ли, пущенными в чью-то голову? Вообще, если приглядеться как следует, дневная пустота подвальчика была обманчива — в вечернее время, видать, было тут беспокойное для полиции место.

Потягивая из бутылочки, Иван Степанович пустился в воспоминания. С венскими командами, рассказывал он, советские футболисты встречались еще в двадцатых годах, в начале тридцатых. Тогда на весь мир гремело имя великолепного вратаря Руди Хидена. Долгое время Хиден выступал в профессиональных клубах Италии и Франции. Австрийцы всегда играли технично, красиво — недаром пошла слава о «венских кружевах». Недостаток «кружев» в том, что они мало результативны. На поле красиво, а счет маловат. Теперь австрийские команды как будто перенимают западногерманский стиль. Фохт, кстати, «кружев» не признает.

Незаметно, за разговором, прошло часа полтора. Иван Степанович глянул на часы и стал подниматься из-за стола.

— Идемте, хватит. Послезавтра на поле будет несладко. Придется попотеть.

Неожиданно он замолк и удивленно повел головой: в хозяйском углу за стойкой зашипела лента магнитофона и под каменным сводом помещения невидимый усталый голос запел с надрывом, со слезой:

Замело тебя снегом, Россия,
Закружило холодной пургой,
И печальные ветры ночные
Панихиды поют над тобой...

— Запись неважная,— сразу же определил Владик, продолжая вслушиваться.

Поймав взгляд Скачкова, человек в жилете и переднике за стойкой приветливо распустил многочисленные морщин-

ки и умильно закивал висячим носом: битте шён! Он сообразил, кто заглянул к нему в подвальчик.

Надрывный голос затих, закатился в тоске и умер, магнитофон шипел, равнодушно подбираясь к следующей записи. В эту минуту за столиком в глубине подвала, у стены, раздался гром удара по столу, звяк посыпавшейся посуды и на улицу, напугав разомлевших, вырвался строевой, есаульский раскат команды:

— Вста-ать! Вы... р-рвань! Х-хамы!..

Шипение магнитофона прекратилось. Тягостную паузу заполнил изумленный голос Владика:

— Псих какой-то... Да?

В углу образовалась возня, гневное пыхтенье. Кого-то там стали удерживать, ловить за плечи. Столик опрокинулся, ронялись стулья. Человек за стойкой проворно убирал с прилавка все, что бьется.

«Эх, Матвея бы Матвеича!»— успел подумать Скачков.

Все же до скандала дело не дошло, не дали полицейские. Здесь энергично и умело повел себя Иван Степанович. Некоторое время полицейский (распирающие плечи, брюки в обтяжку, перчатка на широком запястье расстегнута) по-воловьи перетирал жвачку и слушал без всякого выражения. Горлана с есаульским раскатом он узнал сразу же и теперь хотел разобраться: не обычная ли это пьяная междоусобица соотечественников? Но нет, на стороне одних были посольство, гербовые паспорта, трезвость, другие же... Тут полицейский сделал тяжкий вздох и с казенной скукой наложил карающую длань на ворот дрянного пиджака, ухватив его вместе со складками отощавшего загривка. Мотаясь коленками, нарушитель был вынесен наверх.

От происшествия осталось гадостное чувство. Хотелось запрокинуть руки, отряхнуться. Покуда добирались до гостиницы, Серебряков ворчал, ругая «ненормальных психов», а Скачков не мог забыть, что на единственном неопрокинутом стуле остался некто в мешковатой одежде, вперив неведомо куда опустошенные глаза, и, отвесив бледную губу, причитал и причитал по-русски:

— Боже мой... Боже ты мой!..

В вестибюле их поджидал Гущин, от нетерпения он похлопывал сложенной газетой по колену.

— Иван Степанович, ну где же вы? Надо встретиться с журналистами. Идемте, нас ждут.

И он увел Каретникова в небольшой бар, откуда в вестибюль наплывали клубы дыма и гомон голосов.

Происшествие в подвальчике никого не удивило. Ежегодно выезжая за рубеж, ребята часто сталкивались с бывшими соотечественниками, и встречи получались всякие. Решетников, например, рассказывал, что в Париже, на Елисейских полях, его удивила громадная очередь в кинотеатр: шел фильм «Война и мир» Бондарчука... А в каком-то году при поездке «Локомотива» в Африку, кажется, в Сенегале, к русским футболистам подошел чистенько одетый старичок и заплакал: для него, заброшенного так далеко от России, самой сладкой музыкой звучала обыкновенная русская речь.

Один Гущин, узнав, что произошло в кафе, пришел в необычайное возбуждение. «Я же вас предупреждал, я же просил!» Выражение его лица становилось час от часу все отчужденней. Вечером он не остался ужинать с командой, а уехал в посольство.

За ужином Арефьич потихоньку рассказал, что Гущин расстроен не только происшествием в подвальчике. Днем, после встречи с журналистами, он, оказывается, «очень крупно завелся» с самим Каретниковым. Иван Степанович зашел к нему в номер и попросил автобус, чтобы назавтра, после утренней разминки, поехать с ребятами в бывший концентрационный лагерь Маутхаузен. Гущин остолбенел. Послезавтра матч... какие могут быть экскурсии? Ему удалось побывать на тренировке австрийцев, он своими глазами видел, что это за команда. Один Фохт чего стоит... Так что никаких экскурсий. После встречи — пожалуйста. А завтра — ни за что!

Разговор представителя со старшим тренером будто бы принял острый характер. В конце концов Иван Степанович язвительно заметил, что он не берется спорить о тонкостях игры со специалистом, кажется, кандидатом наук, но он уверен, что если бы вопрос о победе решался по одним объективным показателям, то на поле незачем было бы и выходить, достаточно собраться где-нибудь в кабинете, подсчитать все «козыри» команд и — готово: той два очка, этой ноль или же каждой по очку. Но в том-то и дело, что кроме технической подготовки, сыгранности, персонального искусства игроков на весы победы бросается и кое-что другое, в особенности если речь идет о матчах за рубежом. «Уж вы поверьте мне!» — прибавил старый тренер и, оборвав неприятный спор, вышел из гущинского номера.

Все-таки последнее слово оставалось за старшим тренером, и Гущин с неохотой подчинился.

Завтрак прошел в молчании, только за столиком, где

расположились Кудрин, Нестеров и Батищев, раз или два раздался несмелый подавленный смешок. Иван Степанович жевал равнодушно, мыслями он был где-то далеко. На Гущина, сидевшего с каменным лицом напротив, он не смотрел — будто не замечал. Вчерашнее отчуждение продолжало нарастать.

Автобус для экскурсии стоял под бетонным козырьком подъезда. Впереди, один на сиденье, поместился Иван Степанович, разворачивал и бросал себе на колени свежие газеты. Вчерашняя встреча с журналистами мало что изменила в прогнозах на предстоящий матч. Мнение большинства сводилось к тому, что в ворота гостей влетит не меньше четырех мячей. Рассуждая о шансах «Локомотива», газетчики ограничивались тем, что упоминали о наказе болельщиков команды, с которыми игроки перед отлетом встретились в рабочем клубе.

Специально, нет ли, но все или почти все утренние газеты напечатали сообщение из Лондона о суде над бывшей «звездой» британского футбола, великим Томми Лаутоном. В редакционных сносках указывалось, что нынешний тренер «Локомотива» И. С. Каретников и Томми Лаутон встречались на зеленом поле в дни знаменитой поездки в Англию московского «Динамо». Оживившись Иван Степанович удобнее свернул газету и поманил к себе Матвея Матвеича.

На скамью подсудимых Томми Лаутон попал из-за нищеты. Пока были молодость, силы, он оставался кумиром зрителей. Отдав футболу двадцать лет жизни, «великий Томми» забил в ворота соперников свыше четырехсот мячей, двадцать три раза он выводил на поле сборную Англии. Но вот ушли годы, «звезда» закатилась. В поисках заработка Лаутон сменил множество профессий, распродал все свои призы. В отчаянии он подумывал броситься с моста в Темзу. Идти на улицу с протянутой рукой, как нищему, спортсмену не позволяла гордость. Чтобы спастись от суда, ему необходимо было достать всего семьдесят четыре фунта стерлингов, но хозяева клубов, которым он когда-то приносил сотни тысяч дохода, от него отвернулись, ни одна рука не протянулась помочь человеку, бывшему национальной гордостью британцев.

Забрав у Каретникова газету, Матвей Матвеич стал разглядывать снимок, на котором состарившийся футболист выглядел обыкновенным несчастным человеком в предпенсионном возрасте. Суд приговорил его к трехмесячному тюремному заключению. Массажист выдрал газетный

лист и спрятал его в карман, чтобы привезти домой и показать старому Кондратьичу.

Тем временем со скоростью сто сорок километров в час автобус летел по серой влажной магистрали. Вот он вымахнул на горб старинного моста через Дунай и по спирали асфальтированного серпантина устремился вверх, сквозь зеленый массив горного леса. Лес оставался лесом,— зеленым, влажным, слегка согретым поднимающимся солнцем, но Дунай, когда-то штраусовский, голубой, сейчас выглядел маслянисто-серым, отравленным отходами заводов,— клоака, а не река.

Серебряков, заметив взгляд Скачкова, большим пальцем указал на мутные волны справа от дороги и разочарованно покачал головой.

Дорога сделала замысловатую петлю по косогору, и вдруг деревья расступились, автобус вырвался из леса и как бы повис в голубоватом утреннем просторе неба. Кругом было светло, солнечно и только впереди, куда надо было идти пешком, виднелась серая стена с кокетливыми каменными башенками по углам.

Пустынно, тихо, одиноко.

Память войны остается одинаковой всегда: перед пепелищем ли сожженной деревенской хаты, перед выцветшей красноармейской звездочкой над затравевшим бугорком, или перед величественной «Чашей скорби» в заводской ограде (далеко, как далеко она сейчас отсюда!).

Площадь перед входом в лагерь была уставлена множеством скульптур. Команда медленно переходила от одной к другой; пробовали разбирать высеченные надписи на всевозможных языках, наконец узнали русский текст, знакомые понятные слова, и остановились перед беломраморной фигурой человека, застывшего с гордо вскинутой головой и сложенными на груди руками. Это был памятник генералу Карбышеву, руководившему в Маутхаузене подпольной группой и погибшему мучительной смертью. (Фашисты вывели его раздетого на мороз и поливали из брандспойта до тех пор, пока человек не превратился в ледяной столб). В чертах скульптурного лица, во властных складках возле губ угадывался дух бойца, не изменивший старому солдату и в неволе.

На пьедестале памятника были увековечены генеральские слова, обращенные к товарищам по заключению перед самой своей гибелью: «Бодрее, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!»

Иван Степанович положил к подножию букет гвоздик, посмотрел, опять нагнулся и поправил.

Вокруг русского генерала на безмолвной площади застыли монументы венгров, чехов, французов, поляков — немые свидетели былого, прошедшие сквозь печи крематория и восставшие сейчас в граните, бронзе, чугуне. Сто двадцать две тысячи жизней оборвалось за стенами Маутхаузена, из них тридцать две тысячи советских.

Точно пятна пролитой крови, лежат повсюду у подножий свежие, а то и увядшие, совсем засохшие гвоздики.

«Думайте о Родине...» Здесь, далеко от родной земли, эти простые слова обретают вдруг необыкновенную силу. Каждому, кто сейчас стоял перед горделивой беломраморной фигурой соотечественника, казалось, что они обращены и к нему, как пламенный завет не сгибаться при любой, даже смертельной беде. С мыслями о Родине солдаты поднимались в бой, партизаны уходили на задание, школьники заменяли взрослых. С мыслями о Родине связаны и самые высочайшие достижения наших людей в спорте, в частности, ставший легендарным матч киевского «Динамо» против команды оккупантов или же игра ленинградских футболистов в блокадном городе под артиллерийским обстрелом. Такие игры — их следовало бы назвать не играми, а как-нибудь иначе, другим словом,— такие матчи не забудутся, они помнятся, как подвиг. Пусть это только спорт, футбол, как бы воскресная забава на зеленом поле перед скоплением трибун, но каждый из нынешних спортсменов помнит и не забудет никогда, что сражаться с врагом можно и стремлением к воротам, жаждой победы, забитыми мячами.

«Думайте о Родине»...

Вернувшись из поездки в Маутхаузен, никто уже не рвался из отеля в город, ребята словно бы остепенились и задумались. Не слышно стало даже Кудрина... Так, в задумчивости, прошел последний вечер перед матчем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ночью Скачкова разбудил пронзительный звон стекла. В номере было темно, вспыхивали молнии и шумел сплошной обвальный ливень. В проеме окна копошился Мухин, голый, в одних узеньких плавках. Он высовывался под дождь и ловил створку окна.

— Разбил?

В темноте Мухин сердито отозвался:

— Я разбил! Ветром разбило. Рамы-то гниль. Еще платить придется.

Хозяин отеля, борясь с конкурентами, усовершенствовал свое заведение тем, что надстроил несколько этажей, установил лифт и на современный лад переделал вестибюль. До оконных рам в старинной части гостиницы руки не дошли.

Почесываясь и зевая, Мухин послушал ровный шум дождя за разбитым окном.

— Не мог еще один день подождать. Представляешь, как поле размокнет?

Он стал укладываться, подтыкая под себя одеяло.

— Хотя, знаешь, отец рассказывал, что по весне немцы наступать не любили. Распутица.

Скоро он задышал ровно, тихо — отключился.

Пытаясь заснуть тоже, Скачков досадовал: звон стекла перебил ему сон, оставив на душе необъяснимую тяжесть, точно от несчастья, которого еще не произошло.

Сейчас, спросонья, он помнил лишь какой-то громадный стадион, очень похожий на свой, домашний, перед глазами так и стояли бесконечно уходящие в небо трибуны, заполненные до отказа. Кажется, ему предстояла последняя игра, прощание с командой, со зрителями, вообще с футболом, и это событие почему-то превратилось в настоящее торжество, город был в афишах с его именем, сыпались телеграммы от знакомых и незнакомых. Сам он одевался к выходу на поле тщательно, точно новичок, хотя знал, что быть ему сегодня в игре всего минут десять, а когда истекут эти минуты, судья подаст свисток, матч прекратится, товарищи возьмут его на плечи и понесут с поля, понесут, как шкаф, который отслужил свое и больше не нужен. А еще предстояли наиболее горькие минуты — это когда команда полетит на игры без него, он же останется дома, в одиночестве. (Эта горечь была невыносима, точно уже испробована им). Впрочем, усилием сознания он постигал, что это сон, на самом же деле он еще поиграет, но сердце все равно болело, хотелось плакать. Заплакать бы сейчас — сразу стало бы легче!

Но тут возник громадный, добрый человек, похожий на Матвея Матвеича, он один понял желание уносимого с поля футболиста, который увидел футбольный мяч, дожидавшийся, когда снова продолжится игра. Это был самый обыкновенный мяч, сам Скачков тоже сыграл им сотни матчей, но почему-то именно сейчас, когда ему оставался последний круг по полю, он почувствовал, что не в состоя-

нии уйти за бровку, не подержав мяча в руках. Не говоря ни слова, он стал тянуть к мячу руки, тянуться в немом отчаянном усилии, точно от этого зависело многое в его оставшейся судьбе, многое, почти что все. Скачков, едва не застонав, схватил протянутый мяч, прижал его к груди и, чтобы до конца облегчить свое сердце, зажмурился, приник к мячу губами. Он был теплым, шершавым — это ощущение так и осталось на губах.

— Ты плачь, плачь!— кричал Скачкову громадный массажист.— Зачем ты стесняешься? Я же не стесняюсь!

И точно, мясистое лицо бывшего штангиста было мокрым, слезы лились ручьем, однако он не утирал их, не стыдился, а, наоборот, показывал свое счастливое лицо трибунам, каждой попеременно. Конечно, массажист был прав. и Скачков ощутил, как сразу отпустило ему сердце, оно словно оттаяло, и боль, теснившая его с той минуты, когда он увидел свое имя на афише, стала убывать и убывать, пока не сошла совсем на нет...

В разбитое окно задувало свежестью, ровно, монотонно шумел разошедшийся дождь. Подушка под щекой отчего-то холодила, Скачков пощупал и обнаружил влажное пятно. Уж не слезу ли он пустил во сне? Умиротворенный сознанием того, что эта непростительная слабость навсегда останется его маленькой тайной, он перевернул подушку и закрыл глаза.

Забываясь под шум дождя, он успел подумать, что по приметам перед матчем все как-то спуталось, перемешалось и сейчас невозможно разобрать, какая из них к добру, а какая к худу. Не к добру, конечно, немирные отношения Каретникова с Гущиным, хотя поездка в Маутхаузен поклониться памяти замученных соотечественников неожиданно оказалась не растратой сил, чего так опасался Гущин, а, наоборот, зарядом невыразимой силы, и Скачков еще раз поразился тому, как все-таки много надо знать и уметь настоящему тренеру, знать не в тонкостях игры, совсем нет, а в чем-то более основательном и важном (по обыкновению, Скачков больше чувствовал, нежели мог выразить словами). Дождь, грянувший ночью, вроде бы к добру (хотя играть все-таки лучше не по грязи), но вот разбитое окно, а главное — сон, в котором присутствовало футбольное поле!.. И все же, как ни казалась опасной последняя примета, он, расслабляясь, засыпая, разрешил себе еще одну тайну: наперекор всему захотел вернуться к прерванному сну и досмотреть, чем все там кончится...

К утру ливень прекратился, но небо оставалось тяже-

лым, мрачным. Озабоченный Стороженко, поглядывая на низкие тучи, высказался по-крестьянски: ранний гость до обеда, поздний гость до утра. К началу матча, считал он, должно бы распогодиться.

Все утро Скачков ходил вялый, точно невыспавшийся. Врач Дворкин ни о чем не спрашивал его, но поговорил с Арефьичем, и тот зашел к Скачкову в номер.

— Ты что, Геш?

— Да отстаньте вы!— не выдержал Скачков.— Все в порядке.

Арефьич поизучал разбитое стекло, зачем-то глянул вниз и вышел. Вскоре он вернулся и поманил Скачкова пальцем:

— К Степанычу.

«О, черт, вот привязались!»

Иван Степанович лежал на кровати, под спиной несколько подушек. Опустив на грудь свою тетрадь с расчетами, он покусывал зубами карандаш и смотрел, смотрел на Скачкова странным взглядом издалека, словно на глаз определял ему настоящую цену, но Иван Степанович думал о матче, до начала которого оставалось совсем немного.

— Понимаешь, Геш, лежу я сейчас... И вот что мне кажется. Скажи, что бы ты делал, если бы вдруг заполучил в команду такого игрока, как Фохт? Это же Фохт, не кто-нибудь! Правда? По-моему, ясней ясного, что всю игру они построят на нем. Ты согласен? А если так, то на это как раз и наша надежда. Моя! Очень, очень я, брат, надеюсь на это!

Одеяло ему мешало, он спихнул его в ноги.

— Смотри — кто у них в нападении? Зихерт, он, сам знаешь, разыгрывающий. Фогель заводится вечно. Ригель хам, несерьезно. Фохт, Фохт у них ударная сила! Козырный туз. Они просто обязаны будут играть на него. Весь расклад у них для этого, другого нет. «На, скажут, забивай!» А вот как раз забивать-то ему мы и не дадим! То есть, должны не дать. И знаешь, кто не даст? Ты, Геша. Ты, ты, только ты! Фохт целиком ложится на тебя. Умри, но не дай ему дыхнуть. Привяжись и не отставай. Если он даже на ворота залезет, все равно за ним!

В защиту сегодняшней персоналки говорило еще и такое соображение: Фохту, игроку высокого класса, нельзя давать свободы на поле, для его нейтрализации не грешно и «разменять» сильного игрока (в данном случае Скачкова).

Иван Степанович заметил:

— Зато если Фохт у них «провалится», у них вот такая дырища образуется. Тут ты, Геш, сразу посылай Серебрякова!

Из особенностей австрийского нападающего тренер отметил, что Фохт вполне естественно уходит и вправо, и влево. Держать его нужно по всему полю, но не плотно, а с форой, примерно, в два метра,— тогда он не сможет обыграть опекуна на встречном движении, «противоходом». Лучше всего атаковать Фохта вполоборота, давая ему движение только в одну сторону, менее опасную по ситуации, чтобы в крайнем случае выбить мяч в подкате.

Стукнув в дверь, вошел Дворкин, непривычно возбужденный. Сейчас выяснилось, что обед, какой полагается команде в день игры, не будет готов к установленному часу. Хозяин отеля объяснил это тем, что обед обычно готовится к вечеру. Дворкин ходил ругаться и весь кипел. По режиму ребята должны были плотно пообедать за пять часов до матча.

— Иван Степанович, так невозможно. Обеда нет, переводчика нет. Хозяин, извините, как баран. Ничего не понимает!

С кряхтением поднявшись, Каретников стал нашаривать ногами тапочки. Приходится идти самому. Впрочем, любая забота была ему сейчас спасением, потому что помогала скрадывать медленно убывающее время ожидания.

За полтора часа до матча ребята натянули плащи, собрали сумки и сели в автобус. Под ровным сеющим дождем команда поехала на стадион. Дождь футболу не помеха, матч состоится при любой погоде.

По дороге Виктор Кудрин, не в состоянии выносить угнетенного молчания, принялся за Батищева — припомнил, как Семен сдавал недавно экзамен на право вождения автомобиля.

— ...подполковник этот болельщик, и Сема ему роднее сына, но хоть для близиру-то он пару вопросиков должен кинуть! «Семен Анисимович, спрашивает, что вы будете делать, если вдруг загорится красный свет?» Сема лоб гармошкой. «Остановлюсь, наверное...»—«Правильно! Молодец! А... если зеленый свет? Да вы, говорит, не волнуйтесь, подумайте хорошенько, мы подождем». Сема думал думал: «Наверное, поеду...»—«Ну, так поздравляем вас,

Семен Анисимович! Вот вам сразу международные права. Езжайте хоть за границу».

— Да хватит тебе!— оборотился на него со своего места Иван Степанович.— Вот завелся.

Виктор сконфуженно примолк и больше до самого стадиона никто не произнес ни слова:

Возле стадиона, где команда по утрам проводила тренировки, пузырилось необозримое количество мокрых зонтиков. Зрители дисциплинированно расступались и в полном молчании провожали автобус глазами. Напоследок шофер развернулся лихо, по-заграничному. Дома для такого разворота Николаю Ивановичу помешали бы гремучие трамвайные пути и самосвалы с бетоном, беспрерывно снующие с соседней стройки. Да и болельщики теперь бы уже облепили автобус... Здесь же был простор мокрой площади перед подъездом, парикмахерская аккуратность зелени, глубокомысленный монумент, одиноко мокнувший под дождиком.

В раздевалке сильно, едко пахло массажной растиркой. Дожидаясь очереди, ребята расхаживали еще прикрытые, подавляли нервную зевоту. Арефьич сходил в другой конец коридора, где помещалась раздевалка австрийцев, и сказал, чтобы не торопились, хозяева еще не приехали. Дворкин помогал перевинчивать шипы на бутсах.

Заметив, что Федор Сухов, как запасной, слоняется, не раздеваясь, Иван Степанович рявкнул:

— Это еще что за номера? А форма где? Живо!

И покуда Федор, недоумевая, заталкивал скомканные носки в туфли, Иван Степанович снова опустил голову, совсем, казалось бы, не замечая, что происходит вокруг.

Возле Скачкова хлопотал Дворкин, держал наготове свежий резиновый бинт и наколенник.

— Не будем сегодня бинтоваться,— шепотом сказал ему Скачков.— Хочу сыграть получше.

Дворкин поколебался, но уступил.

Одевание команды подходило к концу. Серебряков уже расхаживал, заметно бледный, покусывая губы. В углу на своем обычном месте неслышно собирался Мухин. В команде его звали «железным», человеком без нервов, но нет, были и у Мухина нервы, только он умел переживать молча, тайком от всех. С Батищевым хлопотал Матвей Матвеич. Массажист был последним человеком, в руках которого находился футболист перед выходом на поле. Сема от волнения осунулся,— его и без того всегда трясла предстартовая лихорадка.

— Сем, а Сем...— негромко звал массажист и дружески пихал закостеневшего парня в широченную спину.— Да ты чего это, Сем?

— Отвали, Матвей Матвеич,— отмахивался Сема.

— Сема, милый, да ты глянь на себя в зеркало! Ты гляделся сегодня в зеркало?

— А чего я в нем не видел?— Батищев, морщась, продолжал натягивать гетры.

— Да в тебе же силищи вагон, Сема! Ты только глянь на себя... Ты даже не представляешь, как ты сегодня сыграешь! Вот голову мне отруби!

Батищев выпрямился, слегка прикрыл глаза, словно прислушиваясь к ощущению силы в своем большом теле, и не удержал глубокого, до самого дна груди, вздоха.

— Ладно, Матвей Матвеич. Посмотрим.

Для каждого из игроков у массажиста нашлось какое-нибудь дружеское напутствие. Скачкову он сказал:

— Побереги ногу, Геш.

Наступила минута, когда даже в раздевалке чувствуется, как накалилось нетерпение на трибунах, и зрители, выгибая кисти, беспрерывно поглядывают на часы, а затем вытягивают шеи в ту сторону, откуда должны появиться футболисты для разминки. Чего они тянут? Пора! В это время глубоко под трибуной команды заканчивают одевание, осталось двое-трое вечных копуш,— последний узелок на шнурках, последнее подтягивание трусиков, гетр. И — озноб ожидания, сводящий плечи, судорожное втягивание воздуха сквозь стиснутые зубы.

Потряхивая ногами, Скачков прошелся между креслами, задел плечом Серебрякова. К нему приблизился Арефьич и молча повязал на левую руку красную ленточку, проверил — не туго ли?

Под грудой как попало навешанной одежды возились и вполголоса переговаривались Белецкий, Соломин, Турбин. Они, казалось, никого вокруг не замечали и были заняты только собой. Белецкий и Турбин тоже одеты для игры, однако с особенным старанием они обряжали Соломина. Из них троих только он «железно» появится на поле. Опустившись на колени, Турбин зажал обутую ногу товарища и в последний раз проверил, как сидит бутса, ровно ли натянута гетра. Ему показалось, что лоскут бинта, которым подвязываются гетры, затянут слишком туго, и он перевязал его заново. Скачков невольно вспомнил свой первый позорный матч в «основе» (рядом с ним в тот момент не оказалось никого) и он позавидовал дружбе ребят, их ра-

дению за успех товарища, которому сегодня первому из возрастного поколения предстоит ответственнейший экзамен.

До тех пор, пока Соломина не перевели из третьего домика на место Комова, ребята жили в одной комнате. Соломин раньше них сделал шаг наверх. В последнее время все чаще стал появляться в основном составе и Белецкий (правда, пока что на подмену), но еще немного и пробьет его час. Хуже складывалось у Турбина.

В прошлом году, перед первым матчем с австрийцами, тренер попробовал молодого вратаря в «основе». Начало сложилось для парнишки скверно: в первом тайме Турбин два раза «пустил пенку». На второй тайм в воротах снова встал Маркин.

Во время перерыва на Турбина было жалко смотреть. Длинный, нескладный, он сложился в кресле, точно перочинный ножик: повисла голова, торчат колени, локти. Жалея его, Скачков оборвал Комова, а после матча, вечером, зашел в общежитие дублеров. Ребята сидели в вестибюле, смотрели телевизор, один несчастный Турбин лежал в постели, засунул голову под подушку. «Ну, ну... чего ты?»— Скачков присел на краешек, потрепал парня по плечу. Он заставил Турбина одеться и потащил его на улицу, привел к себе домой. Клавдия, видевшая матч, догадалась, зачем Скачков привел гостя, быстро накрыла стол, подала ужин. Разговор за столом шел о предстоящей игре с австрийцами. (Завтра они должны были прилететь. «Как думаешь, Валера, выиграем?»— спросил Скачков. Парнишка положил ложку, покраснел: у кого спрашивает! Но тут вступила Клавдия, припомнив, какой сегодня мяч вытащил Турбин из самого угла, из «девятины». Она была убеждена, что стой в воротах Маркин, гол был бы неминуем, такого мяча Маркину не взять... Постепенно парень ожил, расшевелился. Клавдия заварила чай, затем стала оставлять гостя ночевать. Турбин опять смутился, вскочил, что-то залепетал, Скачков махнул ему: «Нечего, нечего, ложись, и никаких! Это приказ. Понятно?»

— Ребята,— наказывала Клавдия,— утром я уйду рано. Завтрак вам будет на столе. Вы уж как-нибудь сами. Хорошо?

Укладывая гостя, Скачков заботливо подоткнул одеяло, мазнул его по вихрам и засмеялся:

— Ты не представляешь, что было со мной. Не веришь — чуть не вешаться хотел! А у тебя... плюнь. Яшин вон, уж какой вратарь, а знаешь, как начинал? Вышел первый раз

в основе и не то четыре, не то пять штук схватил. Честно! Хоть у кого спроси!

Утром они позавтракали и вместе отправились на базу.

Пример Яшина не выходил у Турбина из головы. Но не получится ли, неожиданно спросил он, что Маркин тоже будет играть до таких лет, как и знаменитый динамовский вратарь? Ведь лучшие свои годы можно просидеть на скамейке запасных! Глаза у Турбина были круглые, телячьи. Скачков рассмеялся. В своей наивной откровенности парнишка выдал себя с головой: выходит, настроение настроением, а голова у него занята все-таки одним. Но что ему сказать, чем утешить? Быть может, сам того не понимая, затронул он самое болезненное: одним не хочется стареть и уходить, другим не терпится вступить в свои права. И пусть вчера первый блин у парня вышел комом, но что же ему остается: дожидаться, пока не сойдет основной вратарь «Локомотива»? А сколько ждать? Год? Два? Больше? Маркин же, как нарочно, нисколько не старел, а, наоборот, прибавлял и прибавлял и стоял уверенно, надежно, с запасом еще не на один сезон. Правда, время у Турбина проходило не бесполезно. Исподтишка он многое перенимал у старшего товарища, однако, что в нем нравилось Скачкову, это то, что, перенимая, он во многом старался оставаться самим собой (задатки, как считал Скачков, самобытного большого мастера). Маркин всю жизнь как некий талисман надевал старую потрепанную кепку, у Турбина же торчали неприкрытыми белесые мальчишеские вихры. Маркин был резок и прыгуч, точно перекачанный футбольный мяч, Турбина же отличала какая-то замедленная, словно бы сонная манера. Перекрывая ход мячу, он вроде бы не прыгал, а лишь вытягивал свое нескладное худое тело, вытягивал до тех пор, покуда мяч не прилипал к его рукам. Клавдия заметила правильно: грозные для вратарей углы, «девятки», для Турбина не представляли трудностей, он доставал до них играючи. Приглядываясь к нему, к его необычный игровой манере, Скачков не сомневался: прекрасный растет вратарь!

Сейчас, прохаживаясь мимо возившихся ребят, Скачков догадывался, что в душе Белецкий и Турбин, как водится, завидуют Соломину, но в то же время сознают его ответственность и на пороге такого матча, в ожидании которого бледнеют даже самые опытные игроки, стараются ему помочь чем только можно. Они не задумались бы перелить в него весь запас своих нетерпеливых сил — только бы он не ударил в грязь лицом и сыграл как нужно!

Когда-то Скачков сам с таким же нетерпением рвался на поле, торопил время, возраст, не сознавая, что каждый прожитый спортсменом год — это по существу гол в собственные ворота. Он хорошо помнил мягкий умудренный взгляд Шевелева, когда тот с доброю усмешкой наблюдал за его старательностью, за его нетерпением. Кажется, много ли прошло? А вот уж он сам, когда до начала тяжелой, небывало тяжелой встречи оставалось совсем немного, испытывал к ребятам одну отеческую ласку и ничего другого. Если бы он умел, то передал бы им весь свой опыт, все свои удачи и несчастья, чтобы они не тратили молодых лет на повторенье пройденного, а начинали бы свой нелегкий долгий путь с того, на чем заканчивал он сам.

Ему хотелось сказать этим горячим, сгорающим от нетерпения ребятам, что судьба их, видимо, сложится у каждого по-разному. Одни, быть может, вспыхнут ярко и погаснут скоро, как некие метеориты в чрезвычайно плотной, трудной атмосфере нынешнего спорта, другим, вполне возможно, суждена завидная долголетняя участь уверенно горящих светил. Но вот что будет одинаковым для всех: путь, который они сами выбрали себе, будет сладок и невыносим одновременно. Сладок удачами и горек неминуемыми поражениями. Однако, если удачи, ободрив надеждой, пролетают большей частью без следа, то поражения оставляют в душе каждого глубокие занозы, рубцы на сердце, и в этом старые спортсмены чем-то напоминают бывалых отвоевавших солдат. О, эти поражения, несостоявшиеся победы! Привыкнуть к ним, смириться с ними невозможно. Кто, как не проигравшие, горше всех ощущают крах надежд, своих и болельщиков? Это они уходят с поля под насмешливые крики зрителей. Это они избегают потом смотреть друг другу в лица и молчат, не знают что сказать. Да и что скажешь, чем утешишься? Каждый проигрыш это не только бурное разочарование трибун и горький нуль в таблице, но и всякий раз удар по психике. И жаль, что многие со стороны не понимают этого, не сознают, видя в команде всего лишь одиннадцать молодых атлетов и забывая, что в футбол играют не механизмы на сильных тренированных ногах, а обыкновенные живые люди, и атлетическая подготовка отнюдь не заменяет игроку души, так же уязвимой со всех ее сторон...

Все же спорт живет надеждой на успех, и все они, знавшие травмы поражений, верили и продолжают верить в то, что советский футбол с каждым годом продвигается к той заманчиво блистающей вершине, где нет места даже двоим.

Грянет когда-то и для нас этот великий день, и на далеком зарубежном стадионе Слава обнимет наших одиннадцать парней, над головами у них развернется полотнище родного флага, и все трибуны встанут при первых звуках величественного гимна. Сейчас еще трудно сказать, кто будут те одиннадцать счастливцев, на руках которых крылатая фигурка Победы появится в Шереметьевском аэропорту, чтобы получить наконец московскую прописку. Может быть, они еще за кромкой поля, за воротами, но они уже растут и ждут своего звездного часа. Избранники судьбы, вершители усилий всех, кто выбегал когда-либо в зеленый прямоугольник поля, кто поклонялся стуку мяча и верил, верил. К ним, будущим, Скачков испытывал ни с чем не сравнимую зависть.

Мальчишки, милые, вам будет гораздо тяжелее, чем нам, таков уж спорт! — но докажите свою доблесть, укрепите традиции еще больше, не останавливайтесь, а идите дальше, выше и поднимитесь, наконец, на заветную ступеньку, где еще никто из наших не стоял. Слов нет, вершина эта самой сложной трудности, против вас на поле тоже выйдут лучшие из лучших, у них тоже свои гимны и флаги, однако помните, что должен, должен же и футбол стать вровень с богатырским духом нашего народа!

Не подкачайте, мальчики! Станьте счастливей нас!

Отмахнув дверь, в раздевалку влетел Гущин.

— Иван Степанович, австрийцы на месте. Состав просят.

Несколько мгновений тренер сидел и с прежней задумчивостью рассматривал носки собственных штиблет. Затем сильно потянул носом и уперся в колени, поднимаясь с низенькой скамеечки.

— Состав, состав... Что ж, действительно пора.

Отбрасывая какие-то последние сомнения, он окинул взглядом раздевалку и нашел Сухова, лениво шнуровавшего бутсу.

— Федор, внимание! Выйдешь и будешь играть слева. Как всегда. Понял? Мухин, Серебряков и Сухов... В полузащите тоже трое: Скачков, Нестеров, Кудрин. Не вздумайте прижиматься к воротам! Давить! Нападать! Если даже гол пропустим — все равно.

От установки тренера у Гущина полезли вверх плечи, он замигал, замигал... Задолго до сегодняшнего матча, еще там, дома, был избран и отрепетирован на макете чисто защитный вариант. А теперь вдруг... Что же получается?

— Иван Степанович... Было же твердое решение. Есть установка... Так нельзя. Мы же договорились!

С незашнурованной бутсой Сухов ошеломленно уставился на спорившее начальство. Матвей Матвеич пихнул его в бок и указал на необутую ногу:

— Ты! Рот раскрыл...

Гущин, понемногу приходя в себя, попробовал нажать.

— Тогда, знаете ли, я снимаю с себя всякую ответственность. И ни за что не отвечаю!

— А вы и не должны отвечать,— совершенно мирным тоном заметил Иван Степанович и отвернулся.

— Тогда зачем же я?— самолюбиво вспыхнул Гущин.

— Вы? Вас я попросил бы вот о чем. Употребите, пожалуйста, все свое влияние, чтобы мы улетели сегодня же ночью. Мне сказали, что есть какой-то ночной рейс.

— Это невозможно!— запротестовал Гущин.— После матча прием.

— Да? Тогда завтра. Мы торопимся. У нас несколько тяжелых игр.

— Там телефон,— объявил Матвей Матвеич.— Москва.

Гущин загородился рукой:

— Я не пойду. Идите и разговаривайте сами. Как хотите, так и объясняйтесь.

Скривившись, Иван Степанович без слов помаячил Арефьичу рукой: сходи, поговори... Сам он не переставал соображать о том, что начнется сейчас на поле, и неторопливо оглядывал столпившихся вокруг него игроков — каждого в отдельности. Голые шеи из плоских вырезов футболок, настороженные в ожидании глаза... Коротенькие трусики со складкой, ноги длинные, нетерпеливые... «Ах, пацаны вы, пацаны!» Чтобы облегчить каждому из них отрезок жизни в предстоящие два тайма, он готов был разделить всего себя на части, вооружить их своим знанием, своим опытом Англии и Хельсинки. Ему хотелось произнести значительные веские слова: что клубные футболки в сегодняшней игре для них футболки сборной; что атака — закон футбола, кто не атакует, тот не выигрывает; что, выбрав атакующий вариант, он поверил в них настолько, что вручает им и свою собственную судьбу тренера, потому что исход сегодняшнего матча... Но в то же время он понимал, что именно сейчас, в последнюю минуту, будут бесполезны любые, даже самые высокие слова. Ребята пойдут и вынесут с собой на поле то, что в них заложено раньше, с рождения, а так же и то, что он успел вложить в них за несколько месяцев совместной жизни и

работы. Среди них мало новичков, еще не выезжавших за рубеж, но даже новобранцы в команде сознают, что у матчей за границей особый настрой.

— Значит, так,— сказал он.— Геш, с тобой, по-моему, все ясно. Саша,— обратился он к Соломину,— помни одно: зона. Зона, зона и зона!.. Сема,— он нашел Батищева,— тебе Ригель. Ну, а вы, братцы-мушкетеры...— Иван Степанович обнял всех троих: Серебрякова, Сухова и Мухина,— рвите. Не мусольте мяч. Собрались на краю, разменяйся с полузащитником и — сразу же длинный пас. Туда, на край. Растаскивайте их, заставьте побегать.

— Авантюра!— проворчал Гущин, но на него никто не обратил внимания.

— Сели!— скомандовал Иван Степанович.— Все сели!

Гущин, подчинившись, неохотно опустился на ручку кресла, где сидел Алексей Маркин.

— Встали! Пошли. Где мячи?

Застучали шипы, но за дверью раздевалки послышался голос Матвея Матвеича: он с кем-то спорил, кого-то не пускал. Остановились, Арефьич скорыми шагами отправился выяснять в чем дело.

Вернулся он с незапечатанным конвертом, протянул Каретникову.

— Осторожнее!— крикнул Гущин, когда Иван Степанович полез в конверт.— Могут быть провокации!

Во все глаза команда наблюдала, как тренер вынул сложенный листок, развернул и стал читать. По лицу его промелькнула тень, он несколько мгновений оставался в задумчивости, не опуская руки с письмом.

— Мы вчера,— произнес он, по-прежнему глядя в прочитанный листок,— были на экскурсии. Это вот пишут люди, которые хорошо знали нашего Карбышева, помнят его. Они каждый год собираются на съезд бывших узников Маутхаузена. Сегодня они пришли на стадион посмотреть, как мы сыграем. Они будут болеть за нас.— И, словно важным документом, Иван Степанович потряс письмом.

Служитель стадиона, бежавший по коридору к советской раздевалке, был удивлен: команда стояла наготове, но каждый игрок застыл в каком-то оцепенении, опустив голову.

— Идем, идем...— покивал служителю Иван Степанович, возвращая всех к действительности.— Пошли, ребята.

Двинулись,— затопали, застучали. Маленького Мухина затеснили к стенке коридора. Скачков поправил на руке красную капитанскую повязку.

Туннеля не было, команды выбегали на поле через проход между трибунами.

У австрийцев шла разминка. Другая половина поля оставалась свободной.

Дождь прекратился, в небе намечались разрывы и глубокие промоины. На беговой дорожке стояли лужи. Алексей Маркин первым перемахнул на поле и побежал к воротам, стукая кулаком в кулак, чтобы плотнее сели перчатки. На бегу он оглядывался, следил, как ему вдогонку высоко, дугой, летит мяч. На поле появились и, приволакивая ноги, разбегались по всей половине игроки в оранжевой форме. Застучали глухие удары по еще не намокшим мячам.

На появление команды гостей трибуны отозвались по-нашему: свистом в пальцы и по-своему: взревели дудки, глухо забили барабаны, а где-то на самом верху восточной трибуны оглушительно зазвонил колокол. Из глубины рядов, поднимаясь над зонтиками, размахивали флагами.

Проход под трибуной охраняли полицейские, плечистые, невозмутимые, руки за спину, ноги на ширине плеч. Верхние ряды гудели пристойно и солидно, и только у самого ограждения, возле барьера из крутых суконных спин и касок с ремешками бесновался и кипел как бы сплеснутый со всех рядов прибой: кучка потрепанных людей с разинутыми ртами. Привыкший к стадионному гулу, Скачков не сразу разобрал оскорбительные для русского уха словечки. Его подтолкнул Владик Серебряков и указал за спину полицейскому, стоявшему, как монумент, с ремешком на крепком подбородке:

— Смотри-ка, никак знакомый?

В старике, орущем с такой мстительностью, что кровью занесло глаза, Скачков узнал вчерашнего «знакомца» из подвальчика. Ишь ты, и сюда приперся! И гляди, как он подскакивает и грозит кулаком, показывая изжеванные зубы. Скачков усмехнулся: всего-то и осталось у тебя, сердешный, что строевой есаульский бас!

На австрийской половине поля Скачков выглядывал игрока с цифрой «13» на футболке. Фохт, как писали газеты, не верит в несчастливые приметы.

— Ветерок!— заметил Мухин и завертел головой.— Скоро разгонит.

Низенький, сбитый, как бычок, он легко перескочил через лужу на беговой дорожке. На поле Мухина всегда отличала неуемная настырность. Сколько раз его сбивали так, что он выкатывался на дорожку, но нет, он снова

вскакивал и продолжал бежать, неуязвимый, твердый, словно шмель. Увечья, казалось, не имели над ним никакой власти. Как-то «Локомотив» играл товарищеский матч в соседнем шахтерском городке, и на стадион пришла мать Мухина, работница обогатительной фабрики. Скачков, хоть не знакомь его, узнал бы ее из тысячи: тот же маленький Мухин, только в черном вдовьем платочке. Видно, и речистостью природа наделила их обоих одинаково — за весь вечер, пока гостили, голоса ее так никому и не довелось услышать...

На поле Мухин мелко-мелко заперебирал ногами, имитируя рывок на месте, затем пробежался, пробуя, держат ли шипы на мокром грунте. Трусы, футболка, гетры — все на нем было чистеньким, отглаженным, но вот Соломин подал ему верхом мяч, он, не раздумывая, принял его грудью, и на футболке появилось первое пятно. В конце разминки он был так заляпан, будто его возили по грязи.

Разглядывая австрийскую половину поля, Скачков узнавал прошлогодних игроков: Фогель, Зихерт, Либрих, Ригель... Ну да, в пару Фохту, не признающему старомодных «кружев», да еще Ригеля!

Игрок с цифрой «13» на футболке, курчавый, коренастый черномаз с толстыми, словно раздутыми в бедрах ногами, разминался перед воротами, хлеща мячи с обеих ног. Вблизи Скачков разглядел узко поставленные глаза Фохта, сильный, с ямочкой подбородок, сизо выбритые щеки. «Похож на итальянца...» Коротенькие, как у подростка, трусы казались недомерками, они не закрывали ног, покрытых редким крепким волосом.

Выпустив на поле четырех нападающих, австрийцы из своих замыслов не делали секрета. Но ведь и «Локомотив» тоже собирается нападать! Интересно, что предпринял тренер австрийцев, увидев в советской заявке тройку нападения? На какой-то миг в душе Скачкова появилось опасение, что весь их план игры может с первых же минут полететь кувырком. И все же, наблюдая, как искусные ноги Фохта, словно катапульты, расстреливают самые уязвимые участки ворот, Скачков не мог не согласиться с Иваном Степановичем. Уйти целиком в защиту, значило дожидаться милости божьей. А Фохт... вон он как «поливает»! А есть еще верткий, как угорь, Фогель с превосходным дриблингом, рассудительный спокойный Зихерт с хлестким прицельным ударом, веснушчатый Либрих с его кинжальными прострелами с фланга.

Но вот свисток, у края поля появилась тройка судей.

Тот, что в центре, держит на ладони глянцевый пятнистый мяч.

Что ж, начинается — сейчас начнется...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Начало матча подтвердило самые худшие опасения Скачкова. Австрийская четверка нападения четырьмя нацеленными зубьями возникла перед штрафной площадкой и стала плести петли, добираясь до ворот Маркина. Сзади, из глубины поля, подтягивались тылы.

Приняв передачу, Фогель мелким дриблингом повел мяч к краю поля, за ним бежал Виктор Кудрин, отжимая его к бровке. Скачков заметил, как с фланга в центр тотчас же переместился Зихерт. Сам Фохт пока неторопливо двигался в оттяжке, выбирая место. Пропуская Зихерта, Скачков оглянулся: на месте ли Соломин? Он обязан был «подобрать» Зихерта... Потом исчез куда-то Ригель. Но нет, Батищев караулил его в оба глаза. Ригелю сегодня едва ли «светит». Сема, если он играет не в зоне, а «по игроку», прямо скажем, не подарочек!

Умение защитника представлялось Скачкову похожим на искусство шахматиста: по расположению «фигур» на поле защитник обязан угадать перемещения мяча и встретить его там, где всего опаснее. Так было и сегодня, сейчас. В том, что главный нападающий австрийцев как бы намеренно не участвует в начавшейся атаке, Скачков угадывал тайный замысел, заранее наигранную комбинацию. Так оно и получилось. Почти от углового флага Фогель подал мяч в штрафную, и Зихерт, разогнавшись, на какой-то миг опередил Соломина. Собственно, он не опередил, а просто был постарше, опытней. Саша выпрыгнул на мяч с закрытыми глазами (классический изъян защитников), и Зихерт выиграл воздушную дуэль. Он не ударил по воротам сам, а лишь остановил мяч головой и скинул его набегающему Фохту.

Разбег австрийца на удар был так стремителен, что от его толчка Скачков слетел с ног и проехался по траве.

Свисток судьи остановил игру, и Фохт, любезно улыбаясь, подал руку сбитому сопернику.

— Геннадий Ильич...— задыхаясь, подбежал Соломин,— я пробью.

От удара Фохта в груди Скачкова сперло. В нем, в дьяволе, килограммов девяносто будет, если не больше. Девяносто килограммов крепких костей и тренированных,

отборных мышц! Отдыхиваясь, Скачков несколько раз скрестил перед собою руки и присел.

— Сашок,— сказал Соломину,— не прыгай с закрытыми глазами. Когда бьешь, старайся посмотреть на мяч.

А сам подумал: хорошо советовать! Самому ему тоже не сразу удалось преодолеть этот порок. На фотографиях, где шла борьба за верховые, Скачков похож был на утопленника, торчком застывшего в воде: волосы вверх, ноги отвисли, глаза... Вот с глазами-то он и помучился, пока привыкал не закрывать их, а все время видеть мяч!

Еще Скачков сказал, чтобы Саша не торопился пробивать: следовало разобраться, осмотреться.

Соломин стал переставлять мяч, потом попятился для разбега. Наблюдая за его уверенной повадкой, Скачков сейчас жалел его и любил — одновременно. «Бедный парень! Первый сезон в «основе» и сразу же такая ответственность. Черт возьми, кто болтает, что футбол забава, блажь? Спросили бы сейчас у этого парнишки, что он чувствует! Но молодец будет, если выдержит и не сорвется».

Австрийцы всей четверкой маячили на подступах к штрафной. Фохт что-то коротко бросил Либриху, тот побежал на самый край. Полузащитнику Фохт показал рукой, чтобы подтягивался ближе, поактивней. Они обкладывали Маркина в воротах основательно, словно охотники берлогу. На трибуне вдруг пронзительно заверещала дудка, призывая к штурму, и по стадиону прокатился плеск нетерпеливых аплодисментов.

Разбежавшись, Соломин мокрой бутсой ахнул по тяжелому мячу. Нападающие австрийцев, не сомневаясь, что мяч сейчас опять вернется к ним, стали заранее перемещаться, каждый высматривая коридор к воротам. Не верили они, что ли, что русские будут способны атаковать?... Нестеров перевел мяч Мухину, тот головой вперед, разгоняясь все сильнее, понесся самой кромкой. Он выманил защитника к угловому флагу, затем, не глядя, исполнил «перекидку» в центр, но Серебрякова к мячу не подпустили — перехватили. Похоже, австрийцы ожидали этой комбинации, были к ней готовы. Не исключено, что у их тренера тоже заведена тетрадка, куда вписаны все игроки «Локомотива» поименно, каждый со своими особенностями.

Сбивая нараставший темп, Маркин поймал мяч и не торопился вводить его в игру: катил перед собой ногами, снова брал в руки. За воротами ходил, руки в карманах,

Иван Степанович. Вот он что-то крикнул, гневно покраснели щеки.

— Влад...— повис над истолченным полем голос Маркина.

Сойдясь с Серебряковым в центре поля, Скачков потребовал, чтобы нападение хоть что-нибудь «сплело». Ведь задыхаемся!—и он ребром ладони чиркнул себя по горлу.

Владик был еще сухой и чистенький. Успокаивая капитана, он показал рукой: не надо шума. Все будет в порядке!

На что он надеялся, оптимист?

Пятясь и перебегая перед Фохтом, блуждающим в центральной зоне, Скачков не переставал смотреть, что там затевают свои нападающие. Ага, Серебряков. Молодой-молодой, а сообразил подходяще: поняв, что к нему намертво прилип персональный сторож, Владик в свою очередь приклеился сам к другому игроку австрийцев — получилось, что он оттянул на себя сразу двоих соперников. Это дало простор в центре, и ребята заиграли активнее.

Маневр Серебрякова разгадал тренер австрийцев, сидевший с запасными игроками на скамейке. Он вскочил со своего места и что-то крикнул вратарю, тот — защитникам. Опекун Владика покрутил головой и стал играть самостоятельно. Ну что ж, надо браться за что-то другое. И Серебряков, по-прежнему действуя в оттяжке, принялся дирижировать. Смотри ты, изумлялся Скачков, не гнушается и черновой работой. Молодец, Влад!.. Взяв на себя связь защиты с нападением, Серебряков своими передачами стал понуждать Мухина и Сухова, а с ними и двужильного Кудрина к активности. Особенно это пошло на пользу Мухину. Напористый и работящий, словно муравей, он стал прорываться уже не к флангу, а в штрафную. Несколько раз рослые защитники австрийцев останавливали его, снисходительно выбивая мяч к трибуне. Поднимаясь на ноги, Мухин выглядел так, будто рыл землю.

Все же он прокопался, пронырнул мимо своего ногастого опекуна и, мелькая пятками, бросая грязь с шипов, стал резать угол. К нему навстречу из центральной зоны устремился стоппер. Мухин, выждав сколько нужно, вдруг низом отдал мяч на освободившееся место. К Владику Серебрякову, набегающему с поля, бросился последний из защитников, намереваясь пусть ценой штрафного помешать ударить с хода. Владик показал, что хочет бить без обработки и размахнулся, но в последний миг подпрыгнул

и пропустил мяч под собой. Защитник врезался, они упали, а на трибунах, в нескольких местах, раздался женский визг: к катившемуся по траве мячу, включив свой знаменитый скоростной рывок, летел Федор Сухов. Он набегал и видел обреченные ворота, и сознавал, что больше такой возможности австрийцы ему не предоставят. «Подобрав» на бегу ногу, он поймал мяч на подъем и засадил с такою силой, что слышен стал удар мяча в натянутую сетку. В этот миг он испытал порыв, когда в замах ноги, завершивший общее усилие команды, вложился весь разбег, вложилось все движение неистовой и раззадоренной души... Нате вам!

Дошло ли до сознания австрийцев, что сейчас произошло? Они оцепенели на местах, где их застал внезапный гол, постояли и обескураженно, не глядя друг на друга, побрели к центру поля.

Забитый мяч был в общем-то неожидан и для своих. Федора Сухова поздравил один Павел Нестеров, наскоро пожал ему руку, хлопнул по плечу и побежал на свое место.

Бодро подкатывая рукава футболки, Скачков возликовал: «Ну, а теперь мы еще посмотрим!»

Алексей Маркин передал на поле предостережение тренера:

— Ребята, они сейчас примутся грубить!

Вратарь австрийцев достал из сетки мяч и с досадой выбил далеко в поле. Мяч катился, к нему никто не спешил. Фохт, стоя у центральной отметки, что-то сквозь зубы приказал, и за мячом бегом бросился Либрих.

После пропущенного гола терять австрийцам стало нечего, и Скачков приготовился к неудержимому напору.

— Влад,— потребовал он,— сейчас иди вперед. Оттянешь на себя, нам тут легче будет.

К тому же он надеялся уловить момент и заставить Владика сыграть на контратаке. При навале на ворота нападение австрийцев неминуемо должно было увлечься и «провалиться» на нашу линию защиты.

Фохт заиграл стремительно и резко, лез напролом, и Скачков все чаще распластывался на траве, сбитый с ног его умелыми, крепкими толчками. Поднимаясь, он потирал ушибленные места и просил ребят, ставивших мяч для штрафного, не торопиться. Сейчас, по тому, как складывалась игра, следовало продержаться до перерыва.

Сколько там еще минут осталось?

На половине поля у австрийцев осталось двое защитни-

ков караулить одинокого Серебрякова, издали они нетерпеливо наблюдали, как их нападение проламывает русскую защиту.

В борьбе за верховой мяч Соломин столкнулся с Либрихом, выиграл на этот раз, но Либрих вдруг упал и растянулся, картинно лег плашмя. Растерянный Соломин, ничего не понимая, бросился его поднимать, но раздался свисток, и судья проворно побежал к месту столкновения. «На все идут!»— подумал Скачков, увидев, как вскочил Либрих и стал торопливо устанавливать мяч.

Подбежал Фохт, и Либрих отошел. Фохт переставил мяч по-своему, плотоядно посматривая на ворота. На линии штрафной ребята выстроили «стенку», «Влево... Влево!..»— кричал из ворот Маркин.

Искусство бить штрафные, используя стандартные положения вблизи ворот,— целая наука. Прошло время, когда игрок разбегался и разряжал свою «пушку», расстреливая ворота по прямой. На пути мяча выстраивалась «стенка». Сейчас в футболе появился целый арсенал приемов, как нанести удар, чтобы мяч шел по дуге, в обход «стенки», и все же не миновал ворот.

Штрафной удар Фохт пробил мастерски. Облетев «стенку», мяч закрутился в угол, под перекладину. Маркин обязан был в прыжке отбить мяч за ворота, но почему-то вдруг решил его ловить. Потом он объяснил, что поймал бы обязательно, если бы не поскользнулся. Но ведь он должен, должен был все время помнить о раскисшем грунте под ногами и не рисковать! Какой тут риск — не до риска!

Едва коснувшись пальцев вратаря, мяч опустился в сетку.

Оглушенная первобытным грохотом и воем, наша команда побрела занимать свои места. Надо ж! Такой было запас появился, а вот — все снова...

Гол воодушевил хозяев поля. На восточной трибуне не переставая трезвонил колокол: торопил, подстегивал, приказывал.

Головою отбивая передачу, адресованную Фохту, Скачков не рассчитал прыжка, мяч срезался и отлетел к Соломину. Мокрый, с клочьями грязных волос на воспаленном лбу, Саша растерялся. Гол его выбил из колеи, что ли? Отдай он мяч снова Скачкову, даже просто запусти его подальше на трибуну — и все, никакого бы греха. Нет, он вздумал развернуться и откатить мяч вратарю. Но Ри-

гель, Ригель же рядом! И тот сорвался с места: укараулил все-таки.

А дальше все произошло в какое-то мгновение: рывок и замах Ригеля, бросок Маркина в ноги, под удар.

Сознавал ли Маркин всю меру опасности, закрывая собой ворота? Всей меры, видимо, не сознавал. Да и некогда ему было рассуждать об этом, сознавать. Его толкнул инстинкт вратаря, желание спасти ворота, счет, не подвести команду. Назавтра в отчетах газеты писали, что русский вратарь ценою своих шейных позвонков переломил ход матча и уберег команду от разгрома. Это был один из тех поступков, которые, будучи брошены на весы победы, перетягивают чашу даже самого неодолимого соперника. «Русский пошел на таран»,— писали о Маркине, словно в боевой сводке. А одна из газет, объясняя читателям исход поединка, заключила: «Не нужно забывать, что в активе любого спортивного коллектива русских две жесточайших Отечественных войны, которые выиграл их народ. С такой форой русские спортсмены не обязаны считаться даже с явным превосходством своих противников». (Вообще назавтра все газеты, словно извиняясь за свое недавнее пренебрежение к гостям, опрокинули на читателей целый ворох разнообразной информации).

Маркин, перекатившись на спину, лежал, не поднимался. Лицо его было залито кровью. Вратарь по существу самый беззащитный человек в команде, несмотря на то, что ему разрешается играть даже руками. Батищев грудью полез на Ригеля, но того загородил Фохт и пояснил руками: дескать, что поделаешь, игра... Ригеля наши ребята видели еще в прошлом году, но только сейчас заметили, что он сильно косит глазом, мертвый зрачок у него все время уползает к виску. После того, как он влепил удар в голову вратаря, лицо Ригеля сделалось опустошенным и еще жутче стал заметен этот его вывороченный глаз.

Покалеченного Маркина вынесли и положили за воротами. Скоро его увезла длинная белая машина с красным крестом. Вместе с носилками в машину влез врач Дворкин.

Скачкову запомнилось, какими глазами проводил машину грязный истерзанный Соломин, с какой решимостью на юном лице выбежал на поле и занял место старшего товарища в воротах чистенький Турбин.

Запасному вратарю не пришлось даже вступить в игру — время первой половины встречи истекло.

В раздевалке, стянув измызганную футболку, Мухин

лежал в изнеможении, с руками до полу. Голый живот у него запал, как у голодного, загнанного зверя. Матвей Матвеич принес ему горячего чаю, он принялся глотать его жадно, крупно, не открывая глаз.

Над Соломиным орудовал Арефьич: одной рукой оттягивал ему резинку на трусах, другой крутил влажное полотенце, гоня на грудь прохладную струю.

Вернулся Иван Степанович, ходивший звонить в больницу. Но куда там — еще не довезли. Он оставил у телефона Гущина, наказав ему справляться каждые десять минут.

— Еще одна такая игрушка,— крикнул Матвей Матвеич,— и ставить некого!

Пол в раздевалке закидан ошметками грязи. Выбирая, где поставить ногу, Иван Степанович подошел к Соломину, положил и оставил на плече его руку.

— Ничего, Саша, все хорошо.

У Соломина дрогнули и опустились ресницы.

— Чаю дать?— спросил его Арефьич.— Выпей, выпей — нечего! Со всяким может случиться. Игра ведь...

— Федор...— позвал Иван Степанович и пальцем показал, чтобы Сухов прислушался.— Не возитесь вы, ради бога, на краю. Ну чего вы там мусолите? Соберут кучу малу! Смотри: тут у тебя Кудрин, тут Нестеров, тут... Батищев...— Назвав Семена, тренер спохватился было, но решил продолжать.— А что? И Батищев! Так еще ляпнет — ой-ей-ей! Верно ведь, Сема?

Уронив в колени руки, Семен с жалким видом шарил по полу глазами. Чего уж... Лучше бы Иван Степанович не замечал его, не трогал. Всю жизнь в запасе и только иногда... И если уж Батищев выходит в «основе», значит дела у «Локомотива» идут неважно. Все знают...

Не поднимая глаз, Батищев вытер о плечо щеку. В том, что Ригель налетел на Маркина, он винил себя, а не Соломина. Он, только он обязан был не допустить! Не углядел!

За него вступился Кудрин, возивший футболкой по распаренному лицу.

— А что Сема? У попа теленка съел? Дай ему на ход, он еще так засадит, что всей командой тащить будут!

Как защитник, как игрок на поле Семен Батищев был сильно уязвим, но Кудрин, неистощимый на насмешки, никогда не прикасался к этому больному месту друга. Над чем-нибудь другим поскалить зубы — пожалуйста! Но только не над этим... Больше того, когда Семена за-

являли на игру, Виктор со своей выносливостью работал и за него.

Благодарный за поддержку, Семен взглянул на друга и растроганно мазнул себя по носу.

Запасного вратаря Валерия Турбина тренер оставил напоследок, пошел с ним на поле, приобняв за плечи и чему-то наставляя.

Исковерканное поле чернело комьями грунта. В небе после серого обложного ненастья творились голубые чудеса, и в мелких лужицах, стоявших на дорожке тонкой пленкой, было сине, отчего они казались как бы бездонными,— боязно наступить. Из-под развалов уходящих туч пробилось солнце и бросило на угол поля косую тень трибуны.

Появляясь из прохода, футболисты набирали полную грудь воздуха и оживлялись.

Обернувшись к солнцу, Владик упер в бока руки, поежился с закрытыми глазами, потом очнулся и сказал Скачкову:

— Прямо как дома, а?

К воротам налево, по самому обрезу тени от трибуны шел через поле Иван Степанович в обнимку с вратарем. Оба они обернулись, когда трибуны загудели: это появилась из прохода отдохнувшая австрийская команда. Турбин немного задержался, приставив руку козырьком, разглядывал.

Устраиваясь в воротах, Турбин обнаружил что-то под ногами в растоптанной грязи, поднял и хлопнул о колено: кепка, забытая вратарская кепка Маркина. Подошел Матвей Матвеич и забрал ее, почистил, спрятал в чемоданчик.

У австрийцев на острие атаки по-прежнему находился Фохт. Он походил на паука, дежурившего в центре хитроумной сети передач, которую безостановочно плели его товарищи, пытаясь вывести своего бомбардира на завершающий удар. Фохт оставался наконечником стрелы, направленной в квадрат ворот, где между стайками метался нескладный долговязый парень в черной свежей форме.

— Беру-у!..— тонким голосом завопил Турбин, разгоняясь на перехват высокого флангового прострела. Подстраховывая, Соломин отбежал в ворота. Весь вытянувшись в полете, Турбин успел схватить мяч над самой головой Фогеля. Тот сначала ничего не разобрал, потом

плюнул и побежал назад, в поле. Турбин стоял с мячом, как врытый и, озираясь, трясся мелкой дрожью.

— Хорошо, Валек!— крикнул ему Соломин.— Красавец!

Выбегая из ворот, он хлопнул вратаря по напряженной, камень камнем, спине.

— Расслабься, расслабься, Валек, не коченей... Вон направо выкинь.

По сравнению с Турбиным он был обстрелянный игрок.

...После матча, выступая перед журналистами, Иван Степанович отметил основной просчет австрийцев: замкнув усилия команды на одном Фохте, он значительно облегчил задачу «Локомотива». Наглухо закрыв своего подопечного, Скачков тем самым как бы отломил отточенное острие атак хозяев поля. «Хозяева забыли,— говорил Каретников,— что футбол это все же игра. Они работали на поле, боясь импровизировать, боясь ответственности за импровизацию. А без творчества сейчас нельзя — не тот футбол».

Кроме того, ни тренер австрийской команды, ни сами игроки не учли перемены в настроении советских футболистов. Своим поступком Маркин как бы показал, что за ним действительно «полоса пограничная идет». Такие поступки способны переломить ход любого поединка, придать команде второе дыхание, известное любому спортсмену, одолевающему трудную дистанцию. Австрийская команда не заметила, как оказалась расколотой надвое. Защита и полузащита увязли вдруг по горло в обороне, и нападение, опасное, даже грозное по своим возможностям, осталось без поддержки, с голым тылом. Здесь, конечно, следовало перестроиться по игре, однако над расчетами хозяев поля продолжала висеть надежда на свои наигранные, отрепетированные на тренировках схемы, которые должны были растрепать защиту русских и неоднократно поразить их ворота.

Все же Фохт добросовестно доказывал, что за него недаром плачены такие бешеные деньги. Скачков, став тенью знаменитого австрийца, не сомневался, что после матча он будет испытывать жестокую боль во всем теле, будто его колотили палками.

Неожиданно Скачков различил за своими воротами врача Дворкина. Он удивился: как, уже вернулся от Маркина? Дворкин что-то оживленно рассказывал, его слушали оба тренера, Гущин и массажист. Из ворот на них

оглядывался Турбин. Вскоре на поле передали: Маркина сняли с операционного стола. Врачи утверждают, что жить он будет, но уж играть ему больше не придется. Известие от игрока к игроку быстро облетело всю команду. Дворкин сказал, что после матча тренерам разрешено навестить травмированного в палате.

Увидев, что Скачков стоит свободный, Соломин мягко, щечкой, сделал передачу прямо ему в ноги. Скачков даже крякнул от досады: «Ах, Саша, Саша! Смотреть же надо!» А Фохт уже летел на него сбоку, летел в ту точку, где русский футболист должен был встретиться с мячом. Но не терять же мяч! Качнув корпусом, словно намереваясь встретить пас, Скачков моментально отклонился, успев перед мячом в упор поставить ногу. Фохт оказался жертвой своего сердитого разбега: хватив что было силы по мячу, он полетел вперед и брякнулся на руки.

Не подавая свистка, судья на бегу жестом показал, что игра продолжается, продолжается!

С мячом в ногах Скачков увидел впереди Серебрякова. От нетерпения Владик приплясывал и маячил руками, выпрашивая пас вперед, себе на ход. Его караулили, заслоняли, готовясь на перехват мяча, но Скачков недаром столько времени затратил на разучивание тормозящего паса (когда мяч летит по дуге и гаснет в нужной точке). Он ударил с таким расчетом, чтобы мяч не только нашел Серебрякова, но и пришелся под его любимую ногу, под левую. Скачков ударил, и сердце его екнуло предчувствием удачи. (Что-то, видимо, показалось в создавшейся позиции и Фохту: поднявшись на ноги, усталый австриец оперся ладонями о колени и, согнувшись, замер, наблюдая, что сейчас произойдет).

Серебряков пошел, попер неудержимо. Впереди, за линией штрафной, он видел прямоугольник ворот, пригнувшегося вратаря, а прямо перед собой, как досадную помеху, отступавшего защитника. Скачков извелся, ожидая: в запале Владик мог пойти на единоборство и проиграть. «Справа!»— крикнул он, но тот и сам заметил Мухина, коротким пасом отдал ему мяч и тут же получил его назад, уже за спину защитнику. Коротенькая двухходовка «в стенку» была разыграна, как на учебном поле. Догоняя мяч, Владик увидел, что вратарь пытается по замаху ноги угадать направление удара,— согнулся, весь нацелился... Тогда он не стал расстреливать ворота пушечным ударом, а всего лишь ткнул мяч коротко, по ходу, без замаха, направив его низом к самой штанге, и

вратарю, застывшему в ожидании удара, ничего не оставалось, как обеими руками хватить себя по бедрам. Опять! Что за проклятие!..

Турбин от радости, не выдержав, подпрыгнул и повис на перекладине своих ворот, дрыгая ногами. Матвей Матвеич потрясал обеими руками. Павел Нестеров, обычно сдержанный, упал на грудь Серебрякову, схватил его в охапку и закружил.

— Влад, дьявол! Я тебя сожру!

— Краса-авец!..— тянул Кудрин, размазывая по щекам бороздки пота.

Но что это? Либрих, Ригель, двое защитников сбежались и тесно обступили судью, доказывая, что мяч забит не по правилам: Мухин, принимая передачу, находился вне игры. Владик, разобрав в чем дело, даже рассмеялся и показал Скачкову: посмотри на них, чудаков! Судья на поле взглянул на бокового, тот с флагом у ноги спокойно шел по кромке. Тогда, выбираясь из толкучки футболистов, судья повелительно указал на центр поля. Гол засчитан!

Австрийцы затеснились еще жарче и азартнее, кто-то толкал судью в спину, а Ригель украдкой врезал ему по ногам. Судья гневно обернулся, но Ригеля уже заслонили, оттолкнули.

Поведение футболистов на поле взвинтило нервы на трибунах. Стадион, вскочив на ноги, ревел, дудел, неистово размахивал флагами. Скачков привык к тому, что футбол — это торжество, а торжество бесшумным не бывает, однако в здешнем реве из всех человеческих страстей отчетливей всего угадывалась жажда мести, крови. Матч незаметно перерос рамки обычного спортивного состязания.

Серебряков, поглядывая на беснующиеся трибуны, на игроков вокруг судьи, покачал головой.

— Вот ханыги, а?— сказал он Скачкову.

Несколько человек с трибун прорвали оцепление и выскочили на поле. Их попытался остановить судья с флагом, его со злобой отпихнули. За нарушителями бросилась полиция, началась тяжеловесная погоня под одобрительный вой дудок и звон колокола. Наконец порядок навели, но тут увидели, что Мухин скорчился и держится за голову. Рядом с ним на траве валяется бутылка.

«Мерзавцы!..»

Скачков с протестом побежал к судье: за хулиганство зрителей несет ответственность команда!

На поле появился тренер австрийцев. Принимая извинения, Скачков тем не менее настоял, чтобы все происходящее нашло отражение в протоколе.

Мухину забинтовали голову, он вышел было продолжать игру, но попросил замену. На поле выбежал свеженький Игорь Белецкий.

— Игорек, не заводись. Слышишь?— предупредил Скачков.

Какое там! Парнишка рвался в бой, дрожал от нетерпения. Кажется, подбей его сейчас, прими он травму вместе с Маркиным и Мухиным, он будет только счастлив.

Убывающее время заставляло австрийцев торопиться. Они еще не потеряли надежды переломить ход встречи и принялись бомбардировать ворота издали. Русские игроки с забрызганными грязью азиатскими скифскими лицами казались им на последнем пределе сил. Гол назревал, мяч должен, неминуемо обязан был влететь! Вот... еще бы чуть-чуть! Но Турбин, используя преимущества своего длинного тела, весь вытянулся наискосок ворот и в последний миг сумел толкнуть мяч кулаком. Угловой!

За воротами, взявшись рукой за сетку, Арефьич что-то выговаривал Турбину — похоже, успокаивал, просил взять себя в руки. Дворкин, тоже заклиная молоденького вратаря, смотрел на него с мольбой, прижав руки к груди.

Первый раз судья взглянул на секундомер, и этот его жест подхлестнул австрийцев. Трибуны теперь ревели, не переставая. Поощряемая громом соотечественников, австрийская команда торопливо взвинчивала темп и заиграла резко, откровенно грубо — обычный удел неудачников. От нервозности стали часты примитивные навесы на штрафную. Ригель упорно подбирался к молодому Турбину, но тут коса нашла на камень: Семен Батищев не давал ему дыхнуть. Ригель для устрашения попробовал свое излюбленное — кость на кость, Семен не отступил, и вот уже австриец отлетает на траву, вскакивает на ноги и взывает к судье. Нечего, нечего! Сам виноват...

Началась охота за Серебряковым. Задетый за живое: «Ах, так!» Владик не берегся и лез в самую свалку. Как он там уцелел, разбрасывая всю защиту искусными и хитроумными финтами — не объяснить! Парень был богом создан для футбола.

Все же был предел и силам нападающих.

Выпрыгнув на передачу, Скачков опередил Фохта, оставил его за спиной и отбил мяч, но, приземляясь, громко вскрикнул и свалился на спину. Это Фохт, опускаясь

после запоздавшего прыжка, всей тяжестью ступил своему сторожу на ногу,— Скачкову показалось даже, что под шипами Фохта что-то хрустнуло.

«Кость!»— сразу же мелькнуло в голове Скачкова. Если кость, он больше не игрок, не боец — команда останется доигрывать в меньшинстве.

Боль под коленом заставила его перекатываться по траве, обеими руками он держал ногу на весу.

Подбежал Семен Батищев и свирепо махнул на извинявшегося Фохта: иди, слушай, катись! Фохт потрусил на поле, там к нему пристроился Ригель, они о чем-то заговорили... Черт его знает, намеренно он наступил, не намеренно?

Судья показывал, чтобы подбитого футболиста вынесли, не задерживали игры.

Семен опустился на колени, подставил под покалеченную ногу обе ладони.

— Что, Геш? Заломал?

Этого Скачков еще не знал. Загибая голову, он заглядывал под колено. На месте раны гетра тяжелела, пропитывалась кровью. Но боль была поверхностная, это утешало. Сейчас укольчик, заморозить и можно доиграть. Одно досадно — он, дьявол, наступил как раз на ногу, которую Скачков хранил, оберегал... Будто нарочно!

Отстранив всех, кто сбежался, Матвей Матвеич поднял его на руки, вынес с поля и стал рыться в чемоданчике.

— Не трухай, Геш, кость цела. Мышцу разорвал.

Приподнявшись на локтях, Скачков оборотил лицо на поле: игра опять пошла, в защиту оттянулся Владик, стал как привязанный ходить за Фохтом, украдкой от судьи грязнил: ударит по ноге, подставит пятку,— мстил за Скачкова. «С ума сошел! Схлопочет штраф».

— Матвей Матвеич, затяни потуже. И заморозь. Да поскорей! Ты смотри, что он вытворяет!

Посапывая, массажист колдовал над раной и на поле не глядел.

— Сиди, Геш, отыгрался.

— Да ты что... ты думаешь, что говоришь?— крикнул Скачков.

Матвей Матвеич небрежно ткнул его в плечо, заставил снова опрокинуться.

— Лежи, я сказал. Без ноги хочешь остаться?

Присел Иван Степанович, быстро, цепко пробежался пальцами по ноге, вытер испачканную кровью руку.

— Черт ее знет, Геш. Рискуешь.

— Все равно,— потребовал Скачков.— Не заморозите, я выйду так. Выйду!— снова крикнул он.— Вы же знаете, что выйду! На костях доиграю!

Уступая, Иван Степанович поднялся и молча кивнул массажисту: давай, делать нечего.

— Ну, слушай!— сердился тот и, грубо схватив за ногу, перевернул Скачкова на живот.— Потом, смотри, не кайся. Поздно будет!

— Давай, давай! Ты свое дело знай,— приговаривал Скачков.

Упираясь руками, он изгибался и пытался заглянуть себе за спину. Чтобы он не дергался, Матвей Матвеич сгреб его за волосы и ткнул лицом в траву.

— Лежи!

Скоро боль в ноге пошла на убыль, но под коленкой обозначился бесчувственный комок, он был как груз и в общем-то стеснял, мешал. Однако играть было можно. Матвей Матвеич помог ему натянуть влажную от крови гетру, завязал.

— Ну? Держит?

Нога держала, и хорошо держала.

— Доиграю. Осталось мало.

Он отыскал игрока с цифрой «13» на футболке. Ему хотелось встретиться с ним еще раз — лицом к лицу, глаза в глаза. Оба они жили в мире спорта, и законы спорта не позволяли складывать оружие до самого финального свистка. Спортсмен всегда сражается не из одного упрямства, а во имя чего-то более высшего в себе. «Фохт хочет выиграть, не хочет проиграть. Но не хочу проигрывать и я. Если только он травмировал меня сознательно — значит, он преступил законы спорта, проиграл и признал свое поражение...»

Пробуя распрыгаться, Скачков пританцовывал на кромке поля и поднимал руку, привлекая внимание судьи. Павел Нестеров, давая ему возможность вступить в игру, запустил мяч в аут.

Судья издали сделал Скачкову разрешающий знак.

Выбегая, Скачков махнул Владику, чтобы отправлялся на свое место.

Вздымая грудь и смахивая с запаленного чернявого лица капельки пота, Фохт мрачно посмотрел в глаза Скачкову. Разозленный надвигающимся поражением, он весь кипел. На лице русского футболиста, изможденном, с обтянутыми скулами, появилась усмешка. Все сомнения Скачкова отпали, и в ответ на угрожающий взгляд этого нечис-

того на ногу наемника он показал кивком на табло над южной трибуной: дескать, взгляни лучше на счет! По игре им еще приходилось раз, другой столкнуться; Скачков валился на траву, но поднимался и каждый раз искал взгляд Фохта. Постепенно австриец перестал лезть на ворота и заиграл в оттяжке, посылая длинные и точные прострелы. Незаурядный мастер, Фохт был опасен и на месте дирижера, но его дисциплинированные партнеры по-солдатски продолжали осуществлять план тренера, до самого конца слепо надеясь на острие стрелы, которого уже не было. (Назавтра газеты привели слова самого Фохта, сказанные им еще в запале игры, сразу же после финального свистка: «Слава — это потаскуха. Она льнет к самым счастливым»).

Окончательную точку в поединке рискнул поставить Владик Серебряков и поставил ее с блеском. У него это бывало и раньше: сыграть эффектно, на публику, сорвать аплодисменты. Скачкова удивило: откуда в нем такой запас неизрасходованных сил? Другие ребята, тот же Виктор Кудрин, еле таскали ноги.

Получив мяч в метрах десяти от линии штрафной, Владик пренебрег возгласом справа, где открывался на краю свежий старательный Белецкий. (А может, и не пренебрег, заметив, что того уже готовились закрыть). Играючи, он пошел сам, пошел вперед, легкостью своих движений дразня защитников. Ах, самолюбие, ах, гонор! В это время слева очень хорошо открылся Сухов, сзади набегал Кудрин — каждый из них потребовал к себе внимания защиты, и это было на руку Серебрякову: он шел с мячом, дразнил и выжидал. Усталый, разозленный стоппер решился смять его вместе с мячом и ринулся, но Владик выкинул такую штуку: оставив на мгновение сзади мяч, он проскочил вперед и тут же пяткой сам себе послал на выход. Пижонство, трюк, позволительный разве лишь в тренировочной игре! Но и это было еще не все. Выскочив к воротам, он резко замахнулся, и вратарь, обманутый замахом, распластался в отчаянном броске. С мячом в ногах Владик оказался перед опустевшими воротами. Нога его так и зудела засадить мяч в сетку, но у него хватило выдержки — он забежал в ворота и щегольским движением ноги остановил мяч сразу же за линией, не дав ему коснуться сетки.

Это был разгром, удача,— полная победа!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Толчок, когда самолет коснулся полосы, встряхнул пассажиров, и салон оживленно завозился. Мужчины надевали пиджаки, женщины потащили с полок сумочки и свертки.

По узкому проходу полетела тоненькая стюардесса.

— Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. К выходу мы вас пригласим. Пожалуйста...

Скачков расстегнул увесистую пряжку привязного ремня и потянулся к иллюминатору. Далеко впереди виднелось здание аэровокзала с высокой надстройкой. У барьера, затопив всю площадку, копошилась толпа. Известие о победе обогнало команду.

Пока самолет, завывая моторами, подбирался к стоянке, команда собралась в коридорчике у выходного люка. Остальные пассажиры, сознавая исключительность момента, покорно дожидались на своих местах. Несколько болельщиков, блестя глазами, высовывались из салона. В полете от них футболистам не было спасения,— замучили расспросами.

Иван Степанович, утопив в карманах плаща руки, стоял с нависшей челкой и слушал, что говорил ему Брагин, летевший с командой из Москвы. До Скачкова донеслось:

— В наше время относиться к спорту, как к пустой забаве, по меньшей мере смешно. Спорт — визитная карточка страны...

Герой венского матча Владик Серебряков, длинноногий, с безукоризненным пробором от виска до затылка, настойчиво улыбался, склонившись к стюардессе.

— Но после полета вам сутки положено отдыхать!— убеждал он девушку.

Рев моторов оборвался, и Скачков расслышал голос журналиста:

— Пеле прославил Бразилию больше, чем все их генералы и министры вместе взятые!..

Из дверей кабины, надевая форменные фуражки, показались пилоты. В тесном коридорчике стало не протолкнуться. Загремел, отъезжая в сторону, металлический люк, и в бок присмиревшего корабля упруго ткнулась каучуковая подушка подъехавшего трапа.

Обернувшись, Иван Степанович позвал:

— Матвей Матвеич, где там у тебя?

Массажист, томившийся на краешке кресла, развязал

устье замшевой спортивной сумки. Мягкая эластичная ткань соскользнула вниз, открыв хрустальные блистающие грани кубка. Обеими руками он передал трофей Арефьичу, тот — дальше, и драгоценная чаша кубка, переходя из рук в руки, поплыла к выходу. Момент был впечатляющий: в салоне оборвались разговоры, пилоты и стюардессы построились, у выхода.

— Геш, бери давай!— Иван Степанович энергично показал Скачкову на кубок.

Ребята посторонились, предоставляя капитану первому появиться на трапе с завоеванной наградой. Скачков возразил:

— Иван Степанович, лучше вы!

— Точно, точно!— подхватил Брагин.— Берите. Это ваше право.

Кубок сам собой приплыл смущенному тренеру в руки. Он пытался протестовать, но футболисты, пилоты, стюардессы, приглашая его к трапу, потеснились и зааплодировали. Овация перекинулась в салон; болельщики, напирая в коридорчик, бешено лупили в ладони.

Прежде чем взять кубок в руки, Иван Степанович тронул узелок галстука, щелчком сбил пылинку с рукава. Подняв трофей над головой, он показался на площадке трапа. Навстречу ему рявкнул духовой оркестр.

Когда вся команда спустилась вниз, в спину Скачкова толкнул Брагин:

— Что, Геш, тронулись и мы?

В Москве журналист оказался в командировке и все свои дела закончил с таким расчетом, чтобы возвращаться домой вместе с командой. Он встретил ребят в международном аэропорту Шереметьево.

Вместе с Брагиным Скачков вышел из самолета после всех. Журналист наблюдал, как возле тренера с кубком кипит водоворот встречающих.

— Я рад за старика. Хотя с Рытвиным ему все равно придется как-то ладить.

С высоты трапа Скачков видел, что тренера ведут под руки сам Рытвин и деятельный Ронькин, а перед ними, пятясь и перебегая, суетятся фотографы. Начальник дороги ради случая был в форменном кителе с золотыми шевронами на рукавах. Ронькин, заполошно реся венчиком волос над голым теменем, походил на переводчика при нем: он вслух передавал все, что ему вполголоса бросал торжественный, как монумент, Рытвин.

— Поднимите!— крикнул кто-то из фотографов. Иван

Степанович остановился и обеими руками поднял кубок.

Брагин подтолкнул Скачкова:

— Загремел теперь «Локомотив»! Смотри, что делается... Эге, а вон и мои! А тебя встречают, нет?

— Должны бы...— всматриваясь, проговорил Скачков.

Толпу встречающих понемногу размывало, и он увидел Клавдию с четою Звонаревых. Все трое нетерпеливо махали руками.

— Геш...— закричала Клавдия, бросаясь ему на шею,— ну что ты самый распоследний? Ждем, ждем... А почему не ты был с кубком? Что-нибудь случилось?

— Какая разница?— пробормотал Скачков, здороваясь со Звонаревыми. Вадим румяный, снисходительный, поигрывал ключом от машины.

Мимо в обнимку с рослой девушкой с распущенными волосами прошел великолепный Владик Серебряков. Он что-то говорил ей на ухо, девушка прятала лицо в букет цветов. С тяжелой сумкой протащился маленький незаметный Мухин с забинтованной головой. Его никто никогда не встречал. Не хватало Маркина — вот кого всегда встречали! Маркин остался в Вене, в госпитале. В Москве, в аэропорту Шереметьево, команда встретилась с женой Маркина, она летела к мужу.

— А где Маришка?— спросил Скачков.— Не захватили?

— Геш,— щебетала Клавдия, и зрачки ее таяли, расплывались,— ты не поверишь: мы здесь уже часа полтора. Правда, правда! Бутылку шампанского раздавили. Голова-а... ужас! Я еле на ногах стою.

Она повисла на его руке.

Звонарев ключом отпер машину.

— Город сегодня с ума сошел. В аэропорт не проехать. Если бы заранее не выехали — все. Не попасть бы тебе, Геш, в объятия родных и знакомых.

Рядом со звонаревской машиной стояла и дожидалась хозяина новенькая «Волга» с ужасной вмятиной на блистающем крыле — краска от удара осыпалась, тусклое железо провалилось внутрь. Уродливая вмятина невольно бросалась в глаза, словно вульгарный синяк на интеллигентной физиономии.

— Узнаешь?— мигнул Звонарев.— Да Комов же. Его скороходка.

И точно — за ветровым стеклом покалеченной машины Скачков узнал забавного чертика, подвешенного на ниточ-

ке. Таких чертиков ребята покупали в прошлом году в Западной Германии.

— Кто это его поцеловал так?

Звонарев растянулся на капоте, вытирая тряпкой ветровое стекло.

— Он сам кого хочешь поцелует. Не просыхает же... А вон и сам, красавец. Спроси.

Комов шагал через площадь в обнимку с Суховым, притискивал его к себе и говорил, говорил, заглядывал в лицо. В другой руке он нес большую суховскую сумку. Рядом с приятелями семенили на каблучках две крепенькие, как яблочки, девчушки в обрезанных юбчонках. Комов, как разглядел Скачков, был сильно навеселе: красный, распаренный, как после бани. Значит, он все еще здесь, никуда не уехал. Да и куда ему ехать? Высшая лига для него кончилась — на этом этаже он больше не жилец, а этажом ниже, во вторую лигу, переход закрыт намертво. Ах, Кома, Кома, сам заварил кашу, винить некого...

Федор увидел Скачкова неожиданно и слишком близко — растерялся.

— А мы... вот...— проговорил он и глуповато ухмыльнулся.

Зато Комов повел себя деятельно, по-хозяйски. Отперев машину, он загнал в нее девчушек, затем ударил Сухова по плечу.

— Нечего. Едем.

Звонареву он еле кивнул, а на Скачкова посмотрел, как на прозрачное стекло.

— Ты что-нибудь понял?— расхохотался Звонарев.— Плюнь, Геш, с высокого дерева. Подумаешь — Джалма Сантос, король защиты!

— Я же еще и виноват оказался,— растерянно пробормотал Скачков.— Но он, вроде, уезжать куда-то собирался?

Обтирая тряпкой руки, Звонарев презрительно фыркнул:

— Кому он нужен? Алкаш. Родиону Васильевичу нагрубил... Пока что в заводской команде ошивается. Да и то... Ну, едем, что ли?

Пока рассаживались, подошел Иван Степанович, заглянул в машину.

— Геш, завтра на автобус, не забудь. Тренировка в одиннадцать.

Дожидаясь, когда можно тронуться, Звонарев переглянулся со Скачковым в зеркальце.

— Вот сухарь, а, Геш? Не успели приехать и — в одиннадцать... Родион Васильевич его видеть не может. Да теперь чего уж — кубок привезли.

Он вывел машину на шоссе и пристроился в общий поток. Справа, отчаянно сигналя, пронеслась черная «Волга», на заднем сиденье мелькнуло лицо Серебрякова. Поравнялся «Москвич» Брагина и некоторое время, стреляя камешками в днище, шел рядом. Звонарев поднажал и обогнать себя не дал. Подбритая шея его покраснела от старания. В зеркальце Скачков увидел его азартное лицо с прикушенной губой — лихач, обгона не переносит.

Заняв все полотно дороги, беспорядочный кортеж автомобилей катился в город.

— Встречают, как бразильцев! — крикнул Звонарев, отыскав в зеркальце глаза Скачкова.— Тех, говорят, на пожарных машинах везли.

Из года в год Звонарев выписывал множество спортивных изданий и знал о спорте почти все. Валерия сидела рядом с ним вполоборота, часто поправляла расстрепанную ветром прядь волос и курила папиросу, осторожно касаясь мундштука губами.

— Кто это Владьку встречал? — вполголоса поинтересовалась она у Клавдии.— Не обратила внимания?

Ответил ей Звонарев:

— А что — кадр ничего! Манекенщица.

Покачиваясь на упругом сиденье, Скачков положил себе на ладонь руку Клавдии, потрогал каждый палец.

— Маришка как, здорова? — спросил он, чтобы его не слышали впереди.

— Геш,— воскликнула Клавдия, отнимая руку,— можно подумать, что ты уезжал на целый год! Ничего с твоей Маришкой не сделается. Успокойся, пожалуйста!

Скачков едва не выругался. Он совсем забыл, что при посторонних, особенно при Звонаревых, Клавдия старательно выдерживает тон своей компании. Там полагалось быть насмешливым, ироничным, постоянно возбужденным — потуги на подражание чему-то прочитанному, виденному, а верней всего, подсмотренному.

Обернулась Валерия, насмешливо скользнула по смущенному лицу Скачкова и одобрительно мигнула Клавдии. Старшая подруга и наставница. При ней Клавдия вела себя, как ученица, подающая надежды, благодаря ей у Клавдии вдруг прорезался бешеный аппетит к радостям и удовольствиям жизни... Интересно, знает ли сама Валерия, что муж ей изменяет? Однажды он спросил об этом

Клавдию, она, прежде чем ответить, не сразу справилась с заминкой.

— Господи, Геш, не лезь ты в чужие дела. Они живут, они довольны, и достаточно. Но что это с тобой? Ты стал интересоваться такими вещами. Стареешь, да?

Тогда он покраснел и не нашелся, что ответить. Сейчас он вдруг подумал: ну хорошо, а она ему... тоже? Это было бы неприятно, потому что каким-то краем непременно касалось бы Клавдии.

— К маме, конечно, не сходила?— сердито буркнул он.

— Она у нас была. Позавчера... или вчера? Вадим, когда мы в театр чуть не опоздали? Да, позавчера. Но вот сестрица твоя — не удостоила! Презирает!

Шампанское еще бродило в ней, горели щеки — Скачков отодвинулся и замолчал.

Едва машина остановилась возле дома, Клавдия выпорхнула первой и не позволила Скачкову выйти.

— Геш, а ты посиди, пожалуйста. Сиди, милый, сиди. Братцы, не пускайте его. Дай сумки, я сама все занесу.

Скачков возмутился:

— Куда ты меня опять? Я хоть с Маришкой поздороваюсь!

С пьяненькой сердечностью Клавдия опрокинула его обратно на сиденье и, прицеловывая в обе щеки, засюсюкала, как над капризным ребенком:

— Нету, нету, милый, твоей Маришки дома. Нету. Я их с Соней в гости нарядила. Так что сиди и не волнуйся.

— Какие еще гости?— протестовал Скачков, понимая, что все поведение Клавдии — для зрителей.

— Какая тебе разница, милый. Гости и гости. День рождения у одной девочки — ну, доволен? Так что дома тебе делать нечего. Нечего, милый. А потому — сиди. О тебе уже побеспокоились, скучать не будешь.

Взвесив на руке большую, перевязанную крест-накрест коробку, она удивилась:

— А тут что такое? Кукла? Такая огромная? Вот радости-то будет!

С сумкой и коробкой Клавдия скрылась в подъезде, стукнула дверью. Звонарев, закуривая, повернулся к Скачкову.

— А как это вы, слушай, осмелились играть тремя нападающими? На чужом поле, с ослабленной защитой... эт-то, знаешь...

— Ничего особенного... — промямлил Скачков, погля-

дывая вверх, на окна. Он злился на свою бесхарактерность. Опять поддался на уговоры, опять уступил!

— А Фохт?— выспрашивал Звонарев.— Как... крепкий орешек?

— Фохт?.. Н-ничего. Фохт ничего.

— И Батищев вроде неплохо сыграл? Вот тебе и Сема! А боялись...

— Сема? Ничего. Да и все были в порядке.

— Говорят, Геш, в Вене золото дешевое? Не интересовался?

Валерия, аккуратно выдувая дым в окошко, поправила.

— Золото в Каире. В Вене замша.

— А девочки?— Звонарев подмигнул.— Австриячки? Венки, а?

Скачков — кисло:

— Когда там было?

— Ну, все-таки!.. А в Пратере были? А в музее современного искусства? Говорят: потрясно! А потом — в Вене же Наполеон женился. Ну, Штраус... это само собой. Чем же вы там занимались, слушай?

— Игра же. А потом... в Маутхаузен ездили. На другой день.

— Маутхаузен, Маутхаузен...— Звонарев захлопал ясными глазами.— Это что-то... вроде концлагеря, да? А разве он в Австрии? Вот не знал.

— Недалеко от Вены. Там Карбышеву памятник.

— Карбышев, Карбышев... Ты мне лучше вот что скажи: как там с Алехой Маркиным получилось? Так его в Вене и оставили? Ну, знаешь... Вот уж правильно говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. А что: отлежится, за границей поживет. Его же ведь и у нас могли заломать — правда? Как Полетая. А то... Вена же!

Вернулась Клавдия, плюхнулась в машину, ладошками замахала себе в разгоряченное лицо.

— Кукла-а... блеск! Маришка без ума будет! Где ты достал такую прелесть? Дорого стоила?

— Подарок.

— Ничего себе — подарочки! Хотя — для них это... Геш, чего ты опять чухаешься?— напустилась она, заметив, что Скачков морщится и трогает больное место под коленом. О травме в венском матче она ничего не знала. Да и зачем ей было знать?

Вытягивая ногу поудобнее, Скачков спросил:

— А у вас что, опять сборище?

— Опять!— Звонарев уязвленно хмыкнул, но полностью обиды не показал.— Обязаны мы или не обязаны обмыть кубок? Или вы его для одних себя завоевали? Ну, вот. Кстати, Владька тоже обещал нарисоваться. Как он в Вене сыграл, а? Та-лантливый парнишка! Боюсь, заберут его от нас в Москву. Переманят. Одна надежда, что Родион Васильич примет меры, не отдаст. Не отдаст, Геш, ни за что не отдаст. Ты еще Родиона Васильевича не знаешь. Да и нельзя нам отдавать Владьку, никак нельзя. Кто тогда забивать-то будет? Кто? Сухов? Он уже последки добирает. Муха? Н-ну я ничего против него не имею. Муха в общем-то игрок. Но-о... Нет! Не то все же, типичное не то.

Отчужденно откинувшись на спинку сиденья, Скачков слушал его увлеченную болтовню, изредка хмуро взглядывал в окно и поджимал губы. Ну чего, спрашивается, плетет? «Нельзя отдавать!» А знает ли он, как Серебряков пробивался в основной состав? Теперь Родион Васильевич, конечно, не отдаст его— будет стараться, чтобы парня не сманили. А чтобы парня не сманили. А что было сначала?

Звонарев не умолкал, покуда не приехали.

Квартиру Звонарев получил в новом доме железнодорожников на тихой зеленой улочке в центре города. Второй этаж, всю площадку целиком занимал Рытвин. На третьем этаже дверь в дверь со Звонаревым жил Ронькин.

На балконе третьего этажа толпились принаряженные люди. Звонарев, сворачивая во двор, сбавил ход и дал гудок. С балкона их увидели и замахали.

— Кипит карусель!— рассмеялся Звонарев.— Геш, гляди веселей, чего ты? Ты же именинник сегодня! Честно говоря, я думал, тебе с Фохтом не справиться. Все-таки Фохт, не кто-нибудь...

Валерия, не дожидаясь, пока машину загонят в гараж, побежала наверх. Из окон третьего этажа гремела музыка.

В подъезде Клавдия взяла Скачкова под руку.

— Геш, пожалуйста... Не куксись, а? Я же знаю тебя. Надуешься опять и просидишь пеньком. Обещай — не будешь? И — поговори с народом, расскажи о чем-нибудь. Ладно?

— Как ты думаешь, надолго это?— спросил Скачков.

— Перестань, слушай!— рассердилась Клавдия.— Хоть Валерию пожалей. Она же для тебя старалась. Ждали, го-

товились, встречали — и вот... Какой ты все-таки неблагодарный, Геш! Даже неловко за тебя.

— Неловко, значит шла бы одна!— закипятился Скачков.— Мне эти... ваши, знаешь,— вот!— и рукой по горлу.

Клавдия остановилась, посмотрела на него и запокачивала головой:

— Ах, какие мы чайники! Фр-р! Фр-р!.. Кстати, Геш, мой тебе совет: поухаживай немного за Валерией. Слышишь?

— Чего это?— Скачков стал столбом.

— Чего, чего!.. Господи, Геш, какой ты все-таки невнимательный. Поухаживай, не облезешь.

— Да чего, слушай, ради? У нее же муж есть.

Внизу хлопнула дверь, и кто-то длинными прыжками понесся вверх по лестнице.

— Идем,— сказала Клавдия.— Будь же современным человеком, Геш! Скобарь какой-то. Валерия... ну, просто немного к тебе неравнодушна. Пора бы уж заметить самому. Ох дикарь ты, Гешка, самый настоящий дикарь! И что я в тебе нашла, ума не приложу?

— Слушай,— Скачков остановился.— Я лучше домой пойду.

В это время мимо них, прыгая через несколько ступенек, промчался Звонарев, крикнул:

— Скандалы на сегодня отменяются!.. За мной!..

В квартире с распахнутой на площадку дверью толкалась подвыпившая компания.

— Ого-го-го!..— жизнерадостно завопил Звонарев, потрясая кулаками, и нырнул, как в воду.

Мелькнуло лихорадочное лицо Валерии, пронесшейся из кухни в комнаты с тарелками в руках. Кто-то оглушительно, всей пятерней, рванул струны гитары, заиграв туш. Кто-то с размаху, от избытка чувств, хватил Скачкова по спине и мокрыми губами прижался к щеке. К нему тянулись, передавали его с рук на руки, Клавдия потерялась сзади. Когда немного поутихло, Скачков увидел Владика Серебрякова, счастливого, хмельного, с обольстительной улыбкой. Рядом с ним он узнал тоненькую стюардессу в голубой форме, летевшую с ними в самолете. Ошалев от разнузданного шума, девушка крепко держалась за своего кавалера. «Когда он, хмырь, успел?— удивился Скачков.— Его же, кажется, манекенщица встречала».

К Серебрякову пробился опоздавший Звонарев и они шибко крест-накрест расцеловались.

— Владька, друг!— бушевал Звонарев, хмелея от кутерьмы вокруг. Он был сейчас в своей стихии.

Налетела Валерия, теряющая голову от беготни и многолюдия, вцепилась в Клавдию, прося ее помочь на кухне. Лицо Валерии горело, она то и дело отбрасывала волосы на сторону. Скачков, помня наказ поухаживать, стеснительно поеживался. Легче всего было сейчас остаться одному и затесаться где-нибудь в угол.

Поискав кого-то у себя за спиной, Валерия ухватила за локоть незнакомого стеснительного мужчину в помятой рубашке и домашних войлочных тапочках.

— Геннадий, я подумала и о вас.

Стеснительный мужчина галантно дернулся в поклоне и сомкнул коленки. Познакомились.

— Вы же на режиме,— продолжала Валерия, уязвляя Скачкова тонкой ускользающей усмешкой.— Семен Семеныч тоже трезвенник. Так что вам будет о чем поговорить. Ну, как это о чем, как это о чем? Нас, грешных, обсудите, поругаете... Все разговор!

«Ого!»— опешил Скачков. За Валерией с ее лунатическими безжизненными зрачками он и не подозревал такой язвительности. Момент для ответа был упущен — Валерия уже переговаривалась с Клавдией на кухне.

Он даже повеселел. «Ладно, один-ноль». Выходит, девка с перчиком. То-то Клавдия к ней лепится...

Семен Семеныч оказался соседом Звонаревых (квартира на первом этаже), инженер из управления. В своих домашних тапочках он потерянно топтался в сутолоке шумевшей переполненной квартиры и Скачкову обрадовался.

— Знаете, Геннадий,— доверительно зашептал он, увлекая его на лестничную площадку, где было тише и чище от дыма,— я предлагаю следующее: мы сейчас спустимся ко мне — так?— откроем окно и выпьем кофе. Что? Идемте, идемте, никаких неудобно. Я живу один, так сказать, анахоретом. Да вы сейчас увидите. Идемте.— И он зашлепал тапочками вниз, уводя с собой Скачкова, как добычу.

В квартире, куда Семен Семеныч ввел гостя, горел свет, и Скачков уперся на пороге.

— Чего вы?— рассмеялся Семен Семеныч.— Я всегда оставляю в доме свет. Знаете, привычка холостяка: придешь, свет горит, вроде бы кто-то есть, кто-то ждет. Заходите, я сейчас устрою кофе.

Не задерживаясь, он прошмыгнул на крохотную кухоньку, пустил в чайник воду, зажег плиту.

— Я вас растворимым, не возражаете?

Скачков, переминаясь в коридорчике, осматривался. Свет горел во всей квартире. Направо, в опрятной комнате на диване была раскинута постель, на день она, видимо, не убиралась. Письменный стол в углу, над ним, как украшение, на стенке висел треугольный лоскут какого-то спортивного вымпела. «Ага!»— Скачков улыбнулся ему, как знакомому.

— Идемте,— позвал с кухни Семен Семеныч.— У меня все готово.

Он усадил Скачкова на табуреточку, задвинутую в узкое пространство между столиком и холодильником.

— Здесь у меня рублевое место. Я вам налью с молоком, хорошо? Знаете, я беру молоко обыкновенное, на разлив, но потом долго кипячу, получается топленое. Вот, попробуйте, вам должно понравиться. Вадим, правда, тот предпочитает без молока и сахара. Но он, сказать по секрету, спускается ко мне опохмелиться. Валерия держит его строговато. Но почему я не встречал вас у них раньше?

У него была странная манера разговаривать: поминутно задавать вопросы. Впрочем, ответа на них он не ждал и продолжал высказываться сам. Скачков, прихлебывая из чашечки, охотно молчал и с удовольствием слушал. Забавный все же сосед у Звонаревых, любопытный. И место в уголке — спокойное, уютное: как раз для разговора.

В футболе, к удивлению Скачкова, Семен Семеныч неожиданно показал глубокое и верное понимание,— оказался болельщиком с довоенным стажем.

— Голубчик вы мой,— умилительно воскликнул он,— я же еще Старостиных помню, Бутусова, Канунникова. О Пайчадзе, о Федотове уж и не говорю.

Он подождал, проверяя: произвел ли впечатление. Кажется, произвел. Тогда, все более доверительно, он продолжал:

— Знаете, у нас тут,— Семен Семеныч ткнул пальцем в потолок, обозначая квартиру Звонаревых,— частенько о футболе. И — одно: Пеле, Пеле! Голубчик, не спорю: Пеле действительно король, уникум. А третий его гол в московской встрече сборных — цирк! Аттракцион! Но почему мы о своих-то, черт возьми, ничего не помним, не храним? А? Я уж молчу о том же Бутусове. Даже о Пайчадзе, о Федотове. Но ведь вот же, вот: под самым носом. К вам тренером назначили Каретникова... Ну да, Ивана Степановича. Но это он сейчас Иван да еще и Степанович, а в наше время был просто Каретников, Карета... Но вы

знаете, Геннадий, какой он однажды гол испек? Цирк! Уму непостижимо!

Не допив кофе, совсем забыл о нем, Семен Семеныч вскочил и руками как бы очистил перед собой пространство для показа. Лицо его горело, со лба он то и дело откидывал плоскую мешающую прядь волос.

— Геннадий, прошу вас, верьте мне на слово! Я сам был тогда на стадионе, сам. И видел. Я же москвич, учился там, вырос. Вас тогда и на свете еще не было... Так вот, вы представляете: он взял мяч у себя в штрафной и — повел, потащил. Прошел через все поле — через все!.. размотал всю защиту — всю!.. и — залепил. В угол! В девятину! Бамс!

Трепеща жиденькими комнатными брючками, Семен Семеныч так поддал ногой, что тапочек мимо головы Скачкова влепился в стену над холодильником. С чашечкой в руках Скачков испуганно отпрянул, чем окончательно смутил хозяина.

— Простите, голубчик — отрезвел Семен Семеныч и нестерпимо покраснел, подбирая с холодильника тапочек. Угловатый, точно обессиленный своим мальчишеским порывом, он убрел на место, сел и опустил лицо в чашку с остывшим позабытым кофе.

— На спор он это сделал, что ли?— лепетал он, не поднимая глаз.— Мог ведь и поспорить с кем-нибудь, правда?

Ему было совестно перед гостем, но этим он был только приятен Скачкову. «Вот,— думал он,— и у Звонаревых можно встретить человека. А то наприглашают полный дом»!

— Вы сейчас из Вены прилетели? Прекрасный город. В Пратере, конечно, были? Ну, еще бы! А в музее современного искусства? Нет? Вот это зря.— Настроение хозяина опять пошло вверх.— Очень интересно побывать. И — знаете, почему? Это единственный музей, где нет сторожей. Да, да, уверяю вас! Потому что тащить весь тот бред, что там выставлен, ни у кого нет желания. А уж и бред же! Нашим...— он снова показал наверх, где, должно быть, сейчас было самое веселье,— это и не снилось. Что наши? Ха! Дилетанты!

О Маутхаузене он отозвался с уважением.

— О-о! Это стоит. И — впечатляет. А... Фохт? Скажите честно: стоящий мастер? Или же больше рекламы? Пишут о нем по крайней мере много.

— Как вам сказать? Вообще-то...— и Скачков, вра-

щая чашечку по блюдечку, задумался. После матча в Вене у него сложилось впечатление, что знаменитый Фохт нисколько не сильнее наших лучших нападающих. Держать того же Полетаева гораздо труднее. Впрочем, вполне возможно, что с более сильными и опытными партнерами Фохт выступает успешнее.

— А в общем, конечно, мастер.

— Минуточку...— спохватился вдруг Семен Семеныч и, шаркая тапочками, выбежал из кухни. В комнате, слышно было, задвигал ящиками стола.

— Вы же у меня впервые,— приговаривал он, отыскивая что-то.— Ага, вот!— И появился с пухлой папкой в руках, на ходу развязывая тесемки.— Возьмите, полистайте. Вам это будет интересно.

В папке хранились пожелтевшие вырезки из газет, снимки футболистов, календари, самодельные таблицы чемпионатов. На самом низу Скачков нашел ветхий номер «Выпуска», озаглавленного по-хоккейному ли, по-футбольному ли: 19:9. Это был сборник, выпущенный после поездки московского «Динамо» в Англию в первый послевоенный год. Цифры выражали соотношение забитых и пропущенных динамовцами мячей.

— Ничего счетик?— Семен Семенович, стоя за плечом Скачкова, щелкнул по странице пальцем.— Апофеоз! А вы листайте дальше, дальше. Здесь же ваш Каретников имеется... Вот! Не узнали? Красавец! Тогда он, правда, был моложе и лучше, так сказать, качеством. А вот Бобров. Узнали? А вот Хомич. Тигр-Хомич! Ну, разве не интересно? Собираю вот, что удается.

— Трусы-то,— проговорил Скачков, разглядывая нескладного верзилу, каким выглядел на снимке И. С. Каретников в мешковатой обвислой форме.

— Да, на трусы тогда материи не жалели,— согласился Семен Семеныч.— Что вы там еще нашли? Ах, это!— и он вместе со Скачковым залюбовался редкостным игровым снимком: через вытянувшегося в прыжке вратаря летит, поджав ноги, нападающий и в ногах у него футбольный мяч.— Знаете, кто это? Нет? Архангельский. Был такой краек «Динамо». Видите: и гол испек, и вратаря не тронул. А представляете, что было бы, окажись на его месте какой-нибудь Ригель или Комов? Нет, Геннадий, раньше, знаете ли, все несколько иначе было. Да, да, не улыбайтесь.

Кажется, старый болельщик добрался наконец и сел на своего любимого конька: раньше, разумеется, все было

несравненно лучше — и мастера, и сам футбол. К удивлению Скачкова, Семен Семеныч сказал:

— Вот вы улыбаетесь, и я знаю почему. А напрасно!.. Нет, вы все же послушайте меня... Знаете, что очень досадно?— Он поднял палец.— Что в футболе нет четких показателей, как, скажем, в беге или штанге. Да, да. Разве вы не слышали баек о том, какие были раньше чудо-богатыри? У одного дедушка поднимал жернов, у другого лошадь за хвост останавливал, быка сваливал. А я вам вот что скажу: испытай их сейчас на современный лад, на килограммы,— уверяю вас, Геннадий, что они уступят любому нынешнему средневесу. Любому! Вы же сами знаете, как выросли результаты штангистов. А бегунов? Так вот, то же самое и с футболом. Конечно, наш брат, древний болельщик, видевший еще Старостиных, Акимова, любит слезу пролить: эх, как играли раньше! А какие удары были! Вратарям погибель... К сожалению, все это одна эмоция. А если разобраться по-настоящему, то вы сейчас играете в другой футбол. Он стал сложней, трудней, насыщенней, что ли. На голову, на две головы выше. Да, да. Но вот в чем я с вами поспорю, так это в том, что раньше играли ярче. Все же ярче. Зрелищней! Голов было больше. Раньше, мне кажется, тренер не давал установки на ничью. Что это за установка — ничья? Победа — вот установка! Вы согласны? И ваш Каретников молодец, что проповедует именно такой футбол. Именно такой!

За окнами незаметно стемнело, Семен Семеныч щелкнул выключателем, и кухня при свете стала еще меньше,— совсем крохотной. Бледным канцелярским пальцем Семен Семеныч почесал худой висок и сделал вдруг невероятно плутоватое лицо.

— Вот еще хочется сказать: все-таки романтики раньше было побольше. Рыцарства. Да, да, Геннадий, не было такого делячества, как сейчас. Парень начинал играть в одной команде, в ней и заканчивал. А сейчас? Чуть что: «Отпустите меня, я уйду». А ведь пацан, ему еще учиться да учиться надо! Нет, он ищет где выгодней, где теплее.

— С переходами сейчас будет туго,— сказал Скачков.— Кончается лавочка.

— И — правильно. Давно пора. Но я вас вот о чем хотел спросить. Знаете, Геннадий, наблюдаю я за спортом давно, а за футболом особенно, и не дает мне покоя одна, так сказать, крамольная мыслишка. Подождите, не перебивайте меня. Я, знаете ли, путеец и рассуждаю обо всем по-своему. Представьте, что бы получилось, если бы на-

шим путейским делом стали бы заниматься от случая к случаю, так сказать, любительски, по-дилетантски? Кошмар! А в той же музыке, архитектуре? В металлургии, наконец? Да во всем!.. Так почему мы отказываем в таком же серьезном отношении к спорту? Почему? То есть я хочу сказать, что нынешние мировые стандарты в спорте так высоки, что одним любительством, занимаясь на стадионе после работы, их уже не одолеть, не достичь. Человек должен подчинить спорту всю свою жизнь, а иначе он ничего не добьется.

— Это вы о профессионализме?— спросил Скачков. Он сразу догадался, куда клонит его увлекающийся собеседник.

— Да! Именно!— вскричал Семен Семеныч.— С вами легко разговаривать... По-моему, эра любительства кончилась! Кончилась! Другие времена, другие нравы. Так не пора ли и вам, грешным, переходить на профессиональные рельсы? Не пора ли? Ну-ка, что вы скажете?

Скачков решительно замотал головой.

— Чушь. То есть я хочу сказать — не для нас это. Я уже думал.

— Но почему, почему? Ведь согласитесь, что зритель едва ли валом повалит в театр, если в главной партии выступает певец-любитель, скажем, из самодеятельности. То же самое и на стадион — ведь так? Люди хотят наслаждаться высшим искусством. А это требует профессионального уровня. И вообще: разве спорт не диктует вашему брату, как питаться, спать, тренироваться? Даже — что читать? Чи-тать?

— Достоевского, например?— с усмешкой вставил Скачков.

Семен Семеныч слегка опешил:

— Что вы хотите сказать?

Скачков затряс головой и успокоил хозяина.

— Ерунда. Это я так. Не обращайте внимания. Просто один человек недавно говорил, что если не прочитаешь Достоевского, не заиграешь.

Помедлив, Семен Семеныч раздумчиво тронул висок.

— Ну... не знаю. Не уверен. Может быть, он и прав. Я в этом деле пас. Но я хочу сказать, что спорт сейчас требует человека целиком, без остатка. Разве не так?

— В общем-то оно...— замялся Скачков,— конечно. Играть становится все трудней — это правильно. Режим и все такое... Но ведь что может получиться? Иногда пар-

ню уж и в трамвае нельзя будет проехать — духотой надышится. Я не говорю о семье, об учебе...

— О!— Семен Семеныч вскинул палец.— Именно, именно. Но — продолжайте, пожалуйста. Мне интересна ваша мысль.

И он заинтересованно подъехал вместе с табуреткой.

— Да как-то и продолжать неохота. Это ж получается, что из-за спорта и жизни не видать. Раньше так гладиаторов на убой держали.

— Но позвольте...— подскочил Семен Семеныч и отшатнулся.— Мы же с вами только что согласились, что для рекордов, для современного уровня...

— А я не за рекорды. Ну их,— сказал Скачков и бросил взгляд на часы.— Я просто за спорт.

Семен Семеныч смешался и разочарованно вытянул губы:

— Ну-у, знаете... С вами трудно разговаривать. Вы, простите, какой-то слишком приземленный реалист. Прямо, простите, мордой по земле! Так нельзя, дорогой! Умейте абстрагироваться... Н-ну, иными словами, отвлечься, приподняться...

— Хорошенькое дело!— воскликнул Скачков, забавляясь тем, как интеллигентно борется с негодованием Семен Семеныч.— Тут поневоле мордой запашешь, если дело-то тебя касается.

— Да при чем здесь вы?— досадовал Семен Семеныч на воловью неуступчивость собеседника.— Мы же вообще о спорте говорим. Но если даже и о вас. Пускай о вас. Вы возьмите для сравнения балет. Возьмите! Вы знаете, в каком возрасте выходит на пенсию какая-нибудь девчонка из кордебалета? Знаете? В вашем возрасте. Да, в вашем! И вот я хочу вас спросить: а разве спортсмен не доставлял радость миллионам и миллионам зрителей? И вообще — разве спорт это не прекрасный спектакль для целой планеты?— Семен Семеныч смотрел на него по-петушиному, наскоком.

— Так вы меня что — на пенсию хотите проводить?— развеселился Скачков.

— А почему нет? Прекрасно же. Вы заслужили. Заработали. Разве нет?

— Вы смеетесь. Меня мои старики со света сживут. Пенсионер, скажут, нашелся!

— Позвольте, какие старики?

— Какие... Обыкновенные. Вы знаете, какие у нас в поселке старики? О-о! Проходу не дадут. Да и самому...

Что же я с ними: табак буду крошить, грядки поливать? Скажете тоже!

— Ну, Геннадий, это уже второстепенное,— вконец расстроился Семен Семеныч.— Мы же не об этом говорим.

— Как не об этом?— вздохнул Скачков и повесил голову.— Если бы не об этом! Если бы...

Он замолк и чайной ложечкой стал гонять по скатерти крошку от печенья. Семен Семенович, уловив перемену в его настроении, выжидающе насторожился.

— Вы знаете, мы недавно на заводе были, вернее, в клубе. Так, вечеришко один, встреча. Читали, наверное... («Так, так»,— поощрил его Семен Семеныч, подвигаясь ближе). И я сейчас вот о чем соображаю. Вот был бы я профессионалом, вышел бы в тираж и — куда я? Жить со сберкнижки, на проценты? Но это же еще надо накопить! Вон Томми Лаутон на воровстве попался. А пятьдесят лет мужичку стукнуло! Или Гарринча... А уж игроки-то были!.. Вы сейчас о пенсии сказали. Знаете, не в деньгах даже дело. Неужели вы думаете, что Алеха Маркин голову за деньги подставил? Чушь! Да и любого возьми...

— Геннадий!— Семен Семеныч умоляюще сложил руки.— Я же к примеру сказал...

— Все равно. И вот, честное слово, если бы не мой ребенок, не семья, не завод этот самый, я бы... да хоть голову в петлю! Клянусь!.. Больше даже скажу. Лаутону или Гарринче, если бы им после футбола было куда приткнуться... э-э! разве они докатились бы до такого? Так что мне сейчас кроме завода и надеяться не на что. Я же там мальчишкой начинал, привел меня сосед один, отца товарищ. Один из наших стариков, кстати. И мне за этот завод держаться и держаться — руками и ногами! Это, знаете, такая поддержка... не знаю даже, как и объяснить. Но это надо вот тут, в душе, переварить.

— Но что же все-таки с профессионализмом-то? Не пойдет, значит?

— Не для нас он, по-моему. Не приживется. Контракты, гонорары... Я себе и представить что-то не могу. Честно!

— М-да...— изрек Семен Семеныч, поднимаясь вместе со Скачковым.— Признаться, задали вы мне работу. Я, знаете ли, все время рассматривал этот вопрос, так сказать, с места зрителя, с трибуны. А вот глянуть от вас, с поля... Очень, очень вы неожиданно повернули!— приговаривал он, провожая Скачкова в коридор и учтиво открывая дверь на площадку.— Но ведь мы еще с вами встре-

тимся, да? Не последний же раз? Я к тому времени обещаю поднакопить мыслишек.

Подняться к Звонаревым он отказался.

— О, нет! Сейчас там не до меня. А как ваша нога, если не секрет?

Приподняв штанину, Скачков покрутил стопой, притопнул.

— В порядке, вроде.

— И не болит? Ну, рад за вас. А то ведь, знаете... говорить начинают бог знает что.

Скачков удивился: что же могут такое говорить о нем? Да и где? Кто? Семен Семеныч, с удовольствием продляя разговор, потирал ладошками, загадочно усмехался. Ну, как это где? На трибунах, конечно. Болельщики. О, болельщик знает все! От трибун нет никаких секретов («Уверяю вас, Геннадий!»). У Нестерова, скажем, нелады с женой? Давно известно. В общежитии живет парень... Маркин в карты играет? Да кто же этого не знает? Кудрин воюет со своей чернявкой? Тоже записано. Чернявку, однако, несколько раз видели на стадионе, проявляет интерес. Сидит, как мышка, пугается, когда ревут и вскакивают на ноги, но — ничего, помаленьку привыкает.

— Или с вашей ногой. И без того... а тут еще Фохт добавил!

Пытаясь вникнуть и уяснить, что имел в виду словоохотливый хозяин, Скачков легонько потряс головой:

— Постойте, постойте... Ну и что из того, что добавил?

Семен Семеныч спохватился, что сболтнул лишнее. Тем не менее Скачков настоял: если уж проговорился, так договаривал бы до конца. Страдая от собственной бесхарактерности, Семен Семеныч приложил к груди руки:

— Боже мой, Геннадий... но ведь не собираетесь же вы играть вечно?

В конце концов он признался, что на трибунах Скачкову уже подписан приговор: с ногой, травмированной вторично, ему дай бог дотянуть до конца сезона. А там зима, каникулы, несколько месяцев межсезонья — в таком возрасте, да такие перерывы. Больше того, известен ритуал его проводов на стадионе, на одном из последних матчей осенью: как понесут его ребята на плечах, как он заплачет, в последний раз ныряя в туннель, и как протянет свою заслуженную футболку молодому сменщику.

Долго набирал Скачков в грудь воздуха и замер, не выдыхая. Значит, так — похоронили? Значит, он еще жи-

вет, выбегает на поле и ни о чем не догадывается, а где-то все уже решается, решено!

Здорово все расписано. Прямо как в аптеке! Ну и кому же футболка, интересно? Или еще не решили?

Семен Семеныч диковато взглянул на него, как бы проверяя: неужели не знает?

— Белецкий. Будто вы сами не знаете!

Не знал! Даже не подозревал! Значит, Белецкий? Играл, выходит, парнишка, телепался в дубле, подрастал помаленьку — а подрастал, выходит, его могильщик! Правда, пробуют его пока что на правом крае, но Мухину вроде, рановато вешать бутсы. Муха еще поиграет... А полузащитник из парнишки может получиться. Техничный, легкий, неутомимый. Еще поднатаскается малость, научится оглядываться на ворота... Да, все как будто сходится, сошлось уже. Один состарился, другой подрос: готовая замена. Пора, брат, отыграл свое, дай другим... Многое становится понятно и в поведении Степаныча, особенно один недавний разговорчик по пути из Вены. Дипломатичный такой разговоришко, так, ни о чем, вроде, но тепе́рь-то, после всего, что узналось!.. И появилась обида на Степаныча: не мог в открытую сказать, чтобы не было таких вот неожиданностей. Или застеснялся старик, не собрал решимости? Ну, да разговор теперь все равно состоится — не отвертится!

В квартире, покуда Скачкова не было, загустел табачный дым и сильно шибало алкоголем. Народу как будто прибавилось, компания находилась в том градусе, когда зайди любой — никто не обратит внимания.

На балконе Скачков разглядел Владика и стюардессу, изнемогавших от внимания. Какой-то низенький и плотный наскакивал на Владика и с непонятным озлоблением доказывал:

— Да поймите вы, наконец, что вы кубковая команда! Чисто кубковая!

— Да дураку же ясно было, что они сразу кинутся в атаку...

— Судья виноват. Судья, судья, судья! Он сделал игру. За что пенальти? За что? Подумаешь — снос! Это футбол, а не балет.

О футболе рассуждали всюду.

После разговора с Семеном Семенычем, после неожи-

данного открытия с приговором болельщиков (да и только ли болельщиков?) Скачков был раздражен. Хорошо, что никто его не разглядел, не прицелился с болтовней. Арефьич, когда расстался с местом старшего тренера в «Локомотиве», как-то в минуту откровения говорил Скачкову о людях, как он тогда назвал их, «людях около»: около спорта, около литературы, около кино или театра, которых Скачков пока не замечает, но с возрастом и опытом заметит обязательно. И вот, сбылось — заметил. Хорошо еще, что сам отгорожен от таких кромкой поля. Но вот Клавдия... Кстати, она опять чем занимается? Пора бы и домой.

Спасаясь от гвалта и клубов табачного дыма, Скачков рывком открыл дверь в угловую комнату. Там, в тишине, при свете низкой лампы копошился на ковре плотненький карапуз в штанишках с лямочками. Он что-то строил из разноцветных кубиков.

Вид домовитого, увлеченного своим делом карапуза, убил скачковское раздражение.

— Привет! — сказал он, плотно прикрывая за собой дверь.

Маленький Звонарев поднял голову и узнал его:

— О, приехал! А Маришка заболела.

— Что ты, брат? Не болеет она совсем. В гости ушла.

— А мама говорит, что она болеет и я могу заразиться.

— Ну, если мама говорит...

Поддернув брюки, Скачков опустился на колени.

— Что это у тебя? Троллейбус? А почему такой маленький? Давай сделаем его побольше, двухэтажным? Давай?

Ребенок недоверчиво посмотрел на него, поправил на плече лямочку.

— Двухэтажных троллейбусов не бывает.

— Как это не бывает? Еще как бывает! Я сам видел. Совсем недавно. Честное слово!

— Тогда давай... раз так!

Скачков скинул пиджак и принялся перекладывать кубики.

— Ну вот, смотри какой троллейбус получился. Давай, командуй. С передней площадки у тебя разрешается заходить?

В эту минуту распахнулась дверь и на пороге возникла Клавдия.

— Так и есть! Геш, ищу тебя, ищу. Все там, а ты? Идем, не расстраивай меня хоть сегодня.

Наблюдая, как Скачков натягивает пиджак, ребенок обиженно оттопырил губы.

— Сам придумал, а сам уходишь...

— Ничего, брат...— Скачков потрепал его по голове.— Я как-нибудь приеду, и мы с тобой доиграем. А троллейбусы такие есть, это я тебе точно говорю.

— Пойдем, пойдем,— торопила его Клавдия.— Нашел себе компанию!

В общей комнате от табачного дыма у Скачкова защипало глаза.

Задохнуться можно.

— На балкон выйди!— нервно посоветовала Клавдия.— Кстати, прекрасный вечер. Прек-расный! И Владик там.

Что-то она опять была не в духе.

— А может, лучше домой? Давай, слушай, смотаемся потихоньку?

Клавдия возмущенно остановилась.

— Началось! Господи, дождалась! Приехал, называется... Вот уж действительно: за что боролись, на то и напоролись! Ну что ты будешь дома делать, что? Маришки нет, Сони нет...

— Как нет? Ты на время погляди!

— И смотреть мне нечего! Они там, наверное, и ночевать останутся.

Хорошенькое дело! Что это еще за манера — ночевать?

— Ох, помолчи, пожалуйста!

Удивленный, он взглянул на нее сбоку и ничего не сказал. Она не казалась оживленной и счастливой, как прежде. Уж не приелось ли и ей? Прежде она тянулась к многолюдному окружению и даже называла эти бесконечные толкучки современным динамичным стилем жизни. Она доверчиво считала эти сборища настоящими праздниками ума и таланта и начинала презирать мужа, как человека, увлеченного пусть интересным, но все же одним-единственным делом. В этом он был не современным.

«Нет, домой надо, домой!»

К ним протолкался Ронькин, нарядный, в широчайшем ярком галстуке, с фужером в руке. Румяное лицо его сияло празднично.

— Что, уходите уже?

Притворно зевнув, Скачков взял Клавдию за локоть.

— Да, пора, пожалуй...

Вот это правильно,— одобрил Ронькин.— Режим: первое дело. А мне еще остаться надо, за Владькой присмотрю. Как нога, Геш? Ты ногу, ногу береги.

В сопровождении Ронькина они стали пробираться к выходу. Клавдия кипела, но Скачков молчал и непреклонно уводил ее с собой. При посторонних она скандалить постесняется.

На лестничной площадке Ронькин отсалютовал им фужером.

— Клава,— прокричал он вниз,— поручаю его вам. Режим!

«Молодец Ронькин, вовремя нарисовался».

На площадке второго этажа, едва они остались одни, Клавдия вырвала руку.

— Куда ты меня тащишь, как последнюю дуру? Я тебе не пешка, не домохозяйка. Мне надоело в конце концов! Ты меня еще на замок запри, в цепи закуй.

Ссориться Скачкову не хотелось.

— Мать... Ты же слышала: приказ начальства — и он с улыбкой показал глазами наверх.

— Прек-рати, слушай! Тебе все шуточки! Ему, видишь ли, режим, поездки, игры. А мне что делать? Сидишь, как проклятая, ждешь, дожидаешься. И — вот... Дождалась!

На глазах ее Скачков заметил слезы. «Эге, дело худо!»

— Клавуша, ну что ты в самом деле?— загудел он примирительно и потянулся приобнять.— Перед людьми же стыдно. Ты соображаешь, возле чьей квартиры мы стоим?

— Оставь!— изо всей силы она ударила его по руке.— Стыдно ему! Конечно: Вена, заграница... Штраус, Наполеон... А мне? Мне что остается? Из окошечка выглядывать?

«Ага, такой, значит, расклад? Все ясно».

Он отодвинулся и, трогая себя за нос, уперся взглядом в пол.

— Успокойся, пожалуйста. Скоро вместе сядем у окошечка. Только и останется.

Недоумевая, она со стороны взглянула на него.

— Ты это о чем?

— Так, ни о чем.— Настроение его все больше портилось

— Не обращай внимания.

— Гос-споди, загадки какие-то! Прибереги их для других.

— А, говорить с тобой!— совсем расстроился Скачков и побежал вниз. Пока спускался, ждал: «Если окликнет, остановлюсь и подожду». Не окликнула.

«Что-то в ней все больше прорезается какое-то... не свое. Приехал, называется...»

На улице горели плафоны ночного освещения. Руки в

карманах, Скачков прислонился к дереву. «Куда сейчас — домой? Там пусто». Сверху, с балкона третьего этажа, кто-то восторженно доказывал:

— Вы современные гладиаторы! Все вы распяты на зеленом поле, как на кресте! Я напишу об этом потрясающие стихи.

Шелестя шинами, подъехала машина с зеленым огоньком. Шофер в кепочке набекрень высунулся из кабины.

— Геш, чего ждешь?

Скачков пришел в себя, отвалился от дерева.

— Да ехать, пожалуй, надо.

— Так садись. А я гляжу — стоишь. Едва не проехал. Может, выпил, думаю, еще чего? Куда ехать?

— Куда? Тут еще, брат, сообразить надо.

— Домой, на базу?— подсказывал шофер. Он отпустил тормоза, и машина тихо покатилась под уклон.

— А знаешь что?— загорелся вдруг Скачков и громко хлопнул дверцей.— Не домой и не на базу. Гони пока в поселок, в железнодорожный. Знаешь? Ну, а там найдем.

И он сощурился, как бы идя наперекор кому-то. Но — кому? А все равно кому!

— Поехали!

О Женьке ему вспомнилось внезапно, и он обрадовался: Вот кому его приезд доставит радость... Ему и самому сейчас хотелось оказаться рядом с ней: хотелось умиротворения, покоя, тишины и, может быть, чуть-чуть участия. Жизнь для него опять пошла на поворот, а пережить и осознать это хотелось с кем-нибудь вдвоем, не в одиночку. Надоело одиночество — сколько можно? А с Женькой просто: она поймет все сразу и не станет даже спрашивать. Главное, что она не фыркнет, когда он ей расскажет о своих надеждах на завод. С дорогою, с депо, с заводом у многих из поселковых было связано начало жизни, и Скачков сегодня, хоть и говорил Семен Семенычу нескладно, путано, а все же в глубине души испытывал спокойную уверенность: пусть расставание с футболом будет тяжким, но жизнь не кончена, она, на его счастье, устроена на крепком основании.

Машина вылетела из центральных улиц, сбоку дороги понеслась стена пирамидальных тополей. Свистел в окошке ветер, автомобильные шины трещали на сухом асфальте, как семечки на сковородке. Скачков расстегнул ворот рубашки и подставил ветру шею.

Шофер напряженно следил за дорогой и не переставал выкрикивать:

— В аэропорту сегодня был. Специально приезжал. Не пробиться было.

Скачков вяло подавил зевок.

— Да, многовато собралось.

— Как Фохт, Геша? Говорят, ломанул он тебя? А Ригеля мы еще в прошлом году засекли. На него только Сему выпускать. Маркина жалко. Вратарь был хороший. Я его перед самым отъездом возил. Поговорили еще. Надо же! Жалко.

Из оживленной болтовни шофера узнавалось многое — не надо никаких последних известий. Таксисты всегда в курсе всех футбольных событий.

— Кома-то... слыхал, Геш? — в заводской команде. А говорили, в Москву берут. Вчера как раз играли. Опять пенальти схлопотал. Пропал мужик.

— Сегодня тур,— сказал Скачков.— Не слышал, как там в Ленинграде?

В Ленинграде играли торпедовцы Москвы, очередная кубковая встреча.

— Как не слышал? Вот, репортаж был,— шофер пристукнул по приемнику.— Сгорело «Торпедо». Решетникова отпустили, он и залепил. И здорово залепил, с ходу.

Скачков с пониманием покачал головой:

— Леху надо держать, он может.

— Вам с ленинградцами на их поле играть? — голосисто выкрикивал шофер, все время подбавляя ходу.

— В первом круге у них.

— А на Кубок?

— Ты подожди! — суеверно отмахнулся Скачков.— Нам еще с Кутаиси играть.

— Бро-ось, Геш! — шофер задорно блестел глазами из-под кепочки.— Кутаиси... Австрийцев ободрали!

Скачков напомнил:

— Ленинградцам еще с Баку играть.

Шофер согласился:

— С Баку им придется пободаться. А что для вас лучше — Баку или Ленинград?

— Какая разница? Играть надо.

— А где матч? На чьем поле?

— Если Баку выиграет, то у них. Если Ленинград — дома играем.

— Тогда пускай Ленинград,— рассмеялся шофер.— Поболеем... Но вам придется с дороги возвращаться!

— Если Ленинград выиграет? Да, из Тбилиси домой.

— А потом опять в Баку? А потом домой? Ну, налетаетесь вы нынче!

— Погоди-ка, не разгоняй,— попросил Скачков, начиная вглядываться в темный ряд домишек за густыми палисадниками.— Кажется, приехали. Где-то тут должно быть... Ага, вот! Стопори.

— Тю-у... кто пришел-то!— изумилась она.— Прилетели уже?

— Не спишь еще? А я вот... Загляну, думаю.

— Заходи, Геш. А я стирала.

На веревке наискосок всего двора тяжело висело мокрое белье. Мокры и ровно застланы половичками крылечко, коридор. С кухни пробивался поздний свет.

— Бабка?— шепотом спросил Скачков, кивая на кухню.

— Она,— ответила Женька.— Собираю ее. Дали путевку в профилакторий — не отказываться же! Отвезу ее завтра, пускай поживет. И ей хорошо, и мне без забот.

— Увидит сейчас, не узнает.

— Так времени-то прошло!

Поднимаясь за Скачковым, Женька сняла фартук и вытирала руки.

Осматриваясь в давно знакомой комнате, Скачков не находил заметных перемен. Разве этажерка с книгами, да веер фотографий над столиком.

— Ты как... сейчас из дому, нет?— спросила Женька.— Я это к тому, что, может, есть хочешь. Я борщ варила, не остыл еще.

— Борщ?— Скачков, стесняясь, заскоблил затылок.— Вообще-то...

— Все ясно,— вмешалась она и стала собирать на стол.— Поругались, что ли?

— Да как тебе сказать? Маленько, знаешь, есть.

— Тогда сиди. Я сейчас.

Надевая фартук, завязывая на спине, Женька ушла на кухню.

Оставшись один, Скачков зачем-то энергично потер руки, стянул пиджак и повесил на спинку стула, так он поступал в те времена, когда бывал здесь частым и желанным гостем. Затем полез по фотографиям. На любительских снимках, не всегда удачных, он узнавал Женьку и какого-то одного и того же парня с мотоциклом. «Гм...— он неожиданно ощутил что-то похожее на ревность.— А в общем-то ...»

Вернувшись с кухни, она застала его за разглядыванием фотографий и смутилась, порозовела, но — чуть-чуть...

— Чего ты там нашел? Садись за стол.

— Знаешь, Жек, а я ведь сомневался: ехать, не ехать? Думал: выгонит еще.

Развязно шаря взглядом по фотографиям, он тем не менее насторожился: по тому, как она сейчас ответит, все сразу станет ясно. (Пока ехал, никаких сомнений не было; расстроил его парень с мотоциклом).

Отозвалась она с заминкой:

— Не поздно же еще...

Ну нет, он ожидал не такого ответа!

— Жек, ты только не финти. Лучше, знаешь, сразу. А то, я ведь могу и... это самое... испариться.

— Геш... Вроде мужик вон какой большой вырос, а все глупый. Видали его — обиделся!— Она рассмеялась.— Ешь сначала, не кипятись. Садись. Я налила.

Гм... Притворная ее строгость была знакома, правда — малость подзабылась. И все же! «Не поздно еще...» Не о такой мечталось встрече. Ехал, знаете ли, разлетелся и — вдруг... Обидно.

Не понимая еще, правильно ли он поступает, Скачков подъехал с табуреткой к столу.

— Гешенька!— воскликнула вдруг Женька,— хлеб-то я забыла подать!

Бросившись на кухню, она мимоходом припала к его сердитой спине, поцеловала в голову.

— Прости, милый. Болтаю себе, болтаю, а на столе пусто.

Аромат домашнего наваристого борща заставил его сглотнуть голодную слюну.

— А!..— он махнул рукой на все свои сомнения и жадно хватанул от хлебного ломтя.

— Замуж, что ли, собралась?— спросил он, молодецки управляясь с доверху налитой тарелкой.

Скрестив руки, Женька стояла, наблюдала, как он ест.

— Когда-то надо. Не век же одной куковать.

— Кто он?— мурчал Скачков, выбирая из тарелки с хлебом кусок покрупнее.

— Кто, кто! Парень. Шофер. Ничего парень.

— М-м...— значительно протянул Скачков, наклонив тарелку и проворно дохлебывая.— То-то я гляжу...— И он мотнул головой на фотографии.

— Еще налить? Давай, у меня много.

Все-таки простецкая она девка, вот что в ней было до-

рого. Лиза, сестра, да и Анна Степановна, обе они вспоминают о ней до сих пор.

Отваливаясь от стола, Скачков прикусил кончик ложки и задумчиво заморгал.

— А у меня, знаешь, худо что-то. Непонятно, как все получается.

Никогда раньше он не решился бы рассказывать кому-либо о своих домашних неполадках. Да и кому было рассказывать, с кем делиться? И лишь сейчас, когда у него вырвалось внезапное признание, Скачков понял, что жизнь, которую он вел, при всех ее радостях, обносит его многим. Где, спрашивается, друг, которому все скажешь и который все поймет? А дом, настоящий дом, постоянная мечта Анны Степановны? Разве это дом, куда он время от времени является лишь ночевать? С Клавдией у них был всего один месяц дружной безмятежной жизни — тогда, в Батуми. Скачкова там хорошо знали («Локомотив» всегда проводил южные сборы в Батуми), им отвели прекрасный номер. Было тепло, многолюдно, тихое море, все дни вдвоем — чудесный месяц. Может быть, не представляя себе жизни футболиста, Клавдия надеялась, что так будет всегда?

— Чудак ты, Геш,— мягко упрекнула его Женька.— Кто же виноват-то?

— Кто, кто?— Он сердито отъехал от стола.— Я, что ли?

— Нет, дядя!— в тон ему огрызнулась Женька.— Эх ты, голова, два уха. Да нашего брата, знаешь, как надо держать? Вот!— она крепко сжала кулак.— А ты? Баба без вожжей — гиблое дело. Не мужик ты, что ли? Да я бы им всем такой разгон устроила, дорогу бы забыли! А Клавдия твоя... девка еще молодая, ребенок подрос. Ты сколько дней в году дома-то бываешь — не считал? Я бы на ее месте еще не то выкинула. Честно говорю.

Она подошла к столу, забрала тарелку, смахнула в нее крошки со скатерти.

— Может, налить еще? Не надумал?

— А твой,— спросил Скачков и показал на фотографии,— с вожжами?

Женька закинула голову и рассмеялась.

— Чего обо мне сейчас толковать? Ты о себе думай.

— Говорить с тобой!— проворчал он и полез из-за стола. Но обиды на нее не было, какая на нее обида!

— Что это с ногой-то?— заметила она.

Натягивая пиджак, Скачков повертел коленом, притопнул.

— Так, знаешь... ковырнули малость.

Она остановилась посреди комнаты, уперла в бока руки.

— Ох, смотри. Доковыряют тебя, что Клавдии твоей одни обломки достанутся.

— Понесла!— отмахнулся он и похромал, чуть приволакивая ногу,— отсидел.

— С Лизой недавно виделись,— рассказывала Женька, провожая.— Жалуется, что появляешься, как красно солнышко.

— Теперь чаще буду,— пообещал он, разглядывая в темноте дорожку к калитке.— Совсем часто.

— Уж не на покой ли собрался?— говорила сзади Женька.

— А что? Надо же когда-то.

— Ну, правильно,— одобрила она. Потом спросила:

— Расстроился?

Он помолчал.

— Да как тебе сказать? Маленько, знаешь, есть.

— Ничего. А то доиграешься, что ребенок дядей будет звать. Жена сбежит.

— Ну, понесла!..

Запирая за ним калитку, Женька спросила:

— Домой сейчас?

— Не знаю... На базу, скорей всего. Да, на базу.

— Ну вот,— неизвестно к чему сказала она.

С минуту они стояли молча,— о чем еще было говорить? Потом она спросила:

— Нога болит?

Заученным движением Скачков нагнулся, помял под коленом. Рана заживала быстро, но боль ощущалась постоянно.

— Болит, зараза.

О травмированной ноге она знала еще в то время, когда учила его танцевать. Только она одна, пожалуй, имела представление, что стоило ему держать режим и беречь больную ногу: все растирки, компрессы, массаж. О том, что ему досталось еще в Вене, она как будто не слыхала. Да теперь и знать не стоило! Зачем?

Уходить однако что-то медлилось. Он стоял, не уходила и она. Неужели не догадается, что привело его сегодня? Вроде бы и не молчали, что-то узналось друг о друге, а все же главное, зачем он ехал, так и осталось незатронутым. А он надеялся, что Женька, как никто другой, поймет его привычку жить в ускоренном темпе, когда в положенные на два тайма полтора часа у футболиста пролетает большой,

неповторимо напряженный отрезок жизни. И вдруг после такого бешеного ритма переключиться сразу на размеренное, едва ли не вразвалочку существование!

(Правда, вот уже несколько раз, а с особенною силой нынче, в феврале, он ловил себя на том, что ему все трудней даются отъезды в Батуми, на южный тренировочный сбор. Молодые ребята — те прямо рвутся, горят от нетерпения, а игроки постарше — покряхтывают, тянут: сказывается с каждым сезоном привычка к дому, к теплой и уютной тяжести ребенка на коленях перед телевизором, да и годы, которых не остановишь.

Однако об этом он ей не скажет — не признается!)

— Ладно, потопал я.— Зевнул, передернул от озноба плечами.— Костылик, что ли, на старость купить? А то еще на трибуну не поднимешься... Как, на трибуне если встретимся: признаешь, не признаешь?

Но черта с два ее можно разжалобить! Уж кого-кого, но его-то она знала, как никто другой.

— Давай, давай!— насмешливо закивала Женька.— Ты мне еще заплачь. Стоит эдакая дубина, а — ноет: «Костылик...». Ты еще коляску инвалидную забыл!

Раскаиваясь, что затеял жалостливый разговор, Скачков поспешил обернуть его смехом.

— Ладно, ладно, раскудахталась! Тоже мне... Шуток не понимаешь?

— Шлепай давай, шутник. Не забыл еще, куда идти?

Вдали показался зеленый огонек такси. Скачков сорвался с места и, крикнув: «Побежал я, Жек!» понесся к перекрестку, засунул в рот два пальца и оглушительно свистнул.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На базе темно, темною стеной застыли обремененные листвой спокойные деревья. Свет теплился в одном окошечке — у Марковны.

Дожидаясь, когда Марковна поднимется и отопрет калитку, Скачков стоял, поглядывал на небо, по сторонам: тихо, безлюдно. Подумал, что следовало бы, пожалуй, поехать к матери с сестрой, но ведь догадаются же сразу, что опять неладно, и пусть не подадут и вида, однако расстроятся и втихомолку станут переживать.

Кто-то мягко ткнулся ему в ноги, он вздрогнул, наклонился и разглядел: Тузик. Неистово вертясь, пес повизгивал от радости и подскакивал, стараясь лизнуть в руку.

Скачков растроганно присел к нему: ах ты, псина лохматая, соскучился на пустой базе?

— Господи... Геша! — всплеснула дородная Марковна. — А я всех вас завтра жду... Один покамест? Да цыть ты, с ног собьет! — прикрикнула она на Тузика. — Дождался, ишь... Ну, с выигрышем, что ли?

— Тут с ног все сбились. То кого ни зови — не дозовешься, а то... Сам приезжал, с Ронькиным. По комнатам прошел. Ты к себе сейчас? Иди, иди, там чисто.

Старуха стала спрашивать о Маркине, всплакнула.

— Дети сироты, бабенка одна осталась. Как же это вы дали подшибить-то его?

— Да получилось так.

— А пенсию, не знаешь, не отхлопочут ей? Должны бы, по-моему, а?

«Да-а... пенсию там!» — с непонятным раздражением подумал Скачков, но вслух сказал:

— Чего вы его раньше времени хороните? Ну... играть не будет. Но жить-то будет!

— А будет? Что врачи-то говорят?

— Будет, будет. Вот отлежится как следует и приедет. К нему жена полетела.

— Это я знаю. А как не полететь? Меня бы коснулось, пешком бы ушла.

У себя в комнате Скачков раздернул шторы, растворил окно.

Кровать Мухина, пустая, аккуратно застланная, как в гостинице, напоминала об одиночестве. Как бы со стороны, Скачков видел на обезлюдевшей базе всего два сиротливых огонька: свой и в дежурке у Марковны. Он зажег ночник на тумбочке возле кровати и отправился в душ. Потом он долго массировал распаренную ногу, втирая мазь. Боль понемногу отпускала, расплывалась, но стоило остановиться пальцам, как она собиралась и накапливалась под коленом, под заживающим рубцом. «Придется наколенник или бинт потуже», — подумал Скачков и пошел мыть руки. Под крепкий острый запах растирки по существу прошла вся его жизнь. В последнее время он стал ощущать его на людях, в компаниях, и удивлялся, не понимал: настолько он им пропитался, что ли?

«Ну да теперь уж скоро...»

И стало ему совсем одиноко, тоскливо.

Забравшись под одеяло, Скачков с удовольствием вытянулся на прохладных скользких простынях.

День как будто завершился, пришел к концу, — огром-

ный и длинный день. Начался он еще в Вене, потом пересадка в Москве... Разница во времени, смена часовых поясов, и день, вернее, сутки, растянулись за пределы положенных двадцати четырех часов. Впечатления, самые разнообразные, мешались в голове, с трудом верилось, что все уже позади, что снова база, дом, привычная комната, и утомленное тело нежится на хрустящем свежем белье. Давно ли, кажется, все только начиналось?

На приеме после матча не оказалось ни тренера австрийцев, ни Фохта — обиделись. Очередная невежливость хозяев была на следующий день отмечена газетами, наряду с грубостью на поле. Один из журналистов сделал замечание, что тренеру австрийской команды следовало бы несколько расширить круг своих обязанностей: он не должен забывать, что на поле выбегают не просто футболисты сыгранного состава, стремящиеся добыть победу любой ценой, но — настоящие спортсмены, в высоком смысле слова. «Очень, очень этот пробел бросается в глаза, удручая всех любителей красивого футбола». Кто-то из репортеров разнюхал о скандале в раздевалке австрийцев: со зла тренер схватил приготовленную чашечку с горячим кофе и запустил ее в стену. Брызги полетели на игроков, на Фохта. Поднялась площадная брань. Словом, неприглядная история... Тренеру вообще досталось от журналистов: за хвастовство перед матчем, за пренебрежение к сопернику... Много внимания газеты уделили Маркину, а в день отлета появилось сообщение, что некая почтенная старая дама, смотревшая игру по телевидению, дарит маркинским девочкам-двойняшкам необыкновенный набор игрушек... Словно заглаживая вину австрийских футболистов, газеты опрокинули на своих читателей целый ворох аналитических разборов матча, рассуждений о содержании такого грандиозного зрелища, каким является сейчас футбол, и просто разнообразной информации о советской команде.

На матче, оказывается, присутствовал тренер польской команды, которой нынешним летом предстояла встреча с советской сборной за право участия в олимпийских играх. Он дал высокую оценку тактической вооруженности «Локомотива»: команда владеет размашистым движением, умеет держать мяч столько, сколько нужно, чтобы диктовать темп игры, четко сочетает зонную и персональную защиту, игроки проделывают огромный объем работы. Польский тренер обратил внимание на то, что в технике советских защитников и нападающих незаметно разницы (как это бросается в глаза у австрийцев). Он выделил Серебрякова, который

делал с австрийскими защитниками все, что хотел, а последний его гол назвал просто издевательским.

Пожалуй, не было ни одной венской газеты, так или иначе не отозвавшейся о матче. Отмечалось, что у Скачкова при его крепком, даже грубоватом телосложении манера игры мягкая, эластичная, напоминающая знаменитого Джалму Сантоса. «Этот русский,— писал какой-то репортер,— так неотступно следовал за Фохтом, словно вложил в него все свои акции». И — далее: «Фохт, конечно, доказал, что он является звездой первой величины, однако в этом матче русский набросил на него глухое черное покрывало». О Владике Серебрякове австрийским журналистам удалось узнать, что он сын боевого русского офицера, освобождавшего в сорок пятом Вену. Приводилась также знаменитая биография Ивана Степановича. Словом, венские репортеры показали, что знают свое дело хорошо.

Скрасить невыгодное впечатление, оставшееся у советских футболистов, пожелали и венские власти. «Локомотиву» был предложен день отдыха (за счет австрийского клуба), кроме того, Ивана Степановича попросили провести показательную тренировку с побежденной командой.

Одного дня для такого города, как Вена, конечно, оказалось недостаточно. Впечатления от увиденного превратились в сумбурную мешанину. Устав от матча и поездки, ребята словно бы остепенилсь. Неслышно стало даже Кудрина. Так, в задумчивости, больше по обязанности, чем по охоте, осмотрели собор святого Стефана, прошлись по Пратеру, парку городских увеселений, где восторженный хозяин какого-то аттракциона и подарил Скачкову куклу, побывали в ратуше со знаменитым латником на шпиле. Владик Серебряков вспомнил, что об этом рыцаре, будто бы охраняющем покой города, рассказывали мать с отцом — они его видели каждое утро, просыпаясь у себя в старинной узкой комнатке под самой черепичной крышей.

Приближался вечер, понемногу спадал зной и оставалось последнее, что значилось в дневном расписании — показательная, совместная с австрийцами тренировка. (Если бы не уговор заранее, команда охотнее всего заперлась бы в гостинице — устала).

Со стадиона возвращались ночью, при начавшейся вакханалии рекламных огней. Утомленные от впечатлений бесконечного дня, ребята не глядели в окна. Иван Степанович поднялся со своего места, прошел вперед и наклонился к водителю автобуса. Тот выслушал, с готовностью закивал и круто завернул вправо. Не сбавляя хода, понес-

лись куда-то в сторону, где огней было поменьше. Выяснилось, что Иван Степанович попросил свезти команду к больнице, где поместили Маркина.

Добиться пропуска в палату удалось только двоим, пошли Иван Степанович с Арефьичем. Команда осталась дожидаться в автобусе.

В самолете они сидели вместе с Иваном Степановичем и, еще под впечатлением всего увиденного в Вене, переговаривались — так, ни о чем серьезно. Потом Скачкову вспомнилась тренировка с австрийцами. Поле к тому времени починили, привели в порядок, травинка к травинке. Иван Степанович дал в общем-то обычную нагрузку, такую же, как дома, но, к удивлению ребят, австрийцы быстро дали пот и потащили ноги — выдохлись.

— Заметил, Геш, кто сдох быстрее всех? Ригель. Оттого он и хамло, что тренируется меньше других.

— Однако Фохт, я вам скажу!

— Ну, Фохт! Фохт игрок. Профессионал. Для него футбол — хлеб, деньги, жизнь. Что он без футбола? Ноль.

Припомнив, о чем секретничал с ним Гущин по дороге в Вену, Скачков сказал, что поговаривают о профессиональной лиге и у нас. Для начала, для пробы, скажем, команд пять или шесть.

— Вот уж глупость-то!— возмутился Иван Степанович.— Кто это тебе наплел?

— Говорят... Надеются, что класс игры повысится. Футболу же на пользу.

— Не-е...— Иван Степанович скривился, затряс головой.— Не в этом дело. Техники нам действительно подбавить не мешало бы. Но ведь когда она наживается? В детстве. Пеле начал гонять мячи, едва научился ходить. За пацанов нам надо браться как следует, за пацанов. Вот где наши резервы. А то... придет в команду лоб, а его еще учить надо. Он мяч на ходу обработать не может! Мяч! А пока учишь, ему, глядишь, и на покой уже пора... Нет, Геш, в команду должен приходить игрок, как музыкант в оркестр, с высшим образованием. Тогда и у тренера руки развяжутся, тогда он совсем о другом думать будет.

В ночном гудящем самолете было сонно, сумрачно, свет падал узким лучиком в колени. Разговаривая, он наклонялся ближе и доверительно касался Скачкова рукой. Беседы наедине, возможности освободить себя от накопившихся раздумий он ждал давно, и вот дождался. Убедительный выигрыш в Вене, по существу разгром, который учинил австрийцам «Локомотив», прорвал его обычную сдержан-

ность, тревоги и сомнения последних недель — все это осталось позади, и сейчас, в самолете, ему не требовалось от собеседника ни одобрения, ни возражений. И Скачков слушал, понимал, поддакивал: все, что говорилось, было близко, передумано самим, и не вызывало возражений.

Но почему теперь, припоминая, он не мог избавиться от ощущения, что весь тот долгий откровенный разговор Иван Степанович затеял ради него? Скачков уверен был, что тренер обрадованно откровенничает с ним без всяких тайных мыслей. Теперь же, после того, как он узнал о своем предполагаемом уходе, о проводах (о похоронах своих!), ему казалось, что весь тот поздний разговор в пути имел одну-единственную цель: подвести его самого к сознанию самостоятельного решительного шага.

Да, так оно, пожалуй, и было, хотя ничем — ни словом, ни намеком Иван Степанович не подтолкнул его к догадке. Сначала он погоревал о Владике Серебрякове. Успех уже ударил парню в голову. Иван Степанович однажды стал свидетелем того, как Владик измывался над официантом. Сначала он потребовал заменить ему блюдо, затем ударился в амбицию: стал уверять, что блюдо то же самое, лишь заменен гарнир. «Уверяю вас!»— оправдывался официант: «А я говорю, замените»,— надменно цедил Владик, и руки в карманах, раскачивался на стуле. Сцену прекратил Иван Степанович. «Идем-ка»,— поманил он Владика и увел с собой... Парень уже прекрасно сознает свое значение для команды. Иван Степанович опасался происков вербовщиков. Приедет опытный деляга, наобещает золотые горы и сорвет с места. А что парня удержит? Учебу бросил, живет без якоря, без мыслей, одним сегодняшним счастливым днем: девочки, магнитофон, сладкий угар успеха, молодости. Обидно будет, если клюнет на приманку и пропадет. За примером ходить нечего: Федор Сухов... Кстати, в Вене Федор отыграл прилично, особенно в начале встречи, но под конец силенки все же подвели — последние минуты еле ноги передвигал. Винить Федору некого: сам виноват — не берег себя в свое время. Теперь собирать, что растеряно, поздновато. И наконец Белецкий Игорек. О Белецком тренер проявлял тревожную заботу. И, как он доказывал, было отчего. «Сам посуди, Геш...» Парнишка вырос, можно сказать, созрел для основного состава. А куда его ставить, куда? Вместо кого? Ну, пока Мухин лечится от травмы, Игорек поиграет на краю. А потом? Вот тут и задумаешься. А парню могут хоть сегодня предложить место в любой команде. И попробуй задержи парня, если подаст на пере-

ход. Не задержишь, не возразишь. Кому, в самом деле, охота лучшие свои годы просиживать на скамейке запасных? Хоть кого коснись...

Доверчиво выкладывая все свои тревоги и сомнения, Иван Степанович ставил старого испытанного капитана лицом к лицу с проблемами дальнейшего развития команды и, как бы предлагая ему свое хлопотное место, ждал совета: что делать, как поступить?

Там, в самолете, Скачков был озабочен и так же, как и тренер, искал ответа, выхода. Положеньице, действительно... Особенно с Белецким. Упустишь — потеряешь. А потерять нельзя, преступно потерять. Парня нашли, вырастили, поставили на ноги. И — нате вам: кому-то готовенький подарочек!.. А выход, как оказывалось, был прост.

В душе его всегда жила надежда, что в некий срок, когда он все же скажет о своем уходе, Иван Степанович запротестует, станет разуверять его, уговаривать, даже стыдить. А выходило?

Теперь, когда решение пришло, боль внезапного открытия становилась меньше, меньше — исчезала... Он, как футболист, отдавший полю долгих четырнадцать сезонов, понимал тренера, не мог не понять. Давая стареющему капитану продержаться до конца сезона, команда не имела права терять такого игрока, как Белецкий. Парнишка вырос и прекрасно впишется в ансамбль: вместе с Кудриным и Нестеровым он составит боевую атакующую линию полузащиты. Да и молодость за него — вот что главное. Ему еще играть да играть, вся жизнь впереди.

Конечно, сезон-другой еще можно продержаться, перейди он в другую команду. И его возьмут, с удовольствием возьмут. Он еще может отыграть. Но это уже добывательство, хватанье за соломинку. В «Локомотиве» он начинал, отдал ему всю молодость, и вдруг на склоне, на закате... Молодые игроки, те как-то не чувствуют такой привязанности к городу, к команде, будто растут без корешков в родной земле: чуть поманил его, он тут же подхватился и полетел. Для них же, «стариков», вся жизнь связана с одной командой, и с каждым годом корни прорастали все глубже, глубже — не сорвешь. В чужой команде они и заиграть не смогут так, как у себя. Не смог же Федор Сухов показать в Москве своей игры!

Размышляя в одиночестве, Скачков понемногу привыкал и смирялся, как отставший пассажир, на глазах которого нарядный и стремительный экспресс умчался вихрем дальше, а он остался на пустой платформе...

Засыпая, Скачков блуждающей рукой нашарил в изголовье выключатель ночника. Едва в его окне погас неяркий поздний свет, снаружи раздался тихий деликатный визг разочарованного Тузика.

После успеха в Вене, игры дома, на своем стадионе, «Локомотив» провел неровно.

Первая встреча — с армейцами Москвы — внушала опасение с самого начала, и на установке, манипулируя фигурками на макете, Иван Степанович не скупился на детальные разработки. Противник был традиционно трудный, к тому же в этом матче команде приходилось как бы заново держать экзамен на своем поле. Никто из болельщиков венского матча не видел (встреча по телевидению не транслировалась), но в то же время каждый знал об игре с австрийцами по отчетам, и высокая оценка, единодушно выставленная «Локомотиву», подогревала нетерпеливый интерес трибун.

Матч у армейцев выиграли и выиграли, как показалось Скачкову, довольно легко. В тот день «Локомотиву» удавалось все, и скромный счет 1:0 (гол забил Серебряков) не отражал картины встречи. Уверенно распоряжаясь мячом на всем пространстве поля, хозяева не выпускали инициативы до самого финального свистка.

После двух очков, добытых в артистично, вдохновенно сыгранном матче, «Локомотив», казалось бы, нашел свою игру, но вот очередная встреча — с киевскими динамовцами,— и на трибунах оба тайма не умолкал негодующий циничный свист обманутых болельщиков, настолько вдруг убого и бесцветно действовал «Локомотив».

Зрители, набившиеся на трибуны, видели лишь то, что происходило на их глазах на поле. И никто не был посвящен в события, предшествовавшие матчу.

Дело в том, что в день матча на тренировочной базе «Локомотива» за городом с самого утра царил переполох: на утренней разминке вдруг оказалось, что ночью с базы исчез Серебряков. Как он сумел? Когда? Зачем?

Старая Марковна, дремавшая всю ночь в дежурке, припомнила, что где-то вскоре после отбоя на дороге возле тренировочного поля раза два протяжно прогудела автомобильная сирена. Марковна не придала этому значения, тем более, что с базы никто не выходил.

— Он, видно, через забор стрельнул!— высказала догадку старуха.— Ну, кот!

Завтрак прошел без Серебрякова, не явился он и к обеду. Настроение в команде падало.

Кто-то из ребят, кажется, Батищев, уходя из столовой, проворчал, что сами виноваты: захвалили парня, подняли до небес.

— Икона, чего уж там... Только молиться не молились.

Сам Сема своим горбом добился себе места в основном составе, боялся лишний стакан воды выпить, чтобы не потяжелеть.

После обеда ребята разошлись по комнатам — мертвый час. Скачкову не лежалось, он вышел на крылечко и увидел за воротами мешковатую фигуру тренера, Иван Степанович с надеждой вглядывался, не покажется ли пыль на дороге. Нет, чисто, безлюдно — тишина и зной. Даже на озере все замерло.

Босиком, осторожно ступая по раскаленной земле, Скачков приблизился, стал рядом. Руки в бока, ногой почесывая ногу, трусы сваливались с плоского живота. Стоял, щурился. Он понимал состояние Степаныча и ничем не мог помочь. Что тут станешь говорить? Никакими словами не поможешь.

— Ну, гад!— сквозь зубы процедил Иван Степанович.— Допрыгается он у меня!

— Может, несчастье какое?— попробовал утешить Скачков.

— Молчи уж!— огрызнулся Степаныч.

«Ну, Владька... действительно гад. Отмочил номер!»

— Растем, растем!— язвительно проговорил Иван Степанович, часто дрыгая коленкой.— Уже нам и закон не писан... Г-гад!— ударил кулаком в ладонь и бледный, с набухшими веками, ушел к себе в комнату.

Повесив голову, Скачков поплелся от ворот. «Растем...» А, кажется, давно ли добивался чести выйти за «основу», мечтал, готовился... Все забылось сразу! Прав был в своем ревнивом ворчании Семен Батищев: не выдержала сладкого хмельного бремени головка Владика — закружилась. Надо же — удрать с базы ночью, накануне матча! Такого не позволял себе даже Комов!

Автобус с командой отправился на стадион без Владика, отъехал, как это было издавна заведено, за полтора часа до начала матча, минута в минуту. Иван Степанович сидел впереди на своем месте мрачнее тучи. Ну что было делать с провинившимся, как поступить, как наказать? А ведь тот, удирая с базы, отлично сознавал, что он теперь значит для команды! У бедного Степаныча от мыслей голо-

ва шла кругом. Недаром считается, что век тренера весьма недолог,— не выдерживает человек постоянных перегрузок!

В душе Скачков уверен был, что Серебряков давно крутится возле стадиона. Уж что-что, а на матч-то он не опоздает! И точно: автобус еще пробирался сквозь напиравшую толпу, а у служебного входа, на крыльце, ребята разглядели счастливую физиономию нарушителя в окружении восторженных болельщиков.

Завидев автобус с командой, Владик смутился, забегал глазами — сознавал, что натворил. Иван Степанович прошел мимо него, словно не замечая. Проследовали мимо и ребята, вся команда, как один. Это было первой оплеухой, но не последней. И Владик съежился, притих и сзади всех поплелся в раздевалку.

— Ну, так получилось... Ну, надо было...— бормотал он оправдания, однако никто его не замечал: так, крутится кто-то под ногами!

А команда раздевалась, преображаясь на глазах, уже Матвей Матвеич кого-то шлепал на массажном, простынею застланном столе, сильно, терпко потянуло на всю комнату растиркой. Застучали бутсы — кто-то обулся.

Заметив, что Серебряков направился к своему креслу переодеваться, Иван Степанович остановил его и, указав пальцем на трусы с футболкой, чистенькие, выглаженные, приготовленные заранее, скупо обронил:

— Это оставьте.

И Владик побледнел — он понял, что сегодня ему на поле хода нет, команда выйдет без него.

На минуту в раздевалке установилась тишина, своим молчанием команда поддержала тренера и подчеркнула тяжесть наказания.

А трибуны гудели, слышно было, как прокатывалось по рядам нагнетаемое нетерпение. Вот затрещали аплодисменты — это гости выбегали на разминку, и мяч, возмутитель спокойствия в городе, принялся за свои звонкие упругие прыжки.

Пересилив себя, Серебряков, опустил голову и что-то сбивчиво забормотал насчет того, что он в последний раз просит поверить.

Иван Степанович, выжидая, скользнул взглядом по креслам: как отреагирует команда? Но нет, слишком легко отделался бы легкомысленный парнишка! Пускай звезда, пускай кумир и знаменитость, а все же... И Стороженко, мужиковатый на поступки и слова, изрек беззлобно, но тяжеловесно, как будто походя отвесил оплеуху;

— Было, слыхали уже. Горячий навоз быстро остывает.

В смысле отстроумия от Стороженко многого не ждали — здесь первенство было за Кудриным,— однако иногда он отпускал убийственные реплики, мог ляпнуть что-нибудь из деревенского обихода, грубоватое, но меткое, бьющее наповал.

А тут еще Батищев: уже одетый, подворачивая рукава футболки, осклабился и хехекнул:

— Само то!

Надо было знать самолюбие Серебрякова, всю его спесь и гонор, чтобы понять, какой ему сегодня преподнесен урок.

На трибунах, едва команда показалась из туннеля, возникло и стало нарастать недоумение: а где же Владька, куда они его девали? Потом пошла игра, пошла нескладно, скомканно, под свист и осуждение, а Серебряков сидел и дожидался в раздевалке, сидел, уронив лицо в ладони, изредка прислушивался, что там происходит, и стискивал зубы. Он мог бы оскорбиться и убежать, но власть футбола была уже настолько велика над ним, что он свое переломил в себе, преданно оставив только то, что принадлежало всем. От поля, от футбола ему не уйти никуда. Это была его тяжкая и сладкая привязанность, его счастливая судьба.

Он не заметил, как пролетело время первой половины матча, но вот раздался топот многих ног, хриплые запыхавшиеся голоса — команда ввалилась в раздевалку на перерыв. Серебряков был здесь, дождался, не ушел, и эти его преданность, смирение, раскаяние говорили больше всяких слов.

Иван Степанович задумчиво прошелся по проходу между вытянутых отовсюду ног, остановился, запокачивал коленкой. Скачков, закатывая на животе футболку и унимая грудь, вдруг поймал его потаенный вопросительный взгляд. Они поняли друг друга без слов. «Можно»,— кивнул Скачков и облегченно опрокинулся, закрыл глаза.

— Серебряков!— позвал Иван Степанович и остальное договорил кивком и жестом пальца.

Как встрепенулся парень, как лихорадочно он принялся срывать с себя одежду! И вздох, единый вздох пронесся по загудевшей раздевалке.

— Влад, лови!— Арефьич заботливо кинул ему нарезанные из бинта подвязки для гамаш.

— Влад, на стол!— позвал Матвей Матвеич.

Врач Дворкин уже протягивал ему свеженькую форму запасного игрока с номером «12» на спине. Плевать! Не в цифре дело!

Надо было слышать, какой овацией разразился стадион, увидев Серебрякова. Ускоряясь, работая ногами мелко-мелко, он пробежался по полю, чуть разогрелся и направился в центральный круг, к мячу, на свое привычное в команде место. Опять доверенное, возвращенное!

Этот матч, вернее, половину матча, его остаток, Серебряков провел с таким подъемом и старательностью, словно вновь доказывал, что он весь, с ног до головы, принадлежит команде, и только ей.

Его присутствие на поле сказалось сразу же — Скачков почувствовал, как ослабел напор динамовцев, и стал все чаще выходить вперед. С мячом Скачков продвинулся по краю, заметил, как остро открывается Серебряков и просит, молит выдать ему пас — неважно, что его пасут и стерегут! «Дай, Геша, только дай!» Что ж, будь что будет,— Скачков не очень сильно дал вразрез. В окружении троих защитников Серебряков все сделал мастерски, в одном движении: он грудью принял мяч, чуть развернулся на ворота и, не давая мячу опуститься, врезал с лету. Куда там вратарю — такие мячи не берутся!

Весь стадион поднялся на ноги и так взорвался, так загремел, что общий голос ликования достиг окраин города, и там в садочках, у калиток, пенсионеры, коротая вечер, понимающе переглянулись и покивали один другому: ага, забили!

А Серебряков бежал по полю, как молодой олень, и глох от мощных криков обожания, любви и преданности, накатывавшихся на него со всех сторон. Но что проникло ему в переполненное сердце и отозвалось ответным теплым чувством, так это одобрение увальня Стороженко, сделанное по обыкновению грубовато, но от души:

— Молодец, Влад,— и пихнул его кулаком в спину.— Красавец!

Гол, сравнявший счет, настолько взвинтил темп, что «Локомотив» минут через пятнадцать — двадцать вынужден был произвести еще одну замену, на этот раз Федора Сухова, вконец сдыхающего на своем краю. Произошло это после того, как Серебряков, находившийся под бдительным присмотром двух защитников, увидел на краю открывшегося Сухова и, не раздумывая, скрытно, пяткой ткнул ему на выход. Мяч, выкатившийся из сутолоки игроков, заставил стадион подняться на ноги и охнуть. Гол

казался неминуемым, остановись только, подправь как следует под ногу — никаких помех. Однако Федор, разогнавшись, как летел по краю, так, не задерживаясь, и залепил что было силы, и на трибунах взвыли от досады и разочарования — мяч ушел намного выше верхней штанги и через весь сектор для прыжков улетел на южную трибуну. Владик Серебряков поднял над головой кулаки, затем хватил себя по бедрам: такой момент! За воротами Турбина, гневно наливаясь кровью, ходил, как в клетке, Иван Степанович. Иногда он резко, вбок, бросал что-то сидевшему на чемоданчике Матвею Матвеичу, тот понимающе кивал и сплевывал под ноги. Таких возможностей за всю игру раз-два и обчелся. Ну, Сухов, ну, пижон! А все гуляночки, друзья и собутыльники, после Вены, едва вернулись с Кубком, Федора вместе с Комовым снова стали замечать в разных веселых местах...

Покуда Сухов, искусно приволакивая ногу, хромал к себе на место, к нему пристроился Виктор Кудрин, посмотрел ему на голову, на ноги, опять на голову:

— Что, Федюнь, солярка кончилась?

Федор огрызнулся, высвобождая мокрую шею из тесного ворота шерстяной футболки. Грудь его вздымалась, хлюпала, в глазах блуждало выражение загнанного жизнью неудачника. Кудрин отстал.

За воротами Иван Степанович обернулся к скамейке с запасными, и парнишка из дублеров, проворно вскочив, одним движением спустил вниз тренировочные брюки.

Сухова провожали с поля свистом. (Сдержанно вела себя одна западная трибуна. За эту сдержанность ее и уважал Скачков. На других трибунах, с их разнузданностью в любви и осуждении, было больше футбольных обывателей). Вчерашний кумир, Федор Сухов брел к туннелю с опущенною головой, а вслед ему свистели и орали, мстительно и зло. Негодование трибун было равно недавнему восхищению. Иногда Федор поднимал затравленные глаза, и в них были недоумение и боль: неужели все против него? Да, сегодня все, кто пришел на стадион, были настроены против. Еще совсем недавно они его любили.

После замены Сухова игра еще продолжалась, возникали острые моменты у тех и у других ворот, однако результат так и не изменился: ничья.

Скачков видел, что Иван Степанович расстроен недобором «железного» очка. По скрытной бухгалтерии, которую мысленно ведет каждый тренер, он, конечно, плани-

ровал очки из такого, приблизительно, расчета: ничья в гостях и выигрыш у себя дома. Одно очко — потеря вроде бы небольшая, несколько раз уже бывало, что при окончательном подсчете осенью его-то могло и не хватить!

Игры на выезде начали с поражения в Минске. Проигранный матч показал, что «Локомотив», несмотря на некоторые успехи, еще не достиг того класса, когда команда добивается желаемого результата даже в тот день, если игра не клеится.

Проигрыш практически перечеркнул надежды «Локомотива» пробиться в нынешнем сезоне в десятку лучших. Сезон был в разгаре, а в таблице значились скудные три очка. (Правда, из-за «окна» «Локомотив» и сыграл меньше других).

В Минске, на другой день после матча, Иван Степанович собрал команду у себя в номере (улетали вечером). Ребята собирались неохотно: знали, о чем будет разговор. И тяжко, стыдно было смотреть в глаза Степаныча. Ребята понимали, что тренеру куда труднее, чем игроку. Тяжесть поражения команда обычно делит поровну на всех, а тренер несет свою вину в тоскливом одиночестве, делиться ему не с кем. Да и утешать его никто не станет — только ругать, указывать на недостатки, на просчеты. Поэтому, собравшись в номере у тренера, ребята не жалели критики в адрес самих себя. Согласились все, что, конечно, скрывать нечего — после Вены, да после домашнего матча с армейцами задрали нос. И на тренировках стали убавлять старания, и на поле выбегали с эдакой прохладцей: дескать, все теперь нам трын-трава!. Было, было!

Дома, после убедительной победы над армейцами, Брагин опубликовал отчет, где отмечал, что «Локомотив» буквально на ходу вводит и обыгрывает молодых, выражал надежду, что смена поколений, заставшая команду буквально на «марше», не даст «Локомотиву» засидеться на последней строчке в таблице.

После Минска вылетели на Кавказ. «Минский душ», как называл последний проигрыш Иван Степанович, сказался. В Ереване вдруг выдалась опять великолепная игра, и «Локомотив» поверг ереванских болельщиков в траур, заколотив в ворота хозяев три боевых безответных мяча (первый из них, тряхнув стариной, красиво засадил Федор Сухов; неузнаваемо менялся человек, едва отрывался от домашних соблазнов!).

Дома, перед отъездом в долгое турне. Скачков все же не

выдержал и вынудил Каретникова на откровенный разговор о своем уходе на покой. Надоело быть в неведении. К напору Скачкова, когда он грубовато, в лоб, задал свой больной вопрос, Иван Степанович был явно не готов.

— Геш, милый...— Иван Степанович, словно пойманный на тайном деле, отчаянно покраснел,— по-моему, я тебе ничего пока не говорил? Ведь так?

Но — глаза, глаза! Да и для Скачкова самым трудным было лишь начать.

— Смотри, Геш,— сдался наконец Иван Степанович.— Решать тебе. Ты сам знаешь, что ты сейчас для команды. Но если уж решишь — что ж?

Пока же он просил Скачкова продержаться до того дня, когда на поле сможет выйти Мухин. У Мухина не проходили головные боли, Дворкин настаивал положить парня в больницу на серьезное обследование.

— Как ты, Геш?— спросил Иван Степанович.— Выдержишь?

— Я... что ж. Раз надо...

— Надо, Геш. Вот так надо! Откровенно говорю. Даже прошу.

Так и договорились: до выздоровления Мухина. Иначе за какой-то месяц с небольшим обновится едва ли не половина команды — тяжеловатая нагрузка для молодых. Скачкова постоянно беспокоила нога, но Дворкин заверил, что играть в общем-то можно (если уж это так необходимо!). Он прописал резиновый бинт, а если понадобится — еще и наколенник, остальное было делом рук Матвея Матвеича с его хитроумным набором растирок и втираний. Над Скачковым, растянув его на массажном столе, Матвей Матвеич колдовал каждый день, глубокомысленно и подолгу орудуя своими чувствительными пальцами.

После разговора с тренером прошел всего один день, а Скачков уже свыкся, что он временный человек в команде, и было удивительно, что раньше, еще совсем недавно, одна мысль об уходе на покой вызывала холодок под сердцем. Действительно, не одним футболом жив человек! Но вот что удивительно: в эти дни, когда Скачков жил и ощущал себя в команде как сторонний наблюдатель, игра его на поле обрела такую зрелость и неторопливую рассудочность, что было непонятно самому: откуда вдруг? Но он это чувствовал и видел — как бы неким взглядом на себя со стороны. Развитие игры угадывалось им за несколько ходов, он успевал оказываться в нужном месте, не напрягаясь, не расходуя напрасно сил. Больше того, в

последних играх он стал угрозой для вратарей, как в свои прежние, так быстро закатившиеся годы. Ему увиделись проходы в обороне, они так и манили на рывок и не воспользоваться ими было бы грешно — он стал уверенно идти вперед и бил, бомбардировал ворота сильными настильными ударами. Эх, если бы сейчас отбросить лет пять-шесть или хотя бы не больная нога!

«А может быть, ее оттянем, поиграем?» — вспыхивала у него надежда. Молодые... что ж, они еще подождут, у них времени много. Но тут же спохватывался и мрачнел. «Что это со мной: истерика? То — уйду, то — остаюсь...» А ведь были грозные предостережения, из-за которых пострадала вся команда. Что это — ошибки, промахи? Конечно, и еще какие! За многие сезоны в спорте Скачков усвоил истину, что упрекать себя за промахи бесполезно. Необходимо их осмыслить настолько, чтобы не повторить в будущем. Но поди-ка, не повтори, если все видишь, понимаешь, а силы не те. Молодости не вернешь! Надо просто собираться с духом и решаться, отходить, давая место молодым. А так, тянуть на полсезона, на сезон — это все равно, что стоять у воды и ежиться, не решаясь на нырок. И едва он принял для себя окончательное решение, ему показалось, что события вдруг покатились с удивительной быстротой. За свою жизнь он сыграл несколько сотен матчей, но именно последние, в которых он доигрывал, прощался, становились ему дороги и памятны особенно. Он привык считать, что самые тяжелые и изнурительные матчи всегда впереди, но для него впереди уже ничего не ожидалось — все останется для других, для молодых. Для него же самого все, что он делает сейчас на поле, — все в последний раз. И, видимо, потому он с такою остротой переживал эту кромку своей спортивной жизни.

Дома у Скачкова узнали об его уходе на покой в канун отъезда команды в Минск и на Кавказ. Клавдия спросила:

— Геш, мне Вадим сказал, что ты бросаешь играть? Да? Вот новость? А чем ты станешь заниматься, милый?

В последние дни он сам только о том и размышлял. Отвечая Клавдии, он заметил, что станет заниматься тем же, чем и раньше.

Она удивленно подняла тонкие подрисованные брови:

— Но раньше ты играл!

— Нет, раньше я работал.

— На заводе? Фи-и... как неинтересно. Это после все-

го-то! А твой диплом? (Скачков окончил физкультурный институт).

— Посмотрим, в общем,— ответил он уклончиво.

— Нет, милый, надо что-то придумывать. Надо, надо, надо! Не спорь со мной, я лучше знаю.

Она как будто обрадовалась случаю впасть в безудержную деятельную горячку и, охлаждая ее пыл, он твердо заявил, что все давно продумано и решено.

— Я не знаю, с кем ты все продумывал, но со мной ты говоришь впервые. А я, не забывай, все-таки прихожусь тебе женой. И прошу тебя — перестань, пожалуйста, возражать и возмущаться! То слова не вытянешь, а то... Лучше всего — молчи и слушай. Не можешь как следует устроиться сам, предоставь это мне. И нечего делать удивленную физиономию! Нечего! В конце концов не забывай, что у тебя ребенок... Ну так вот. Скажи — разве ты не смог бы стать каким-нибудь... ну, скажем, спортивным комментатором? На том же телевидении? Смог бы, я знаю. Смог. Значит, в этом направлении и нужно пробивать. Валерия, например, уверяет, что у тебя ужасно фотогеничное лицо. Прямо герой-любовник! Но это шутка, я шучу... А серьезно — вот что. Я сегодня же поговорю с Сашкой Боксерманом. Сегодня же. А еще лучше — мы подъедем к нему с Валерией. Тебя, надеюсь, не завтра выгоняют?

Он побагровел и, наклонив голову, поднялся.

— Никто меня не выгоняет — понятно? Никогда не устраивался и устраиваться не хочу!

Она с изумлением оглядела его с ног до головы.

— Ну и нашел чем хвалиться! Я же хочу как лучше. Чем ты хуже других? Чем, я спрашиваю?

Эта манера наклоняться и втолковывать ему, как человеку недалекому умом, выводила Скачкова из себя.

— Не хуже и хуже быть не хочу! Понятно?— Ему хотелось закричать на весь дом, затопать ногами, даже хватить что-нибудь об пол, только бы сбить ее с самодовольного поучительного тона.

Наблюдая, как он сердится, Клавдия вздохнула с терпеливой мукой:

— Я вижу, говорить с тобой совершенно бесполезно. Ты ни-че-го не понимаешь в жизни и никогда не понимал. Да ни-ког-да!.. О, только не кричи на меня! Тебе же надо начинать учиться жить. Это тебе не за мячиком бегать — пойми. В жизни, я имею в виду, в настоящей жизни, все гораздо сложнее. А впрочем, что с тобой говорить?

Тебе ведь не втолкуешь. Как осел, как... дуб какой-то! Ладно, поезжай... куда вас там везут, а потом, когда поймешь, когда поумнеешь, может быть, даже спасибо скажешь.

В общем, отъезд команды оказался для Клавдии как нельзя кстати, проводив Скачкова, она осталась с твердым решением устроить его дальнейшую судьбу по-своему.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Придерживаясь за плечо Николая Ивановича, Скачков вглядывался вперед, карауля перекресток с фигурой работницы над угловым домом.

— Здесь,— сказал он, нажимая на плечо шофера.

Автобус остановился за полквартала до перекрестка.

Иван Степанович, писавший что-то в тетради, поднял голову и с недоумением посмотрел в окно.

— Геш,— позвал он,— сиди, чего ты? Подвезем.

— Спасибо,— отозвался Скачков и спрыгнул в темноте с подножки.— Тут ближе.

Лязгнула, задвинулась, как металлическая штора, дверца, и освещенный изнутри автобус тронулся. Команда поехала на базу.

С тяжелой сумкой у ноги Скачков проводил прильнувшие к окошкам лица, помаячил на прощание рукой. Заметил — Федор Сухов, с которым сидели рядом, состроил кислую физиономию: дескать, завидую... Он тоже заикнулся, чтобы уйти домой, но сумрачный Иван Степанович, листавший всю дорогу свою клеенчатую тетрадку, досадливо мотнул щекой: сиди!

— По-нятно!— не слишком громко, чтобы не слышал тренер, сказал Федор и завернулся в плащ. От него еще там, в воздухе, попахивало, Скачков принюхивался и не верил: да где он ухитрился, с кем? Уж не с соседом ли, летевшим в отпуск с севера? Они с ним что-то слишком оживленно разболтались, а в Свердловске, где была посадка, расстались, как друзья до гроба.

«Локомотив» вернулся домой, прервав кавказское турне ради кубкового матча с ленинградцами. В Тбилиси, ожидая результата встречи бакинцев с ленинградцами, ребята слушали репортаж и гадали: кто выиграет? Удобней было бы, чтобы победа досталась бакинцам, тогда не пришлось бы прерывать поездку и для одной игры со-

вершать далекий и утомительный конец домой. Но выиграли ленинградцы.

Прямо с аэродрома команда поехала на базу, а Скачков, заранее договорившись с Иваном Степановичем, отправился домой. Завтра он обещал явиться прямо на стадион, к матчу.

Сворачивая под высокую арку в проходной двор, Скачков оглянулся. Автобус стоял на перекрестке перед светофором, на тяжело осевшем кузове мигали красные огни. Улица безлюдна, поздний час. В автобусе сейчас, на последних сиденьях, дремали ребята из дубля. Иван Степанович забрал их с собой специально для завтрашнего четвертьфинального матча. Заиграть всех сразу он, конечно, не решится, но... всякое может случиться.

Рядом с шофером Николаем Ивановичем, в просторном одиноком кресле у кабины тягуче всхрапывал толстой оплывшей грудью Матвей Матвеич. Он не проснулся, когда выходил Скачков. За массажистом, оставшись без соседа, обиженно нахохлился Федор Сухов. В автобусе от него уже разило, как он ни отворачивался и ни пытался завернуться в плащ.

Ну что с него возьмешь? Худо, когда человек не сознает своего значения, кроме как на футбольном поле!

— На север вон возьму подамся,— ворчал Сухов, покуда Скачков забирал сумку и пробирался вперед, к шоферу.— Там люди позарез...

На север? Это уже что-то новое. Прежде, до Каретникова, Федор откровенно надеялся остаться при команде, неважно в качестве кого: хоть помощником администратора. И Рытвин, видимо, оставил бы его, пожалел. Теперь же... Правду говорят, что старая слава хуже ржавого гвоздя,— Иван Степанович, отлично помня все его «художества», своего согласия не даст. А без его согласия... времена-то переменились!

Пробираясь домой через проходной пустынный двор, увязнув по пути в песке на детской игровой площадке, Скачков сегодня торопился, как никогда. Суховское ли отчаяние было тому причиной или что-нибудь другое, но сегодня за всю свою суетную спортивную жизнь, за свои бесконечные отлеты и прилеты он впервые задумался о доме, как о месте, куда человек возвращается и должен возвращаться постоянно. Чувство дома и семьи — это чувство родины, а без него станет постылой даже самая блистательная жизнь. Интересно, не об этом ли и суховские мысли?

Перед тем как войти в подъезд, Скачков поднял голову и отыскал окна своей квартиры. Свет горел только на кухне. Всю дорогу, пока летели, он торопился, надеясь застать Маришку не в постельке. Целый час продержали в Свердловске, затем пришлось звонить на базу и ждать автобус. Теперь Маришка, конечно, спит.

Дверь он открыл своим ключом и, не поставив сумки, прошел по коридору. Так и есть — на кухне Софья Казимировна, закутанная в шаль, уставив острый нос, внимательно раскладывала на вымытом столе пасьянс. Она не оглянулась, пока не положила как следует очередную карту. Скачков стоял в коридоре, как посторонний, ждал. Софья Казимировна, щурясь под очками, посмотрела на него, узнала и не удивилась. Они не поздоровались, хотя не виделись недели три. Снова принимаясь соображать над картами, Софья Казимировна как бы между прочим сказала, что Клавдия у Звонаревых, недавно звонила. «Все ясно,— с невольным раздражением подумал он.— Собрались, галдят, дымят и пьют. Клавдия уже как алкоголик: и мутит ее, и обойтись не может. Что ее там держит?»

Пока он разувался, Софья Казимировна размышляла над разложенным пасьянсом. После долгого раздумья она выпростала из-под шали зябнущую руку и, сомневаясь, переложила с места на место какую-то карту. Посмотрела, подумала: понравилось.

— Есть ужин,— сказала она.

— Спасибо,— отказался Скачков, вешая плащ.— Не хочется.

На цыпочках, в одних носках, он прошел в комнату, где спал ребенок. Софья Казимировна, приспустив очки, осуждающе посмотрела ему в спину, но промолчала.

В комнате, зашторенной и с запертой балконной дверью, было темно и душно, а форточка, как сразу разглядел Скачков, прикрыта. Он первым делом распахнул неслышно форточку, затем приблизился к кроватке. Девочка спала среди разбросанных и смятых простыней. Скачков нагнулся и увидел на плече ребенка розовую рожицу куклы, которую он привез из Австрии. Любимая, заласканная игрушка... Павлу Нестерову в Вене досталась точно такая же кукла. Недавно после игры Павел спросил Скачкова: «Геш, как твоя на куклу среагировала? Моя не расстается, спит в обнимку». Тогда, в раздевалке, когда под окнами еще шумели расходившиеся зрители, Скачков был удручен и ничего не ответил,— так, изо-

бразил что-то лицом, плечами. Не до того было. И только сейчас, увидев розовую, глуповато-радостную рожицу куклы, он сообразил, что отшельничество Павла на базе и в общежитии шумливых молоденьких дублеров кончилось. Видимо, после Вены он помирился и вернулся домой, в семью...

Постояв над спящей Маришкой, Скачков натянул на толстенькие заголившиеся ножки простыню. Горячим показался ему лоб ребенка и влажными волосики.

— Что Маришка, здорова?— спросил он, появляясь на пороге кухни и загораживаясь от режущего света. Единственно, о чем он разговаривал с теткой Клавдии, так это о ребенке.

— Вечером вдруг что-то...— пожаловалась Софья Казимировна, в раздумье изучая разложенные по всему столу карты.— Но уснула хорошо. Хорошо.

— Температуры нет?

— Температуры?.. Температуры... Ах, температуры? Нет, температуры не было.

Скачков мысленно ругнулся и ушел.

У себя в комнате он вытащил из сумки тренировочный костюм и переоделся. Низкий свет несильной лампы блестел на полированных гранях мебели. В углу, у стенки, где были составлены уютно кресла, он заметил корзинку не корзинку, а что-то круглое, плетеное, подвешенное на шнуре. Внутри горела лампочка. «Ага, ночник...» Каждый раз, возвращаясь из поездок, он находил какие-нибудь изменения в квартире. Клавдия постоянно что-то приобретала, переставляла,— украшала комнаты по-своему. Теперь, подружившись со Звонаревыми, вместе с Валерией она не вылезала из комиссионных. Скачков в эти дела не привык вмешиваться. «Бабские дела», как называла их Клавдия.

Хотелось, однако, лечь и вытянуться, но он не решился раздвигать диван, искать запрятанное где-то в ящиках постельное белье. Хозяйничать в квартире предпочитала сама Клавдия. Да и когда было хозяйничать ему? В лучшем случае переночует раз в неделю. И то, если команда играет у себя дома, на своем поле.

Он осматривался, понемногу обживаясь. Дома его не было почти целый месяц,— совсем отвык. Но скоро, совсем скоро все изменится... и он снова посмотрел вокруг себя, представляя, как ему придется здесь жить, находиться каждый день и вечер. Ничего не поделаешь, надо

привыкать. «Привыкнем»,— вздохнул он, размышляя, чем бы пока себя занять.

Невысокий столик на трех ножках был завален тонкими журнальчиками с большими, на всю страницу, цветными фотографиями. Клавдия покупала их ворохами. Скачков взял, полистал: длинноногие, обольстительно красивые кинодевы, какая-то чересчур соблазнительная легкая жизнь — не жизнь, а сплошной праздник, где ни капельки труда и мозговых усилий, а одни лишь удовольствия. Таких одурманивающих, как отрава, журнальчиков навалом у Владика Серебрякова в его по-холостяцки захламленной однокомнатной квартире. Портретами соблазнительных кинодев Владик обклеил все двери в туалетной и ванной комнатах, наляпаны они там одна возле другой... Отбросив журнальчик, Скачков достал из сумки книжку Сименона,— дошла наконец очередь и до него, книгу передал ему Игорек Белецкий.

Вот тоже — отношения со сменщиком. Раньше Скачков не замечал, что Игорек улыбчивый, приветливый со всеми, на него поглядывает с тайной завистью, неловко было парню — понимал, что незаметно подпирает, наступает сзади на ноги.

Читать Скачкову не пришлось: с кухни послышался сладкий затяжной зевок и он, насторожившись, стал прислушиваться. Щелкнул выключатель, прошелестели легкие войлочные тапочки. Софья Казимировна закончила пасьянс. Подождав несколько минут, Скачков выглянул в коридор и стал на цыпочках пробираться в кухню.

Свет он зажег после того, как плотно притворил дверь.

Стараясь не шуметь, открыл тяжелую дверцу холодильника, присел и оглядел морозные, заваленные в беспорядке недра. Попалась начатая бутылка «Столичной», он отодвинул ее подальше. На стол легли пакеты с сыром, с ветчиной и твердые, холодные на ощупь огурцы. Хлеб он нашел на полке, в прозрачном целлофановом мешке.

В запертой освещенной кухне, один во всем большом уснувшем доме, он чувствовал себя уютно — куда приятней, нежели на сутолочной многолюдной базе. Ветчина потрескивала под отточенным ножом, отваливаясь на сторону лоснящимися аппетитными ломтями. Скачков разрезал по всей длине холодный огурец, чуть посолил обе дольки и медленно стал натирать. Возникший тонкий аромат вызвал настоящий приступ голода. Томясь и сглатывая слюну, он тем не менее не торопился: отыскал и положил поближе книгу, нарезал ровно хлеб, окинул взглядом — все

ли под рукой? Кажется, все. Тогда он жадно, крупно откусил, рванул зубами мясо и смачно захрустел присоленным и заслезившимся на срезе огурцом. С набитым ртом, с трудом прожевывая, в одной руке книга, в другой то хлеб, то ветчина, то огурец, он расположился в старушечьем теплом кресле, забросил ноги на табурет. Прекрасно! Здорово! Лучше и не придумаешь... Всегда, если он бывал не в поездке, а дома, ему приходилось кормиться самому. Однако он нисколько не сердился и не выговаривал. Наоборот, ему было легко, привольно одному, и уж совсем бывало хорошо, когда он оставался наедине с Маришкой. Но так им выпадало редко, очень редко, потому что Софья Казимировна почти что никуда не отлучалась,— разве с кошелкой в магазин.

«Чаю согреть?»— подумал он, отваливаясь от еды. Заныла нога, и он покачал головой: болит, зараза! Ну даболи́, боли́, скоро наплевать... Не поднимаясь с кресла, дотянулся до чайника и поболтал — заплескалась вода. «Как раз будет...» Чтобы зажечь газ, пришлось подняться, и тут почувствовалось, как он устал, расслабился и погрузнел. Дожидаясь, пока чайник закипит, он сел, затем положил голову на скрещенные руки. Кололись крошки, но лень было пошевелиться. Все-таки выматываешься же — ног не волочешь! Особенно невмоготу от перелетов. До сих пор вибрация от самолета во всем теле. А послезавтра, отыграв, опять на самолет. Ну да теперь уж недолго, последние разочки...

Услыхав щелчок дверного замка, Скачков моментально встрепенулся: опухший, с красными глазами, болит неловко согнутое тело. Ему мерещился гул самолета и дрожанье кресла, и он осматривался, не понимая, что это с ним. Уснул, выходит?

Из коридора, щурясь, разглядывала его румяная, веселая Клавдия.

— О, Гёш! Приехал?— удивилась она, хотя известно было, что команда возвращается, и по городу расклеены афиши.

Он засопел, зажмурился от нестерпимо режущего света. Все-таки зачем этой Софье Казимировне такая лампочка на кухне?

— Слушай, сумасшедший!— внезапно крикнула Клавдия и бросилась мимо него на кухню. Подскочив к плите, схватила и тотчас выпустила паривший раскаленный чайник. Скачков спросонья крепко тер измятое лицо. Так значит вот оно откуда, это мерзкое гуденье самолета!

— Как маленький, честное слово!— Клавдия трясла рукой от боли, сосала и разглядывала палец.— И что, скажи на милость, за идиотская манера дрыхнуть и на кухне? И, кстати, пора бы холодильник приучиться закрывать.

«Началось!»

Скачков, не обижаясь, запрокинулся всем телом и потянулся с такой силой, что затрещало старенькое кресло.

— Маришка не больна?— спросил он, шевеля, как от озноба, затекшими плечами.

— Маришка?— удивилась Клавдия, ловко подбирая рукава нарядной кофты.— С какой стати? Ты Соню спрашивал?

— Температуры, говорит, нет.

— Ну, значит, все в порядке... А я у Звонаревых засиделась.— Она зевнула, прослезилась и недовольно глянула на захламленный стол.— Вадим из Москвы вернулся, осенью будет защищаться. В декабре крайний срок. На преподавательскую работу хочет уходить. Доцент, завкафедрой...

Повесив голову, Скачков сидел и вяло слушал. С Вадимом вашим... Видали: закопался в библиотеке, перелистал десяток диссертаций. «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан...» Его поговорочка. И он будет кандидатом, и доцентом будет. Все выколотит и всего добьется.

— У нее волосики какие-то... как искупалась,— проговорил он, неловко отъезжая вместе с креслом, чтобы не мешать Клавдии прибирать на кухне.

— У кого волосики? Ах, ты опять... Да ну, просто баловалась перед сном. С ней, если хочешь знать, нет никакого сладу. У меня иногда зла не хватает. А Соня, бедная, так чуть не плачет. Геш, будь ты с ней, пожалуйста, построже.

«Ну да, ну да»,— опять кивал он утомленно, но возражать и тут не захотел. Конечно, жаловаться будет Соня! Растет Маришка, и неудобный становится ребенок. Им бы как плюшевого зайца. Скажи: ложись — уляжется, скажи: замри — не видно и не слышно станет. А для Клавдии вообще,— порой ему казалось, что она сердита на Маришку, потеряв из-за нее целых четыре года развеселой современной жизни. То-то и дорвалась теперь — наверстывает!

— Геш, Соня не говорила? Тут тебе из этого... из дорпрофсожа звонили. Шевелев. Вежливый такой, деликатный...

У Скачкова слипались глаза, он слушал и насупливо кивал головой.

— Ну, ну... Шевелев. А чего он?

— Просил зайти зачем-то. Разговор, говорит, есть.

Одолевая зевоту, Скачков зажмурился и головой затряс, но все-таки не одолел: аж челюсти свело и показались слезы.

— Геш, подожди, не спи — у меня для тебя новость. Ты знаешь, с местом комментатора пока неясно. Зато твоя идея — футбол без мяча — блеск! Это ведь ты придумал? Сашка Боксерман, например, за голову схватился: Антониони, говорит, трупом ляжет! А уж если Сашка Боксерман...

Оживленная болтовня жены горохом сыпалась на косматую голову Скачкова. Покойное старушечье кресло разморило, он сидел тяжело, совсем засыпал.

— Слушай...— заворочался Скачков, поднимая красные воспаленные глаза,— мы же договорились, кажется. Не хочу я этих ваших... Боксерманов. И не собираюсь. Не трепыхайся ты, не позорься.

Вытирая тряпкой стол, Клавдия посмотрела на него уничтожающе.

— Ты не собираешься, а я собираюсь. И не спорь со мной!

Спорить у Скачкова не было ни сил, ни желания. Он раззевался безудержно и, уступая, замахал руками: молчу, молчу!

— Сейчас я постелю,— сказала Клавдия, ополаскивая под краном руки.— А на будущее запомни — не спорь. Если ничего не понимаешь, сиди и надувай щеки.

С кухни было слышно: Клавдия в комнате громыхнула диваном. Затем заскрипели дверцы шкафа. Она там ловко управлялась: раз — приготовлен для сна диван, два — откуда-то появляется подушка, простыни, припрятанные до его приезда. Но и постель, разбросанная на диване, нисколько не меняла парадного убранства уголка квартиры, где не живут, а лишь изредка ночуют.

Роняя голову, боясь заснуть, Скачков поднялся мешковато с кресла: большой, нескладный в этой маленькой опрятной кухне. Фуфайку распирало на груди. В дверях он крепко зацепился за косяк плечом и сонно покачнулся.

— Тебе надо выспаться,— сказала Клавдия, разминувшись с ним в коридоре.— Я лягу с Соней и с Маришкой.

Не оборачиваясь, Скачков мрачно отсалютовал рукой:

— Привет!— и плечом вперед почти упал в дверь. Он засыпал на ходу. Заворачиваясь в простыни и одеяло, он успел подумать, что Клавдия опять брезгливо вынесла его потрепанную сумку с формой в коридор. Она сердилась

постоянно, когда находила ее возле дивана, и выбрасывала, как вещь вульгарную, которой не место в чистых и ухоженных комнатах.

Назойливая муха, как ни старался отогнать ее Скачков, никак не отставала: побегав по трепетавшим векам, она коснулась уха, щеки и стала щекотать в носу. Скачков, оберегая сон, со слабым стоном перекинул на подушке голову. Но от проклятой мухи не было спасенья — теперь она упрямо норовила забраться в самый нос. Скачков чихнул, махнул рукой, и сон пропал.

В комнате было светло и солнечно, он медленно повел глазами. Кажется, в квартире уже не спали — доносились звуки из кухни.

Внезапно в глазах Скачкова мелькнул живой лукавый огонек, он сунул руку вниз с дивана и сразу же наткнулся на затаившееся тепленькое тельце в мягкой байковой пижаме. Радостный визг запрыгавшего, пойманного за рукав ребенка прогнал последнюю сонливость.

— Ах ты, маленькая хулигашка! Ах ты, маленькая девчушка!— расстроганно приговаривал Скачков, втаскивая и укладывая Маришку к себе под одеяло.

— Пап, ты догадался, да? Или ты подумал, что это муха?— допытывалась Маришка, прижимаясь, затихая рядом с ним. Ее восторженная рожица, взлохмаченные волосенки торчали из-под одеяла.

— Му-уха! Конечно, муха. Муха-цокотуха!

— Пап!— позвала шепотом Маришка.— Давай лежать тихонечко-тихонечко. Чтобы никто-никто не услыхал. Давай?

Скачков почувствовал, как колотится сердчишко присмиревшего возле него ребенка.

Осторожно повернувшись на бок, Скачков большим корявым пальцем стал гладить, приводить в порядок тоненькие бровки на задорной затаившейся мордашке.

— Я некасивая еще?— тотчас же поняла его по-своему Маришка, проворно выпростала из-под одеяла руки, пригладила, прибила волосенки и вновь закуталась и замерла под одеялом.— Я еще не умывалась. Я еще как будто сплю. Хорошо?

— Валяй, валяй,— приглушенно басил он, стараясь тоже, чтобы разговор их не был услышан.

— Ты вчера приехал, вчера? Я уже спала?.. А мы пойдем сегодня к обезьянкам? Я им печенье припасла.

— Обязательно!

В прошлый раз, перед отъездом в Минск и на Кавказ, они отправились в зоопарк, но ненадолго,— у Скачкова выдалось каких-то полтора часа. К обезьянам добраться не успели, а смотрели бегемота, бросили ему в корыто булку, но бегемот, ленивая гора тоскующего мяса, той булки не заметил или заметить не захотел, и Маришка огорчилась. Тогда они условились все же сходить к обезьянам. Те попроворней, с ними интересней...

Стремительно вошла Клавдия, хозяйственная, в фартуке. Взглянула, увидела их вместе — рассердилась:

— Это еще что за номер? А ну-ка марш к себе. Марш! Быстро!

Скачков, почувствовав как напряглась всем телом под его рукой Маришка, миролюбиво попросил:

— Оставь ее в покое.

— Ты что, в своем уме?— накинулась Клавдия, с утра была не в духе.— Ребенок нездоров, а они тут... Марина, я кому сказала?

Скачков потрогал лобик,— кажется, горячий.

— Дай нам градусник, мы сейчас проверим.

— Я принесу!— с готовностью подпрыгнула Маришка, желая услужить, но лишь бы не было скандала.

— Я тебе принесу!— прикрикнула Клавдия, доставая из кармана фартука кругленький футлярчик.— Я тебе такое принесу!..

Встряхнула градусник, поставили, затихли. Клавдия что-то выговаривала Софье Казимировне на кухне.

«Пускай на нее изольет,— подумал Скачков.— Нам меньше достанется».

Притихшая Маришка прислушивалась к сердитому голосу матери и тревожными глазенками поглядывала на Скачкова.

Шепотом он сказал:

— Вот видишь!

А что «Вот видишь!» он и сам не знал. Во всяком случае ему тоже не хотелось, чтобы день, начавшийся так приятно, оказался испорченным.

— Ты лежи, я сейчас,— сказал он и сел, спустил с дивана толстые, в узлах закаменевших мышц ножищи. Натянул тренировочные брюки со штрипками и босиком, разлаписто шагая, вышел в коридор. Из кухни показалась Софья Казимировна, увидела его с могучей грудью и возмущенно

своротила нос. Сконфузившись, он отскочил назад, загородился дверью, затем вернулся, чтобы надеть фуфайку.

— Пап, пап!..— позвала, не пустив его, Маришка.— Вынимай скорее градусник! Уже тридцать семь. Сейчас мама придет смотреть. Если будет тридцать восемь, она нас никуда не пустит.

И столько хитрости, столько боязни потерять хороший день было в ее глазенках, что Скачков развеселился.

— Ах ты, маленький малыш! Нет, брат, давай все же посмотрим до конца.

— Да-а...— обиделась Маришка.— А вот будет тридцать восемь, тогда увидишь!

— Ну, брат... а что поделаешь? Нам вообще-то надо бы с тобой собаку завести. Ты хочешь собаку? Ма-аленькую такую псинку? Играть с ней будем, гулять.

— Собаку? Собаку это хорошо,— серьезно, рассудительно ответила Маришка, придерживая градусник под мышкой.— А может быть, еще не будет тридцать восемь?

Скачков проворно головой нырнул в фуфайку и вышел. Застоявшиеся, тяжелые спросонья мышцы требовали привычной силовой нагрузки и он, пока шел, поводил плечами, напрягал спину, ноги, грудь. «Прекрасно... Отлично выспался!»

Беспокоила нога — она всегда болит, если полежишь и встанешь, но вот расходишься и — вроде ничего. Однако на ногу он уже привык не обращать внимания. «Плевать. На стол к Матвеичу — и порядок».

Когда он вернулся из ванной, Клавдия стояла у постели и озабоченно разглядывала градусник.

— Ну вот, тридцать семь и девять. Почти тридцать восемь. Все, пошли в постель! Геннадий, отнеси ее в кровать.

Маришка заморгала, готовая заплакать. Скачков вздохнул, пожал плечами: дескать, ничего не попишешь.

— Это как же ты умудрилась, маленькая?— спросил он, забирая на руки ребенка. Маришка грустно обхватила его ручонками за шею.

В другой комнате, где снова была закрыта форточка, царил утренний кавардак: раскладушка, развороченные постели.

— Пап,— тихо позвала Маришка, едва он тронулся к окну,— пап, а от температуры не умирают?

— Ну что ты, маленькая, что ты!

— Я не хочу умирать, совсем не хочу.

— Малышка ты моя!..— Скачкова словно ударило по сердцу и он, нагнувшись, подхватил ребенка под горячень-

кую спинку. Расстроганно закрыв глаза, он слышал, чувствовал, как бьется его сердце: крупно, мощно.

— Не думай об этом, малышок. Не надо. Выздоравливай скорее.

— А ты без меня к обезьянкам не пойдешь? Смотри, не ходи. Мы вместе сходим.

Громадный, стоя во весь рост, он развел руками:

— Договорились же!..

— Что это она тут болтает?— спросила Клавдия, зачем-то ненадолго забежав из кухни.

— Так... Ничего.— Скачков переглянулся с дочкой, подмигнул.

Появилась сухопарая Софья Казимировна, с прямой спиной проплыла мимо — тоже чем-то недовольна. Склонилась над кроваткой, стала поправлять.

— Пап, не уходи,— попросила, высовываясь из-за ее плеча, Маришка.— Слышишь, папа?

— Надо лежать,— строго сказала Софья Казимировна, насильно укладывая ее на подушку.— Больные девочки должны лежать.

— Папа, я не больная! Я не хочу!.. Не уходи!

Не зная, удалиться ли, остаться, Скачков страдальчески смотрел на плачущего ребенка.

— Идите, идите,— с такой же строгостью сказала ему Софья Казимировна, легонько подталкивая в спину.— Вам лучше уйти.

Он сделал шаг, другой, а Софья Казимировна шла следом и все так же подталкивала в спину. Это назойливое прикосновение к спине вывело его из себя. Он раздраженно дернул телом и обернулся.

— Клавдия!..— пискнула и отшатнулась Софья Казимировна, едва взглянув в его глаза.— Клавдия! Ради бога!..

— Что, что случилось? Что?..— влетела в комнату Клавдия.— Что у вас тут происходит?

Не жалуясь, не говоря ни слова, Софья Казимировна трясущимися руками поправила очки, прическу и стала копошиться у кроватки.

Клавдия развернулась и гневно двинулась на мужа.

— Я с-сколько раз тебя просила...

Гнев ее прорвался наружу,— с утра искала случая.

— А!.. К черту!— Скачков крутнулся и, хлопнув дверью, выбежал из комнаты.

Немедленно раздался громкий плач Маришки.

— Ну?— напустилась в коридоре Клавдия.— Доволен?

Доволен? Ты слышишь, что наделал? Это все твои, твои все штучки!

Сдерживаясь, Скачков сильно тер лоб. Кажется, сейчас он был готов понять того же Сухова — от постоянных неполадок в доме можно и сорваться. В самом деле, сколько можно?

— Дай, я с ней сам поговорю,— предложил Скачков. На жену, в лицо ее, пошедшее пятнами, он старался не смотреть.

— Не о чем с ней говорить — понятно? Не о чем! Ребенок болен — ты это понимаешь?.. И вообще — разве ты не идешь в этот свой... дорпрофсож? Ты же собирался.

«Стара грымза!— кипел Скачков, переодевшись и набивая как попало сумку.— Ух, и напьюсь же как-нибудь!»

В коридоре у двери Скачкова перехватила Клавдия.

— Уходишь? Не помню, говорила я тебе вчера, не говорила: сегодня к нам приедут Звонаревы... Оставь, пожалуйста,— они к тебе относятся прекрасно! Не знаю, правда, за что, но относятся прекрасно. К тому же я их уже пригласила... Может быть, ты купишь вина? Я не успеваю.

— Хорошо,— отрывисто сказал он, открывая дверь.— После игры.

— И не делай, пожалуйста, оскорбленных физиономий. Будут необходимые люди. Кстати, кое-кто хочет поговорить с тобой. По твоим же делам.

Она не дала ему захлопнуть за собою дверь и высунулась на площадку.

— Постарайся не задерживаться! Слышишь?

Сбегая по ступенькам, Скачков никак не мог избавиться от ощущения, что его все еще подталкивают в спину. Назойливое, унизительное прикосновение словно приклеилось к спине, и он, прежде чем выйти из подъезда, завел под плащ неловко руку и там, возле лопаток, скреб долго и ожесточенно.

Час был не ранний, в киоске на углу не осталось ни одной газеты. Однако продавщица узнала его и достала несколько газет из-под прилавка. Знакомая Клавдии, у нее вообще какие-то знакомства: продавцы, закройщицы, маникюрши.

Гудок, настойчивый, протяжный, совсем рядом, заставил вскинуть голову и оглянуться,— пока ему отсчитывали сдачу, он развернул газету. На тихой скорости ползло битком набитое узлами, пассажирами такси, и шофер, высу-

нувшись, приветственно кричал, махал рукой, показывая в улыбке зубы. Скачков, едва взглянув, небрежно отсалютовал и стал сметать с прилавка сдачу.

— Есть «Моды»,— сообщила продавщица по секрету.— Клавдия просила оставить. Заберете?

— Я не домой,— сказал Скачков.

Он отошел, и продавщица, словно желая его обрадовать, высунулась из окошечка и пискнула вдогонку:

— Сегодня придем болеть! Обязательно!

Вместо ответа Скачков сделал неопределенное движение бровями: что ж...

Пока он переходил улицу, его окликнули несколько раз. Никого не узнавая, Скачков кивал, выдавливал любезную улыбку, лениво делал ручкой. Останавливаться он остерегался: сейчас сбегутся, обступят, позабудут обо всех своих делах, и придется разгонять с милицией.

Сегодня весь город с самого утра жил ожиданием вечернего сражения на стадионе. То, что ленинградцы выиграли у бакинцев и очередной кубковый матч состоится не где-нибудь, а дома, болельщики восприняли как дар судьбы. В такой день даже какой-нибудь бухгалтер, одрябший от заточения в своей конторе, с тайным нетерпением посматривает на часы. В углу, за стулом у него лежит прихваченное из дому снаряжение многолетнего посетителя стадиона: пакет с бутербродами и термосом, армейская накидка от дождя, программа матча и старая газета, чтобы застелить сиденье. Но вот стрелки казенных часов сверху донизу рассекают циферблат, бухгалтер нервно стаскивает нарукавники и под затаенные усмешки сослуживцев бежит к остановке, чтобы успеть втиснуться в автобус. О, до матча еще надо успеть принять участие в «трепаловке», собирающейся у щита с таблицей первенства: обсудить последний выигрыш ли, проигрыш своей команды, всенародно порыться в воспоминаниях, смакуя удары знаменитых футболистов,— каждый их гол был глубоко индивидуален, уникален, как штучная работа большого мастера,— сцепиться с кем-нибудь в горячем споре и, если не доказать свое, то хоть просто отвести душу (в «трепаловке» говорят все разом, совершенно не интересуясь тем, что скажет другой, а порываясь высказаться сам, что в общем-то напоминает футбол, где каждый старается отобрать мяч у соперника). А уж потом и матч!.. И назавтра, у себя в конторе, бухгалтер вдруг задумается, отключится от всего вокруг и вперит взор в окошко, на облака в высоком небе. И в голове его вновь замелькает все, что произошло вчера на поле, когда

он, поднятый порывом на ноги вместе со всей трибуной, орал, грозил и ошалелыми глазами шарил по соседям за сочувствием. «Ах, если бы он, черт его дери, не бил, а вовремя отпасовал направо!..» И с тяжким вздохом опускал лицо в бесчисленные клеточки скучных ведомостей.

С газетами под мышкой, с сумкой Скачков направился к детской площадке, обошел разбросанный песок. На скамейке, в окружении высоких каменных домов, пригревало солнце, и голоса детей звенели на одной высокой слитной ноте. Ребячий гам нисколько не мешал Скачкову. Наоборот: просматривая заголовки, поглядывая на копошившихся в песке детишек, он успокаивался и обретал свое обычное настроение здорового, всегда уравновешенного человека. Ему хотелось, чтобы в этом завидно деятельном муравейнике одетых разноцветно человечков, копошилась и Маришка. Он сидел бы и читал не торопясь газеты, она иногда подбегала бы к нему и... А, да что теперь!

В газетах он внимательно прочитывал четвертую страницу. В колонке спортивной информации, набранной мелким убористым шрифтом, он нашел коротенькое сообщение из Варшавы и расстроился: советская сборная проиграла олимпийский отборочный матч команде Польши. Скачков сильно потянул носом и откинулся на спинку скамейки. Газета легла на колени.

Скачков задумался и не заметил, когда все вокруг утихло, когда успели разобрать и увести в квартиры детвору. Он почувствовал голод и подскочил, увидев сколько на часах. Прежде, чем отправиться к Шевелеву в дорпрофсож, следовало забежать в какую-нибудь столовую. Неряшливо запихав газеты в сумку, он пошел со двора, соображая, где побыстрее и недорого, но плотно пообедать,— совсем чужой заезжий человек в родном, да необжитом городе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Автобус с командой пришел за час до начала матча. Шофер Николай Иванович давал протяжные гудки.

Объехав длинный, поперек движения поставленный автобус телевидения, мимо мороженщиц, столиков с лимонадом и чадящих жаровен с шашлыком, команда прибыла к служебному подъезду. Здесь было тише и спокойнее, стояла стайка разнаряженных девиц. Из дверей выскакивали толстенькие мужчинки в темных очках — почему-то все, кто крутится возле футбола, носят темные очки.

В стайке девиц произошло движение — к окну автобуса прильнуло улыбающееся лицо Владика Серебрякова.

Из автобуса, в обе двери, стали спрыгивать ребята: в отутюженных костюмах, с толстыми сумками, четкие проборы на головах. По давнишней традиции футболисты собираются на матч, как на праздник. Не озираясь, без всякого внимания к сбегавшимся болельщикам, команда вразвалку скрылась в помещении.

Грузный Иван Степанович сошел последним, поздоровался со Скачковым.

— Ну, как? У Шевелева был?

— Все в порядке,— ответил Скачков.

В дорпрофсоже, в большом ковровом кабинете председателя, пока дородный, располневший Шевелев выбирался из-за стола и шел к нему навстречу, Скачкову почему-то первым делом вспомнился тот незабываемый матч, когда он головой в прыжке забил свой первый гол,— выскочил на передачу Шевелева, ударил и потерял сознание.

— Тебе передали?— спросил Шевелев и, не выпуская руки Скачкова, увлек его к столу.— Я звонил. С кем это я говорил? С жинкой? Это та, длинноногая? Ну как же, помню...

Сели в кресла один против другого, Скачков пристроил в ногах сумку. Шевелев неожиданно засмотрелся на сумку, задумчиво попинал ее носком начищенного штиблета.

— Старая еще, а? Заслуженная...

— Да, с тех пор.— Скачков взглянул под ноги, совсем задвинул сумку под стул, чтобы не мешала, не лезла в глаза. Он ждал начала разговора, но Шевелев не торопился, чего-то мялся и тянул: полез через весь стол за папиросами, достал зажигалку. Он сильно раздобрел за эти годы — под дорогим пиджаком, обтянутый крахмаленной рубашкой, угадывался плотный живот.

— На базу не поехал?— спросил Шевелев, отгоняя дым от лица Скачкова.— Ну да, я понимаю. А туда сегодня целая делегация отправилась. Как — кто? Старики напросились. Потребовали автобус.

— Поляков поехал? Не засек?

— И Поляков, и твой сосед Рукавишников. Полный автобус набился. Некоторым стоять пришлось.

— «Чистилища», значит, не будет?

Ожидалось, что по результатам последних матчей на выезде дома не миновать внушительной накачки. Да и то — с самой зимы «чистилища» не собирались!

— Толку-то от них! Ну соберутся, ну поорут, ну устано-

вок накидают... Только настроение испортят! Пускай уж лучше старики. Да и ребятам интересно. Я тут с ними разговаривал — старики занятные. Такое, знаешь, рассказывают, я уши развесил!

— Знаю,— кивнул Скачков.— Слышал. Здорово.

Раздавливая недокуренную папиросу в пепельнице, Шевелев говорил:

— Позвонил Степанычу, он не возражает. «Наоборот, говорит. Пускай едут». Поехали вот...

— Кгм...

Помолчали. Шевелев поднялся, руки в карманы и, выставляя живот, прошел к окну. Ноги его ступали по дорогому пушистому ковру. На этих председательских ногах, подумалось Скачкову, видимо-невидимо рубцов и шрамов,— в игре бышего капитана всегда держали плотно и жестко. Такими вот рубцами и шрамами на ногах старых, вышедших в тираж игроков, на их боевых телах, много раз бывавших в стычках, пишется история футбола — они остаются на футболистах как память о молодых годах, становятся как бы страницами их биографии. И пусть сходят, забываются игроки, но история футбола остается...

— Как это вы в Минске-то?— спросил наконец Шевелев, не оборачиваясь. Широкою спиной загораживал весь оконный проем.

Скачков пожал плечами: странный вопрос — будто сам никогда не играл.

— Да вот... Но зато в Ереване!

— Зато! Мало, брат,— зато...

Он вернулся от окна и, поджимая живот, пролез на свое место за массивный стол, совсем не по-казенному, а бочком, по-свойски. Среди обилия разнообразных дел он, как в желанную отдушину, с удовольствием влезал в заботы о команде, живо это оставалось в нем, неистребимо.

— Кубок, Кубок остается нам, Геш. Сегодня ленинградцев надо класть. Кровь из носу! Выиграй сегодня — и мы в полуфинале. А это уже что-то!

Слушая, Скачков помалкивал. Тоже вот — класть ленинградцев. Надо бы, конечно, никто не спорит. Но ведь и они прилетели не для проигрыша!

О предстоящем кубковом матче с ленинградцами Иван Степанович принялся рассуждать еще на Кавказе, едва стал известен результат их встречи с бакинцами. Рассуждал он примерно так. Ленинградцы считают «Локомотив» ослабленным потерями Маркина и Мухина. А где-то на заметке и травмированная нога Скачкова. Если они узна-

ют, что Мухин не играет и сегодня, совсем воспрянут духом. Но их уверенность в победе только на руку «Локомотиву». Пускай надеются, пускай! С аутсайдером, знаете ли, всегда надо быть начеку,— тем более с командой, которой отступать дальше некуда и терять больше нечего. Тут Шевелев прав: у «Локомотива» в этом сезоне одна надежда — на успех в розыгрыше Кубка. Выигрыш у ленинградцев выводит команду в четверку претендентов на почетный приз. А дальше? Дальше видно будет. Во всяком случае со своей неровной игрой (то спад, то взлет) «Локомотив» может рассчитывать на успех именно в кубковых матчах.

За массивным начальственным столом Шевелев еще, как видно, находиться не привык. (Рассказывали, что он не соглашался уходить из отдела главного механика,— но — проголосовали, выбрали,— подчинился). Сейчас, разговаривая со Скачковым, он бесцельно поигрывал зажигалкой: щелкнет, выбьет огонек и дунет, щелкнет — погасит... Догадаться было трудно: после завода, после цехового шума он чувствовал себя в кабинете непривычно, неуютно и обрадовался случаю отвлечься, поговорить о том, что всегда близко сердцу и душе. С кем же и поговорить было, как не со своим! Для каждого футболиста понятие настоящего счастья всегда связано с зеленым полем, с мячом. Без них в его жизни что-то убывает и тускнеет.

Наконец он глянул на часы, стоявшие на столе рядом с письменным прибором, и оборвал этот приятный, но пустопорожний для настоящего спортсмена разговор: все эти предсказания, прогнозы,— сказав: «Ладно, все это мы тут так, для трепа. Только игра покажет»,— дунул в последний раз на зажигалку, сунул ее в выдвинутый ящик.

— Тут вот какое дело, Геш.

И обе руки положил на стол.

Скачков, сосредоточиваясь, сомкнул колени и придвинулся.

Как он догадывался, вызов в дорпрофсож связан был с его уходом на покой. Не дипломатничая, а напрямик, как в былые времена в раздевалке или на поле, Шевелев спросил его: не согласится ли он вести занятия с детской футбольной командой.

— А где она?— удивился Скачков и даже поглядел по сторонам.

— Организуем. Афиши висят, сегодня еще на стадионе объявим. Комиссию создадим. Кое с кем я поговорил. Говорова, Татаринцева помнишь? Ребята загорелись. Хорошо бы еще в газете объявленьице тиснуть. А?

— Думаю, устроим,— пообещал Скачков.— Я заскочу к Брагину.

— Заскочи, Геш. Надо. И вообще: давай, влезай в хомут. Дел, знаешь, во — по горло! Мы уж тут кое-что прикинули.

Получилось что-то слишком быстро и вроде бы само собой: не успел еще толком ни о чем подумать и как следует решиться, а уже куда-то следовало съездить, с кем-то переговорить, что-то достать, пробить, организовать — принимайся хоть сейчас! А ведь с утра была одна забота: вечер, ответственная кубковая встреча.

Шевелев, загораясь, посвящал Скачкова в свои наметки и замыслы.

— Геш, смотри сюда,— позвал он его к себе за стол и взял в руки небольшой листок, аккуратно расчерченный на продолговатые клеточки, сплошь заполненные какими-то цифрами.— Как, по-твоему, что это?

Привалившись к председательскому плечу, Скачков поизучал листок и ничего не понял.

— Бухгалтерия какая-то... А что?

— Бухгалтерия!..— Шевелев радостно потер руки.— Тут, брат, такая бухгалтерия, что диссертацию написать можно. Самая что ни на есть наука! Я вот тебе сейчас растолкую.

Он рассказал, что в один из первых дней, как только он обосновался в председательском кабинете, к нему явился тихий, но настойчивый посетитель и отрекомендовался старым футбольным болельщиком, а заодно, как добавил посетитель с легким ироническим полупоклоном, и экономистом из управления дороги. Слушая, Скачков с узнающей улыбкой закивал: по всем приметам посетителем был Семен Семеныч, так понравившийся ему с первого разговора — звонаревский сосед.

— И знаешь, Геш, оказался голова!— Шевелев потряс исписанной цифрами бумажкой.— Он тут, оказывается, подсчитал и доказал: как только у нашего «Локомотива» дела идут нормально, план на предприятиях города лезет вверх. Не веришь? Смотри сам. Я тоже сначала не поверил... Вот, гляди — пятьдесят восьмой год. Обрати внимание: показатели — просто блеск! А в том году мы, оказывается, в высшую лигу выбились! Верно?.. А помнишь: едва из высшей лиги не вылетели? Ну, да это ты уже должен помнить,— еще бы не помнить. Гол-то кто заколотил? А вот прошлый год: одиннадцатое место и выигрыш у австрий-

цев... Все сходится. Вот тут и задумаешься. Правда? Забава вроде бы, а меня он, например, убедил.

Скачков хмыкнул и с пробудившимся интересом потянулся за листком. Любопытно, в самом деле. Вроде бы сплошная цифирь, мозговая сухомятка, а если разобраться да вдуматься...

— Так что давай, Геш, запрягайся. В руках у тебя, можно сказать, будущее не только команды.— Шевелев значительно потряс листком с цифрами.

— Трудно будет.

— Трудно! А ты чего хотел? На пенсию да на печку, тараканов давить? Успеешь еще. А с ребятишками... ты мое мнение знаешь: поменьше варягов, побольше своих. Свои — они, знаешь, и есть свои. И — поменьше посредственностей и лентяев.

Команда мальчишек, по замыслу Шевелева, была лишь первым шагом. В дальнейших своих планах он видел специализированную школу-интернат, куда собрать талантливых пацанов со всей области, процедив дворовые дикие команды.

Пока же следовало подготовиться к просмотру первых добровольцев (Шевелев предсказывал наплыв желающих), отобрать из них наиболее подходящих и приступать к занятиям. Но прежде чем вывести учеников на первую пробежку, необходимо провернуть гору дел: позаботиться о спортинвентаре, договориться о времени тренировок, поговорить с родителями, сходить в школы (занятия футболом ни в коем случае не должны мешать учебе).

Обсуждая ближайшие, самые неотложные дела, Скачков уже не ощущал тоски и боли от расставания с командой, с полем — стало некогда. В том месте, где ему всегда мерещился тупик, конец дистанции, он, вдруг заваленный по горло новыми внезапными заботами, словно бы увидел всего лишь поворот, а за поворотом глазам его открылась та же знакомая, исхоженная вдоль и поперек дорога.

Ребятишки народ чудесный, и дело пойдет — должно пойти. Ему есть что рассказать и есть что показать. Он постарается вложить в них, неутомимых, раннюю уверенную мудрость зрелых опытных мастеров, чтобы по-прежнему взрывались, клокотали переполненные стадионы, чтобы футбол как был, так и остался любимым представлением планеты. Дело это для него не на год-два — на всю жизнь: он подставлял свое плечо под ношу, взятую десятки лет назад первыми поколениями русских футболистов.

Из дорпрофсожа он едва не опоздал к автобусу с ко-

мандой. Шевелев предложил ему остаться и немного подождать, чтобы вместе с ним поехать на служебной машине. Скачков отказался. Хотелось побыть одному, собраться с мыслями и успокоиться, привести себя в порядок. Все-таки у него еще остаются обязанности игрока и капитана.

Знал ли Иван Степанович, зачем Скачкова вызывали в дорпрофсож? Скорее всего знал. Или он думал, что у Скачкова на него обида? Нет, никакой обиды не было. Футбол тем и вечен, что он понятен и близок всем. Но, главное, что на зеленое поле стадиона выбегают игроки, словно частицы молодости и отваги. Теперь же следовало, словно эстафету, передать обязанности следующему, кто в состоянии своей энергией, своей неутомимостью полтора часа игры прожить на предельном напряжении, выложиться без остатка, а через два-три дня начать все сызнова. К тому же у него появились новые обязанности, и он, если бы не сегодняшний матч с ленинградцами, принялся бы за них немедленно.

Направляясь в раздевалку, Иван Степанович намеренно придерживал Скачкова, чтобы остаться с ним наедине. Шагал рядом, посапывал, смотрел под ноги и вдруг выпалил.

— Геш... честно!— сердишься? А?

И остановился.

С легким сердцем Скачков приобнял его за спину.

— Иван Степанович, милый, что за ерунда?

Тот недоверчиво взглянул ему в глаза, долго не отпускал, потом с удовлетворением вздохнул: поверил.

— А в Баку?

— Не выйдет, не могу,— отказался Скачков.— Хочу сам за набором проследить. Но Мухин же готов?

— Ладно, пошли,— сказал Иван Степанович и ушел в себя, в какие-то свои соображения.

Помахивая сумкой, Скачков шагал широко, свободно. Вспомнил о стариках, приезжавших сегодня на базу, и обернулся к тренеру. Иван Степанович, успевший закопаться в свои мысли, сделал усилие, чтобы прийти в себя.

— А-а, ты вот о чем. Ничего, знаешь, хорошо получилось. Сухову досталось. Немного Серебрякову..

— А ему за что?

— Ну как это! Не учится, год целый потерял. Девочки. Да мало ли за что? Нет, интересно было. Полезно, по крайней мере.

Увидев, что у Скачкова готов еще какой-то вопрос, Иван Степанович пихнул его в плечо.

— Отстань, слушай. Потом.

В раздевалке ребята привычно занимали шкафчики, кидали сумки возле просторных и удобных кресел, застланных простынями.

— Геш, идешь?— позвал Матвей Матвеич.

Он переоделся, приготовился и разминал, почти выламывая с хрустом пальцы. Густо курчавилась в проеме майки грудь, крепкий живот перепоясан широким обручем ремня.

— Сейчас, Матвей Матвеич.

Кто-то успел обуться и заподпрыгивал, пощелкивая по полу шипами. Скачков не глядя мог сказать, что кто-нибудь из молодых. Торопится на поле, на разминку.

Матвей Матвеич, все еще похрустывая пальцами, ждал у массажного стола. Скачков, раздетый, влез, как на заклание.

— Покрепче,— попросил он, укладывая голову на скрещенные руки.— Постарайся на прощанье-то.

— Что, в Баку не едешь?— спросил Матвей Матвеич.

Значит, знал и он. Все, выходит, знали! Ну, да теперь...

Словно маэстро перед инструментом, массажист посуровел, потряс над головой огромными кистями и вдруг с лицом сосредоточенным и вдохновенным с размаху опустил их на притихшее расслабленное тело. Скачков сначала вздрогнул и напрягся, но вот шлепок, другой, потом протяжное движение, и он закрыл глаза, почти забылся. Матвей Матвеич был великий мастер. Скачков, кряхтя, постанывая под его безжалостными каучуковыми пальцами, все больше ощущал, как отжимается от мышц усталость, не стало вялости и лени, и плечи, бедра, ноги затребовали напряженья и борьбы.

Он раскраснелся, переворачиваясь на спину.

— Колено, колено, Матвей Матвеич!

Раздувая от усердия подгрудок, массажист уже лоснился. Время от времени хватал большое полотенце, проводил им по лицу, груди и шее, отбрасывал, не глядя, в сторону.

— Геннадий Ильич, прочитали?— расслышал, как во сне, Скачков.

Раскрыл, завел глаза и увидел у изголовья юное чернявое лицо Белецкого.

— А, Игорек...— проговорил он, содрогаясь под руками массажиста.— Возьми у меня в сумке.

— Понравилось?— спросил Белецкий, становясь так, чтоб не мешать работе массажиста.— «Желтый пес», да?

Скачков задыхался — массажист вытягивал и встряхи-

вал его большое увесистое тело. Матвей Матвеич совсем забросил полотенце и только иногда движеньем той или иной руки проворно утирал лоб.

— Нет...— попадая в ритм движений массажиста, сказал Скачков.— «Негритянский квартал».

Чернявый, тоненький, как девушка, Белецкий изумился:

— Да что вы, Геннадий Ильич! «Желтый пес»— вот добрая штука. До самого конца ни черта не догадаешься!

Наконец Матвей Матвеич отступился и, схватив истерзанное полотенце, зарылся распаренным лицом. Под мышками на майке у него темнели громадные полукружья. Скачков поднялся и сел, как обновленный. Похоже было, что массажист умело перегнал в него всю мощь своих огромных мышц.

— Пусти-ка...— шлепнул по спине его Федор Сухов, раздетый, стройный, как подросток, но со старушечьим изношенным лицом. Полез на стол.

«Ага, значит, Степаныч ставит. Может, отбегает хоть половину матча?»

— Ах, Федя, Федор, Феодор...— приговаривал Матвей Матвеич и с сожалением качал головой, разглядывая бледное, распластанное на столе тело Сухова.

— Чего тебе?— Сухов поднял с рук голову.

— А то, что тебя хоть выжми.

— Ладно, ладно! Развыступался,— озлился Сухов.— Много понимаешь.

— Да хрен с тобой, полчасика отбегаешь,— заключил массажист, принимаясь за работу.

Одевался Скачков не торопясь. Две пары носков, затем гамаши. Достал старые обношенные бутсы, придирчиво ощупал изнутри. Нога легла, как в люльку. Разобрав концы тесьмы, стал крепко-накрепко затягивать шнуровку по всей длине подъема. Оставшимися концами перевязал ступню крест-накрест: сверху вниз и спереди назад.

Подошел Иван Степанович, сел рядом и задумался — набрякли дородные щеки.

— Молодых сегодня?— спросил Скачков, ровно натягивая гамашу и отворачивая под коленкой вниз.

— Да. Надеюсь на Белецкого. Турбин... Ничего?

— Дельно. А Сухов?

— Придется тоже. Пусть выйдет, а там...

О Батищеве он сказал, что ему отводится роль свободного защитника, «чистильщика».

— Сема домосед, вперед зарываться не станет. Да нам этого и не нужно.

— Ну правильно, Иван Степанович!

Больную ногу Скачков ровно, аккуратно, как учил его Матвей Матвеич, затянул резиновым бинтом.

— Болит?— спросил Иван Степанович.

— Ничего. Терпимо.

— А наколенник?

— Обойдется.

Он натянул футболку и, подкатывая рукава, зашевелил ногами, затанцевал. Для него сегодня на установке определили игру в зоне, но с постоянными подключениями в атаку. Это было ему по душе,— «свободный художник».

— Кто судит?— спросил Скачков.

Проводить матч приехала московская бригада. Арбитр в поле — кандидат наук, человек не суетливый, спокойный, но четко пресекающий малейшие проявления грязной игры.

— Очень хорошо,— сказал Скачков.— У него хоть поиграть можно.

Соблюдая традицию, Иван Степанович потребовал, чтобы все, кто находился в раздевалке, сели. Установилась тишина, молчание — обряд. Наверху гудели трибуны.

Иван Степанович поднялся, хлопнул в ладоши:

— Все! На поле!

В длинном переходе под трибуной звучно цокали шипы шагавших футболистов. Впереди Скачкова шел Федор Сухов и на ходу заправлял под футболку цепочку с какой-то безделушкой: талисман ли, амулет ли... Оглянулся, заметил взгляд Скачкова и покраснел, прибавил шагу, побежал рысцой. «Эх, Федор. Что ему скажешь? Пускай надеется, что поможет... А хочет сыграть получше, очень хочет! Да и то — кому не хочется?»

На самом выходе Скачкова остановил администратор Смольский. Звонила Клавдия недавно, просила два билета.

— Да? Ну, хорошо...— и побежал вдогонку за командой. «Два места... Видно, Звонаревы. Хотя у Звонаревых постоянный пропуск. А, черт бы с ними и со всеми!»

В дни матчей Клавдия обязательно зовет каких-нибудь знакомых, и ни администратор, ни кассирши ей не откажут: всегда места на западной трибуне. Дни матчей — праздник для нее, награды за все унижения, которые она испытывает с ним в гостях. Это там, в говорливой выпившей компании, он молчаливая дубина, полторы извилины, а на стадионе, в обстановке разнузданного поклонения, он самый именитый: идол, а не человек. И что особенно приятно, Клавдию тоже узнавали, показывали пальцами,

приподнимались с мест и пялились туда, где сидели жены футболистов.

Многоголосый рев трибун плескался и вспухал над всей огромной чашей стадиона. Всякий раз, стоило Скачкову подняться по ступенькам из туннеля, праздничная обстановка стадиона настраивала и возбуждала, натягивала в нем все нервы. Широкое рокотание еще вполне мирных человеческих масс, зеленый простор поля, замкнутого в овале шевелящихся трибун, высокий провал вечернего неба над головой,— все это действовало так, словно там, в раздевалке и туннеле, он оставлял весь груз своих накопленных лет.

Скачков оглох, когда мелькнуло небо, свет,— он показался из туннеля. «Скачок!.. Горбыль!.. О, Скок!»— вопило, улюлюкало со всех откосов уходящих вверх трибун. Когда-то было сладко слышать, теперь же — будто не о нем. Он и в игре не обращал внимания, и рев, истошная истерика трибун имели для него такое же значение, как цеховой привычный шум для токаря, для слесаря.

Бросив первый взгляд на поле, Скачков увидел, что разминаются одни гости. Своя команда зачем-то столпилась на беговой дорожке, ребята толкались, оживленно лезли друг на друга. «Чего они там?» В середине голоногих футболистов, одетых для игры, виднелись оба тренера, массажисты, врач. Судя по всему, случилось что-то радостное. Скачков, высматривая, разглядел незнакомого человека в кепочке, вокруг него и грудились. С трибун любопытничали, напирали на милицейское оцепление, кто-то захлопал в ладоши и по первым рядам прокатилась короткая лихорадочная овация.

Ничего не понимая, Скачков приблизился, глянул через головы и вдруг вонзился плечом вперед, полез.

— Леха!— крикнул он.— Алексей...

Да, это был Алексей Маркин, многострадальный вратарь команды, оставленный в венском госпитале, и вот, поднявшийся на ноги, подлеченный, недавно вернувшийся домой. Скачков схватил его за плечи, прижал к себе и снова отодвинул, но из рук не выпускал. Как он изменился, как его перевернуло! Шея Маркина была закована в широкий гипсовый воротник, края воротника вылезали во все стороны, отчего голова с постоянно задранным подбородком словно покоилась на блюде.

Маркин высвободился и поправил кепочку на затылке.

— Легче, Геш, башку сорвешь. Она мне дорога, как память.

Шутит! Значит, все в порядке.

— Ну... ты как? Что? Когда? Один здесь или со своими?

— Там все,— Маркин показал рукой на самый верх трибуны. Головой он не ворочал и, если надо было, поворачивался всем телом.

— Леха, так ты бы в раздевалку!

— Потом...

—Потом, потом!— передразнил Нестеров.— Знаешь, как надо сегодня выиграть?

— Болеть будем, поможем,— пообещал Маркин.

На лбу у него краснел свежий заживший шрам. Скачков вспомнил рассеченный висок Шевелева и подумал, что у футболистов, уходящих на покой, шрамы остаются отличительными чертами лиц.

— Братцы, братцы,— напомнил Иван Степанович, показывая на поле.

— Геш,— успел спросить Маркин,— говорят, отвальную играешь?

Скачков, одной ногой уже на поле, смеясь, развел руками:

— Пора, наверное.

На лице Маркина появилось чистосердечное протестующее выражение: брось ты, скажешь тоже!

— Поговорим еще,— крикнул Скачков.— Придешь в раздевалку?

Голова Маркина, подпертая уродливым воротником, оставалась неподвижной, ответил он движением одних ресниц: спрашиваешь!

«Пока!»— кивнул Скачков и побежал.

«Кажется, игрушка сегодня получится»,— подумал он и оглянулся на Маркина. Встреча с изувеченным вратарем напомнила команде тяжелый, но победный матч с австрийцами.

Небрежно волоча, едва переставляя ноги, он трусцой направился к середке мягкого зелененького поля, где по густой коротенькой траве защитники раскатывали мяч. Турбин, весь в черном, длинноногий, бежал к пустым воротам и, оглядываясь, на ходу натягивал перчатки. Белецкий, носившийся с мячом по краю, увидел, как трусит Скачков, и резко дал ему на выход, отпасовал неровно, верхом, но Скачков, взорвавшись моментально, настиг тугой звенящий мяч, коленкой пригасил и усмирил и тотчас мягко, щечкой, скачковским стелющимся пасом выложил опять Белецкому. Игорек накинулся на мяч, как разыграв-

шийся котенок на клубок: подхватил, неуловимо ловко на бегу подбросил пятками, принял плечом, потом на голову, опять на ногу,— все это набирая скорость, неудержим,— и с ходу вдруг ударил по воротам. Красиво! На южной трибуне, на краю восточной раздались аплодисменты. За каждым футболистом, едва он показывался из туннеля, неотрывно наблюдали тысячи, десятки тысяч глаз, и наблюдали с восхищением. Футбол патриотичен. Здесь не годится: «Нет пророка в своем отечестве». Наоборот, вся сила преданности и любви отводится именно своим, доморощенным мастерам, именно они своей игрой запирают дыхание в груди болельщиков и увеличивают степень их соучастия в триумфе любимой команды. «Мы выиграли!», «Мы победили!»— больше, нежели сами игроки, гордятся зрители, расходясь со стадиона. И энтузиазм сражения еще долго не затихает в городе — на остановках, в кафе, в парках.

Скачков, опять труся лениво, еле-еле, наблюдал за Белецким и усмехнулся: пижонит, кокетничает! Ну да понятно и простительно — парнишке лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Это на поле они взрослеют по-солдатски, в один миг, под бременем ответственности, в жизни же еще долго остаются ребятней, какая они и есть, и даже нарушения режима часто вызваны у них взрывом вырвавшихся из-под контроля юных сил. Жизнь, как ни режимь, настоятельно требует своего! Возле углового фланга Белецкий вытворял с мячом, как фокусник. Скачков догадывался, что наверняка сидит сейчас на переполненной трибуне счастливая девчонка и радуется, преданно не сводит с Игорька глаз. Даже у него после удачных матчей устанавливается дома мир и настроение. Клавдия возвращается со стадиона какая-то отмягшая, как будто сытая, становится заботливой, почти что прежней, и уж не замечает, что Софья Казимировна в таком затишье и согласии живет особенно чужой и оскорбленной.

Протяжная трель судейской сирены прекратила разминку. Стадион, вся затаившаяся по крутым откосам чаша, умолк и приготовился. Иван Степанович, провожая на поле команду, пропускал ребят мимо себя и каждого стукал по плечу. Алексей Маркин, обезображенный гипсовым хомутом, стоял с ним рядом и в знак напутствия молча прикрывал веки. Только своих, старинных, с кем съел пуд соли: Скачкова и Сухова — он дружески шлепнул по заду.

Команды уже выстроились в середине поля и крикнули

приветствие, когда на западной трибуне внезапно затрещали дружные аплодисменты. Скачков увидел, что по забитому проходу наверх пробирается Маркин, несет свою неподвижную голову и всем туловищем поворачивается в обе стороны, благодаря за память, за приветствия. Добираясь до своих, Маркин потревожил инвалида на костылях, который каждый раз, чтобы не загораживать проход, с усилием поднимался. Единственная нога у него, видимо, тоже не сгибалась, как и костыли с обеих сторон.

Трибуна не успокоилась до тех пор, пока инвалид и Маркин не уселись на места.

Пожилой судья, с незагорелыми коленками, с большой, похожей на мишень эмблемой на груди, предложил капитанам:

— Знакомьтесь!

Скачков и тот, напротив, Алексей Решетников, улыбнулись, дружески ударили ладонь в ладонь. Со времени последней встречи на ленинградском стадионе месяца не прошло.

Ленинградская команда всегда была для Скачкова неприятным соперником. Он не любил навалистого и жестокого давления и предпочитал противника с комбинационной, многоходовой игрой — тогда сказывался его огромный опыт, его умение угадывать и разрушать расчеты атакующих в самом зародыше, в глубине поля. Сегодня, как было решено на установочном совете перед матчем, необходимо задавать темп с первых минут, прижать к воротам — перебегать.

Против Скачкова вновь действовал молоденький нападающий, которого он наглухо закрыл в том матче. Сначала он не понял, почему тренер соперников не заменил парнишку, однако скоро разгадал: молодой, неутомимый, он должен был мотать, оттягивать Скачкова на себя, а в открывавшийся к воротам коридор нацеливался ринуться Решетников, хитрющий, как лисица, Леха, полузащитник с крепким плассированным ударом. Парнишка исполнял задание старательно: финтил, юлил, откатывался к самой бровке, показывал, что порывается пройти по краю,— Скачков все видел и читал, как по букварю. Давно он изучил этих уж слишком исполнительных ребят, надолго скованных начальной установкой тренера. Он делал вид, что поддается на приманку, смещался часто в сторону, но ровно лишь настолько, чтобы успеть на перехват умудренного в боях Решетникова. Несколько раз он крепко сталкивался с разогнавшимся

парнишкой, чувствуя, как со всего разбегу врезается в его разгоряченное напрягшееся тело. Скачков щадил его, пытался образумить, хотя, не нарушая слишком правил, мог подловить и вывести надолго из игры. Самого его когда-то так ловили и выносили с поля.

— Геннадий Ильич, вперед бы больше надо,— несмело посоветовал ему Соломин.

Оглядываясь, Скачков определил: да, Саша прав, скучиваться незачем.

Первый тайм как будто проходил на равных — не перебегали, но и уступили. А под свисток, в последнюю минуту, Белецкий очень вовремя успел на резаную передачу Кудрина, как вьюн, оставил за спиной опекуна и только ринулся к воротам, открылся по другому краю Сухов: его, сдыхающего, мокрого, как мышь, защита стерегла вполглаза.

— Смотри!— остановившись, завопил Скачков, еще не веря сам такой удаче, но Игорек и без него увидел. Ах, все же молодец парнишка! Не сбавляя бега, он сумел послать мяч резаным ударом, в обводку за спину защитнику, на свободное пространство и, охнув, приподнялся стадион: успеет, не успеет Сухов? Вот-вот... еще чуть-чуть,— Скачков извелся, наблюдая. «Переставляй же горбыли!» Свои ему отдал бы, чтоб бежал скорее! Но ноги Сухова все отставали, и он запнулся вдруг, упал на руки, перевернулся раз, другой... Мяч мимо дальней штанги укатился с поля.

Рев стадиона услыхал весь город. Скачков себя в досаде: по коленке, по коленке! Убил бы! «Вот он, глоточек! Ну погоди!.. Та-кую передачу!»

Сухов вскочил, остервенело кинулся к Белецкому: куда, куда давал? Тот отступил, попятился, рукой загородился. Федор налетал — едва не в драку лез. Скачков по-капитански грозно глянул издали: чего еще? Но тут свисток протяжный и все смешались на поле, упало напряжение. Усталой запалившейся гурьбой футболисты потянулись на отдых.

— Геш, ты видал его?— окликнул, подбегая, Сухов — горячий, задыхающийся, в мыле.— Нет, ты видал? Его же на моторе не достанешь!

Искал сочувствия, заглядывал в глаза. Скачков отвернулся — клокотало зло. Чего темнить, чего на парне зло срывать? Ведь сам же понимал, что мог достать, и если бы...

— Иди, иди отсюда. Катись!— сквозь зубы процедил

Скачков и шаг прибавил, чтоб не приставал.— Амулетики цепляешь? Глоточек спирту?.. Уйди!

В туннеле под трибуной его позвал Белецкий — едва не плачет от обиды.

— Геннадий Ильич...

— Ладно, ладно...— грубовато потрепал парнишку по плечу, повел с собою.— Пас был на блюдечке. Чего там! Не обращай внимания.

— Уж лучше бы я сам, Геннадий Ильич!

— Пошли, пошли. Все впереди еще.

...Интересно, изменит что-нибудь тренер ленинградцев в своих первоначальных установках? Скачков не думал о парнишке нападающем, его могли и заменить,— он опасался все того же Лехи, старого, проевшего все зубы на необдуманный заранее поступок, рискованный, опасный, но, как правило, результативный. В недавнем матче Решетников как раз таким рискованным, неожиданным для многих рейдом и принес своим победу. Рванулся, не уследили, а потом попробуй задержи! Да и только ли в том матче? Решетников у ленинградцев известная «палочка-выручалочка» — спас не одну игру. Перед поездкой в Мексику, на чемпионат мира, Скачков с Решетниковым сыграли вместе несколько товарищеских матчей за границей, и в печати отмечалось, что у русских необычайно сильная, активно действующая середина поля.

— Как нога?— прогудел Матвей Матвеич, нависая над Скачковым массивной волосатой грудью. Весь тайм он просидел у края поля и близко видел, как изматывал Скачкова нападающий.

Ты кинь его, как следует... Чего он?— посоветовал Матвей Матвеич.— У них же ставить больше некого!

Скачков, почти задремывая от усталости, расслабив руки, ноги, открыл, чуть разлепил глаза.

— Все в порядке. Ничего.

— Чаю дать?

— Не стоит.

В прихожей, где в своем излюбленном углу между холодильником и вешалкой орудовал тишайший Кондратьич, раздавался визгливый голос администратора Смольского.

— Чего он там?— спросил Скачков, показывая глазами.

Матвей Матвеич сходил и сердито захлопнул дверь.

— Делать нечего! Бассейн испортился. Нашел тоже, проблему!

По губам Скачкова скользнула слабая усмешка, он закрыл глаза и снова отрешился.

На второй тайм, сберегая силы, он вышел после всех, последним, когда команды разбежались по обеим половинам поля, и нападающие, которым начинать, переминались у мяча, поглядывали на судью с хронометром. Скачков, окидывая поле, определил, что у противника все без замен и без перестановок, и, чтобы сразу же настроиться на темп, включиться по свистку сирены, подпрыгнул сильно раз, другой, попутно взмахивая руками. На левом фланге ярко выделялась нетронутая потом, чистенькая майка,— вместо Сухова вышел запасной. Самого Федора не было ни в раздевалке, ни на скамейке у ворот — обиделся, совсем ушел со стадиона.

Опять забегали, опять перемешались. Скачков, перемещаясь, как необходимо по игре, рассудочно и остро просматривал все поле. Так шахматист глядит на доску, когда на ней еще полно фигур. Сейчас Белецкому создать бы пару, тройку голевых моментов, и все — достаточно, не надо больше ничего. Парнишка весь заряжен на удар. (Об этом говорил, напутствуя, Иван Степанович: «Белецкого, Белецкого не забывай»!). Но что-то спуталось, пошло совсем не так. Скачков недолго видел впереди семерку на футболке Игорька, он скоро потерял его из виду, почувствовал, что замотался, и стал не успевать на перехват напористого Лехи. Мальчишка на краю теперь подолгу передерживал мячи и не спешил отпасовать, едва обозначалось нападение. Он ждал, искал единоборства, а если замечал, что страж его не подступал вплотную, сам рвался к лицевой и бил, простреливал опасно вдоль ворот. Скачков и не заметил, как уступили центр поля. Ворота стали близко за спиной, и он, отчаянно гадая, пойти и броситься на молодого или смотреть, глаз не спускать с маячившего Лехи, все отступал, все пятился и чувствовал, как мечется за ним защита, как бегает от штанги к штанге молодой Турбин, кричит, что-то показывает Соломин. «А, черт!..» И часто шел на крайнюю, решительную меру: ногами в ноги, в мяч, стремительным подкатом. Сам на земле, но мяч за полем, и можно оглядеться, перестроиться, передохнуть.

Свистят и издеваются трибуны, не слышно ни сирены, ни что кричит там от ворот Матвей Матвеич. Судья показывает знаками, торопит и вот уж снова вброшен мяч, опять навал, опять прижали, и тут Скачков промахивается со своим подкатом, а, вскакивая, видит, как замаячила на

подступах к штрафной горячая и мокрая, хоть выжимай, спина Решетникова. Он не терял мгновений и бил своими крепкими, настильными, как выстрел из мортиры, ударами, бил не раз, не два, но слава и хвала сегодня Турбину.

Все же так часто «поливать» ворота не надо бы давать! Скачков чуть жилы не порвал, чтобы успеть и помешать Решетникову, не дать случиться назревающему голу, и доставал, мешал, но кто бы знал, что стоили ему все эти вскакивания и рывки вдогонку!

Минуту бы, другую передышки!

Длинными, через все поле пасами он стал переводить игру на тот, противоположный фланг, но стоило отдать и осмотреться, как вот он вновь идет, сработавшийся и нацеленный на гол тандем: проворный, без следов усталости мальчишка и таранистый в своей расхлыстанной футболке Леха. Они, конечно, чувствовали, вся команда знала, что здесь вот-вот будет прокол — и ждали, били специально в одно место...

Свисток судьи остановил игру и, радуясь невольной передышке, Скачков не торопился к месту нарушения. «Я, я пробью!»— руками помаячил он. Соломин уступил и побежал назад к воротам. Но что там? Белецкий, поджимая к животу колени, лежал и перекатывался на спине по гаревой дорожке. «Сломался?» Скачков ускорил шаг... Как оказалось, Белецкий оттянулся в оборону, хотел остановить напористого Леху, но тот, в азарте ли, со зла ли так врезался в него, что парень вылетел за бровку.

Под рев разбушевавшихся трибун бежал, катился шариком судья, мелькая бледными коленками. Сбегались игроки.

Белецкого подняли, он прыгал на одной ноге, держался за колено. Решетников, оправдываясь, пытался объяснить и разводил руками.

— Что, чокнулся совсем?— накинулся Скачков, едва переводя дыхание, и грудью в грудь полез на Леху, но тут судья развел их, растопырил руки. Леха покаянно жестикулировал, прикладывал к сердцу руку, но что он говорил — не разобрать.

Прихрамывая, но с каждым шагом меньше, Белецкий побежал на поле, и судья ткнул пальцем, показал, куда поставить мяч.

Выгадывая лишние мгновения, Скачков нагнулся, переставил мяч по-своему, потом стал пятиться, высматривая поле. Маячил Владик Серебряков, бегал туда-сюда неутомимый Кудрин, пытаясь отвязаться от опекуна,— но нет,

ничего не находилось впереди — все игроки разобраны надежно. Он сильно разбежался, но пробил тихо, откатил мяч рядышком, Белецкому. Пока тот принял да разглядывал, куда и как перемещаются ребята, Скачков вдруг ощутил в себе, как никогда, прилив неудержимых сил, взорвался на рывок и устремился на ворота, бежал, летел — и многое теперь зависеть стало от партнеров: поймут ли, подыграют? Белецкий понял все и подыграл, как нужно: и мяч попридержал, и обошел кого-то, и сделал вид, что хочет выдать пас бежавшему Серебрякову, но лишь перед Скачковым обозначился проход к воротам, он мягко, четко выложил ему на ход. «Ай, молодец!»— заликовало в бешеной груди Скачкова и, доставая мяч, он увидел ворота, вратаря, молниеносно понял, куда он кинется, сместится, и врезал по мячу с такою силой, что от рубца шнуровки заломило ногу.

Едва ударив, он понял, что получилось хорошо,— мяч плотно лег на ногу. В какое-то мгновение он потерял его из виду, но вот увидел и радостно, восторженно подбросил руки: есть! По восходящей линии, не шелохнувшись, не крутясь, словно ядро из гладкоствольной пушки, мяч врезался в «девятку». Вратарь, весь вытянувшись наискось ворот, почти достал, царапнул по нему, но не помешал. Скачков, обмякнув, словно спущенный утихший мяч, услышал беснование трибун. До той минуты, пока он разгонялся, пока искал пространства и следил за вратарем,— на все эти мгновения атаки он вроде бы оглох и не слышал, как тысячи людей, вскочив, кричали, плакали, молили, любя его и заклиная: «Ну, Гешенька, ну, Геш!.. Да бей же, бей!»

На него прыгали товарищи, наваливались горячей плотной кучей, он принимал их поцелуи и объятия, но сам уже не чувствовал ни радости, ни ликования — одну усталость. Он брел назад, оттягивал от горла жаркую футболку и с мукой запрокидывал лицо, не в силах справиться с распухшим сердцем. Нет, к черту, такие сумасшедшие рывки уже не для него. И часто сплевывал обильную тягучую слюну — вернейший признак обморочной слабости.

Ленинградцы под угрозой проигрыша подтягивали для нападения защитные порядки — терять им нечего. Остервенившийся Решетников, подкатывая рукава, махал своим: вперед, только вперед! Скачков оглядывался на судью: не стал ли он посматривать на свой секундомер?

Половина поля ленинградцев очистилась совсем, даже вратарь стоял у линии штрафной. Мяч стал все чаще уле-

тать на дальние ряды трибун. Кудрин с Нестеровым, нервничая, затеяли перепалку, на них прикрикнули сначала Турбин, затем Соломин. «Нашли время!» Сам Скачков теперь не отходил от Лехи, а если иногда не поспевал, то Леха все равно запутывался в частоколе обороны, при скученности двадцати парней не очень разгуляешься с маневром. И все же Леха лез, мотался в самой свалке. Вот подыграли ему снова, и он попер с мячом вперед. Серебряков остался за спиной, Батищев, еще кто-то ударился о Леху и отлетел, а он все на ногах, все двигается и поглядывает то на ворота, то на своих: кому отдать? Остановить бы следовало Леху, помешать ему как раз сейчас, но у Скачкова ни дыхания, ни бега, а сердце — хоть придерживай рукой. И он увидел: Решетников рванулся, сам себе катнул на выход мяч, Стороженко брякнулся ему под ноги, жертвуя собой, но Леха не ударил, а отдал в сторону, наискосок и — оставалось развести руками: к мячу успел парнишка нападающий, один, без стража, без опеки. «Моя, моя вина!» — готов был завопить Скачков. Была еще надежда, что под таким углом мяч не минует вратаря, Турбин в воротах изготовился, напрягся, но малый вновь откинул мяч, и тут уж быть спасенья не могло. Решетников спокойно и в упор злорадно расстрелял ворота. Турбин, бедняга, даже не метнулся: куда там!..

На гол, сквитавший счет, из вежливости, сдержанно, отозвалась лишь западная трибуна.

Скачков уныло посмотрел туда, где за скамейкой запасных ходил Иван Степанович. Опять ошибка, опять просчет! Хотя какой просчет? Просто устал, отнялись ноги, нет дыхания. Перебéгал его парнишка, измотал. Иван Степанович, в карманах руки, шагал угрюмо: туда-назад, туда-назад. «Замена будет, нет?» — высматривал Скачков, но тренер не глядел на поле, а все ходил, сутулился — переживал. «Заменили бы, что ли... Легче было б», — подумал Скачков, опять настраиваясь на игру.

Равенство в счете вновь вернуло командам осмотрительность. Да и последний натиск обессилил ленинградцев, Скачков почувствовал свободу, облегчение и стал все чаще посылать мячи Белецкому. В мальчишке клокотали силы, и он, воспользовавшись тем, что Серебрякова с Кудриным держали плотно, персонально, трудился за двоих. Но вот что странно: зачем он так оттягивался к бровке, где задыхающийся Леха своими бесконечными подкатами легко сбивал игру, выбрасывал мяч на аут? Скачков сердился и давал мячи на выход, старался дать как можно лучше,

выкладывал «на блюдечке», однако Игорек упрямо устремлялся к краю и там финтил, как вьюн, выматывая жилы из защиты. Ах, вот он для чего! Старательный Белецкий, выманивая к краю игроков, готовил коридор ему для нового броска. «Ну, нет. Куда там... А — хотя!..» И не успел подумать, а уж бежал и рвался, напрягаясь,— опять какой-то взрыв, посыл в движенье, все мысли, силы, тело, все в атаке, в беге, в напряженье, и вот уж мяч почти что доставал, успев заметить впереди ворота, уже нога заныла и окрепла в ожидании удара, как вдруг огонь и чернота в глазах, полет и кувырканье как попало...

Очнулся он, почувствовав лицом прохладу пахнувшей землей травы. Перевернулся на спину, увидел над собой ребят: все лица, лица, лица... Протискался Матвей Матвеич, присел, поместив в коленях объемный свой живот. Но только подхватил ручищами под спину, как вновь поплыли, вздыбились в глазах трибуны и пусто-пусто стало в голове... Потом Скачков увидел сверху еще одну сбежавшуюся группу, там был судья и больше наблюдалось суеты. Он завозился на руках Матвея Матвеича, соображая, что Лехе досталось крепче — его и не пытались поднимать.

— Пусти-ка...— попросил он массажиста, но за руку держался. Попробовал ступить на ногу: можно, потом еще шагнул — и ничего.

— Ну, все, порядок.— И он пошел один, прихрамывая, потирая ногу. Матвей Матвеич наблюдал со стороны: разбегается, нет? Разбегался!

Судья метался, выпроваживал всех посторонних с поля и махал рукой, чтоб подавали мяч. Леху, как он лежал на травке, переложили на носилки, понесли. «Перелом»,— решил Скачков, но подойти и извиниться было некогда: пока распрыгался — игра.

На место Лехи вышел запасной и со всеми нерастраченными силами старался успевать везде. Скачков, оттягиваясь все глубже в оборону, поглядывал на свеженького игрока, как старый умный пес на шаловливого щенка.

Турбин, перехватив на резком выходе прострельную передачу, стоял на месте, бил и бил мячом о землю, а сам глядел, высматривая в поле. Скачков махнул рукой: сюда... Тот разбежался, выбросил рукой. Скачков принял, повел, минуя центр поля,— мяч, как привязанный, катился в полуметре от ноги. «Ну, ну же!»— подзадоривал он запасного, а сам следил и замечал, как заметалась впереди защита, пытаясь разобрать свободных игроков. И он до-

ждался, выманил — парнишка кинулся, Скачков мотнул его, оставил за спиной и вышел на штрафную. Тут верно оценил создавшуюся ситуацию Белецкий, он вихрем полетел наискосок от края, бежал, в ладоши хлопнул: «Тут я, тут!..» Щечкой, длинным стелющимся пасом Скачков подал ему на выход, а сам тотчас сместился влево, чтобы иметь перед собой всю площадь вражеских ворот,— вот так же выходил на их ворота Леха.

— Я!.. Я!..— вдруг закричал Скачков, потребовав ответный пас. Он так и ждал, так и рассчитывал, что Игорек оттуда, с лицевой, откинет мяч ему на ногу, но тот, зарвавшись, ничего не слышал, не соображал.

— Дай!— завопил Скачков, неистово стуча себя руками по коленям. Ведь прямо же с угла идет, пацан, а тут ворота — вот они, мяч на ногу и — в сетку!

Но что кричать было, приказывать, взывать — напрасно! Белецкий — во вратарской, Белецкий — у ворот, мяч на ноге: летит, не слышит. Весь пыл, всю ярость и азарт счастливого прорыва, весь свой стремительный разбег вложил он в сокрушительный удар, и от такого мощного удара мячу положено бы сплющиться и лопнуть, не уцелеть воротам, если в штангу — гибель вратарю. И в тот момент, когда мяч должен был снарядом страшным устремиться от ноги в ворота, вратарь, несчастный, обреченный, решился на последнее, что оставалось: он прыгнул и подставился как бы под выстрел, надеясь не поймать, конечно, а лишь бы зацепить, отбить рукой ли, телом: чем придется. И он отбил бы, зацепил, мяч неминуемо бы врезался в него — слишком был острым угол для его удара, но... что-то вдруг случилось. Удара, каким его предчувствовал сам бьющий и вратарь, каким ждал весь вскочивший на ноги, ревущий стадион,— удара и не получилось. Вот растопырился в отчаянном броске вратарь, а сам Белецкий следом за своей ногой влетел и брякнулся в ворота, но... мяч-то, где же мяч? А мяч, задетый краешком, чуть-чуть, тихонько покатился в сторону, и уж вратарь валялся на земле, Белецкий рыбиной забился в сетке, а мяч катился и катился и возле ближней штанги пересек черту ворот. И тут увидели, что получилась срезка! Но был гол, был — мяч в сетке все равно! И — что тут началось!.. Скачков всплеснул руками и залился смехом: бывает же такое! А сам Белецкий, осознав, что мяч все же в воротах, а значит гол, победа, впал в буйное неистовство и яростно набросился на мяч — бил, бил, пинал с обеих ног, вколачивал в сетку, пока его не оттащили.

Судья, единственный, кто сохранял невозмутимость, шел быстро к центру, но глаз не отрывал от секундомера...

У раздевалки, загораживая двери и молча отстраняя посторонних, стоял Матвей Матвеич. Тут был его извечный пост после игры. И миновать его, совать бумажки, корочки удостоверений, называть себя, — все было бесполезно.

— Пройти позвольте,— гудел он мрачно, завидя через головы прорывавшегося футболиста, отодвигал, кто б ни был перед ним, и снова загораживал собою дверь.

В туннеле перед раздевалками набилось столько людей, что не протолкаться, и липнут, мельтешат, бросаются на шею. Белецкого затискали вконец.

Минуя туннель, Скачков прикладывал рукав к горевшему лицу и тряс головой. С подбородка капало. Заметил: кучкой, оживленно беседуя, стояли Брагин, Шевелев, покалеченный Маркин в своем гипсовом хомуте и прохлаждающийся Мухин, уже без повязки на голове, выутюженный, из карманчика белеет уголок платка. Завидев Скачкова, умолкли и посторонились. Он кивнул им и, утираясь, прошел мимо, не остановился.

В раздевалке было пусто и прохладно. Ребята, кто успел прийти и раздеться, гомонили в душевой. «Фу-у...» Футболка в угол, трусы стянул, расшнуровал и нога за ногу отбросил бутсы. Бинт бы смотать, но — потом, потом... Сейчас лежать, вытягиваться, глаз не открывать.

Зацокали шипы, шаг легкий, быстрый: Игорек. Скачков, не то задремывая, не то в забытьи от усталости, чуть дрогнул веком и залюбовался парнем: счастливый, молодой, ему бы и еще одна игра не в тягость. Заметил и Белецкий утомленный дружелюбный взгляд.

— Геннадий Ильич, подумать только: еще одна игрушка — и в финале!

Светилось, ликовало его юное чернявое лицо с невысохшими грязными потеками. Скачков, не отвечая, догадался, что из туннеля, видимо, убрали всех, кто ухитрялся набиваться каждый раз — иначе Игорек толкался бы еще, заласканный, затисканный, герой последнего решающего гола.

— А, испугался, Игорешка?— проговорил усмешливо Скачков, трудно приподнимаясь в кресле.

— Это с ударом-то?— Игорек засмеялся.— Ой, Геннадий Ильич, прямо сердце остановилось! Я ведь думал как: по ходу. И вдруг: блямс!.. нога едва не улетела, а мяча не

чую. Ну, думаю, все! А потом гляжу: а он вот, рядом, в сетке!

Стали выходить из душевой распаренные, обмякшие ребята, заворачивались в простыни и валились в кресла. Сапожник Кондратьич и врач Дворкин заботливо обносили всех чаем. Виктор Кудрин уже задирал терпеливого Батищева: «Сем, а Сем...» Внезапно ворвался Ронькин, наэлектризованный, щеки спелые, не мог стоять на месте. Сообщил во всеуслышание, как подарок сделал: завтра на базу, попариться, поговорить, провести с командой день, приедет сам Рытвин. Скачкова это не затронуло: завтра для него начинаются заботы поважнее.

Раздевалка, наконец, стала пустеть. Обернув вокруг бедер полотенце, Скачков поковылял, прихрамывая, в душевую. Он словно разучился вдруг ходить: так больно отдавался в теле каждый шаг. Шершавый пол в кабинке холодил натруженные ноги. Приятно отдыхали пальцы, ступни и только под коленкой, в набрякшей, будто каменной икре, ощущался какой-то тяжелый комок. Он сильно пустил воду, горячую настолько, чтобы вытерпеть, и заурчал, подставившись всем телом, разнежился и замер. Стоял, закрыв глаза, сверху щедро поливало. Потом стал потягиваться, изгибаться, мял и массировал все мышцы, затем пустил холодную, почти что ледяную и, рявкнув, выскочил из-под струи, заколотил ладонями по животу. Сводило плечи, напряглась спина, но он задвигал сильно телом, растираясь колючим жестким полотенцем, и тут почувствовал, что ожил окончательно.

Стемнело, обезлюдело вокруг, когда Скачков направился к служебному ходу. Идти, ступать было приятно и легко — в удобной обуви блаженствовали ноги.

Над опустошенной чашей стадиона вполсилы горела одна угловая мачта, и в боковом неярком свете туман стоял сиянием над полем.

Наискосок, срезая угол поля, Скачков пошел к воротам. Шелестела по ногам коротенькая травка. В воротах, рассекая их пополам, уже была поставлена распорка — чтобы не провисла верхняя штанга. Скачков подошел и задумчиво постучал носком по стойке, тронул рукою сетку. Да-а вот и пришло, настало времечко... Осенью, в одном из последних матчей сезона, состоится церемония, когда его проводят, вынесут на плечах, однако по-человечески, душевно он прощался с полем сейчас — наедине, скрываясь от жадных, любопытствующих глаз. Потом, конечно, будет трогательно, может быть, даже до слез, но все же слишком напоказ, ког-

да в душе возникает и начинает саднить глухая тяжесть ностальгии по мячу, по полю, по команде — профессиональная болезнь футболистов, ушедших на покой. Эта боль в душе теперь навечно, потому что еще не было случая, чтобы люди, отдавшие лучшую пору жизни увлечению футболом, раскаялись бы в страсти своей молодости.

На поле начиналась обычная ночная канитель уборки: полить, подравнять, заделать выбоины. По беговой дорожке Скачков пошел вдоль кромки поля, потом медленно, ступенька за ступенькой, поднялся по проходу на самый верх трибуны. Здесь было хорошо, просторно. Голову обвевал прохладный ровный ветерок. Во все стороны огнями разливался город. Скачков поставил сумку, облокотился на металлический барьер. Шелестели, задираясь, брошенные на сиденьях газеты, внизу, на поле, копошились рабочие стадиона, с урчанием ползала поливальная машина. Скачков был никому не виден, совсем один — головою в свежих поднебесных сквозняках, по плечи в звездах.

Все-таки он устал, чудовищно устал. Утомлял режим, изматывали тренировки, переезды, игры. А ожидание дня важных встреч, когда нервы натянуты, и, чтобы выспаться перед игрой, приходится глотать снотворное? А проигрыши, горькие минуты краха и опустошения? Всего не сосчитать!

На перекрестке, через улицу от стадиона, у магазина и автоматов с газированной водой толпился разволнованный народ. В эти вечерние часы после матча для болельщиков самое волнение: кричат, доказывают, спорят. Сквозь ярко освещенную витрину было видно, как брался приступом гастрономический отдел.

Завидев огонек такси, Скачков призывно замахал рукой. Он поднял воротник и, бросив сумку, занял заднее сиденье.

В машине бормотало радио: записанный на пленку репортаж.

— К магазину,— попросил Скачков.

Без всякого внимания к пассажиру, шофер отъехал, развернулся на перекрестке и стал как раз возле болельщиков и автоматов с газированной водой. Прибавил громкости — Скачков услышал, вылезая из машины: «...Решетников, боевой, напористый полузащитник, душа команды... Но кто же выйдет? Кого поставит тренер?..» Скачков, высматривая, что творится в магазине, покачал убито головой. Туда показываться не имело смысла, окружат, едва узнают, и уж не вырвешься, не убежишь.

В машине заревело радио, как грохот обвалился шум

трибун: тот гол, Белецкого... Вздохнув, Скачков захлопнул дверцу.

— Давай куда-нибудь подальше.

Шофер, ловя последние мгновенья матча, сердито оглянулся, потом, уже слишком быстро, снова: узнал.

— В больницу надо,— пояснил Скачков.— Но сначала в магазин. Всякое там... понимаешь?

Еще бы не понять! Шофер весь загорелся — готов был расшибиться.

— Быстро надо? Все, Геш! Сейчас отоварим!

И понеслась машина — сигналила, как на пожар, визжали тормоза на поворотах.

«Отоварились» в каком-то буфете, уже закрытом, куда шофер проник привычно просто, без помех. Что-то успел шепнуть буфетчице — та встретила Скачкова лучше некуда. Он выбрал для гостей бутылку коньяку, отдельно попросил коробку шоколаду, апельсины, два апельсина из пакета он взял и спрятал в сумку: для Маришки.

— Ну, все? По коням?— спросил шофер. Буфетчице сказал: я скоро заскочу. Тут нам в одно местечко надо.

Опять мимо ночного сторожа провел Скачкова к ожидавшей за углом машине.

— Торопишься?— спросил Скачков, когда машина стала у больницы.

— Да что ты, я подожду. Сумку оставь, покараулю.

С пакетом и коробкой Скачков поднялся на высокое крыльцо, толкнулся в двери. Отворил плечом и очень удивился: в приемной на диване, на валиках дивана, на стульях по двое сидела смирно и ждала усталая команда, сегодняшний соперник. Так значит вот что за автобус стоит на улице, к которому такси подъехало впритык!

— Привет!— сказал Скачков негромко, поглядывая, где бы поместиться, и кто-то из ребят поднялся, уступая место.

Игра всех вымотала, все сидели тихо. Стал дожидаться и Скачков. В том, что Решетникова унесли, ни он и ни ребята не видели ничьей вины,— могло и так случиться, что не ему сейчас, а Лехе по дороге на аэродром пришлось бы попросить притормозить и забежать в палату на минутку.

Поспешно скидывая на ходу халаты, из внутренних покоев показались двое. Все сразу поднялись и затеснились, и дверь не закрывалась, пока пустело помещение. Скачков, не глядя на часы, понял, что торопиться следует: до аэродрома, как ни нажимай, а верных полчаса, да там еще с билета-

ми — едва-едва успеют. Рейс был знакомый, многолетний — завтра и «Локомотив» на нем же отправится.

В палате, где лежал Решетников, с порога чувствовался нарушенный режим. Больные, плесневевшие от скуки, поворотились к новенькому. А тут еще Скачков! Его узнали тотчас и завозились, ожили на всех кроватях. На подоконнике, забытый всеми, еще, казалось, не остыл от всех волнений матча невыключенный маленький приемник.

Из операционной Алексея привезли с ногой в бинтах и гипсе, похожей на большое белое бревно. «Да, худо дело,— поморщился Скачков.— Теперь как пить дать до конца сезона, а то и больше...»

Медицинская сестра макала ватку в блюдечко и протирала Алексею воспаленное лицо. Он уже опомнился от боли, лежал затихший, утонул в подушках. Скачков остановился, подождал, пока управилась сестра.

Решетников узнал его не сразу. Но вот глаза его ожили, заметались, он быстро отвернулся и, стиснув зубы, щекою промакнулся в подушку.

— Ведь черт же его знал!— проговорил Скачков, покаянно касаясь руки поверженного Лехи. Подали табуретку, ткнули сзади в ноги, он сел, свалил на тумбочку пакет, коробку и подхватил сползающий с плеча халат.

Решетников собрался с духом.

— Ладно. Чего уж...

— Тут я вот апельсинчиков...— Скачкова раздражало, что пялятся на них, глазеют со всех коек.

— Вали в тумбочку,— равнодушно сказал Решетников.— Там ребята еще принесли.

— А тут вот шоколад. Ты жуй, копи мощь.

— Теперь я накоплю!— невесело скривился Алексей.

— Так вот же...— огорченно произнес Скачков и удержался, чтобы не вздохнуть, как по покойнику. Конечно, плохо дело, что и говорить. С ногой теперь до самого конца сезона, а там зима, а там... В таком возрасте да вдруг такие перерывы! Потом, хоть и подлечишься, останется одно: костылик в руку и по билету на трибуну. Как сегодня Маркин! И вот орет, беснуется битком набитый стадион, а ты с костыльком между колен, на руки подбородок, сидишь и смотришь, и все как будто бы по-прежнему, но только совсем другие топчут мягкое ухоженное поле, где пролетела, отшумела навсегда твоя так быстро закатившаяся юность. А может быть — и так еще: не сразу соберешься с духом, сядешь на трибуну, а оставаться станешь дома, у телевизо-

ра, с ребенком на коленях... «Интересно,— подумал вдруг Скачков,— у Лехи-то...»

— У тебя кто: пацан, девчонка?— спросил он, будто знал, что кто-то у Решетникова есть, но только он забыл, кто именно.

Решетников поморщился и посмотрел на свою уродливо увеченную ногу.

— И пацан, и девка. Ревут поди сейчас.

— Да...— вздохнул Скачков и помолчал. Представил, как переживают за отца мальчишка и девчонка, а жена, быть может, сейчас бежит на телеграф, на переговорный, а может быть, ждет не дождется, когда откроют утром кассы «Аэрофлота».

— Ну, поправляйся.— Придерживая за полы наброшенный халат, он встал.— Я еще забегу.

— Бывай!— Решетников чуть шевельнул покоившейся на подушке головой и приподнял ладонь. Скачков пожал ее без всякого усилия. В больничном белье, на больничной койке Решетников казался слабосильным, хотя всегда был мускулистым, будто литым парнищем килограммов на восемьдесят пять.

— И здорово-то, знаешь, не того...— попробовал Скачков утешить на прощанье.— Оно, конечно, хоть кого коснись, но все же...

— Иди, иди,— с усмешкой покивал Решетников.— У нас же знаешь: при любой погоде.

— Вот именно!.. Ну, будь здоров. Я как-нибудь еще зайду.

— Геш,— позвал Решетников,— говорят, отвальную сыграл?

— Да как сказать?— Скачков остановился.— Может, и отвальная получиться. Но в Баку уже не лечу.

— Что так?

— Да дела. Всякое там...

— А нога?

— Болит. И мешает, знаешь... Заметил, наверное, сегодня?

— А ну-ка покажи.

Скачков уселся, задрал штанину.

— Ух ты! Кто это тебя? Фохт?

Со всех коек потянулись головы, кое-кто подшлепал босиком, в одном белье, Скачков опустил ногу.

— У баб,— сказал Решетников,— видал? В палец жилы надуваются. У тебя, по-моему, такая же штука.

— Так вот...

— А игрушку вы сегодня провели прилично. Особенно концовочку рванули.

— Старались,— улыбнулся Скачков.

— Дома вам нельзя было проигрывать,— серьезно сказал Решетников.— До финала вы нынче доберетесь —это точно, Геш. Ну, а там...

— Брось загадывать. Не дело.

— Я по игре смотрю.

Провожая его, Решетников беспомощно заозирался, пытаясь приподняться и лечь повыше. Скачков вернулся и подбил подушку.

— Спасибо, Геш... А что, «Сухой» у вас так и не просыхает? Какую он вам штуку проворонил! А? Безногий бы забил.

Скачков уже не помнил зла: матч выиграли все равно. Представил пьяного, несчастного Федора и — жалко стало.

— Что сделаешь? Кончаемся мы, Леха. Все кончаемся.

— Футбол-то не кончается! Какие пацаны растут! На воротах у вас стоял: откуда только взяли! И тот, по краю,— тоже ничего.

— Белецкий? Белецкий ничего. Играть будет.

— И здорово будет. А нашего усек? Как он мне выкатил на гол! Это же уметь, сообразить надо... Вот будут пацаны играть! А? Куда нам!

— Вот, самый стариковский разговор!— Скачков рассмеялся.— Ладно, побежал я. Будь здоров!

Он занес с улыбкою ладонь, Решетников свою подставил,— они ударили и тряхнули на этот раз крепко, как будто расставались там, на поле, после финального судейского свистка.

— Сколько там?— спросил Скачков, когда приехали, остановились у подъезда и он открыл дверцу, чтобы при свете лампочки вверху увидеть цифры на таксометре.

— Да что ты, Геш!— обиделся шофер.— Скажешь тоже!

— Брось, брось!— запротестовал Скачков.— Вот еще!

— Ладно, давай тогда рублевку, что ли.

— Возьми вот...— Скачков вывернул карман и быстро сосчитал, что осталось.— Два... Сколько тут? Вот, два с полтиной. Бери, бери — ничего!

— Ну, спасибо, Геш. Бывай здоров! Говорят, не летишь завтра? На тренерскую переходишь?

— Вот телеграф! Подумать не успеешь...— изумился Скачков, вытаскивая за собою из машины сумку. Шофер засмеялся и захлопнул дверцу. Машина отъехала.

Высоко вверху во всех окнах квартиры горел свет, и он только сейчас спохватился, как долго задержался после матча.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дверь он отомкнул бесшумно, неслышно приоткрыл, но не успел ступить через порог, навстречу вылетела Клавдия, уже навеселе, нарядная, очень красивая.

— Приветик!— накинулась, не дав поставить сумки.— Ты попозднеи не мог?

Из комнаты, откуда она выскочила, наплывал табачный дым, смеялись и галдели подвыпившие гости. Скачков, устало поднимавшийся на плавном тихоходном лифте, с порога угадал тот ералаш в квартире, когда все за столом перемешались, пьют без тостов и курят, курят без конца, гася окурки где попало. Сама Клавдия была возбуждена, глаза блестели. Скачков догадывался, что завелись они еще все там, на стадионе, а сразу после матча расселись в несколько машин и к ним: шуметь, горланить, праздновать. Зазвенела гитара. Взрыв хохота покрыл и заглушил пение.

— Кто там опять?— спросил Скачков.

— Опять!— передразнила Клавдия, забирая у него из рук сумку.— Можно подумать... Опять!

— Так кто там?

— Геннадий Ильич, успокойтесь, пожалуйста! Все приличные люди. Хотят, кстати, помочь тебе. Так что меняй свою кислую физиономию, я тебя в таком виде не пущу. Сегодня, может быть, еще Сашка Боксерман заскочит. Он обещал. И мне обещал, и Валерии.

— Польщен!— хмыкнул Скачков.

— Свою иронию можешь оставить при себе!— осадила его Клавдия.— Видали его... Все-таки где ты был так долго, не скажешь? Его ждут, ждут, а он...

— Так, понимаешь, штука одна...— объяснил он негромко.— Заехать пришлось в одно место.

Она стала рыться в сумке, поставила ее на согнутое, на облитое чулком колено. Бутылку она вытащила сразу, но больше ничего не находилось. Футболка полетела в угол, полотенце. Клавдия опустила сумку, в глазах ее, заметно удлиненных зачесанными наверх волосами, мелькнуло пьяненькое удивление:

— И это все? Ты что, хозяин дорогой, не болен?

Ногой он отодвинул брошенную сумку. Давно уж он не

узнавал в ней ту, какой ее увидел в стайке восторженных поклонниц футболистов.

— Скачков?— позвала Клавдия, сердито дожидаясь объяснений.

— Ну... понимаешь? Так случилось. Парня я одного заломал и надо было в больницу... Такое, в общем, дело.

— И что — ты все угробил на больницу? Хо-рош хозяин! А может быть, ты по дорожке, да заехал опять к какой-нибудь зна-ко-мой? А? Старинной?

Интонация жены удивила Скачкова, он вытаращил глаза:

— Постой...ты это о чем?

— О! Он еще удивляется! Не понимает... У-у, ненавижу! Притворство твое ненавижу. Любящий папаша, называется, сплошная добропорядочность! А я-то дура... «Куда это он, думаю, всегда так рано рвется? Не посидит, не поговорит ни с кем». Режим, значит? Ну, ну,— режим... Так к кому ты заезжаешь но ночам? Или отпираться будешь?

— Да ты постой... Послушай...—лепетал Скачков, отчаянно краснея. Он уже давно все понял.

В Ереване, после утренней разминки, Матвей Матвеич предложил ему идти в гостиницу пешком и по дороге, как бы невзначай, поинтересовался:

— Геш, о чем спросить хочу: у тебя что, на стороне кто-то завелся?

Сообразил Скачков не сразу.

— На какой стороне? Кто?

— Ну, кто, кто! Баба, конечно, кто же еще?

— Чего ты мелешь?

Матвей Матвеич подождал, пока он кончит возмущаться.

— И ты ни к кому не заглядывал? Ну, я имею в виду — в свободное время, вечерком?

Скачков вспомнил о Женьке и неудержимо, по-мальчишески покраснел.

— Глупость какая... Это же... Кто там треплется?

— Да я и говорил,— успокоил его Матвей Матвеич.— Выдумают же!

Он-то, хорошо зная Скачкова, поверил, но вот Клавдия... Но кто, кто ей доложил? И ведь ничего теперь не докажешь. Ну, заехал, ну поговорили.

Выручила его Валерия — выглянула в коридор из комнаты, где шло веселье.

— Слушайте, хозяева, хватит вам отношения выяснять! Это можно сделать потом. Геннадий,— она протянула ему

руку,— идемте. Она сегодня в трансе. Клава, милая, если на все сплетни обращать внимание... Береги нервные клетки, они не восстанавливаются.

Клавдия повернулась и, разгневанно свистя вокруг колен чешуйчатым, каким-то очень модным платьем, отправилась на кухню. Скачков, сказав Валерии: «Я сейчас»,— пошел следом. Оправдываться, уверять было нелепо — да и поверит ли она?

На кухне, присев на корточки, Клавдия рылась в холодильнике.

— Ведь ни черта же не осталось! Все как приехали, как навалились... ладно, в общем. Как-нибудь! Идем, поздоровайся с людьми. А поговорим потом. Потом.

И повела выставлять его, показывать.

Начиналось для Скачкова самое тяжелое. Он спросил, не с сыном ли явились Звонаревы, но Клавдия так взглянула на него, что он умолк и потащился обреченно и покорно.

Появление его в дверях туманной жаркой комнаты, где столько наслоилось и качалось волнами вокруг разгоряченных потных лиц, что он невольно сморщился, его возникновение на пороге взорвало всю компанию. Вскочили на ноги, возликовали и затолкались вокруг него. Словно диковинная и желанная игрушка, он передавался от одного к другому и в кутерьме приветствий, обниманий, поцелуев кому-то что-то бормотал, кому-то незаметно подставлял плечо, чтобы не дотянуться было пьяными губами до щеки, а сам приглядывался, кого это сегодня принесло, и никого почти не узнавал. Так, Звонаревых разве, да одного или двоих еще. Кусок трибуны на дому! Он даже комнаты своей не узнавал — так все захламлено, перебуровлено. И дыму, дыму-то!

В руку ему сунули налитую рюмку, полезли чокаться, толкались. «А, теперь-то!..»— подумал он и, чтобы отвязаться, выпил.

— Ура-а!..— завопила чья-то глотка.— Геш, ты с нами?

Пока он морщился, махал себе ладошкой в рот, на него, нарушившего свой зарок, смотрели преданно, влюбленно.

— Это же он, он предложил идею: футбол без мяча!

— Да? Гениально.

— Геш, старик, надо пробивать идею в массы.

Слушая, как они шумят и выхваляются один перед другим, Скачков смотрел в пустую рюмку, вертел ее в руке.

Ах, скрыться бы куда-нибудь, никого не видеть и не

слышать! Во рту была оскомина от выпитого, и он сердился на себя, что не отказался, как бывало, уступил. То-то они и обрадовались: этой рюмкой он как бы спустился со своего аскетического этажа, сравнялся с ними. «Ну уж дудки»!

— Геш!— с досадою окликнула Клавдия.— Ты что, так уж устал, голуба?

Как было бы у них все по-другому в доме, умей он быть таким, каким хотелось ей! Но нет, его уже не переделаешь. Да и зачем, зачем? Этих людей, как мошкару фонарь, притягивает мощный свет искусства, спорта и литературы. Всю жизнь они привыкли составлять подножие чьего-то успеха и завидуют таксисту, который провез их общего кумира. Скачкову непонятна была власть этой компании над Клавдией. Интересны они ей чем-то, что ли? Или она пугается, что он уходит на покой,— боится: теперь не поздороваются, перестанут узнавать? Нашла о чем жалеть! Для него ничего не кончилось, все продолжается, как было. И не надо ему ничьего участия, жалости, а тем более забот — он стоит крепко.

Сложившись в кресле, Скачков сидел, потирая лоб, и не вынимал из рук страдающего нервного лица. Кругом молчали, дожидаясь, потягивали сигаретки — и становилось по-скандальному невмоготу. Да что он, язык проглотил? Спас положение развязный Звонарев.

— Милиционер родился!— провозгласил он с громким смехом, и кто-то подхватил — пропало напряжение, а Звонарев, поддернув рукава, уже вздымал в руке, как жезл веселья, бутылку:

— Подставляйте, граждане, посуду!

После длинного, с какой-то непристойной заковыркою тоста взорвался общий дружный хохот. Взметнулись и мелькнули рюмки... Густел дым... Звонарев, душа-парняга, свой в доску малый для любой компании, с бутылкою, в закапанной рубашке, опять кричал и требовал внимания, но где уж там добиться было хоть какой-то тишины: пошло, действительно, поехало!

— ...А я вам говорю: весь неореализм этот... Да что мне ваш Висконти! Что мне ваш Висконти! Вы еще Антониони... Да это же сейчас ни для кого не секрет!

— ...Здравствуйте: это Полетт Годдар жила с Ремарком... Да, Брижит тоже за немцем. Миллионер какой-то... И не второй, а третий раз.

— Да второй же! Первый муж Роже, Вадим.

— А я говорю: третий. Читать же надо, милочка!

Скачков поднялся и незаметно вышел в коридор. Фу-у, здесь дышать хоть можно! Он увидел свет на кухне, подкрался, выглянул из коридора: конечно, Софья Казимировна с пасьянсом. Отгородилась, дверь стеклянную подперла табуреткой. Видимо, и ей обрыдла колготня.

В комнате, где уложена Маришка, темно, свежо: открыта форточка. Скачков почувствовал, как от него несет проклятым табачищем. Удивительно, что и Клавдия привыкла курить напропалую.

— Папа, ты?— окликнул его тихий голосок Маришки.

— Лежи, лежи... Спокойно,— проговорил Скачков, оглядываясь на притворенную дверь. На цыпочках, бесшумно, пронес он через комнату свое большое тело, она подвинулась под одеяльцем, прихлопнула, куда ему присесть.

— Тебя отпустили, да?

— Тс-с...— предостерег Скачков и, наклонившись, поцеловал одну ручонку, затем другую. Все время чувствовал он отвратительный неистребимый запах, которым пропитался там, с гостями. Пиджак ему сбросить, что ли?

— Пап, пап...— звала его Маришка, он разглядел ее блестевшие глазенки.— Пап, давай сделаем темно? Совсем, совсем темно!

— Ну, валяй, действуй... Давай.

— Вот так!— она нырнула с головой под одеяло, затихла там и позвала:— Тебе тоже темно? Совсем, совсем? Тогда давай говорить. Давай?

— Ну, говори, я слушаю... Говори.

— Пап,— доносилось из-под одеяла,— а дядя Вадим, он кто? Он дурак, да?

— Ну, так уж сразу... Так нельзя. Нехорошо.

— Нет, дурак!— она сердито вынырнула из-под одеяла.— Зачем он меня все время щелкает в живот? Позовет и щелкнет, позовет и щелкнет!

— А, плюнь! Не обращай внимания.

Она затихла, как бы обдумывая житейский дружеский совет, затем опять позвала, но спокойно, кутаясь по горло в одеяльце:

— Пап, а почему когда большие падают, то им совсем не больно?

«Видно, с Софьей Казимировной у телевизора сидела!» Вспомнил Решетникова с ногою, как бревно, и потрепал Маришку по головке.

— Всем, брат, больновато, всем. И большим, и маленьким... Ну, будешь спать?

Ворочаясь и подтыкая одеяльце, Маришка обиженно проговорила в темноте:

— Вот и ты тоже: спать. А ты лучше спроси меня, спроси! Ну?

— Да я пожалуйста! Что хочешь...

— Нет, ты спроси: а не хочу ли я конфетку?

— Постой!— он вспомнил апельсины в сумке и вскочил.— У меня получше есть. Постой!

— Только тих-хо!— зашипела на него Маришка, отбрасывая одеяльце и садясь в постели. Он спохватился тоже и на цыпочках, балансируя руками, направился к двери.

— Да тише ты, как слон!— командовала вслед ему Маришка.— Сейчас баба Соня как услышит...

Но в тот момент, когда он крался, замирая, чтобы не скрипнуть половицей, дверь распахнулась настежь, и Клавдия, картинно замерев в проеме, увидела и осудила все: его, с лицом, захваченным врасплох, Маришку, свесившую ноги.

— Ну, вот!— она была зла, кипела в ней неизрасходованная на него досада.— Конечно, нашел себе компаньона по уму! Ко всему надо еще и из ребенка идиота сделать... Марина, ты наказана! Лежать!.. Перед людьми ведь стыдно, перед людьми! Уж ничего не требуют, не просят... но хоть какой-то разговор, хоть слово-то сказать ты в состоянии? Или уж катился бы к своим зна-комым, если тебе так все не нравится!

Прошелестела метнувшаяся с кухни Софья Казимировна, заняла свой пост у кровати. Она как будто и не слышала сердитых слов племянницы, но по лицу, по носу видно было, что мнение ее, конечно же, давно известно.

— Примерный папаша... папашка!— фыркнула Клавдия и ушла.

«Нет, это крест мой, наказание мое!»— войдет она сейчас и скажет гостям. Ну, не скажет, так всем, видимо, даст понять, как ей мучительно, невыносимо,— в кресло плюхнется, нашарит, схватит сигарету... Скачков, загородив собою все окно на кухне, в карманах руки, плечи сведены, качался, успокаивал себя, а между тем прекрасно представлял, как сунется к Клавдии тот же Звонарев, учтиво щелкнет зажигалкой, и пока она, страдальчески пуская клубы в потолок, будет молчать, качать ногой и стряхивать куда попало пепел, компания заделикатничает и притихнет, но в том молчании, в коротких переглядываньях, вздохах будет давнишнее сочувствие хозяйке.

«Войти разве, сказать, чтоб к черту по домам? Вот

будет номер!» Он усмехнулся и вынул из карманов руки. А что? Только спокойно надо, без истерики — войти, остановиться на пороге и ровно, голосом усталым, быть может, потянуться даже и зевнуть... Ну, тут, конечно, Клавдия взовьется, однако — не беда: матч должен состояться при любой погоде! Тут важно появиться на пороге и сказать — концовочку, концовочку рвануть!

Он откачнулся от окна, прислушался: ага, опять загомонили! Ну что ж... И тем же шагом, как привык вести команду, цепочку дружных сыгранных ребят, он направился решительно и твердо, будто заранее настраиваясь на игру, которую нельзя проигрывать ни при какой погоде.

Западную трибуну в упор поливало солнце; становилось невмоготу. Зной уже высушил утреннюю прохладу обширного зеленого поля. Нестерпимо блестели стекла прожекторов на угловатых мачтах и в пустых комментаторских кабинах над центральной ложей.

Шевелев стянул пиджак и остался в легкой рубашке с короткими рукавами. Поздоровевшие председательские руки потеряли мускулистость и округлились, дорогой браслет с часами перехватывал волосистое запястье. Сдув пыль с сиденья рядом с собой, Шевелев аккуратно положил пиджак вверх подкладкой.

— Геш, я тебе вот что скажу...— он ткнул пальцем в переносицу, поправляя большие темные очки.— Ты думаешь, у нас было по-другому? То же самое. У тебя хоть скандал, и все. Ну, выкинул, ну, шум... А я ведь врезал одному, не удержался. Честно говорю. Грозился, гад, в суд подать. Представляешь?

Скачков вздохнул и вытянул ноги, уставился на тусклый блеск начищенных штиблет. Припекало все сильней, но пиджака он не снимал. Сидел согнутый, обе руки в карманах. Скверно, муторно было на душе,— не глядел бы на белый свет.

— Выпил, нет?— осторожно спросил Шевелев.

— Так... малость.— Скачков тронул дужку очков. Хорошо еще, что за очками не видно было бледного измятого лица.— Но это потом уже, после всего.

— В одиночку, что ли?

— Да как-то... Знаешь...

— Ну, понятно.

Внизу, у кромки поля, хозяйничали Татаринцев и Говоров, оба в полинявших тренировочных костюмах, в старых

сохранившихся футболках. Татаринцев, как когда-то на тренировках, задрал на правой ноге штанину. Попав сегодня на стадион, на поле, он оказался в позабытой стихии и впал в неуемный азарт. Вокруг него расстилалось сохнущее после ночной поливки поле, подмывающе стучали накачанные футбольные мячи, старательно носились одетые в самодельную форму ребятишки, наводнившие стадион с самого раннего часа (многие явились с родителями). Размашистая деятельность Татаринцева сделала его как бы главным экзаменатором. Распоряжаясь, он успел сорвать голос. Ребятишки побаивались его и часто теряли мячи, он сердился и требовал повторить упражнение сначала.

Родители ребятишек, как и положено на трудном экзамене, застенчиво, табунчиком, дожидались в отдалении, обмахивались газетами и наблюдали за вдохновенными распоряжениями старого футболиста. В свое время они тоже гоняли мяч, но — так, несерьезно; все же каждый из них чувствовал себя человеком приобщенным и с понимающим видом обменивался негромкими замечаниями с соседом. На пустой трибуне, на солнцепеке, кое-где на длинных рядах терпеливо расположились одинокие фигуры бабушек с вязанием или книгой в руках. Время от времени старушки поднимали голову и сквозь очки интеллигентно поглядывали на все вокруг, как люди, попавшие на стадион по необходимости, впервые.

В проходе под трибуной заинтересованно толпились рабочие стадиона, забросившие все свои дела. За долгие годы на стадионе они не помнили такой суеты, какая затеялась сегодня. Скачков обратил внимание, что каждый из рабочих поздоровался с ним сегодня с особенным почтением: для них он был уже не Гешка Скачков, а уважаемый Геннадий Ильич, руководитель группы подготовки.

С поля к ним наверх, прыгая по рядам, поднялся Говоров, запарившийся, но веселый. Сел рядом, оттянул фуфайку и с облегчением стал дуть себе на грудь.

— Сбежал?— спросил Шевелев.

Говоров, энергично утирая лицо, махнул рукой:

— Да ну его! Ты что, Татарина не знаешь? Псих и псих. Все не по его, все не по нраву! Пускай один мылится, раз такое дело.

Точно — и Шевелев, да и Скачков тоже прекрасно помнили, что угодить Татаринцеву было трудно. Правда, при своей привередливости он любил все делать собственными руками. В то время еще не знали навинчивающихся шипов, не было в команде и сапожника, и Татаринцев сам набирал

шипы всему составу (был вечный жмот: тащил к себе в чемоданчик обрезки кожи, дратву, гвозди). Тогда и бутсы были не такими, как сейчас,— потяжелей и с дополнительным креплением с боков, и с тех лет у Скачкова сохранилась привычка пользоваться длинными шнурками из тесьмы, чтобы можно было перехлестнуть стопу крест-накрест. Он оставался последний, кто применял такую старомодную шнуровку.

— Геш,— позвал Шевелев,— усеки-ка во-он того малого. Видишь, с пятеркой?— Он направил палец вниз, на поле, нацеливаясь на вихрастого парнишку с самодельной цифрой пять на майке. Скачков узнал Алика, из заворотных пацанов на тренировочном поле «Локомотива».

— Знаю,— кивнул он.—Мировой малый. Мощи маленько надо накачать.

— Мощь нарастет,— сказал Шевелев, не переставая наблюдать за тем, что происходило на поле.

Тех, кто принимал сегодня экзамены у пацанов, когда-то знал весь город — игроки «основы», знаменитости,— их вытеснили с поля такие, как Скачков. А теперь и сам он... тоже прежний. Второй день. Или первый, если вчерашний не считать? Годы, неумолимые годы подравняли их всех, и сегодня они, бывшие, стали как бы одной семьей, объединенные своим все же славным прошлым.

Говоров неожиданно фыркнул и толкнул Скачкова в бок:

— Геш, треп идет, будто вышибон дома устроил?— Скачков нервно тронул дужку очков. Не приходить сегодня на стадион было нельзя — договорились с Шевелевым заранее. Но все же как, какими путями так быстро разлетаются по городу слухи?

Заметив, что с ним происходит, Говоров стал утешать, сводить все к смеху.

— Да брось ты, Геш, подумаешь! Ты думаешь, у меня не так было? Или у него?— показал на Шевелева.— Или у Татарина? У всех. Это вашему Маркину одному повезло — как по трамвайному билету выиграл. А остальные... Ты вот его спроси, его,— он засмеялся и ударил Шевелева по плечу.— Помнишь, как ты этому врезал... ну, пустоту-то все не мог нарисовать?

Шевелев скривился и одним пальцем почесал щеку.

— Я уже говорил.

— Вот ханыга был! Бабам от него проходу не было.

— Был!— усмехнулся Шевелев.— Он и сейчас есть. Недавно — не поверишь!— опять встретились. Хотел выс-

тавку у нас в клубе устроить из мазни своей. А в кабинет ко мне ввалился и — рот раскрыл. «Как, говорит, опять это ты?» «Как видишь». На том и разговор весь.

— Однако ты, Геш, напрасно сделал,— наставительным тоном старшего заметил Говоров.— Зачем ты с ними Клашку-то отпустил? Ну, да я думаю, что она сама не дура распоследняя.

Отпустил! Он вообще не помнил, как все произошло. Какое-то подмывающее помрачнение рассудка, похожее на то, когда он впервые забил свой ответственный гол. Кажется, кого-то пришлось взять за шиворот, кажется, ему грозили милицией... Удивительно, что он никак не отреагировал, когда уносили завернутую в одеяльце Маришку. Видимо, она спала и не проснулась... Оставшись один в покинутой всеми квартире, он сразу же, едва затихло в подъезде, с ожесточением принялся стаскивать на кухню всю грязную посуду, очищать комнату, где намеревался жить. Распахнул окно... По запарке, под настроение хотел было тут же перемыть все и расставить по местам, но вдруг задумался, остановился,— на глаза попалась недопитая бутылка. А, черт! Попробовать, что ли?..

Утром он едва разлепил глаза. В привычку у него вошло здоровое мускулистое начало дня — теперь он застонал и не сразу сообразил, где он и что с ним происходит. Хорошо еще, что имелась большая, неотложная обязанность: отбор мальчишек на стадионе, иначе от одного вида всего, что его окружало в разграбленной квартире, можно было сойти с ума. И он ушел, оставив все, как есть: размокшие окурки, полная раковина тарелок и чашек, крошки и объедки.

Он не сомневался, что Клавдия у Звонаревых. Где-то в глубине души — сразу же, едва он умылся, подставил голову под кран — была надежда, что все еще направится и уверенность в благополучном (в общем-то!) исходе помогла ему не запаниковать, не побежать искать по городу. Сейчас он думал о Маришке так же, как обычно, когда бывал в поездках. Так вот, пускай еще одна, теперь уже последняя поездка. После того, как многое для него закатилось, ушло в прошлое; осмысленность всем его действиям, всей его новой жизни придало существование ребенка. Маришка представлялась ему как бы залогом того, что несчастным он быть не может...

В конце концов на знойной и пустой трибуне они остались втроем, старые соратники по зеленому полю. Татаринцев, стянув фуфайку и отдуваясь, чувствовал себя прекрас-

но: он сегодня сам, своими руками «провернул» важное и хлопотное дело.

— Геш, пацаны в порядке. В обиде не останешься.

К благодарности он не привык.

На прощание Шевелев спросил:

— Когда занятия? Через недельку?

Представив себе целую неделю вынужденного безделья, Скачков запротестовал:

— Ты что? Завтра и начнем.

Понял ли Шевелев, что он хватается за дело, как за спасение от домашней пустоты?

— Ладно, Геш. Только вот что: тут еще могут подойти. Ты тогда сам распоряжайся.

— Договорились.

Он вышел через служебный подъезд, к которому в дни матчей одна за другой подкатывают новенькие сверкающие автомашины. В вестибюле было пусто и прохладно. Тень от трибуны, постепенно укорачиваясь, спасала и крыльцо. Направо, у закрытого газетного киоска, всхлипывал худенький мальчишка в майке с номером на спинке и в кедах. Скачков разглядел, что ноги маленького футболиста покрыты цыпками, колени сбиты. Пожилая женщина с зонтиком, видимо, бабушка, утешала мальчишку, ласково выговаривала ему и пыталась прижать к груди, тот сердито вырывался и плакал еще горше. Как видно, случилось что-то непоправимое. Скачков медленно подошел.

Виновником слез мальчишки оказался Татаринцев: придрался к чему-то на испытаниях и отказал зачислить в группу.

— Ну вот, а ты и расплакался,— неумело утешал Скачков.— Как звать-то́?

Бабушка смотрела на Скачкова настороженно, готовая, если потребуется, решительно выступить в защиту. Но мальчишка узнал футболиста и быстро, торопясь, вытер глаза рукавом.

— Се-режка,— в два приема произнес он, не удержав последнего всхлипа.

Скачков стоял над ним взрослым снисходительным дядей. Он обежал мальчишку взглядом и отметил про себя, что все они, будущие, подбираются один к одному: худощавые, легконогие, как жеребята, ничего лишнего. Выросли они, как можно догадаться, вблизи от футбольных полей и с самых ранних лет обречены на сладкую и мучительную привязанность. Та же знакомая «пятерка», Алик... Мыслен-

но Скачков видел его старшим группы — не по возрасту, конечно, а по мастерству.

— Ну ладно, хватит реветь. Учишься хорошо?

Мальчишка опустил лицо и неопределенно пожал худеньким плечом. В растянутый ворот видна была бледная ключица. Напряженно пульсировала жилка на шее.

— Двойки, тройки есть?

Быстро глянув в лицо Скачкова, мальчишка еще ниже нагнул трепетную шею.

— Тройка. Одна. По черчению... Но я исправлю, Геннадий Ильич! Честное слово! У меня рейсфедер мажет.

Столько было надежды, столько мольбы в его заплаканных глазах! Бабушка с зонтиком под мышкой выжидающе молчала.

— С тройками, старик, дело не пойдет. Надо поднажать. Договорились? Ну тогда давай, приходи завтра. В десять.

— Да вы что, Геннадий Ильич!— мальчишка, зажмурившись от счастья, прижался лицом к бабушке.

— Спасибо вам,— церемонно поклонилась бабушка и рукою в нитяной перчатке потеребила косицы выгоревших волос на тоненькой Сережкиной шее.

А впереди был еще целый день!

Где-то на гремучей от трамвая улице Скачков увидел в подвальном этаже пельменную и ощутил голод. В пельменной влажная духота казалась осязаемой — не воздух, а наваристый бульон, который подавался в металлических тарелках! Из раздаточного окна несло зноем. Люди, утираясь, тесно сидели за столиками и торопливо ловили ложками горячие, скользкие пельмени.

Ближе к центру стали попадаться чистенькие кафе, в этот час совсем пустые. Интересно было прожить в городе всю жизнь и не знать, что в нем имеются такие уютные, прохладные заведения. Приходилось осваиваться заново, как приезжему. Он вошел и устроился за угловым столиком: снял пиджак и повесил на спинку стула, отстегнул запонки и закатал рукава. Фу-у... здесь хоть можно дух перевести! Он заказал яичницу, а пока принялся жевать твердые, как шайбы, беляши, запивая их ледяным лимонадом. Хорош здесь лимонад!

Расположился он надолго. Торопиться незачем, да и некуда. Домой? Бр-р... чем позднее он туда вернется, тем лучше. Он потребовал еще одну яичницу, затем, растягивая время, долго тянул душистый, умело сваренный кофе. Нет, здесь прилично, тихо, надо запомнить. Неожиданно он снял очки и положил ладонь на утомленные глаза. На базу бы

поехать, но там сейчас мертвый час, потом Арефьич, видимо, проведет легкую разминку, потом ужин и — на автобус в аэропорт. Для него, с его праздностью, с обилием свободного времени, которое совершенно некуда девать, на базе места уже нет.

Какой все-таки большой, уныло долгий день! Привыкший жить по графику, в постоянном ожидании календарных встреч, Скачков изнемогал от пустоты, в которой очутился. Раньше он жил, не имея времени остановиться. Теперь же... Интересно, куда они ухитряются девать такую уйму времени? Он вспомнил, что Клавдия могла легко и увлеченно провести у телефона всю первую половину дня.

На миг мелькнула вспышка вчерашнего, и Скачков снова прикрыл глаза рукой. Не было ли сказано вчера чего-нибудь, как и во всякой ссоре, лишнего? Потом еще: он вдруг подумал, могло ли произойти такое, скажем, у отца с матерью? И сам же удивился: никогда! У них все было иначе, по-другому. Недаром Анна Степановна считала, что семья может начаться с влюбленности, с любви, однако настоящий союз двух людей, которым суждено пройти через многие годы, надежно опираясь друг на друга, складывается под влиянием детей, взаимного уважения и такой, казалось бы, обыденной вещи, как привычка совместной жизни. И вот сейчас, про себя, втихомолку, Скачков вынужден был признать, что ничего или почти ничего из того, о чем говорила мать, у них с Клавдией не было, даже этой самой привычки одного к другому,— просто они не успели, не имели возможности привыкнуть. Оставалась лишь Маришка, и может быть, оттого Скачков испытывал к этому маленькому ласковому существу какое-то звериное чувство любви.

В конце концов он решил, что теперь вроде бы представилась возможность поступить так, как ему хотелось. Скажем, осенью, в погожую нежаркую пору забрать Клавдию с Маришкой и закатиться в Батуми на месяц, а то и на полтора. Маришка, коричневая, словно шоколадка, будет бегать по прибою, топотать ножонками и визжать...

Очнулся он от голоса официантки, встряхнул головой и поспешно натянул очки. Да, да, сказал, еще кофе, чудесный кофе... Когда она отошла, Скачков окончательно пришел в себя и непроизвольно хмыкнул: надо же, задремал!..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На улице, высматривая машину с зеленым огоньком, Скачков дождался, когда за рулем оказалась девушка, не парень. В последнее время у них в городе водителями такси стало работать много девушек. Он не стал садиться к парню, боясь неизбежных расспросов. Узнает, не отвяжешься! На всякий случай он забрался на заднее сиденье и сказал ехать в аэропорт.

Город был в огнях, вечерний развлекающийся город. Девушка за рулем вела машину без лихости, но уверенно, раньше всех срываясь с места после остановок перед светофорами. За городом вырвались на прямую ровную магистраль, Скачков откинулся и закрыл глаза.

На последних километрах перед аэропортом обогнали большой красный автобус с потушенными внутри огнями. На том месте, где обычно сидел он сам, Скачков разглядел задорный чубчик Кудрина. Он тронул водителя за плечо и попросил сбавить ход. Они пропустили автобус вперед и поехали следом.

На площади перед сиявшим зданием с высокой надстройкой автобус остановился у самой ограды. Скачков открыл дверцу машины, но спустил только ноги, а вылезать не стал. Он видел: из автобуса первым сошел Матвей Матвеич с чемоданчиком в руках, за ним повалили ребята. Соскочил Кудрин и завертел головой, кого-то высматривая. Скачков прикрылся дверцей, чтобы его не увидели. Девушка за рулем несколько раз с недоумением оглянулась на него.

— Подождите. Сейчас поедем,— сказал Скачков.

Команда потянулась в накопитель перед выходом на поле. Потом он увидел густую толпу пассажиров. Футболисты держались своей группой, позади всех. Шагая по полю, ребята часто оборачивались и поднимали руки. Скачков вышел из машины и приблизился к ограде. Вцепившись в металлические прутья, он смотрел за посадкой напряженно и страстно, как будто все еще зависело от него: броситься сейчас вперед и быстро занять свое место (в душе он ощущал нетерпеливое подмывание, как на поле, перед рискованным порывом). Но вот угнали трап, самолет стал с тяжким низким гулом разгонять моторы. Потом он тронулся, пополз и скрылся в глубине обширного поля, где узенькими просеками в темноте горели разноцветные огни. Через некоторое время он взревел еще грозней, разбежался и вдруг стал виден, круто поднимаясь в небо. Скачков стоял, задрав голову. Команда

улетела без него. Он представлял, что сейчас делают ребята. Стороженко, едва уселся, скинул туфли, чтобы дать отдых ногам. Владик Серебряков уединился с томиком стихов. Матвей Матвеич, распустив чрево, невнимательно просмотрит газеты и устроится для сна. Кому-то подошла очередь на зачитанный детектив...

Резкий стук дверцы автомашины вывел его из задумчивости. Девушка-водитель, не переставая удивляться странностям пассажира, вытирала тряпкой ветровое стекло. Скачков машинально отметил, что в том, как она ловко умывала машину, видна была природная женская сноровка. У парней это выглядит совсем иначе.

Он дождался, пока в ночном небе не утих отдаленный рокот улетевшего самолета и побрел к машине. За последний день он словно постарел — так тяжелы были его шаги.

— Поехали.

Машину он отпустил возле дома, недалеко от перекрестка, где обычно выскакивал из автобуса с командой. В нем еще пульсировало возбуждение, будто он до сих пор видел огоньки на плоскости забирающегося в небо самолета. Постепенно острота прошла, он посмотрел наверх, и темный ряд знакомых окон напомнил о мерзком запустении необитаемой неубранной квартиры. Он медленно направился в магазин. Следовало привыкать жить по-новому, и он подумал, что для закупок у него нет с собой ни сетки, ни кошелки. «А, что-нибудь куплю, и ладно!»

В магазине было многолюдно, как всегда в последние минуты перед закрытием. Лихорадочно работал винный отдел, Скачков благоразумно обошел его. Впоследствии он не мог понять, что заставило его соблазниться рыбой, живой рыбой, остатки которой бойкая продавщица в засаленном фартуке и в рукавицах вылавливала из бассейна сачком на длинной ручке. Засунув в целлофановый пакет мясистого карпа, она бросила его на весы и вытянула шею, следя за бегающей стрелкой. Карп бился и панически двигал жабрами. Рассчитываясь, Скачков попросил налить в пакет воды.

— Этого у нас хватает!— воскликнула продавщица.

Зажав в руке устье пакета, Скачков увидел глаза ожившего карпа. Взгляд рыбы показался ему осмысленным, едва ли не благодарным. И он заторопился домой, решив пустить карпа в ванну. Там он совсем оживет.

Утреннее пробуждение было внезапным, будто ночевал он не дома, где просыпаешься медленно, со вкусом, а в

чужом незнакомом городе, где сразу же после сна необходимо приниматься за множество неотложных дел.

В первую минуту ему показалось, что в квартире кто-то был, и он на миг ощутил радость, словно ничего у него не изменилось, а все происшедшее в последние дни — недоразумение, нелепая выдумка, сон...

Разочарованно зевнул и сел в постели. М-да... Все же как ни прибирай, а запустение не исчезало. Даже простыни постелены как-то криво, наспех, по-холостяцки. И вон, на плетеном ночнике, последнем приобретении Клавдии, носок висит. Видимо, вчера забросил, когда раздевался... А в Баку сейчас Арефьич поднимает ребят на утреннюю разминку. Пожалуй, встали уже, побежали. Зеленая лужайка, утро, хохмы Кудрина...

Сидел, зевал, мотал спросонья головой и вдруг захлопнул рот: кажется, в квартире в самом деле кто-то есть! На цыпочках стал красться в коридор, прислушался: да, вот опять... не то плеск, не то... Фу ты, боже мой, да это же вчерашний карп! Смотри ты, как развоевался!

В кухне он долго пил из-под крана, глотая крупно, по-лошадиному, и вдруг оторвался, закрыл воду, чтобы лучше слышать. Опять ему показалось, что он в доме не один! Карп, тот продолжал плескаться, однако на этот раз как будто щелкнул замок входной двери. Шаги в коридоре... Не разгибаясь, он прислушивался и ждал. С губ его капало. Кто бы мог прийти? Клавдия? Только она имела ключ от квартиры.

Из коридора тихо показалась Анна Степановна, в черном платочке, с кошелкой в руках. Мать с сыном, встретившись глазами, несколько мгновений смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не двигаясь.

Первым опомнился Скачков.

— Мам... напугала-то! А я уж думал...

Анна Степановна прошла на кухню, Скачков пропустил ее, невольно прикрывая спиной груду грязной посуды в раковине под краном. От посуды исходил мерзкий застарелый запах, и Скачков успел подумать, что за паскудная привычка давить в тарелках окурки.

— Тут... это самое... Клавдия гулять ушла с Маришкой.

Получилось не совсем убедительно. Он сконфуженно щелкнул резинкой от трусов и убежал к себе одеться. Натянул тренировочные брюки, фуфайкой покрыл спину и завязал рукава узлом на груди. Шел назад и лихорадочно соображал: что же говорить-то? Как ни ловчи, а объяснять все равно придется. Вот расстроится!

Мать он нашел плачущей. Сидит, кошелка на коленях, руки на кошелке и, не утирая слез, смотрит, смотрит на заваленную раковину.

— Мам... Ну что ты, в самом деле? Ну, подумаешь...

Он близко подошел к ней, Анна Степановна, не вставая, обняла его заматеревший мускулистый торс, прижалась лицом, и это материнское движение заставило Скачкова двинуть горлом и слегка откашляться; он едва сдержался, чтобы не взять ее на руки, легонькую, высохшую от переживаний и болезней.

— Перестань, мам...

Поймав под подбородком уголок платочка, Анна Степановна промакнула глаза — один глаз, другой.

— У нас она, сынок. Все у нас. Вчера явились. Мы уж спать укладывались.

Скачков даже отпрянул: Клавдия?! Но он уверен был, что она у Звонаревых. Как же получилось? Ему и в голову не приходило, что она может вспомнить о свекрови. Оказывается, все правильно, сначала они так и поступили: нашли пристанище у Звонаревых. Однако сколько можно? Да и Маришка не давала никому заснуть, плакала и просилась домой. Валерия к утру до того расстроилась, даже не вышла к чаю... И вот Клавдия переломила гордость и приехала в железнодорожный поселок.

— Чего делить-то нам, сына?— рассказывала Анна Степановна.— Или мы чужие ей?

Скачков сжал лицо с такою силой, словно боялся, что оно рассыплется. Значит, так... Значит, Звонаревы... Хороши друзья-приятели! Ну да к лучшему. Сам он в этом никогда не сомневался.

Анна Степановна рассказала еще, что Софья Казимировна собирается уезжать к сестре в Пятигорск, и Клавдия вроде бы ее не отговаривает. Маришка сейчас веселая, вместе с Максимом Ивановичем поливают садик. Отец, как ей сказали, в отъезде, она все ждет, когда они отправятся в зоопарк.

— Выпил, что ли... кутерьму-то затеял?— спросила Анна Степановна, окончательно приводя лицо в порядок и доставая из кошелки газетный промасленный сверток.— Отцу бы сейчас сказать! И в кого ты такой пошел? Садись, ешь. Голодом, поди-ка, сидишь, на сухомятке.

Пока она разворачивала сверток, Скачков приподнялся, заглянул и жадно потянул ноздрями. Его любимые пирожки с картошкой, его и отца! Еще теплые, румяные, сохранившие шершавый жир скворчавшей сковородки. Он

аппетитно крякнул и откусил сразу больше половины пирожка. Щеку у него раздуло. Объедение!

— Чаю не согреть?— домовито спросила Анна Степановна, принимаясь убирать на кухне. Она нашла нарядный фартучек Клавдии, завязала на спине тесемки. Скачков, вдохновенно прожевывая, отъехал в сторону и подгреб к себе всю кучу пирожков. Молодец мать, знает его аппетит!

Анна Степановна чиркнула спичкой, чтобы зажечь плиту, но не зажгла, закрыла кран, спичка догорела у нее в руке.

— Сына... или это кто выдумывает? Говорят, ты к Женьке опять повадился?

От неожиданности Скачков поперхнулся, потом зажевал еще энергичней, деловито облизал пальцы.

— Мам... ну ты-то! Ну что в этом такого? Если даже и заехал. Вот зла даже не хватает! Болтают что попало...

— Не надо бы, сына,— тихо выговаривала Анна Степановна, не поворачиваясь от плиты.— Что уж теперь? И ребенок вон... Да и вообще...

Как ни бодрился Скачков, предательская краска не сходила с его щек. Хорошо еще, что мать не обернулась! Но она, конечно, понимала все, обо всем догадалась.

Он вспомнил, что в тот вечер Клавдия была взвинчена с самого начала. Это, конечно, тоже сыграло свою роль. А он, дурак, тогда ничем не помог ей развеять подозрение, не догадался, что катастрофа надвигалась. Это было началом его покаянных мыслей о себе и о своей семье, если только она еще существовала. Надо полагать, существовала, наверняка существовала, если Клавдия сделала выбор и явилась не к кому-нибудь, а к Анне Степановне.

В десять часов Скачков, сытый, выбритый и тщательно одетый, поцеловал мать в щеку и отправился на стадион. Сегодня, в первый день, он рассчитывал явиться за полчаса до начала занятий. Анна Степановна осталась наводить порядок. Клавдия отдала ей свой ключ от квартиры.

Скачков шагал, ощущая бодрость во всем теле. Шаг был упругим, прямой посадка головы. Ловко и удобно сидел на нем отглаженный костюм. Клавдия всегда следила за тем, как он одевается. В компаниях, где неряшливость была как бы законом, он неизменно выделялся аккуратностью и чистоплотностью. В этом Клавдия его не осуждала, делала уступку. Теперь ему казалось, что его фигура, выправка его дисциплинированного тела лишний раз подчеркивала, что он постоянно оставался самим собой и в этом было его преимущество,— он устоял на своем

месте, а в решительную минуту чем-то помог и Клавдии, не оставил ее в одиночестве. Во всяком случае ее окончательный выбор говорил как раз об этом.

Поняла ли она, что жила не так, стремилась не к тому? Скачков не сомневался, что так оно и было. Сам же он, разумеется, отдавал себе отчет, что после того месяца, в Батуми, у них по существу не выдалось ни одного свободного дня, вернее, не находилось у него, чтобы отдать и посвятить его семье по-настоящему (как этого хотелось Анне Степановне). Он считал, что с тех семейных дней у моря у них с Клавдией все идет и развивается нормально, на самом же деле все эти годы они теряли то, что накопили, успели накопить за какой-то один месяц и расходились все дальше, дальше. Он терял ее, она — его. И кто знает, если бы не скандал, когда он вдруг решился проявить характер, оба они могли оказаться на совершенно пустом месте, отдаленные друг от друга настолько, что пути назад не было бы.

А сейчас? Начинать все снова?

Тогда, в Батуми, он часто просыпался по ночам и, приподнявшись на локте, подолгу смотрел на спящую жену (да, жену, потому что они обо всем договорились сразу же, едва он ее встретил). Все-таки она совершила героический поступок, решившись прилететь! Как ни рассуждай, а наплевать на тетку, перечеркнуть все сразу... Значит, чтобы быть с ним, ей пришлось что-то преодолеть, сломать и сделать выбор. Почему же они вдруг оказались порознь?

Он шел, помахивая небольшим чемоданчиком с уложенными кедами и тренировочным костюмом, шел, рассуждал и вспоминал.

Однажды — было это в первый их совместный год, Клавдия ждала ребенка, нервничала, а «Локомотив» летел, кажется, в Польшу на товарищеские игры — она, боясь остаться без него, одна, спросила: хочется ли ему самому улетать в такое время? Скачков, конечно, сразу понял, что крылось за вопросом. Клавдия страшилась приближающихся родов и почему-то цеплялась не за тетку Софью Казимировну, за него, за мужа. Она, кстати, знала, что он имеет право пропустить товарищеские встречи,— ничего страшного. Но сам-то он, один из основных в команде и капитан?

— Да как тебе сказать...— занудил Скачков, ломая в нерешительности пальцы.

— Только честно, Геш!— потребовала Клавдия.

Он пересилил себя и взглянул ей в глаза:

— Да, я должен.

В оправдание ему хотелось пуститься в объяснения о своих обязанностях перед командой, но он смолчал. Он видел: Клавдия ждала от него совсем не такого ответа. Она надеялась, что он поймет ее тревогу и сделает эту одну-единственную жертву... С минуту она сидела молча, потом сказала:

— Хорошо еще, что ты не врешь.

А он привык не врать. Он с детских лет усвоил правило (не обошлось, правда, без отцовского ремня): солгать легко вначале, зато потом бывает грязно, тяжко,— стыдно посмотреть в лицо, сказать же правду трудно, неприятно, и многим приходилось обижаться на него за его резкость, однако правда не бывает сладенькой, зато потом у человека на душе не остается никакой оскомины.

Тогда же, в его последний вечер перед отлетом в Польшу, Клавдия сказала, что он, как видно, счастлив лишь на поле, когда вокруг борьба, сражение, когда вокруг товарищи, соперники, и мяч стучит не умолкая, и не прекращается волнение трибун. В голосе ее Скачкову показалась ревность, непроходящая устойчивая зависть к той половине его жизни, которую он проводил под грохот стадиона, ради которой мог забыть и забывал о многом, даже очень важном.

Он тогда пожал плечами и улыбнулся:

— Не знаю, Клаш. Я об этом не думал. Там об этом некогда думать.

Она стала настаивать: когда же в таком случае их брат, спортсмен, задумывается о счастье, напрягает эти свои полторы извилины?

Он не обиделся и снова улыбнулся, словно извиняясь, что не может сказать ей ничего толкового:

— Наверное, когда несчастлив. А так... Некогда. Да и незачем. Я тебе правду говорю.

Клавдия задумалась, потом вздохнула:

— Наверное, ты прав. Наверное, я сама живу не так.

Да, да, так она и сказала — теперь он вспомнил. Значит, она об этом думала еще тогда, давно? Если бы ему в то время догадаться и обратить внимание на это ее вынужденное признание! Так нет же,— вылетело из головы, не задержалось... Трудно ей, бедной, приходилось. У него было любимое занятие, а на ее долю оставалось одно сплошное ожидание. Впрочем, разве смог бы он хоть что-то изменить в своих обычаях, в своей привязанности, преданности? Едва ли, ох, едва ли! Ему казалось и сейчас,

что получи он вдруг возможность все начать сначала,— он, право же, прошел бы тот же самый путь... ну, может быть с какими-то поправками, которые как будто бы еще не поздно и сейчас... Да, кое-что можно еще поправить и сейчас!

Возле стадиона Скачкова первым встретил худенький Сережка. Парнишка дожидался его на вчерашней скамейке возле газетного киоска,— сидел, сложившись пополам, ноги в обнимку, подбородок на коленях.

Скачков удивился:

— Ты чего здесь один? А ребята где? Не собрались еще?

Сережка неохотно разогнулся, встал.

— Да нет, там все,— и мотнул головой в сторону служебного подъезда.

— Так, а ты чего? Пошли-ка давай,— и Скачков приобнял его, повел с собой.

Мальчишка топорщился, угадывалась в нем какая-то затаенная обида. Он, видимо, и дожидаться вышел специально на вчерашнее место, все глаза проглядел. Расспрашивать Скачков не стал — сейчас все и без того откроется. «Ах вы, люди-человеки!»— думал он, примерно соображая, что могло произойти у ребятишек.

В вестибюле было оживленно, глаза мальчишек сразу же уставились на Сережку, притихшего под рукой Скачкова. За распахнутой настежь дверью зеленела середина отдыхающего поля.

Здравствуйте, ребята!— бодро рявкнул Скачков, быстро обегая взглядом настороженные рожицы мальчишек.

Ему ответил дружный, но нестройный хор.

— Отставить!— скомандовал он.— Что это за ответ? А ну-ка, еще разок!

Новое приветствие грянуло с такой силой, что где-то в конце гулкого пустого коридора под трибуной послышались бегущие шаги. Выскочил встревоженный дежурный, узнал Скачкова и успокоился, вытер жующие губы.

— А-а, Геннадий Ильич... Что, начинаете?

— Сейчас начнем.

— А я вам раздевалочку приготовил, специально вашу,—прожевывая, говорил дежурный.— Потом, если охота будет, заходите, чайком угощу.

— Спасибо.

Присматриваясь к группе, Скачков заметил, что среди ребят уже начинает утверждаться авторитет старших и,

видимо, более умелых. Эта внутренняя иерархия у мальчишек складывается сразу.

— Алик,— позвал он,— вот вам еще один. Его зовут Сережка.

Новичок стоял с опущенной головой, не смея поднять глаз. У Алика презрительно дрогнули ресницы.

— Геннадий Ильич, это правда, что вы ему велели приходить?

— Конечно. А в чем дело?

— Так его же смотрели вчера!— Алик упер руки в бока и стал покачивать коленкой.— Вы у него левую не видели? Сопля, а не нога. Чего с ним возиться, время зря терять?

Под рукой Скачкова мучительно напряглось плечо Сережки, на склоненной шее зубчиками выступили позвонки. Суровый народ эти пацаны, ни жалости, ни снисхождения!

— Так нельзя, старик. Не все сразу, научится. А парень он футбольный, это я тебе точно говорю. Возьмите его и... бросьте, знаешь, это самое... бросьте! Чтобы я больше не слышал.

Вслушиваясь в аттестацию руководителя, Алик наклонил голову к другому плечу и всмотрелся в новичка внимательней, словно отыскивал в нем то, чего не замечал раньше. Перемена в настроении коснулась всей группы. С этой минуты судьба Сережки была решена — строгое сообщество маленьких футболистов приняло его и признало.

— Ладно,— изрек Алик и, подмигнув кому-то из своих, дружески пихнул Сережку в бок.— Пошли тогда.

Переодевшись в знакомой старой раздевалке, Скачков усмехался и крутил головой: не мог забыть, с каким уверенным достоинством держался маленький предводитель группы. Старый футболист угадывал повадку будущего капитана, за чьей надежной спиной на зеленый прямоугольник поля через несколько лет потянется дружная цепочка одиннадцати мастеров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тайны спортивного характера 3
Глава первая 5
Глава вторая 24
Глава третья 41
Глава четвертая 57
Глава пятая 80
Глава шестая 87
Глава седьмая 126
Глава восьмая 136
Глава девятая 148
Глава десятая 159
Глава одиннадцатая 177
Глава двенадцатая 188
Глава тринадцатая 196
Глава четырнадцатая 211
Глава пятнадцатая 226
Глава шестнадцатая 254
Глава семнадцатая 271
Глава восемнадцатая 285
Глава девятнадцатая 314
Глава двадцатая 327

Николай Павлович Кузьмин

ДВА ОЧКА ПОБЕДЫ

Повесть

Редактор *О. Поповиченко.* Художник *М. Мухин.* Худ. редактор *Л. Тетенко.* Техн. редактор *Н. Галицкая.* Корректор *А. Ракишева.*

ИБ 2442

Сдано в набор 05.10.83. Подписано в печать 13.02.84. УГ17058. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 3. Гарнитура «литературная». Высокая печать. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отт. 17,8. Уч.-изд. л. 19,9. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1076. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «ҚІТАП» Государственного комитета Казахской СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

1 р. 40 к.

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

ДВА ОЧКА ПОБЕДЫ